

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Спасибо, что выбрали форум Бакши [buckshee-Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни. Приятного чтения!](http://buckshee-Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни. Приятного чтения! http://buckshee.petimer.ru/) <http://buckshee.petimer.ru/>

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Настоящее издание содержит достаточно много интересной и познавательной информации для любителей спорта, спортивной истории и статистики.

На наш взгляд, особого внимания заслуживают и весьма своеобразный подход автора к процессу сбора материала, о чем он сам красноречиво говорит в самом начале, а также избранный им для издания подобной тематики не совсем обычный литературно-художественный стиль изложения.

В этой связи издательство посчитало целесообразным сделать максимально дословный перевод и редактирование книги с той целью, чтобы читатель имел возможность не только получить интересующую его информацию о спортсменах и их времени, но и достойно оценил способности автора, ухитрившегося создать свой опус что называется «на коленке», да к тому же еще таким образом, что в рамках сотни спортсменов нашли место не только всемирно известные (как, например, Пеле и Марадона), но и мало кому известные или известные только самому автору и его приятелям-консультантам. Впрочем, как признается сам Б. Шугар, одной из его целей было спровоцировать несогласие и даже, возможно, возмущение некоторых читателей в отношении спорного списка великих спортсменов мира, тем самым вызвав дискуссию, и, как следствие, ажиотаж вокруг книги, пусть даже и несколько искусственный.

При чтении надо делать скидку и на то, что подавляющее большинство персоналий американские, поскольку сосредоточение на национальных кумирах является ярко выраженной особенностью американских авторов. В этой связи приходится только сожалеть, что многоуважаемый автор не посетил Россию, где при столь специфическом подходе к процессу создания книг подобного рода он бы не только встретил понимание самой широкой публики, но и почерпнул бы для себя столько полезнейшей информации о наших великих спортсменах, что ее с избытком хватило бы еще как минимум на пару-тройку подобных изданий.

А посему, дабы восполнить этот пробел, мы посчитали нелишним в качестве приложения опубликовать весьма скромную информацию о некоторых великих отечественных спортсменах. Так как объем издания ограничен, мы вынуждены были упомянуть лишь небольшую часть из той громадной когорты настоящих героев спорта, многие десятилетия отстаивавших честь нашей страны на спортивных аренах мира. Поэтому просим заранее извинения у всех, кого мы не включили в данную книгу, а заодно и у читателей, возмущенных тем, что, по их мнению, мы не упомянули многих великих спортсменов, о которых они хотели бы прочитать. В дальнейшем мы постараемся существенно дополнить и обновить материалы книги.

ОТ АВТОРА

На первый взгляд задание издателя Стива Шрагиса показалось несложным. Надо составить книгу о не столь уж многочисленных великих спортсменах всех времен. Вернее о первой их сотне, отобранной мною в произвольном порядке.

Невзирая на то, что к заданию прилагалась небольшая сумма, идея мне понравилась. В конце концов, уговаривал я себя, разве я уже не написал две книжки со словом величайший в заголовке – «Пятьдесят величайших бейсбольных матчей» и «100 величайших боксеров всех времен»? И разве мой коллега Кен Пиккинг из газеты «ЮС Тудэй» не написал когда-то, что я «способен описать пятьдесят величайших в истории съеденных сандвичей, перечислив их по порядку от первого до последнего»?

Идея понравилась еще и потому, что Стив Шрагис предложил ее мне у Раньона, в Ист-Сайдском салуне. И разве такая книга не представляет собой некий улучшенный вариант заключенного в баре пари?

И яко во дни оные, когда религиозная тематика доминировала над всем остальным, когда считали ангелов, разместившихся на кончике иглы, и говорили о прочих

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru чудесах, разве адепты нынешних времен не собираются у своего любимого водопоя и не начинают проделывать аналогичные подсчеты в рамках религии нашего времени – спорта. Только считают они теперь не ангелов. И спорят они над тем, кто из спортсменов просто велик, а кто велик очень.

И посему я начал скитаться в поисках литературного наставления. Я очутился в компании нескольких хранителей священного спортивного огня, которые и одарили меня каждый своим длинным списком имен.

В один из таких вечеров, разыскивая родственные души, я оказался в баре, в компании знатоков спорта. При случае я перевел разговор на мой список «Великих спортсменов всех времен» и немедленно получил новый перечень, причем количество имен заметно превышало необходимую мне сотню. Один из моих новых знакомых начал произносить свой список имен, содержащий фамилии великих бейсболистов и футболистов. Другой, пытаясь сигарой, выкладывал карточки с именами великих баскетболистов. Ну а третий, ехидно заметивший, что некоторые виды деятельности трудно назвать честным спортом – ведь «разве можно считать автогонки спортом?», назвал мне нескольких гигантов легкой атлетики.

И так было весь вечер. Звучали памятные с детских лет имена, сами по себе вызывающие аплодисменты, – так на концерте нередко хлопают песне, а не ее исполнителю.

Обычно если слышу, как кто-то в моем присутствии произносит: «Вот помню в... году», то немедленно тянусь к своему пиджаку, чтобы уйти. Но на этот раз я взялся не за него, а за перо и записал имена всех кандидатов, воспользовавшись для этого салфетками со стола. Уверяю вас, этих салфеток мне хватило бы на целый роман.

Когда весь разговор превратился в поток сознания, изливавшийся неведомо куда, я поднялся вместе с салфетками, извинился и откланялся.

По пути домой я неторопливо переваривал услышанное. Что же это такое, спрашивал я себя, «великий атлет»? Что делает его одним из сотни виднейших? И насколько далеко я могу углубляться в прошлое? Следует ли ограничиться именами, известными поколению MTV, или же стоит спуститься на глубину времен, доступную популярным и еженедельным изданиям? И тут простая идея немедленно превратилась в очень сложную.

Что именно, спрашивал я себя, делает спортсмена великим? Слово это сделалось для меня каким-то неопределенным, подобным воде, принимающей форму того сосуда, в который ее нальют.

Величие атлета не определишь статистическими методами. Все достижения, показанные результаты, количество поражений и побед, чемпионских званий – лишь количественная, а не качественная сторона дела.

Определения приходилось искать на стороне. Тут важна комбинация, уравнение, включающее в себя власть над соперником, восприятие спортсмена публикой, постоянство результатов, память о достижениях, весь блеск, который осеняет действительно великого атлета, как темнота подчеркивала свет в черно-белых фильмах нашей юности.

И, наконец, как определить сравнительную степень величия тех, кого я уже отнес к категории великих спортсменов?

Обалдев от размышлений и чтения пожелтевших газет и вырезок, рассказывающих о минувшей эре, я решил смешать в одном сосуде чужие советы, итоги раздумий и собственное мнение, чтобы получить собственный список и рейтинг величайших атлетов всех времен.

Такой вещи, как объективная истина, просто не существует. Объективное мнение одного человека всегда субъективно с точки зрения другого. Подобные перечни сочинялись и до меня. А потому я стал просматривать чужие списки, интересуясь тем, насколько они совпадут с моим собственным.

Поскольку таких списков ровно столько, сколько найдется экспертов, привожу несколько проверенных годами. Можете убедиться, что двух одинаковых экспертов не

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
бывает...

Величайшие спортсмены-мужчины

(Ассошиэйтед пресс, 1950)

1. Джим Торп
2. Бейб Рат
3. Джек Демпси
4. Тай Кобб
5. Бобби Джонс
6. Джо Луис
7. Ред Грейндж
8. Джесси Оуэнс
9. Лу Гериг
10. Бронко Нагурски
11. Джекки Робинсон
12. Боб Матиас
13. Уолтер Джонсон
14. Гленн Дэвис
15. Билл Тилден
16. Гленн Каннингэм
17. Гленн Моррис
18. Корнелиус Вамердам

Величайшие спортсменки-женщины

(Ассошиэйтед пресс, 1950)

- 1 Бейб Дидриксон Захариас
- 2 Хелен Уилле-Муди
3. Стелла Уолш
4. Фанни Бланкерс-Козен

Величайшие спортсмены-мужчины

(Аргоси, 1975)

1. Джим Торп
2. Бейб Рат

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru

3. Джекки Робинсон
4. Мухаммед Али
5. Билл Рассел
6. Гленн Дэвис
7. Эрни Неверс
8. Горди Хоу
9. Джек Демпси

Величайшие спортсменки-женщины

(Аргоси, 1975)

1. Бейб Дидриксон Захариас
2. Билли Джин Кинг
3. Соня Хени
4. Фанни Бланкерс-Козен
5. Морин Конолли
6. Элис Марбл
7. Стелла Уолш
8. Вера Чаславска
9. Хелен Уиллс-Муди

Величайшие спортсмены

(Боб Оутс, Лос-Анджелес Тайм, 1976)

1. Бейб Рат
2. Мухаммед Али
3. О. Дж. Симпсон
4. Джекки Робинсон
5. Тай Кобб
6. Джон Унитас
7. Джесси Оуэнс
8. Джим Торп
9. Джим Браун
10. Бобби Опп

ДЖИМ БРАУН

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
(родился в 1936 г.)

Прилагательное «великий» относится к таким словам, которые напоминают пустой стакан, ждущий, когда кто-нибудь наполнит его любым содержимым. Словесники, достойные своего призвания, обратятся к внушительному словарю мистера Вебстера, чтобы отыскать там точное определение этого слова. Но чтобы дать вам точное и надежное определение, мы представим вам Джима Брауна.

Джима Брауна можно назвать величайшим бегущим беком в истории профессионального футбола. Однако точно таким же образом можно было бы назвать Бейба Рата величайшим среди леворуких хиттеров в истории бейсбола. Оба они были великими. Нет, много больше. И Браун обладал таким количеством достоинств, что мог распродавать их со скидкой.

Нога этого современного сверхчеловека ступила на скудно населенный остров величия еще в средней школе городка Манхассет, что в Лонг-Айленде, где его спортивные достижения охватывали бейсбол, футбол, баскетбол, бег на дорожке стадиона и лакросс[1 – Лакросс – командная канадская игра индейского происхождения. Игроки команды, состоящей из 10 человек, должны поймать тяжелый резиновый мяч с помощью палки с сеткой на конце и забросить его в ворота противника (Прим. перев.)]. Завоевав пятнадцать школьных наград в пяти видах спорта, он предпочел ограничиться футболом, баскетболом и бегом. Браун не только набирал в среднем 14,9 ярда за пробежку в футболе и 38 очков за игру в баскетболе, но одна из тех историй, что «растут» прямо как нос у Пиноккио, утверждает, что Кейси Стенгель пытался уговорить Брауна играть в бейсбол в системе фармклубов «янки».

Однако невзирая на столь многочисленные таланты, единственным потребителем его услуг оставался Сиракузский университет – и то лишь в частичных занятиях лакроссом. Но прежде чем он оставил университет, достижения его сделались столь же внушительными, как и само учебное заведение.

Браун набирал в Сиракузах в среднем «всего» 13,1 очка за баскетбольную встречу; он стал одним из величайших игроков в истории лакросса. А если послушать стариков – то и самым лучшим, в среднем он имел 5,7 ярда за пробежку, в сумме набрав 2091 ярда и 187 очков, причем 37 из них были получены после заносов; кроме того, он преуспевал на беговой дорожке, а особенно в прыжках в высоту.

Те, кто помнит его по сиракузским дням, до сих пор могут представить себе это 100-килограммовое, отлично вылепленное греческое изваяние, наделенное превосходной, могучей мускулатурой, достойной самого пристального внимания, начиная от широких как дверь плеч до осиной тридцатидвухдюймовой талии, с которой едва не сваливались штаны. На игровом поле эти тяжелые мышцы и могучие плечи сливались воедино, пока он нес мяч или клюшку для лакросса в левой руке, покоя ее как новорожденного, а правая, как бы собственной волей, отталкивала и рассеивала всех, кто пытался встать на его пути, разбрасывая защитников словно кегли.

В Сиракузах до сих пор вспоминают одну игру, ярко продемонстрировавшую его величие на уровне колледжа: матч за обладание «Хлопковой Чашей»[2 – Ежегодная встреча двух лучших университетских команд по американскому футболу, происходящая в канун Нового года. (Прим. перев.)], состоявшийся в 1957-м. Пока отборочный комитет с кислым выражением размышлял над тем, приглашать ему Сиракузы или нет после нескольких постигших эту команду неудач, из которых самой последней был перенесенный разгром 61:6 от Алабамы в «Апельсиновой Чаше»[3 – Ежегодная встреча двух приглашенных студенческих команд, проводящаяся в г. Майами. (Прим. перев.)] 1953 года, Браун взял дело в собственные руки, набрав 43 очка в финальном матче сезона против команды Колгейта при шести заносах и семи дополнительных очках, когда «Оранжевые» победили со счетом 67:6 и завоевали право встретиться в матче за «Хлопковый Кубок» с представителем Юго-западной конференции, Техасским христианским университетом (ТХУ).

Все ожидали, что игра превратится в дуэль между Брауном и знаменитым раннером ТХУ Джимом Свинком. Но на деле матч вылился в поединок между ТХУ и Брауном. Каков был сценарий игры? Его не было, просто Браун бегал, бросал, отвечал на удары, бил сам и забивал. Он принес команде Сиракуз 21 из всех набранных ею очков, хотя его сотоварищи и уступили победу со счетом 27:28. После игры тренер ТХУ Эйб Мартин выразил общее впечатление следующими словами: «Не называть Джима

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Брауна великим игроком может только невежда или слепец».

В ту весну Пол Браун из команды Кливленда, название которой совпадало с его фамилией, искал на ежегодном рынке мускулатуры, иначе говоря на драфте Национальной футбольной лиги четвербека, способного сменить Отто Грэхэма и вернуть «Бурых» к прежним вершинам славы. Однако когда Стилерз выбрали Лена Доусона, шедшего первым номером в драфте 1957 года, и две другие команды также подыскали себе четвербеков, Брауну пришлось возвратиться к доске и взять Джима Брауна.

И когда в самой первой своей выставочной игре Дж. Браун прорвался сквозь оборонительные порядки и приземлил мяч в игровом поле, П. Браун отвел своего новобранца в сторонку и потрепал по защищенным щитками плечам: «Теперь ты мой фулбек». После чего возложил на массивные плечи его все нападение Кливленда. П. Браун использовал Дж. Брауна в середине и на краях поля, так сказать, сочетая в едином лице защиту и нападение. Кроме того, временами он даже пользовался услугами Дж. Брауна в качестве принимающего, совсем как если тебе прислали деньги из дома, когда ты не просил о них.

– Если уж у тебя есть чистокровный конь, – пояснял П. Браун свою идею, – на нем надо ездить.

Сия алхимия принесла немедленный результат, так как «Кливленд Браунз» вновь поднялись на вершины Восточной конференции – в полном соответствии с Провидением Господним и планами Пола Брауна. А Джим Браун, напрягая свое сердце чистокровного коня, занес мяч 202 раза, заработав тем самым звание чемпиона, а в одной из игр с «Лос-Анджелесскими Баранами» показал тогда являвшийся рекордным результат 237 ярдов.

В течение следующих четырех сезонов Джим Браун сделался величайшим носителем после бациллоносительницы Тифозной мэри[4 – мэри Маллон (1870–1938) – работавшая во многих американских семьях кухарка-ирландка, заразившая брюшным тифом более 50 человек, из которых трое умерли. (Прим. перев.)] и завоевал постоянное право на звание чемпиона по переносу, имея в среднем 5,1 ярда за перенос и 1380 ярдов в сумме за сезон. Стиль его на практике представлял собой не стиль, а, как говорил он сам, «использование самых различных способностей». Не располагая «установившейся репутацией бегуна», он умел повернуться, проскользнуть, отрезать соперника, отступить, крутнуться, переступить, выставить плечо, толкнуть, отмахнуться предплечьем и так далее. Нетрудно представить себе Брауна, поворачивающегося, уклоняющегося, расталкивающего разочарованных неудачей защитников, выставляющего вперед руку и с громким треском раздирающего в клочки переднюю линию обороны, а потом, словно узревшего дневной свет, молнией проскакивающего вперед. Непринужденно ускоряясь, он мог оторваться от преследователей, оставив их далеко за спиной.

Однако особенно памятна присущая Брауну манера неторопливо и уверенно возвращаться к схватке после каждого переноса. Медленно оторвав свое тело от земли, он как бы с опаской возвращался к схватке, так, словно ноги его болели, всеми движениями изображая, что ему потребуется по меньшей мере две недели, чтобы вернуться в строй к очередной игре, в то время как на самом деле его инертность была отчасти вызвана желанием рассмотреть оборонительные порядки противника или скрыть полученные ушибы, а также, когда он отталкивался от земли костяшками пальцев, нежеланием касаться холодного грунта ладонями, что, по его мнению, могло бы спровоцировать схватку. А потом вдруг, внезапно и незаметно, словно бы услышав где-то вдали отзвуки трубы Архангела Гавриила, Браун впивался руками в мяч, словно механическая игрушка, и бросался на противостоящих линейных.

Но главное в том, каким другие игроки запомнили 32-й номер. Спрашивать некоторых – все равно что интересоваться у фонарного столба его отношением к мародерам из собачьего племени. Чак Беднарик, вездесущий игрок «Филадельфийских Орлов», назвал его сверхчеловеком. Алекс Каррас, великий полузащитник оборонительного плана, выступавший за «Детройтских Львов», сказал: «Чтобы его остановить, нужно было давать каждому игроку защитных линий по топору». Дик Модзелевски, один из самых широкоплечих защитников в широкой обороне «Нью-Йоркских Гигантов», утверждал, что «лучшего фулбека просто не сотворил Господь. Если NFL прощает еще две тысячи лет, второго столь же хорошего фулбека уже не будет. Чтобы повалить Брауна, мне была нужна помощь всей нашей обороны и Сэма

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru Хаффа». Ну а сам Хафф, сделавший карьеру на борьбе с Брауном, как-то раз устало молвил: «Джима Брауна можно остановить, только пристрелив его на выходе из раздевалки».

Однако в 1962 году его победам пришел конец. В самом буквальном смысле слова. Повредив в начале сезона левое запястье, он был вынужден носить мяч в своей разрушительной деснице. И теперь Браун сделался, по крайней мере в собственных глазах, обыкновенным смертным, забегание его составило «всего» 996 ярдов, пронос за пробежку снизился до 4,3, а чемпионство в заносах перешло к Джиму Тейлору – «Упаковщику» из Грин-Бея.

Весь сезон 1962-го превратился в сплошное разочарование, и не только для Дж. Брауна, но и для П. Брауна и «Кливленд Браунз». Пол Браун обменял Бобби Митчелла за драфтовые права на Эрни Дэвиса, который должен был усилить нападение «Бурых». Однако обладателя «Приза Хисмана» [5 – Ежегодный приз, вручаемый лучшему игроку университетского футбола] сразила лейкемия, прежде чем он успел стать профессиональным игроком, и Джим Браун остался без поддержки, без собрата, способного отвлечь на себя противника. После лишенной блеска компании, в которой Пол Браун постепенно стал удаляться от команды все дальше и дальше – настолько, что можно было уже испытывать уверенность в том, что команда и тренер не займутся пересдачей карт на Рождество, – Пол Браун был выведен из команды ее владельцем Артом Моделлом после непродолжительного бунта самого игрока.

Освободившись от ограничений Пола Брауна, выражавшихся в постоянной смене опекунов и сигналов, Дж. Браун вернул форму в 1963-м, промчавшись по зеленому полю 1863 ярда и заслужив этим еще один чемпионский титул. На следующий год он вновь стал чемпионом, а «Кливленд Браунз» победили в чемпионате НФЛ, опередив «Балтиморских Жеребят», причем Дж. Браун участвовал в тридцати играх при суммарном проносе в 151 ярд. А потом, завоевав свой восьмой чемпионский титул за девять лет, в 1965 году Джим Браун оставил футбол в возрасте двадцати девяти лет, покинув футбольное поле задолго до того, как роль его могла оказаться сыгранной.

Объясняя причины столь раннего завершения карьеры, Браун сказал: «Я оставил игру еще до того, как сделался похожим на многих моих знакомых – сидящих на скамье в шрамах и синяках и подозрительно поглядывающих на всех молодых парней, полагая, что очередной пришелец может занять их место».

Но хотя ему предстояло сменить футбольный стадион на сцену Голливуда, никто еще не сумел занять место Джима Брауна, атлета, так точно определяющего собой слово «великий».

ДЖИМ ТОРП

(1888–1953)

Повесть о Джиме Торпе начинается в 1904 году, когда правнук вождя индейского племени сок и фокс был принят в Карлайл, правительственную школу для индейцев, расположенную в Карлайле, Пенсильвания, и принадлежавшую к числу тех восточных школ, где коренных американцев просвещали путем приобщения к футболу и прочим видам спорта. Всего лишь за год до этого выпускник Карлайлской школы Альберт «Вождь» Бендер с бейсбольной битой в деснице вступил в Главную лигу, где пробыл достаточно долго, чтобы выиграть 210 игр и заслужить избрание в Зал бейсбольной славы. Однако шестнадцатилетний Торп, чей рост тогда составлял всего 147 см, а вес – 52 кг, не испытывал особого интереса к спорту и вместо этого взялся за портняжную иглу, работая в школьной мастерской. Однако по прошествии трех лет рост его увеличился на тридцать сантиметров, чуть позже вес возрос на тридцать два килограмма, а к списку занятий добавился футбол. И не только футбол.

Сказители повествуют, что начало спортивной карьеры Торпа пришлось на весну 1907-го. Торпу, всего лишь год назад сделавшему свой первый и робкий шаг на спортивной арене (он выступил за команду портных в первенстве школы), поручили убрать стадион, после того как легкоатлетическая команда завершила дневную тренировку. Торп, приступивший к своим обязанностям, оказался в секторе для прыжков в высоту, где планка осталась установленной на высоте пяти футов восьми дюймов (примерно 175 см), что соответствовало лучшему результату дня. Прикинув

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru на глазах высоту планки, Торп пробормотал нечто вроде «но это же совсем невысоко». Один из соучеников поинтересовался: «А ты когда-нибудь прыгал в высоту?» – «Не через планку», – ответил Торп. А потом, еще раз глянув на планку, он добавил: «Но если ее может перепрыгнуть конь, то и я тоже сумею». После этих слов он одним движением ноги стряхнул с себя брюки и туфли и непринужденно перелетел через планку.

Единственным свидетелем рождения этой легенды был легкоатлетический и футбольный тренер Гленн С., «папаша» Уорнер, которому самому предстояло стать тренером-легендой. Оценив потенциал молодого прыгуна опытным взглядом сержанта, оценивающего возможности новобранцев, Уорнер решил немедленно взять молодого человека под свою опеку и научить его началам спорта, избавив при этом от любых стилистических погрешностей. Но если Торп и страдал от чего-нибудь, то, пожалуй, от широты интересов, так как он не только играл в футбол и участвовал в соревнованиях по легкой атлетике, но и боролся, играл в баскетбол и лакросс, превосходно боксировал, плавал и стрелял.

Будучи разносторонне талантлив, Торп, поиграв полузащитником в футбольных командах в 1907 и 1908 годах и после трех лет участия в легкоатлетических состязаниях, весной 1909-го покинул Карлайл, отправившись на поиски долларов. Многие, в том числе и Уорнер, полагали, что он просто вернулся в свою родную Оклахому. На самом деле он в обществе двух бейсболистов из Карлайла отправился в Северную Каролину, где все они были приняты в команду «Рокки Маунт» из Восточнокаролинской лиги, младшей лиги, принадлежащей к классу D. В течение последующих двух лет Торп принял участие в восьмидесяти играх, набрал 248 очков и выиграл 19 игр в качестве питчера[6 – Питчер – подающий мяч]. Тем не менее этим, как ему предстояло убедиться впоследствии, он нарушил правила, по крайней мере с точки зрения Любительского атлетического союза.

Летом 1911-го Уорнер, не зная об обстоятельствах жизни выдающегося атлета, прислал ему записку со следующими словами: «Если ты вернешься в Карлайл, я думаю, у тебя есть шанс попасть в будущем году в Олимпийскую команду Соединенных Штатов». И Торп вернулся через несколько недель, а на вопрос Уорнера: «Где ты был?» ответил легкомысленно: «Играл в мяч». Не зная того, что Торп скомпрометировал свой статус любителя, Уорнер начал готовить его к Олимпийским играм 1912 года.

Во время обучения Торпа на последнем курсе Карлайла должен был состояться матч по легкой атлетике между «Индейцами» и «Лафайетом». Встреча была широко разрекламирована, и делегация во главе с тренером «Лафайета» Гарольдом Брюсом отправилась встречать поезд, на котором предположительно должна была прибыть команда Карлайла. Когда на перроне Истона, Пенсильвания, оказались лишь Уорнер и Торп, Брюс недоуменно обратился к Уорнеру: «Что случилось? Мы ждали легкоатлетическую команду Карлайла». – «Вот она», – ответил Уорнер, небрежно указывая в сторону Торпа. Результаты, показанные в одном соревновании, ставшем одним из самых увлекательных спортивных романов, засвидетельствовали победу Торпа, а следовательно и Карлайла, практически во всех видах.

Достижения Торпа на футбольном поле оказались столь же легендарными. После своего возвращения в Карлайл Торп приводил «Индейцев» к победе над крупнейшими футбольными авторитетами своего времени, в том числе Гарвардом, Армией, Пенсильванией, Брауном, Питтсбургом, Миннесотой и Чикаго. Выступая в качестве полузащитника «Индейцев», он совмещал роли нападающего, распасовщика и, при необходимости, блокирующего защитника.

Выступая в 1911-м против Гарварда, он забил четыре полевых гола и совершил пробежку в семьдесят ярдов, заработав все набранные Карлайлом очки в этой заслуженной победе со счетом 18:15, тем самым заставив тренера Гарварда Перси Хотона назвать его «самым лучшим из всех приснившихся кому-либо игроков». В состоявшемся в 1912 году матче с сильной Армейской командой Торп приготовился к удару с собственной десятиярдовой линии. «Они думают, что я буду бить и наши, и армейские, – проговорил Торп, обращаясь к рефери, находившемуся рядом с ним. – Только это не так». И с этими словами Торп изобразил удар и совершил девяностоярдовую пробежку, открыв счет в игре, которую Карлайл выиграл со счетом 27:6. В том же году, играя с «Браунз» в День Благодарения[7 – Национальный праздник США, ежегодно отмечаемый в четвертый четверг ноября и посвященный первому урожаю, собранному на новом месте пилигримами], Торп «уничтожил целую команду», как написал один из обозревателей. «Он разгромил их со счетом 32:0, и

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru все лишь собственными усилиями. Что уж вспоминать о пробежках в пятьдесят и шестьдесят ярдов...» В 1911 и 1912 годах Торп выдвигался во всеамериканскую сборную Вальтера Кемпа, а в 1912-м возглавлял национальный список со 198 очками и 25 заносами. Он являлся, по словам Грантленда Райса, «величайшим футболистом всех времен».

В промежутке между двумя всеамериканскими сезонами Торп сделал остановку в Стокгольме. Некий журналист по имени Френсис Альбертини увидел Торпа на борту лайнера, отвозившего американцев на Олимпийские игры, проходившие в 1912 году. Спортсмен покоем в шезлонге в оцепенении, приличествующем разве что питону после сытной трапезы. Все прочие члены американской легкоатлетической команды занимались усердным трудом, бегая вокруг разложенных на палубе пробковых матов под бдительным тренерским оком. Альбертини, зная, что Торп никогда не объяснял свой успех интенсивными тренировками, приблизился к атлету и спросил: «Что вы сейчас делаете, Джим, размышляете о своем дядюшке "Сидящем Быке" [8 - Вождь, шаман и национальный герой племени сиу (1831–1890), возглавлял восстание против захвата белыми индейских земель]?» Пробудившийся Торп неторопливо открыл глаза и признался: «Нет, я практикуюсь в прыжке в длину. Я только что прыгнул на двадцать три фута восемь дюймов (чуть более 7 метров). Я думаю, что смогу победить в этом виде». И с этими словами он вновь закрыл глаза и погрузился в умственную работу.

Майк Мэрфи, один из тренеров команды 1912 года, человек, придерживавшийся древних взглядов и потому самым романтичным образом полагавший, что атлету положено тренироваться, однажды обнаружил Торпа погруженным в глубокий сон в гамаке, причем в то время, когда ему уже полагалось быть на тренировке. Мэрфи обратился с жалобой к постоянному опекуну Торпа «папаше» Уорнеру, который ответил: «Майк, не беспокойся. Все эти грошовые упражнения, которые ты придумал для Торпа, ему не нужны. Он в форме.. При постоянных занятиях футболом, лакроссом, бейсболом и легкой атлетикой он просто не мог выйти из формы! И этот сон представляет собой самую лучшую тренировку для Джима». В иные времена Торп появлялся на занятиях лишь для того, чтобы осмотреть место для толчка в прыжке в высоту или длину, привязать платок к стойке чуть выше шести футов или положить его дальше чем футов в двадцати трех от доски. После он усаживался под деревом и предоставлял волю своему воображению, обратившись к изучению оставленных им меток с закрытыми глазами.

Но как бы ни относился к тренировкам Торп, успех не разлучался с ним. Выходя на спортивную площадку, он почти всегда оказывался победителем. Для начала он победил в суровом пятиборье, выиграв в четырех видах из пяти, в том числе в прыжках в длину, а потом, пока остальные пятиборцы приходили в себя после соревнований, вернулся на поле, чтобы занять четвертое место в прыжках в высоту. Позже он оказался пятым в прыжках в длину. Потом пришло время десятиборья, в котором ему еще не приходилось участвовать вообще; более того, Торп впервые бросил копье всего два месяца назад. Тем не менее он победил в четырех видах из десяти и добился легкой победы. Когда король Густав вручал Торпу золотую медаль вместе с собственным бюстом, он воздал должное беспрецедентной победе спортсмена сразу в пятиборье и десятиборье следующими словами: «Сэр, вы самый великий атлет мира». На что Торп, как утверждают, ответил «Благодарю вас, король».

Однако подобные способности редко достаются людям безвозмездно. По счетам приходится платить. И платить Торпу пришлось очень скоро. Менее чем через год репортер одного из дешевых еженедельников, подвизавшийся в Ворчестере, Массачусетс, разжился экземпляром «Бейсбольного справочника» за 1910 год и обнаружил там слова «Дж. Торп, "Рокки Маунт"». О своей находке он доложил в Любительский атлетический союз, который, согласно правилам, воспрещавшим оплату за участие в спортивных соревнованиях, лишил Торпа золотых олимпийских медалей и вычеркнул его имя из книги рекордов, невзирая на прошение о помиловании, в котором Торп утверждал, что играл «лишь потому, что любил играть в мяч».

В течение последующих двенадцати лет Джим Торп играл в те спортивные игры, которыми и хотел заниматься, шесть лет он провел в главных лигах – в «Нью-Йорк Джайентс», «Цинциннати Редс» и «Бостон Брейвс», хотя, по правде говоря, продолговатый мяч не давался ему, – и восемь лет в составе только что учрежденной Национальной футбольной лиги, где в качестве первого президента лиги появлялся на поле по торжественным случаям.

Однако горькое чувство не оставляло его до самых последних лет жизни. Золотые

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru медали так и не вернулись к нему[9 – Решение об их возвращении было принято МОК лишь в 1982 году.], и Торп мог лишь заметить: «По крайней мере, они не сумели лишить меня слов короля». Не сумели и не смогли. И для многих – с медалями или без – он остается величайшим среди всех.

БЕЙБ ДИДРИКСОН ЗАХАРИАС

(1914–1956)

До 1932-го про женщин-спортсменок никто, так сказать, и слыхом не слыхивал. Однако в том самом году техасская девушка по имени Бейб Дидриксон, наделенная чертовой уймой талантов, сумела превратиться из курьеза в часть американской истории и своими трудами изменить место, отведенное женщинам в спорте.

Милдред Элла Дидриксон происходила из Бомонта, Техас. В детстве она была сорванцом, преуспевавшим в спорте лучше всех соседских мальчишек. Эта высокая и стройная девчонка, наделенная сильными руками, длинными мышцами, стройными, но сильными ногами и почти идеальными рефлексами, умела все. Она бегала, прыгала, метала, плавала, играла в кегли, ездила на велосипеде, играла в бейсбол, баскетбол, футбол, теннис, гандбол, бильярд и лакросс – и делала это лучше, чем большинство молодых людей ее возраста. И не только ее возраста. Самый пунктуальный из словесников назвал бы отпущенное ей изобилие талантов непостижимым.

Юная девица Дидриксон, получившая к тому времени прозвище Бейб, в честь другого выдающегося «Бейба» своего времени, Бейба Рата, за умение, как говорится в пословице, отправить бейсбольный мяч на целую милю, начала свою фантастическую карьеру в качестве баскетбольной звезды в «Бомонт Хай», набирая в среднем 30 очков за игру. В Бомонте ее застал полковник Мак Комбс и пригласил в свою команду «Голден Сиклонез», базировавшуюся в Далласе и финансировавшуюся Компанией по страхованию предпринимателей от непредвиденных обстоятельств. Бейб собрала в огромную сумку «все свои таланты» и переехала в Даллас, где ей удавалось выводить «Сиклонез» в финал состязаний Американского любительского союза три года кряду.

Бейб уговорила тогдашнее руководство компании учредить женскую легкоатлетическую команду. Участвуя почти во всех женских видах программы, в 1930 и 1931 годах она выиграла титулы чемпионов ААЮ в прыжках в длину, беге с низкими барьерами, метании копья и бейсбольного мяча. А потом наступил чемпионат ААЮ 1932 года, на котором Бейб Дидриксон написала, наверное, величайшую спортивную повесть всех времен.

Сценарий? Да, в сущности, никакого, лишь совершенно невероятная цепь событий, случившихся в тот день. Всего за три часа, приняв участие в восьми из десяти соревнований, Дидриксон выиграла пять из них – в том числе стрельбу, которой до того никогда не занималась, впервые попробовала себя в прыжках в высоту и финишировала четвертой в другом, совершенно новом для нее виде спорта – метании диска. При этом она установила четыре новых мировых рекорда. Представлявшаяся ею Далласская страховая компания выиграла командное первенство среди женщин, набрав 30 очков; вторым финишировал Иллинойский женский атлетический клуб с 22 очками. Для сравнения поясним, что Иллинойский женский АК прислал на соревнования двадцать две спортсменки, в то время как Страховая компания выставила «команду», состоящую всего из одной – Бейб Дидриксон. О таких событиях складывают легенды.

Отнюдь не случайно Национальный чемпионат ААЮ являлся также отборочным турниром за право участвовать в предстоящих Олимпийских играх, которые должны были состояться в Лос-Анджелесе. А Бейб Дидриксон уже вошла в «историю». Один из писателей закончил свой очерк о ней следующими словами:

«Мисс Милдред Дидриксон из Далласа, Техас, предпочитающая, чтобы ее называли "Бейб", возглавит американскую женскую легкоатлетическую команду на Олимпийских играх. Всю необходимую ей поддержку в борьбе с иностранным вторжением окажут пятнадцать других молодых леди».

Две недели спустя она потрясла Лос-Анджелес. И все газеты. Уверенная в себе Бейб сказала журналистам напрямую: «Я приехала сюда, чтобы победить всех возможных соперниц. И ничего другого я не намереваюсь делать». Подобное откровение напомнило всем про Джесси Джеймса, разве что тот носил маску, скрывающую от людей его лицо. Однако Бейб Дидриксон знали все. И всем было известно, что этот черноволосый феномен ростом в пять футов и шесть дюймов (168 см) способен совершить что угодно, даже невозможное, если она решила это сделать.

Но хотя Бейб намеревалась сделать «все возможное», подав заявку на участие в пяти из шести женских видов, Олимпийский комитет, руководствуясь труднообъяснимыми причинами, ограничил участие одной спортсменки тремя из запланированных шести видов. Посему Бейб, вынужденная выбирать, предпочла метание копья, 80 метров с барьерами и прыжки в высоту. И уже в день открытия она воплотила в жизнь свою похвальбу, выиграв метание копья с олимпийским рекордом уже в первом же броске, несмотря даже на то, что снаряд вырвался из ее руки!

Четыре дня спустя она выиграла свой второй вид – со вторым рекордом, на сей раз мировым – пробежав 80 метров с барьерами за 11,7 золотые секунды. Теперь, располагая двумя победами и двумя рекордами, Бейб оставалось принять участие в своем последнем виде, прыжках в высоту, чтобы полностью выполнить свое обещание перед прессой. И поставить еще один рекорд. После того как ее ограничили тремя номерами программы, в своем едком и приправленном горечью выступлении перед прессой Бейб пообещала журналистам «поставить рекорды во всех дозволенных ей видах».

И хотя Бейб прыгнула на 5 футов 5 1/4 дюйма (166 см), вновь победив при этом Джин Шили, которую несколько недель назад она обыграла на отборочных соревнованиях в США, поставив при этом новый мировой рекорд, ее тем не менее лишили третьей золотой олимпийской медали. Дело в том, что Олимпийский комитет одним из своих сомнительных решений, соответствующих темным традициям легкой атлетики, определил считать технику переката, которой пользовалась Дидриксон – когда голова спортсменки проходила над планкой раньше тела, – незаконной, несмотря на то что во всех предыдущих попытках ее так называемые нырки не встречали возражений судей, и в результате Бейб была награждена не золотой, а серебряной медалью.

Но и при двух золотых медалях вместо трех Бейб Дидриксон осталась любимицей прессы. «Ну и девка!», – писали журналисты в восторге. Один из них, Грантленд Райс, возглавлявший тогда спортивную журналистику, воспел ей хвалебную оду: «В нее трудно поверить, пока не увидишь собственными глазами ее выступление. И тогда ты наконец понимаешь, что видишь перед собой безупречный образец мышечной гармонии, полной ментальной и физической координации, которой еще не видел мир спорта среди мужчин и женщин!»

Потом «Гранни», как звали его коллеги по бумагомаранию, писал: «Возможно, мы имеем дело с величайшей гольфисткой всех времен». Так, еще во время Олимпийских игр он заманивал Бейб на поле для гольфа. Он также пригласил нескольких журналистов быть свидетелями первой пробы Бейб в гольфе. От того, что они там увидели, у достойных литераторов глаза полезли на лоб. Бывший победитель открытого первенства страны Ойли Датра прокомментировал один из ударов Бейб, после которого мяч пролетел 250 ярдов: «Я видел это собственными глазами, но поверить не могу до сих пор».

После Олимпийских игр, побушевав с бейсбольной командой «Дома Давидова», проведя питчером выставочные игры за «Сент-Луис Кардиналс» и «Бруклин Доджерс», причем в одной из них она выбила Джо Ди Маггио, поиграв в профессиональный баскетбол и бильярд, поработав с футбольной командой Южного методистского университета, Бейб, теперь пользовавшаяся репутацией спортсменки, которая может все, занялась гольфом. Причем занялась серьезно. Пройдя первую азбуку с Джином Сараценом и Уолтером Хагеном, позанимавшись с Томми Армором, она выступила в любительском чемпионате, победив уже во втором своем женском турнире, состоявшемся в 1935 году в Техасе.

После она вышла замуж за борца Джорджа Захариаса, изменила свое имя на Бейб Дидриксон Захариас, выиграла семнадцать турниров по гольфу – в том числе любительские чемпионаты США и Британии (причем в последнем она победила первой

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru из американок), выиграла три национальных открытых турнира и четыре мировых чемпионата и основала вместе с Патти Берг Женскую профессиональную ассоциацию гольфа.

В 1950-х годах она стала самой известной гольфисткой в истории этого вида спорта, а агентство «Ассошиэйтед Пресс» объявило ее лучшей спортсменкой первой половины столетия. После, в 1953-м, она заболела раком и легла на серьезную операцию. Но уже через год она снова оказалась на спортивной площадке и выиграла пять турниров, в том числе Открытое первенство США с неслыханным количеством ударов – двенадцатью. Агентство «Ассошиэйтед Пресс» в шестой раз провозгласило ее лучшей спортсменкой года. Но через два года ее полная побед жизнь оборвалась, так как Бейб Дидриксон Захариас проиграла единственному своему сопернику, в итоге оставшемуся непобедимым: раку. Но жизнь эта была полна бега, прыжков, игр.

ДЖЕККИ РОБИНСОН

(1919–1972)

Бейсбол представляет собой вид спорта, склонный к соблюдению всякого рода традиций. Бил Вееск однажды заметил, «что, если не считать газетной бумаги, не переменялся только бейсбол».

Одной из таких твердокаменных традиций являлось так называемое джентльменское соглашение, заключенное владыками бейсбола и служившее этому виду спорта чем-то вроде пояса целомудрия, обеспечивающего сохранение расовой чистоты «Национального спорта номер один».

Соглашение это восходит к одному, не столь уж ясному дню в июне 1884-го, на рубеже, разделяющем бейсбольное средневековье и новое время. Именно в этот день Эдриэн «Кэп» Энсон, легендарный игрок и директор «Чикагских Белых Носков», вывел свою команду в поле на выставочную игру против «Толедских Грязных Кур». Когда Энсон обвел орлиным взором поле, взгляду его предстал Флитвуд Уолкер, кетчер «Грязных Кур», который, отнюдь не случайно для нашей истории, был чернокожим. Лицо Энсона вдруг приобрело совершенно другой цвет – красный, и он завопил, не скупясь на ругательства: «Уберите этого ниггера с поля!»

Потом он добавил: «...иначе я уведу с поля свою команду!» Менеджер Толедо, бросив взгляд на уже собирающуюся толпу, подчинился требованию Энсона, обещав ему тут же уволить Уокера вместе с братом, аутфилдером Уэлди Уокером.

На следующий год Энсон снова устроил демагогический припадок и потребовал, чтобы «Нью-Йоркские Гиганты», тогда собиравшиеся прикупить чернокожего питчера Джорджа Стоуви в одной из команд низшей лиги, отказались от этого намерения. Гиганты также покорились истерике Энсона.

Претензии Энсона достигли кульминации в пожелании, высказанном на зимнем собрании клубов высшей и низшей лиг, заключавшемся, во-первых, в предложении никогда впредь не подписывать контрактов с чернокожими, а во-вторых, в требовании, чтобы команды низшей лиги, располагавшие подобными игроками, немедленно уволили их. Хотя официальное соглашение так и осталось неподписанным, была заключена джентльменская договоренность, запятнавшая само название бейсбола. Но для Кэпа Энсона и всех людей недоброй воли взойшло солнце, и все стало прекрасно в мире бейсбола – даже если бы им пришлось аннулировать Конституцию Соединенных Штатов, чтобы бейсбол сохранил свой лилейно-белый цвет.

Более шести десятилетий фанатичное наследие Кэпа Энсона оставалось частью бейсбольной традиции, невзирая на несколько попыток доказать, что соглашение это не стоило даже той бумаги, на которой оно не было записано. Однако от предпринимавшихся попыток каждый раз попросту отмахивались, предполагая тем самым, что просители принадлежат к «черному» списку бейсбола, учрежденному святым покровителем этой игры Кэпом Энсоном.

Тем не менее времена менялись. Социологические опросы уже начинали направлять бейсбол в местность, свободную от пережитков джимкроуизма[10 – От Джим Кроу. Так в США презрительно называли негров. Джимкроуизм – политика дискриминации негров в США. (Прим. ред.)]. Сперва Джо Луис победил аватару арийского превосходства в

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
1938-м. Тогда многие задавали себе вопрос, почему чернокожие имеют право сражаться и умирать на войне, но лишены возможности выйти на поле профессионального бейсбола. Новый комиссар, А.В. «Счастливчик» Чендлер, как утверждают, сказал: «Если чернокожий парень способен сражаться на Окинаве и у Гвадалканала, он может и играть в бейсбол». С двери не только сняли засов, но и распахнули ее.

Первопроходцем в деле снятия упомянутого засова с двери, на которой было написано «Закрыто для черных», явился Уэсли Брэнч Рикки, человек, наделенный цветной слепотой, которому предстояло вести бейсбольных слепцов. Обладая изрядной природной хитрецой, Рикки следовал, скорее, собственным понятиям и прихотям, чем туманным традициям бейсбола. В то время как все остальные кротко принимали джентльменское соглашение за нечто неизменное, Рикки видел его богохульную природу – как и прочих «великих истин». И он решил бросить вызов традициям и ввести чернокожего в команду «Бруклинских Доджеров».

Рикки создал некую организацию под названием «Бейсбольная лига Соединенных Штатов», куда можно было попасть из Бруклина через «Браун Доджерс». В августе 1945-го он послал в Чикаго главного скаута Клайда Сукфорта на встречу с «Монархами Канзас-Сити», дав тому особые инструкции «подойти к этому парню Робинсону и представить».

«Этот парень Робинсон» был Джеком Робинсоном, выдающимся атлетом и замечательной личностью. Младший брат Мака Робинсона, финишировавшего вторым после Джесси Оуэнса в забеге на 200 метров в олимпийском Берлине 1936 года, молодой Джеки занялся спортом в юном возрасте. И очень скоро обнаружил, что способен преуспеть в любом виде спорта, за который возьмется. В старших классах школы он занимался всеми возможными видами спорта, в том числе теннисом, баскетболом и легкой атлетикой. Поступив в «Пасадена Юниор Колледж», Робинсон побил школьный рекорд в прыжке в длину, установленный его же собственным братом, и заслужил такую известность в качестве футбольной звезды, что, чтобы посмотреть крылатого бегущего бека – «одного из самых быстрых игроков страны», как называли его в редких заметках того времени, собиралось тридцать – шестьдесят тысяч человек.

Робинсон достиг еще большего успеха в Калифорнийском университете, где сделался первым спортсменом. Названный тренером соперников «лучшим баскетболистом США», Робинсон возглавлял список бомбардиров Тихоокеанской прибрежной конференции среди взрослых и юниоров. На гридироне[11 – Gridiron – в американском английском – футбольное поле. (Прим. ред.)] в 1939-м он возглавлял национальный список по среднему заносу после свалки, при 12 ярдах на перенос, и по возврату ударов при 20. Брейвен Дайер, ведущий «толкатель карандаша» на всем Западном побережье, вынужден был написать: «Его жуткая скорость, способность прыгать на 25 футов (примерно 7,6 м) и озадачивающая смена темпа делали его кошмаром для соперников». Увенчал Робинсон свои студенческие успехи победой в первенстве Калифорнийского университета по плаванию, участием в полуфинале Национального первенства среди негров и победой в прыжках в длину в 1940-м в первенстве NCAA. А потом началась Вторая мировая война.

Во время войны Робинсон поступил в офицерскую школу в Форт-Рили, Канзас, где получил звание второго лейтенанта. Кроме того, он сумел заслужить и кое-что еще: репутацию. Наделенный пламенной гордостью, Робинсон воевал с несправедливостью во всех ее формах и вернулся домой с репутацией беспокойного человека. Хуже того, хотя десегрегация военных автобусов уже была произведена, он попал под военный суд за отказ «перейти в заднюю часть автобуса». Армейские чины решили, что не в состоянии справиться с его гордостью и железной волей и уволили его в почетную отставку в ноябре 1944-го, радуясь возможности отделаться от «наглого ниггера».

Оказавшись вне армии, Робинсон сделал короткую остановку в «Канзас-Сити Монархе» на сезон 1945 года, при месячной плате 400 долларов в месяц. И когда Сукфорт отправился к «этому парню Робинсону», двадцатилетний игрок набрал 345 очков в сорок одной игре. Робинсон скептически отнесся к предложению в отношении «Браун Доджерс» и заставил Сукфорта повторить инструкции Рикки слово в слово. Сукфорт мог только сказать: «Джек, это совершенно реально». И следуя оставшейся части приказа Рикки, гласившей «привезти его», Сукфорт купил два билета на поезд до Бруклина.

Когда Сукфорт привел Робинсона в кабинет Рикки, тот приступил к обычным

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru представлениям. Однако это было излишне. По природе своей склонный к монологам, Рикки, способный проговорить без перерывов на любую тему в течение времени, необходимого для того, чтобы выкурить десять сигар, немедленно приступил к обычной при найме игрока словесной трескотне, пользуясь которой без труда мог бы впарить кому угодно за доллар гибридный час с перочинным ножиком плюс бесплатную бутылочку эликсира. Тыкая в воздух неразлучной сигарой и посыпая пеплом рубашку и галстук, Рикки сказал: «Джек, мне нужен великий цветной игрок, но мне нужен не просто великий игрок. Мне нужен человек, способный претерпеть оскорбления и обиды – в буквальном смысле слова пронести флаг своей расы».

Не меняя ритма, Рикки продолжал, улыбаясь: «Мне нужен человек, у которого хватит отваги не драться, не отвечать ударом на удар». Тут он перешел к базарному перечню оскорблений. «Если у второй базы в тебя врежется парень и назовет черным сукиным сыном, я не стану возражать, если ты поднимешься и отмахнешься. Ты будешь прав и будешь оправдан. Но, – тут он сделал паузу с серьезностью Моисея, спустившегося со скрижалями с Горы Синай, – отложи возмездие на двадцать лет. Мне нужен человек, у которого хватит отваги не отвечать. Ты способен на это?»

С этими словами Рикки откинулся на спинку своего директорского кресла, зажав сигару между корявыми пальцами и поглядывая на Робинсона. Тот сидел, молча обдумывая варианты, лицо его напоминало стиснутый кулак. Наконец, после небольшой паузы, он сказал высоким голосом: «Мистер Рикки, если вы хотите начать такую игру, обещаю вам, что инцидентов не будет».

И с этого мгновения Джекки Робинсон стал одним из творцов истории. А заодно и великим бейсболистом. В своей самой первой игре в профессиональном бейсболе, выступая за фармклуб «Доджерс», «Монреаль Ройялс», он совершил круговую пробежку[12 – Пробежка бэттера по всем трем базам после того, как он выбил мяч очень далеко в поле. (Прим. ред.)] и взял три очка. К концу 1946 года он возглавлял список бэттеров и пробежек Интернациональной лиги и привел «Монреаль» к обладанию вымпелом и победе в мировой юниорской серии. После последней игры ликующие болельщики «Монреала» бросились на поле поздравлять свою команду, взяв игроков на плечи, они обнесли их вокруг поля. Наконец Робинсон сумел вырваться из рук восхищенной толпы и броситься к раздевалке, что заставило одного из обозревателей заметить: «Возможно, впервые в истории чернокожий человек спасается бегством от белой толпы, мечтающей не линчевать его, а выразить ему свою любовь».

Перешедший в «Доджерс» как раз перед сезоном 1947 года, Робинсон подвергся оскорблениям, которые нельзя было пропустить мимо ушей. С трибун свистели, на поле бросали черных кошек, в голову его бросали бобами, домой звонили по телефону и угрожали смертью, клубы-соперники сулили бойкот, его прилюдно поливали ругательствами, от которых покраснел бы и биллингсгейтский рыбак. Однако невзирая на все, сохраняя внешнее спокойствие, достоинство и силу, Робинсон держался хладнокровно. Он выполнял свое обещание, данное мистеру Рикки. И отвечал на оскорбления только так, как ему было разрешено: битой и ногами.

Дело в том, что хотя Джекки Робинсон был всегда опасен на пластине и его бита отправила огромное количество мячей вдоль линии, но более всего он запомнился возле базы. Используя собственную разновидность агрессивной холодной войны, Робинсон доминировал возле базы как ни один игрок после Тая Кобба, разрушая игру и побеждая питчеров. Своей патентованной голубиной походкой он мог обежать базу быстрее, чем вы сумели бы произнести, ну, скажем... «Джек Робинсон». Иной раз он испытывал полевых игроков резкими поворотами и неуверенностью – так он сделает или не так, позволяя им забежать за его спину, и только потом бросаясь к следующей базе. А потом были раннеры, оставленные в положении вне игры, когда, прикинув, что в обе стороны бежать нельзя, он мчался между неподвижными игроками, и, прежде чем вы успевали что-либо сообразить, благополучно оказывался прямо на намеченной базе. Он был, как написал кто-то, «человеком со многими гранями, и все они блистали».

К концу своего первого года он был назван новичком года; на третий год он стал чемпионом среди бэттеров и самым ценным игроком. К четвертому своему сезону он сделался духовным предводителем «Доджеров», приведшим свою команду к шести вымпелам за десять лет, установив тем самым рекорд Национальной лиги, превзошедший поставленный в девятнадцатом столетии – ирония судьбы – Кэпом Энсоном и его «Чикагскими Белыми Носками».

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru «Благородный эксперимент» в бейсболе оправдал себя. Но только потому, что человек, которого избрала судьба для нарушения джентльменского соглашения, оказался тем, кто был способен сделать это в одиночку. Другого уже не потребовалось.

БЕЙБ РАТ

(1895–1948)

Бейб Рат. Само это имя возвращает память уже редющему числу болельщиков, помнящих его гаргантюанскую фигуру на тонких, как зубочистки, ножках, вновь и вновь запускающую мяч по параболе, а потом кошачьими прыжками бросающуюся вдоль баз. Для людей старшего возраста он является легендарным персонажем, придавшим особую окраску их времени. Для лиц, принадлежащих к младшему поколению, он представляет собой только имя, которое старики произносят с почтением и используют в качестве эталона для современных игроков, таких как Хэнк Аарон и Роджер Марис. Но Бейб Рат был больше, чем просто имя. Он был неким учреждением, божеством. Один видный методист [13 – Член методистской протестантской церкви. (Прим. перев.)] в свое время даже предположил, что «если бы апостол Павел жил в наши дни, то он бы знал средний результат Бейба Рата». Спортивные журналисты, имя которым легион, учредили настоящий культ Рата с великими жрецами, подобными Раньону, Ларднеру, Райсу и Брауну, усердно проповедавшим евангелие от Рата. Они называли его «Султаном удара», «Чародеем удара сильного», «Королем удара среднего», «Бегемотом среди великих» и конечно же «Бамбино». Он считался идолом американской молодежи и символом бейсбола во всем мире. Короче говоря, он занимал особое место в священном узком кружке знаменитостей.

Каждый день приносил новые почести и рождал преувеличенные истории о человеке, сделавшемся легендой своего времени, включая его «красивый жест», его так называемый «Called Shot» в мировой серии 1932-го, мгновение, которое никогда не получит полного объяснения, и Рат вносил свой вклад в сборники рекордов каждым взмахом своей биты, весом в 42 унции (1190 грамм). Болельщики наполняли стадионы для того, чтобы просто увидеть его, они освистывали своих питчеров, когда он выигрывал базу, охали и ахали при каждом его ударе. И раз за разом выбивая мяч с площадки и изгоняя из справочников один рекорд за другим, Бейб Рат сделался наиболее популярной спортивной знаменитостью Америки.

Дело в том, что век, носящий имена «Ревущих двадцатых» и «Золотого века спорта», почитал свои знаменитости. И никто не заставлял его реветь так, как делал Рат, человек, посветивший себя национальному времяпрепровождению – «так, чтобы они повопили». В те дни, когда тяжелая лапа «сухого закона» придавила страну, Бейб каким-то образом ухитрялся проскальзывать между ее всеобъемлющих пальцев. И тем не менее, словно бы в плотно набитом шкафу его висело запасное тело, на следующий день он объявлялся на стадионе, сбрасывал пальто из верблюжьей шерсти и шляпу, влезал в полосатую форму «Нью-Йоркских Янки», прикрывая ей фигуру, которая в каталогах готового платья именуется «объемистой» (но тем не менее не слишком объемистую, чтобы помешать ему взять в десять раз больше баз, чем Лу Брок).

Рат впервые появился на сцене в 1914-м девятнадцатилетним левшой-питчером, выступавшим за «Бостонские Красные Носки». Но даже воспламеня мир бейсбола своим пылающим быстрым мячом – настолько быстрым, что он позволил Рату к двадцатитрехлетнему возрасту победить в восьмидесяти играх (большого успеха в столь юном возрасте добивались лишь два питчера из удостоенных пребывания в Зале славы), он также осуществлял какую-то пиротехнику своей массивной битой, возглавив Американскую лигу с 11 круговыми пробежками в укороченном войной сезоне 1918 года. В 1919 году руководство «Бостона», поразмыслив, перевело юную звезду в аутфилдеры, при небольшом и нечастом питчинге. Многие, подобно Трису Спикеру, полагали, что подобное превращение было ошибкой. Спикер говорил: «Рат совершил серьезную ошибку, когда отказался от питчинга. Выступая раз в неделю, он мог продержаться достаточно долго и стать великой звездой».

Однако Рат взялся за работу, чтобы доказать, что его хулители ошибаются. И уже скоро эти безжалостные искатели, именуемые журналистами, обнаружили, что Рат поставил рекорд по круговым пробежкам – 29 за один сезон.

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Внезапно круговые пробежки, удушенные стилем игры с украденной базой, сделавшись популярным благодаря «Ориолес» на рубеже столетий, вдруг вырвались из своего кокона с мстительным пылом – милостью некоего Джорджа Германа «Бейба» Рата. И тут двое владельцев изменили весь ход развития игры. Января 3-го числа 1920-го Гарри Фрейзи из «Красных Носков», уроженец Тапиока-Сити, разорился после нескольких взорвавшихся на Бродвее бомб, и, нуждаясь в деньгах для постановки «Нет! Нет! Нанетт», продал Рата «Джейкобу Рупперту» и «Нью-Йоркским Янки» за 125000 долларов.

Рат и Нью-Йорк были созданы друг для друга, и оба были больше самой жизни, заимствуя название хвалебной песни Ирвинга Берлина [14 - 1888-1989 гг., один из самых известных американских композиторов-песенников (Прим. перев.)] «Явился Рат» со своей длинной битой. Пришла и толпа. В 1920-м Бейб «набил», «наколотил», «вмазал» и «влупил» – как хотите, так и называйте, – рекордные 54 круговые пробежки, одну на каждые 11,8 подач, оставшиеся рекордными по сию пору. Один из запущенных им в облака мячей заставил кого-то из зрителей умереть от волнения, пока он наблюдал за полетом снаряда над «Поло Граундс». Каждый день рождал новые почести и преувеличенные повествования о Бейбе.

Продолжая совершать круговую пробежку за круговой пробежкой, увенчав процесс рекордными 60 в 1927-м, Рат сделался мифом на отведенных спорту страницах. Цитируя знаменитую строчку Джона Кирнана: «Был ли кто-нибудь равен Рату – начиная от "старого кота" и кончая последней "битой"?» И тот, кто когда-то видел его, ответит – нет.

ДЖЕССИ ОУЭНС

(1913–1980)

То, что Джесси Оуэнс был осознанно избран судьбой на роль вершителя ее решений не только в мире легкой атлетики, но и в куда более обширном мире социальных отношений, поначалу было отнюдь не ясно. Сын алабамского исполщика, молодой Оуэнс был окрещен Дж. Си., следуя великой и священной южной традиции превращать два первых имени в инициалы. Когда его отец перебрался вместе с семьей в Кливленд, чтобы поступить на работу на сталелитейный завод, в первый же день его пребывания в начальной школе заботливая учительница задала юному Дж. Си. Оуэнсу следующий вопрос: «Как тебя зовут?» – «Дж. Си., мэ», – раздался ответ, произнесенный протяжным алабамским говорком. «Джесси?» – переспросила она, чтобы не ошибиться в имени нового ученика. «Да, мэ, Джесси», – согласился стремившийся угодить ученик. Так Дж. Си. Оуэнс сделался «Джесси».

Однако жизнь семейства Оуэнсов в Кливленде не стала легче, чем в Алабаме, особенно в годы депрессии, когда в обыкновенном семействе нередко не находилось двух никелевых монеток, чтобы, согласно пословице, потереть их друг о друга. «Мы не могли позволить себе никакого спортивного снаряжения, – вспоминал он многие годы спустя, – и нам оставалось только бегать». Имея немного других возможностей для сброса молодой энергии, юный Джесси «бегал, бегал и бегал».

К тринадцати годам Джесси уже выступал в официальных соревнованиях. Самый первый его забег оказался далеко не легендарным – бег на 40 ярдов он проиграл. «Я застрял в ямках», – так вспоминал он об этом событии, поскольку до изобретения стартовых колодок спринтеры вырывали в земле ямки для лучшего толчка на старте.

Но юный Джесси продолжал бегать, бегать и бегать. И овладевать техникой бега в такой мере, что теперь он отрывался от опоры с первым же шагом, нисколько не рискуя «снова застрять». Однако бег являлся всего лишь центральной точкой его многочисленных талантов. К постоянно удлиняющемуся перечню их он уже добавил прыжки в длину и высоту. В пятнадцать лет он пробежал 100 ярдов за 9,9 секунды, прыгал в высоту на 6 футов 2 1 / 2 дюйма (189 см) и в длину ровно на 23 фута (701 см). Четыре года спустя стройный, весящий 74 кг старшекласник Кливлендской восточной технической высшей школы пробежал 100 ярдов за 9,4 секунды, поставив мировой рекорд для учащихся, а 220 ярдов по прямой – за 20,7 секунд и прыгнул в длину на 24 фута 11 1 / 4 дюйма (760 см).

В то время, когда места в колледжах еще не предоставлялись бесплатно – как каштаны в баре, Джесси не получал практически ничего. Единственной наградой за

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru такие таланты послужило предложение, поступившее из расположенного поблизости Университета штата Огайо работать лифтером в ночную смену, с пяти утра до 12.30, в Стейт Оффис Билдинг, Колумбус, за 150 долларов в месяц – королевские деньги в те дни, когда на рувельтовский никель [15 – Монета в 5 центов. (Прим. ред.)] можно было купить себе пива, и еще существовала такая вещь, как бесплатный обед.

Но, поднимая и поднимая, опуская и опуская кабину ночного лифта, изучая ее стены, урывая, как придется, шесть часов сна, потому что занятия начинались в восемь утра, Джесси по-прежнему находил время и для своей первой любви: легкой атлетики. Он оказался под заботливой дланью тренера по имени Ларри Снайдер.

Прекрасно понимая, что его подопечный имеет большие перспективы в легкой атлетике, Снайдер старательно опекал Оуэнса. И взявшись за эту полную талантов башню, Снайдер сделал ее еще более высокой. В буквальном смысле слова. То есть Оуэнс стал прыгать в длину дальше, а прыгать в высоту еще выше. Снайдер сумел заставить Оуэнса прыгать в высоту так высоко, как мог позволить ему закон земного тяготения. Многие чиновники Большой десятки с удивлением видели, как Оуэнс взмывал на высоту собственного роста. И даже выше.

Снайдер учил Оуэнса уравнивать свой вес – «не слишком много на ноги, не слишком много на руки», что позволяло тому расслабляться во время бега. А отработывая старт в спринте, барьерном беге и беге на средние дистанции, концентрировался на том, чтобы Оуэнс выпрыгивал вперед первым же своим шагом. Таким образом, считал он, Оуэнс заставит своих соперников бежать под его дудку. В результате бег его напоминал превосходно отлаженную машину, передвигающуюся с такой быстротой, словно двигаться ей приходилось по раскаленным углям, ноги его в стремлении к новому рекорду едва прикасались к земле.

Во время обучения Оуэнс побил несколько рекордов университета и конференции, так же как юниорский рекорд ААЮ по прыжкам в длину. Однако самый великий день его был еще впереди: соревнования Западной конференции (читай, Большой десятки) в Энн-Арборе, Мичиган, суббота, 25 мая 1935 года.

Этот день мог и не наступить. Чуть более чем за неделю до соревнований Оуэнс оказался замешанным в какую-то ссору со своими приятелями по меблированным комнатам. Удирая с места драки, он поскользнулся и упал на спину, пролетев в таком положении целый пролет. На следующий день в разминочной встрече с Северо-западным университетом Оуэнс ударился ногой о предпоследний барьер и ощутил, как острая боль полоснула «вдоль самого позвоночника».

Надо было лечить спину, и, услышав совет залечь, чтобы не получить постоянную травму спины, Джесси провел неделю перед встречей Большой десятки под одеялом – с химическими грелками на спине и животе, ощущая себя слабым и выдохшимся, как вчерашний имбирный эль.

В день встречи Джесси сумел с трудом погрузить свое измученное болью тело в древнюю колымагу, которой предстояло отвезти его плоть на Ферри Филд, Энн-Арбор. Старый автомобиль плюхал по ухабам, и Оуэнс ощущал всю дорогу колющую боль в спине, бедрах, коленях и почти во всех прочих частях тела. Наконец машина добралась до места назначения, и Оуэнс со значительными усилиями распрянулся и похромал к беговой дорожке. Однако боль была настолько сильна, что он не сумел как следует размяться и усомнился не только в том, что сможет показать хороший результат, но и в том, что вообще сумеет участвовать в соревнованиях.

Однако дух одержал победу над плотью, и Оуэнс заставил себя забыть обо всех болячках, сконцентрировавшись на том, что было действительно важно: на соревнованиях. «Я сгибался на старте, преодолевая боль, – вспоминал он годы спустя, – но когда стартер сказал: "Приготовиться", вся боль исчезла». И он принял участие в спринте, барьерном беге и прыжках, установив пять-шесть мировых рекордов менее чем за час.

Возможно, величайшим его достижением стал прыжок в длину. Когда боль в спине сделалась непереносимой, Оуэнс и его тренер Снайдер согласно решили, что чрезвычайность ситуации диктует свои собственные правила и что Оуэнс совершит всего лишь один прыжок – без разминки, без приготовлений, без ничего – всего лишь один прыжок. А потому, сняв повязку, поместили ее в яме для прыжков – на 26-футовой отметке. Полагая, что если уж делать, так делать сразу, Оуэнс помчался по дорожке, взлетел над толковой доской и взмыл в воздух – едва ли не

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru к синему небу Энн-Арбор и облачку в нем, а потом опустился в восьми с половиной дюймах позади повязки. Так был установлен новый мировой рекорд, продержавшийся четверть столетия, дольше, чем любой другой мировой рекорд в легкой атлетике.

Героическая борьба Оуэнса с болью и лучшими атлетами своего времени немедленно сделала его знаменитым, национальным героем. Теперь ему оставалось подождать всего один год, до Олимпийских игр в Берлине, чтобы стать героем интернациональным.

Ненависть утратила свою невинность задолго до 1936 года. Тем не менее полностью и во всей своей уродливой красе она расцвела лишь на Берлинской Олимпиаде того года. С тех пор как барон де Кубертен возродил современные Игры в 1896-м, Олимпиады стали витриной любительской атлетики. Теперь им предстояло стать средством демонстрации превосходства арийцев и коричневорубашечников Адольфа Гитлера над всеми остальными. Фюрер вещал о расе господ, чередуя свои высказывания со снисходительными улыбками в адрес обделенных подобными достоинствами смертных и пренебрежительными репликами в адрес американских, так называемых черных вспомогательных сил.

Однако всего за шесть дней Джесси Оуэнс полностью опроверг подобное мнение. Для начала он выступил в четырнадцати предварительных соревнованиях, проведя по четыре забега на дистанциях 100 и 200 метров и совершив шесть предварительных прыжков, при этом девять раз побив и два раза повторив олимпийские рекорды. Потом в соревновании за олимпийское золото Оуэнс победил на дистанциях 100 и 200 метров и в прыжках в длину и разделил еще одно золото, пробежав первый этап в 400-метровой эстафете. Подобных успехов на Олимпиадах до него добивались только Джим Торп и Пааво Нурми.

Стотысячная толпа, заполнившая имперскую спортивную арену в Берлине, была сперва ошеломлена подобными выступлениями человека, принадлежавшего к низшей расе. А потом, после некоторой странной неловкости, она разразилась громогласными криками, которые можно приблизительно передать следующим образом: «Йес-сей, йес-сей, йес-сей... Ов-еннс». Не приняв участия в приветствиях только Адольф Гитлер, соблюдая вежливость, но, тем не менее якобы не заметив существования «чернокожего подручного», он оставил ложу перед церемонией награждения.

«Черт, я совсем не думал о Гитлере, – вспоминал позже Оуэнс в этот момент. – Ты соревнуешься с самыми быстрыми парнями в мире. И даже после забега ты не обращаешь внимания на трибуны. Хочется бежать и бежать».

Но знатоки спорта и в Берлине, и во всем мире теперь видели в Оуэнсе выдающегося атлета. И как участник четырех Олимпиад он мог смотреть свысока на весь спортивный мир.

УИЛТ ЧЕМБЕРЛЕН

(1936–1999)

Еще не доросший до корзины молокосос ростом шесть футов одиннадцать дюймов, известный под кличками «Большой Ковш» и «Уилт Ходуля», которые он ненавидел, набрал 2250 очков за три года выступлений за среднюю школу «Филадельфия Овербрук», имея в среднем за игру феноменальные 37 очков. И в течение этих лет он стал видной персоной – как на спортивной площадке, так и вне ее.

Когда две сотни колледжей прислали ему предложения поступить в них, а команда Национальной баскетбольной ассоциации «Филадельфия Уорриорс» поторопилась заявить на него территориальные права, будущее было открыто перед ним словно перед младенцем. Еще до того как газеты, объявившие о его поступлении в Канзасский университет, пошли на обертку для купленной в магазине селедки, люди с пророческими способностями принялись устанавливать его статую в пантеоне великих спортсменов всех времен.

Обозреватели ожидали, что этот еще растущий Голиаф, который, казалось, мог есть яблоки с дерева без помощи рук, будет доминировать в студенческом баскетболе даже в большей степени, чем Билл Рассел, только что приведший свою Сан-Францисскую команду к двум победам в первенстве NCAA, перенеся чемпионство в

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Канзас на обозримый период времени. Один из тренеров, видевший, как новичок вдребезги разнес его команду, назвал его «лучшим из известных ему игроков». Тренер команды Северной Каролины Фрэнк Макгайр разделил его чувства, заявив тренеру «Джейхокеров» Фогу Элиену: «Вы пытаетесь убить баскетбол, взяв этого парня в школу. Однажды Чемберлен набросает сто тридцать очков за вечер, и другой тренер потеряет работу. Быть может, с ним и сумеет справиться кто-нибудь из исправительного дома, однако в колледже, гарантирую, таких не найдется».

В то время Чемберлен имел рост семь футов и одна шестнадцатая дюйма (211 см) и весил 231 фунт (105 кг), причем большая часть его веса концентрировалась в его хорошо развитой шее, грудной клетке и плечах; торс его имел размеры обыкновенного человека, ноги напоминали ноги кузнечика. Стоя он мог дотянуться до отметки девять футов шесть дюймов (289 см); подпрыгнув – до двенадцати футов шести дюймов (381 см). Похоже, у одинокой и беззащитной корзины, расположенной на высоте десять футов, не оставалось никаких шансов.

Однако есть разные способы защиты от талантливой великаны, и Чемберлен провел два года в Канзасе, воюя локтями направо и налево и заслужив, должно быть, черный пояс в баскетболе. Двойная и тройная опека сделались правилом при игре остальных команд с Канзасом, поскольку иначе нельзя было остановить этого игрока.

Когда «Смоляные Пятки» Макгайра играли с Канзасом в розыгрыше чемпионата Национальной студенческой атлетической ассоциации 1957 года, они отбросили все стандартные представления о стратегии, превратив игру в матч Северной Каролины против Чемберлена. Выставив против него сразу троих игроков – одного спереди, второго сзади и третьего, отбегавшего, когда Уилт получал мяч, Каролина предоставила остальным игрокам Канзаса возможность получать, перехватывать и бросать мяч, не отправляя его Чемберлену. Они не могли этого делать, и Северная Каролина победила Канзас в игре, завершившейся тремя овертаймами, намного превысив обычную профсоюзную норму. Тем не менее облепленный со всех сторон игроками – словно черепаха панцирем, – Чемберлен набрал за два года в среднем 29,9 очка и 18,3 подбора за игру.

Находясь в Канзасе, он пробовал свои силы и в других видах спорта, участвуя в первенстве Канзаса 1956 года в качестве свободного участника. Он оказался вторым в прыжках в высоту после обладателя мирового рекорда, кроме того, поучаствовал в толкании ядра и кроссе.

Итак, Чемберлен искал другие миры, чтобы покорить их. И в итоге, проведя два года в Канзасе, он отправился в команду «Гарлем Глобтроттерс», а потом в «Филадельфия Уорриорс». Подписав в ту пору самый крупный контракт в истории НБА, по слухам, на сумму аж 65000 долларов, он придал зрелищу ту изюминку, которую искали знатоки, и оправдал все выдававшиеся ему авансы, набирая в среднем 37,6 очка за игру уже в первый год, в основном смертельно точными бросками с прыжка и патентованным «перекатом вокруг пальца», причем шесть раз он имел более 60 очков за игру. Он возглавил список лиги по сыгранному времени и подобранным отскокам.

Баскетбол никогда не видел игрока, подобного ему. Следующие два года он набирал очки как хотел. Он столько раз брал по 50 очков за игру, что спортивные комментаторы уже начали воспринимать подобное с зевотой, хотя знающие толк болельщики смотрели и примечали. А потом на третий год его пребывания в лиге насторожилась и пресса, все же заметившая не имевшую особого значения игру между «Уорриорс» Чемберлена и «Нью-Йорк Никс» в Херши, Пенсильвания. Ибо в этой игре, состоявшейся 2 марта 1962 года, Уилт сделал «всега только» 36 бросков с пальцев и пола, забросил невероятное для него количество штрафных бросков, 28 из 32, набрав тем самым ровно 100 очков и превысив существовавший рекорд на 29 очков.

И тут Чемберлен вдруг оказался столь же великим, сколько и высокорослым. А какой, собственно, у него был рост? Хотя справочник «Уорриорс» и утверждал, что рост его составляет семь футов один дюйм, «Диппер», или «Дип», как его часто называли, не мог не пригнуться, входя в дверь, что сделалось у него почти безусловным рефлексом. Так вот, один из газетчиков, измеривший высоту некоей двери в семь футов три дюйма, видел, как Уилт согнулся в три погибели, проходя под ней.

Но если рост его можно оспорить, против его рекордов не возразишь. Семь лет кряду он возглавлял список самых результативных игроков лиги, увеличивая при

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
этом количество своих 50-очковых матчей.

Тем не менее пресса как всегда старалась пририсовать усы к портрету титана и изливала на его голову потоки сомнений, спрашивая, почему это, раз уж он настолько велик, Чемберлен ни разу не играл в команде, ставшей чемпионом.

Обнаруживая удивительную чувствительность ко всякого рода пересудам, Чемберлен становился угрюмым всякий раз, когда заходила речь о его неспособности выиграть чемпионский титул. Этот одинокий и симпатичный гигант объяснял свою неудачу тем, что «никто не симпатизирует Голиафу». Симпатизировал ему, пожалуй, только Билл Рассел, его вечный соперник из неизменно победоносной команды «Бостон Селтикс»: «Уилта одурачили. Болельщикам и журналистам были нужны только очки, поэтому он вышел на площадку и набросал сколько мог. Потом ему сказали, бери отскоки, и он опять постарался. С его точки зрения он сделал все, что может сделать игрок, поскольку возглавляет списки во всех категориях, о которых ему говорили. А победить в первенстве все равно не может».

И тут на восьмой сезон своего пребывания в лиге Уилт наконец избавился от ярлыка неудачника, став победителем первенства лиги со своей новой командой «Филаделфия-76». И хотя он впервые не стал лучшим снайпером чемпионата, он возглавил первенство НБА по проценту попаданий и подобранных отскоков и был третьим по передачам. Теперь он стал, если воспользоваться словами одного из товарищей по команде, «истинным подобием идеала».

После новой продажи, на сей раз в «Лос-Анджелес Лейкерс», Чемберлен вновь принес в жертву количество набранных им очков в пользу отскоков и передач. И вновь он вывел свою команду на самый верх НБА. Наконец он посрамил своих критиков.

К концу своей четырнадцатилетней профессиональной карьеры Уилт Чемберлен прочно владел книгой рекордов и корзиной. Семь раз подряд он возглавлял список самых результативных игроков лиги, а в подборе ему не было равных одиннадцать лет. В ходе своей продолжительной карьеры он набрал 30335 очков, причем 118 раз набирал более 50 очков за игру. Следует за ним в этом списке Майкл Джордан, уступая в числе пятидесятиочковых матчей более чем в два раза, что явно свидетельствует о том, что следующий по классу все же не достиг уровня Чемберлена. Ибо Уилт Чемберлен намного превосходит всех, кто когда-либо бросал мяч в корзину.

Вот и все, что можно сказать о человеке, считающемся величайшим из всех баскетболистов, чье имя буквами в его рост вписано в книги рекордов.

ПЕЛЕ

(родился в 1940 г.)

Когда Пеле гостил в Биафре, свирепствовавшая в этой стране гражданская война на какое-то время прекратилась, так как обе враждовавшие стороны положили оружие, чтобы увидеть его своими глазами. В Алжире и Хартуме во время его визита прекращались политические раздоры. Так было повсюду, куда бы он ни приезжал. Ибо Пеле был, попросту говоря, аттракционом номер один в самом популярном виде спорта в мире, и само его имя можно было назвать визитной карточкой футбола.

Но сначала все было иначе. Человек, чье имя стало символом футбола во всем мире, при рождении получил не одно, а три имени: Эдсон Арантес ду Насименту. Эдсоном он был назван в честь изобретателя Томаса Эдисона. Молодой Эдсон вырос в маленькой бразильской деревушке Тес Корокоес в семье настолько бедной, что все принадлежащие ей вещи – не числившие между собой столь дорогого предмета, как футбольный мяч, – можно было пересчитать с помощью пальцев одной руки. Юноше приходилось овладевать тонкостями национальной игры (футбола), используя вместо мяча грейпфрут или набитый тряпками носок. Человек, которому впоследствии суждено было стать Пеле, вспоминает: «Отец сердился на меня, потому что у нас в доме нельзя было найти пары подходящих друг к другу носков».

Когда Эдсону было десять лет, друг семьи подарил мальчику первый в его жизни настоящий футбольный мяч. Мальчишка, получивший столь чудесный подарок, играл новой игрушкой часами, упражняясь на улицах, на пляже, возле соседних фабрик и у стены своего дома. Когда он бил по мячу, отскакивавшему от стены его дома, отец

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru заметил, что Эдсон ударяет по мячу лишь правой ногой. Он научил сына правильно использовать силу обеих ног. Освоив эту первую из премудростей, молодой Эдсон продолжал совершенствовать мастерство, учась наносить удары головой и вести мяч ногами.

Достигнув пятнадцати лет, юноша отправился в город Сан-Паулу, где попытался уговорить руководство команды высшей футбольной лиги принять его. Но получив от них обычный в таких случаях ответ: не звоните нам, мы сами позвоним, он поступил в команду «Сантос» с испытательным сроком за колоссальные деньги – 75 долларов в месяц.

Позже тренер «Сантоса» вспоминал паренька по имени Эдсон Арантес ду Насименту: «Сперва он просто был на посылках у старых игроков. Он покупал для них содовую воду и все такое». Но вскоре молодого человека заметили, обнаружив тот самый уникальный стиль игры, который был, пожалуй, привлекательнее карнавала в Рио-де-Жанейро. Всегда самым оригинальным образом понимая поле и намерения противника, молодой человек вел мяч так, как если бы сей снаряд был привязан к его ноге веревочкой, обнаруживая на футбольном поле балетное изящество Нуриева, мгновенно и с удивительной точностью посылая мяч открывающимся товарищам по команде.

Его преобразование из мальчика на посылках в элегантного и яркого игрока продолжалось; теперь он украсил свою игру ошеломляющими ударами головой, ударами с лету, и – вершина его таланта – в падении через себя. На втором году пребывания в команде он приобрел известность, а с нею получил и имя Пеле, которым его наградили восхищенные болельщики, присвоившие ему божественное имя, потому что он и играл как бог.

Пеле продолжал воспламенять души бразильцев, сделав «Сантос» чемпионом лиги в первые свои шесть сезонов, в среднем забивая по голу (абсолютно немыслимая вещь) за игру. Однако в наибольшей мере его потенциал выявил проводящийся раз в четыре года Кубок мира, обладателем которого в 1958 и 1962 годах во многом благодаря его стараниям становилась сборная Бразилии. И когда три итальянских клуба соединенными усилиями собрали более 2 миллионов долларов на покупку Пеле у «Сантоса», сделку отменил сам президент Бразилии, объявивший вслух то, что было и так известно всякому, что Пеле является «национальным достоянием».

После вызванного травмой перерыва Пеле привел к беспрецедентной третьей победе сборную Бразилии и в 1970 году. До этого 20 ноября 1969 года в своем 909-м матче на высшем уровне Пеле забил свой тысячный гол. А потом пришла пора расставания с футбольным мячом.

Уход Пеле с зеленого поля оплакивала вся страна. Тренер «Сантоса» со слезами на глазах и качая в горести головой, приговаривал: «Теперь люди будут говорить своим детям: "Какая жалость, ты не видел, как играл Пеле"».

Однако миллионы зрителей вновь увидели Пеле, на сей раз вышедшего на величайшую спортивную арену мира: на футбольные поля Америки. Компания «Уорнер Коммуникейшнз», надеясь на то, что появление на поле Пеле станет тем первым камнем, который взбаламутит стоячие воды европейского футбола в этой стране, подписала с ним контракт на сумму 4 миллиона 700 тысяч долларов за три года выступлений и 100 матчей.

Пеле ушел из футбола, отдав ему двадцать один год жизни и забив 1281 гол. Прощание с ним состоялось перед лицом ревушей толпы на стадионе «Джайентс» в Мидоулендс, Нью-Джерси. Он шел по беговой дорожке вокруг футбольного поля, размахивая футболкой над головой, и один из зрителей, находившихся в тот вечер на трибунах, заполненных более чем пятидесяти тысячной толпой, Мохаммед Али, смотрел на происходящее и удивлялся: «Теперь я понимаю... он более велик, чем я!»

ЭРНИ НЕВЕРС

(1902–1976)

С того мгновения, когда Адам и Ева вкусили яблочка, лишь Эрни Неверс [16 – в истории отечественного спорта не менее великим игроком является Всеволод

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Михайлович Бобров, являвшийся чемпионом страны по футболу, русскому и канадскому хоккею. (Прим. перев.)] обладал тремя спортивными ипостасями, играя в футбол, бейсбол и баскетбол на уровне первой национальной лиги.

Неверс, рост которого составлял шесть футов и один дюйм, до сих пор остается истинной «суперзвездой», загоровшейся задолго до того, как подвизающиеся в дешевых журнальчиках писаки стали навешивать подобный ярлык на каждого мало-мальски заметного спортсмена.

Слушая рассказы уже немногочисленных и сильно полысевших болельщиков той поры о легендарных подвигах этого современного Пола Баньяна[17 – Легендарный герой американского фольклора, лесоруб, силач, обжора, человек изобретательный и неунывающий. (Прим. перев.)], легко усомниться и с недоверием покачать головой. Тем не менее Неверс был именно таким, как о нем говорят: 90-килограммовый атлет, сильная челюсть, лохматые светлые волосы, похожий скорее на средневекового викинга. Обладая неутолимой жадой борьбы, Неверс в Стэнфордском университете был капитаном футбольной и баскетбольной команд, играл питчером и правым филдером за бейсбольную команду, ну а в свободное время метал диск за университетскую легкоатлетическую сборную.

Однако хотя список его подвигов достаточно обширен, этому феномену иногда с трудом удавалось совместить все свои обязанности. Рассказывают, что однажды апрельским днем Неверс играл питчером за «Стэнфордских Кардиналов» точно в то же самое время, когда его легкоатлетическая команда проводила свой матч. Неверс выпутался из ситуации самым простым способом: оказавшись вне игры во время первой подачи, он во всех бейсбольных регалиях бросился бегом на легкоатлетический стадион, чтобы принять участие в метании диска. Он появился как раз тогда, когда судья выкрикнул его фамилию, приглашая к снаряду, и, запыхавшись, без разминки, при форме и щитках, взял в руки металлический диск, закрутился на месте и швырнул его в воздух. После, не ожидая окончания полета, он помчался назад и успел как раз к своей очереди подавать.

Его тренер по бейсболу немедленно предъявил атлету ультиматум: «Бейсбол или легкая атлетика, только не все сразу!» Неверс выбрал бейсбол, немало разочаровав этим своего тренера по легкой атлетике, который провел весь остаток встречи в поисках своей находящейся в самоволке звезды, единственным броском добившейся третьего места. Бейсбольный тренер Гарри Уолтер, набивший шишки и синяки в матчах Главной лиги, разглядел в парне бейсболиста.

На баскетбольной площадке Неверс соединял силу, гибкость, рефлексы с кое-каким нововведением, внесенным им в игру: броском крюком из-за головы, что сделало его в глазах многих людей одним из лучших баскетболистов в истории Стэнфорда. (Вторым был Хэнк Луизетти, владелец прав на бросок одной рукой с опоры.)

Однако все это служило для Неверса лишь приправой к его любимому занятию – футболу. Ибо Эрни Неверс был пронзающим раннером, соединявшим силу и скорость с тем, что его тренер, «папаша» Уорнер, назвал «рефлексами, каких он не встречал ни у одного человека». В общем, его можно считать первой и более ранней версией Джима Брауна.

В 1926 году Неверс перешел из команды Стэнфорда в профессионалы, подписав контракты с «Сент-Луис Браунз» из Американской бейсбольной лиги, «Дулут Эскимос» из Национальной футбольной лиги, причем владельцем и тренером последней команды был не кто иной, как легендарный Джордж Хейлс.

Хотя Неверс добился наград в бейсболе и баскетболе, наивысшие отличия он все же заслужил в футболе. Выступая за команду Дулута, немедленно переименованную в «Эскимосов» Неверса, наш герой в первый год своего выступления провел на поле все возможное время, поставив рекорды по забеганиям, пасам и ударам, а также отдав в одной игре последовательно семнадцать пасов и забив пять полевых голов.

В течение двух лет Неверс побеждал всех и вся, прорываясь, просачиваясь сквозь защитников или разбрасывая их.

Он пропустил сезон 1928 года в связи с повреждением шеи, однако вернулся в 1929 году в качестве играющего тренера «Чикаго Кардиналс», последнего играющего тренера в истории НФЛ, набрав все 40 очков в игре с «Чикагскими Медведями», что до сих пор является рекордом лиги. Видевший эту игру Кнут Рокни мог лишь сказать

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
своим игрокам: «Вот так и надо играть в футбол».

В 1931 году Неверс сделался профессиональным футболистом. В одной из игр удар соперников лишил его сознания на две минуты, и, когда окончился вызванный травмой перерыв, придя в сознание, он пронес мяч последовательно шестнадцать раз и в последний из них совершил занос.

Незачем удивляться тому, что его тренер, «папаша» Уорнер, который, кстати, тренировал Джима Торпа в Карлайле, сказал о Неверсе: «Он мог сделать все, что умел Джим Торп, и всегда вкладывал в игру больше старания, чем Торп».

МАЙКЛ ДЖОРДАН

(родился в 1963 г.)

Многие пытались объяснить мастерство Джордана, но никому не удалось сделать это правдоподобно, поскольку в нем нет никакого правдоподобия. Это попытался облечь в слова Джим Мюррей, поэт, лауреат среди современных спортивных журналистов, который написал: «Майкл Джордан, "Воздушный Майк" для своих соотечественников, играл, порхая в десяти футах над землей. Его способна остановить лишь авиация. На землю он опускался лишь для того, чтобы заправиться, а потом снова взмывал вверх».

По правде говоря, никто, даже Мюррей, не способен дать исчерпывающее определение Майкла Джордана. Несомненно одно: он был наиболее впечатляющим баскетболистом среди всех, кто выходил на площадку.

Джордан начал свою карьеру в Университете Северной Каролины. Новичок играл с трезвой сдержанностью, приличествующей игроку значительно более старшему и опытному. С ним «Смоляные Пятки» победили в чемпионате NCAA, а прямой, как стрела, бросок Джордана, сделанный с пяти метров, принес Северной Каролине победу над Университетом Джорджтауна со счетом 63:62 в финальной игре. Два года спустя он добавил к перечню своих достижений победу в составе Олимпийской сборной США на играх 1984 года и был провозглашен игроком года среди студентов.

Тем не менее, невзирая на потенциал, невероятные способности Джордана к добыванию очков весьма надежным образом укрывались под системой дисциплинированного баскетбола. Добавим к этому отчет НБА, охарактеризовавший Джордана как «находящегося все время в движении, уклоняющегося лишь вправо, одномерного игрока», и вы получите причины, заставившие его оказаться лишь на третьем месте в драфте НБА 1984. Не существует других причин, объясняющих, почему он был выбран после двух центровых, семифутового Акиима Оладжувона и более чем семифутового Сэма Боуи – если только вопреки общепринятому мнению иголку лучше прятать не в стогу сена, а среди других иголок – к тому же более длинных.

Это была не просто ошибка, это было истинное преступление. И Джордан доказал это, разобравшись со всеми командами-соперницами. Попадая в игольное ушко своими меткими бросками, он набрал 37 очков уже в своей третьей игре в составе «Чикаго Буллз», 45 – в восьмой и 25 и более – в десяти из своих первых пятнадцати игр, забрасывая в среднем 28 очков за игру, что принесло ему звание новичка года.

Тем не менее легенда о Джордане началась не с его подвигов на баскетбольной площадке, а с события, происшедшего вне ее, в первый год его работы в профессиональном спорте. Дело в том, что весной 1985-го телевизионная аудитория увидела на своих экранах стройную фигуру, застывшую на баскетбольной городской площадке с мячом в руках и в туфлях фирмы «Техниколор» на ногах. Под усиливающийся рев авиационных двигателей где-то неподалеку игрок зашагал по асфальту, перешел на бег. Двигатели завизжали словно при взлете, и игрок, словно покоряясь некоей силе, взмыл над землей словно на ковре-самолете. Потом секунд этак десять он поднимался к самой высокой точке своего полета, расставив ноги и протянув вперед невесомый мяч. «Воздушный Джордан» парил, не зная географических границ и ограничений.

Однако хитрости современных продавцов эликсира, называющихся рекламодателями, достигли своих целей. Внезапно один рекламный ролик превратил обладание парой

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
кедов «Найк Эврикид» в религию и наваждение. А заодно сделал Майкла Джордана «Воздушным Джорданом», Идолом для нового поколения, так как он вдохнул толику реальности в мечты молодежи – и каплю мечты в ее реальность.

Став теперь ценным товаром, стоящим денег, Джордан возвратился к баскетбольным войнам своего второго сезона как наиболее известный игрок НБА – благодаря любезности фирмы «Найк». Однако его остановило то, что и могло остановить – травма ноги, сократившая его второй сезон до восемнадцати игр. Однако это всего лишь доказало, что и он уязвим.

Тем не менее обнаружив почти сверхчеловеческие возможности для восстановления, он досрочно возвратился в строй «Быков», чтобы вывести Чикаго в плей-офф, где во встречах с «Бостон Селтикс», бессменными чемпионами того времени, он превратился в воздушного акробата, кружившего, вращавшегося и выписывавшего пируэты, словно стрелка взбесившегося компаса, останавливающаяся всего на одно мгновение, чтобы прицелиться для броска. В трех играх с «Кельтами» Джордан набирал в среднем по 43,7 очка, набрав невероятные 63 очка в одной из них, поставив рекорд для игр плей-офф.

К третьему году болельщики, следившие за игрой поверхностно, открыли для себя «Воздушного Джордана». И принялись качать головами, не веря собственным глазам, узрев перед собой Джордана, игравшего с самозабвением младенца на детской площадке.

Словно повинувшись каким-то вземным силам, он выписывал немыслимые траектории с поворотом на самом немыслимом их участке, или выделял пассы карточного шулера, извлекая новую карту из рукава своей не имеющей рукавов майки, или же неустанно переминался на месте, словно опасаясь, что под ногами его может вырасти трава, а на самом деле добиваясь микроскопического позиционного преимущества, а добившись его, и безошибочно бросал мяч в кольцо.

Опекать эту человеческую машину по забиванию мячей – напрасный труд: Джордан забрасывал свои мячи удивительно разнообразными способами, но с потрясающей регулярностью. И к тому же почти с любого места на площадке. Пытавшиеся уследить за ним статистики неизменно оказывались в луже. Набрал за третий год своего пребывания в лиге восемь раз по 50 и более очков, он возглавил список бомбардиров с 3041 очками, которые сделали его наряду с Уилтом Чемберленом единственным игроком, набравшим более 3000 очков за сезон. Он имел на своем счету 430 подборов, 236 перехватов и 125 заблокированных бросков.

В сезоне 1987/88 года Джордан вновь возглавил список лучших снайперов лиги, находясь на самом веру и по всем прочим показателям, став не только лучшим по результативности игроком, но и самым ценным, а уж заодно и лучшим защитником года. Пользуясь высказыванием великого Боба Коуси, повторим: «Он, в буквальном смысле, Мона Лиза баскетбола. У него не было слабых мест».

И Джордан продолжил свою гонку, переписывая книги рекордов, семь сезонов подряд становясь лучшим снайпером НБА и сделав «Быков» чемпионами этой лиги в последние три из них.

Всякий, кто действительно разбирался в баскетболе, в те годы знал, что в НБА не 324 игрока, а только один. Им был Майкл Джордан, не только самый заметный и волнующий игрок лиги, но и самый лучший.

И в таком качестве он наслаждался всеми атрибутами славы: духовыми оркестрами, светом прожекторов и знаменами. Однако в жизни знаменитости есть собственные препоны, так сказать плата за известность, диссонанс в пении труб. Теперь пресса следила за каждым его движением на площадке и вне ее, каждое его слово и жест описывали тысячи перьев. Наконец, Джордан объявил, что ему теперь «нечего больше доказывать», упаковал свои чемоданы и перебрался с вещичками из спорта, который помогал делать спортом номер один, в игру совершенно другую, в бейсбол, объявившись в нем в качестве аутфилдера команды класса AA «Бирмингемских Баронов».

Проведя один год в бейсболе, Джордан, словно бы притянутый назад резиновым жгутом, возвратился в баскетбол, игру, которую он сделал такой фантастичной, чтобы вновь зажигать толпу и менять показатели на табло. А еще чтобы совершать новые полеты тела и духа, которые заставили Элджина Бейлора сказать о нем: «Если

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru по прошествии двадцати лет баскетбол еще будет существовать, люди будут по-прежнему говорить о Майкле Джордане».

КАРЛ ЛЬЮИС

(родился в 1962 г.)

Карл Льюис никогда не считал, что не сумеет чего-либо сделать, ни одну гору он не находил слишком высокой для себя.

Родившийся в семье двух тренеров-бегунов, Фредерик Карлтон Льюис, подобно большинству таких сыновей, унаследовал «семейный бизнес». В возрасте десяти лет семейство Льюисов уже выпускало своего юного сына на детские легкоатлетические соревнования в краях, недалеких от места своего жительства в Виллингборо, Нью-Джерси. В одном из таких соревнований, матче, состоявшемся в Филадельфии, – просто камень запустить и мост переехать от дома, юный Карл победил в прыжке в длину, в своей «первой любви». По воле случая и судьбы медали в тот день вручал Джесси Оуэнс, ставший победителем в прыжках в длину на Берлинской Олимпиаде почти тридцать шесть лет назад. «Ты талантливый парень, – сказал легендарный чемпион мальчишке. – Ты невысок ростом, но победишь всех длинных ребят». А потом Оуэнс передал молодому человеку, который в свое время делается столь же легендарным спортсменом, как и он сам, некогда полученный совет: «Преданность делу приносит свою награду».

Молодой Карл был наделен «преданностью делу», но роста ему все же не хватало, и он оставался «малышом» до пятнадцати лет. А потом начал расти, да так быстро, что ему пришлось один месяц даже ходить с костылями, чтобы организм сумел приноровиться к столь внушительной прибавке в росте. Когда его организм достиг «взрослого» роста, мастерство его выросло не пропорционально, а по экспоненте, и скоро он начал регулярно побеждать «рослых ребят», причем результат его в прыжке в длину к моменту окончания школы составил 26 футов 8 дюймов (8,12 м).

Имея такие внушительные таланты, молодой человек перекочевал в Хьюстонский университет, где дарования его подверглись шлифовке у тренера Тома Теллеца. Тот охарактеризовал способности своего ученика как «феноменальные», и в порядке доказательства Льюис, еще находившийся совсем в юных годах, восемнадцатилетним попал в олимпийскую команду, готовившуюся к Играм 1980 года сразу по двум дисциплинам: прыжкам в длину и эстафете 4x100 метров. Однако Московская Олимпиада для Америки не состоялась по политическим мотивам, США бойкотировали московские Олимпийские игры из-за вторжения советских войск в Афганистан.

Обнаружив, что интернациональная арена закрыта, Льюис обратился к национальной. К 1981-му он сделался первым номером в беге на 100 метров и прыжках в длину. В 1983 году на чемпионате США он победил на дистанциях 100 и 200 метров и в прыжках в длину, причем тройной победы в этих видах не одерживал никто с 1886-го. А два месяца спустя он завоевал три золотые медали на состоявшемся в Хельсинки чемпионате мира. Но эти результаты были только прелюдией к Олимпийским играм 1984 года. Также искалеченные отсутствием атлетов из СССР и восточноевропейских стран Игры в Лос-Анджелесе сделались праздником американского патриотизма, и весь блеск и помпа должны были продемонстрировать миру Америку во всей ее патриотической красе. Внешняя показуха, демонстрация прелестей американизма затмили спортивное значение соревнований. Но и Карл Льюис был захвачен общим порывом.

Имея возможность посягнуть на четыре золотые медали, как и Джесси Оуэнс на Берлинской Олимпиаде 1936 года, Льюис начал свой золотой штурм с дистанции 100 метров. Отстав поначалу в финале от Сэма Крэдди и Бена Джонсона, Льюис ускорился и к отметке 80 метров опередил обоих соперников так, как если бы они стояли на месте, скорость его на линии финиша составила 45 км/час, а соперников он опередил на целых восемь футов, чего еще не бывало в олимпийской истории.

Следующим видом стали прыжки в длину, где он имел подавляющее преимущество. Став точно в 168 футах от толчковой планки, Льюис застыл ненадолго, а потом опустил голову и бросился бежать по дорожке, энергично толкаясь ногами, напрягая руки и разрубая перпендикулярно поставленным телом воздух. Накатив на доску со скоростью 37 км/час, он оторвался под прямым углом и, подобно некоему бескрылому

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Икару, полетел, два раза передернув в полете ногами. Удовлетворенный своей второй попыткой (854 см) с попутным ветром, Льюис опустил на траву, чтобы обдумать, каким образом лучше использовать предстоявшие ему пять забегов и оставшиеся четыре прыжковые попытки.

Однако пресыщенная толпа не поняла принятое Льюисом решение сэкономить силы для двух последующих состязаний. Им было ясно: он не хочет бороться, что столь же непристойно на поле, как и громкая отрывка в церкви. Недолго поелозив на своих местах и обнаружив, что сказка не хочет завершаться так, как принято в Голливуде, они разразились свистом в адрес спортсмена.

Откровенно говоря, на свете существует очень немного людей, понимающих по собственному опыту, насколько сложно участвовать в соревнованиях мирового класса сразу в беге и прыжках в длину. Льюис же превосходно умел жонглировать своими приоритетами, не сталкивая их. Но хотя он и оказался прав, что подтвердили и его победа в прыжках в длину с преимуществом почти в фут, и третья и четвертая золотые медали, выигранные после отдыха в прыжках, Эй-Би-Си даже не потрудились показать в прямой трансляции его четвертую олимпийскую победу.

Победив в 1983-м на двухсотметровке, Льюис, которого никогда нельзя было обвинить в излишней скромности, назвал свою победу «глазурью на пироге». Когда он начал ликовать на дистанции еще до финиша в соревнованиях на первенство США, его стали укорять за желание «покрасоваться перед партнерами». Даже Эдвин Мозес, патриарх спорта, сказал: «По-моему, Карл слишком выпячивается. Немного скромности не повредит». Слышались и другие голоса: он позер и тщеславный кривляка. Он пижон. Он побеждает слишком легко, без напряжения, даже деланой скромности. Другие указывали на прочие его недостатки, намекая, что Карл, дескать, наркоман или того хуже.

Но даже эти критики вынуждены были признать: он был не таким, как все. На него со всех сторон обрушивались мнения, причем разные, о его разминочном в обтяжку костюме и так далее до его причесок. Он постоянно искушал наполеонов легкоатлетического мира в еще неведомой им прежде манере, требуя деньги за выступление прежде, чем такая идея могла даже забрезжить в головах организаторов соревнований. Кроме того, полагая, что «успех всегда дается ему слишком легко», он обращался к самым различным областям человеческой деятельности, например дизайну и пению, и даже подумывал о том, чтобы играть в футбол. Не стоит ошибаться: Карл Льюис, безусловно, отличался от остальных людей и поступал так, как ему заблагорассудится. Однако Льюису можно простить его слабости, ведь он был всего лишь человеком. Правда, самым быстрым бегуном среди всех людей.

При подготовке к летним Олимпийским играм 1988 года в Сеуле Льюис решил снова доказать, что является самым быстрым человеком в мире, так же как и самым сильным прыгуном в длину, поставив перед собой беспрецедентную цель: повторить победу во всех четырех видах, и подвиг этот делало невозможным уже то, что никому до сих пор не удавалось добиться повторной победы ни в спринте, ни в прыжках.

Первая золотая медаль упала в его руки нежданно-негаданно, после того как Бен Джонсон, пробежавший в финале 100 метров с мировым рекордом за немислимые 9,79 секунды, был дисквалифицирован за применение анаболических стероидов. Льюис стал обладателем нового американского рекорда – 9,92 секунды и обладателем своего пятого золота. Затем состоялись прыжки в длину, в которых Льюис доминировал пять лет, выиграв последовательно пятьдесят пять соревнований. Льюису пришлось прыгать всего лишь через час после окончания второго из двух предварительных забегов. И хотя после трех прыжков он был впереди, на сей раз Льюис решил прыгнуть в четвертый раз, вместо того чтобы приберечь силы для финала на двухсотметровке, как он это сделал в Лос-Анджелесе. Результат его в этой попытке оказался феноменальным – 28 футов 7 1/4 дюйма (872 см) – и принес атлету вторую золотую медаль и шестую в сумме олимпийскую награду.

На этом золотые достижения Льюиса завершились, поскольку протезе и партнер его по тренировкам Джо Делоуч сумел обойти Карла за два ярда до финиша, опередив Льюиса на 0,04 секунды в финале бега на 200 метров, а команда, участвовавшая в эстафете 4x100 метров, была дисквалифицирована за неправильную передачу эстафетной палочки.

К этому времени Льюис находился на вершине международного спринта почти

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru десятилетие, что в два раза превышает обычный срок. Однако в возрасте тридцати лет на мировом первенстве по легкой атлетике, состоявшемся в 1991 году в Токио, Льюис доказал, что он пока еще не самый слабый.

После победы в четвертьфиналах и полуфиналах тренер Льюиса Том Теллец отвел своего подопечного в сторону и с раздражением сказал ему: «В Риме на первенстве мира ты показал свой лучший результат в полуфинале. Лучшим твоим забегом в олимпийском Сеуле был полуфинал. И я не потерплю, чтобы твоим лучшим достижением здесь стал этот проклятый полуфинал».

После подобного упрека Льюис бежал так, словно боялся не оказаться лучшим; после 60 метров он был третьим, после 80 – перешел на второе место, высоко вздымая колени и рубя ладонями воздух, он мчался с пылом атлета куда более младшего возраста. Двигаясь с несокрушимостью поезда, Льюис на отметке 95 метров обошел лидера Лероя Баррелла – «так, как если бы мы стояли на месте», как сказал сам Баррелл – и, накатив на финиш, в восторге вскинул руки к небу, так как оказалось, что результат его превзошел мировой рекорд – 9,86. Всего в том забеге шесть спринтеров вышли из 10 секунд, что в два раза больше, чем в каком-либо другом забеге.

«Но подождите, – как вопит нам с телеэкрана продавец ножей фирмы «Гинцу», – это еще не все». Хотя на первенстве США 1992 года, отборочном перед Олимпийскими играми в Барселоне, карьера Карла Льюиса казалась уже законченной, так как он не попал в команду на обеих спринтерских дистанциях 100 и 200 метров, а был взят в сборную лишь как прыгун в длину и запасной эстафетной сборной, впечатление это было обманчивым. Прехний Льюис, сын ветра, *el hijo del viento*, как прозвали его испанцы, вернулся, чтобы победить Майка Пауэлла, человека, перебившего знаменитый рекорд Боба Бимона в прыжках в длину, и принять участие в победном, с мировым рекордом, забеге эстафетной команды.

Вундер-хрыч снова победил. Прибегнув к известной лишь ему форме регенерации, он добавил два золота Барселоны к своим прежним наградам, в итоге имея шесть личных побед на Олимпиадах и две коллективные – в эстафете, отставая теперь лишь на одну золотую медаль от Пааво Нурми по общему числу олимпийских побед, хотя и сравнившись с ним по количеству индивидуальных наград.

Может быть – просто может быть, что человек, которого Майк Пауэлл называет лучшим легкоатлетом всех времен, никогда не возвращался на беговую дорожку – он просто никогда не уходил с нее.

БОББИ ОРР

(родился в 1948 г.)

Орру было всего одиннадцать лет, когда «Бостон Брюинз» впервые заметили его. Но уже тогда они поняли, что судьба избрала этого молодого человека, что он является будущим команды, что из этого ребенка способен вырасти мужчина, который выведет ее из хоккейной глуши, где она теперь прозябала, что он сможет вновь вознести ее к славе прежних, еще не забытых лет – вспомним хотя бы Кубок Стенли и знаменитую «немецкую тройку»: Бауэра, Шидта и Думарта. Используя все хитрости, имеющиеся в его распоряжении, руководство «Брюинз» всеми правдами и неправдами добилось у Национальной хоккейной лиги права на приобретение этого вундеркинда.

В возрасте четырнадцати лет Орр был отправлен «Брюинз» в команду «Ошава Джэнералз», принадлежавшую к хоккейной ассоциации Онтарио, и этот розовощекий юнец всем своим видом показывал, что, подобно какому-нибудь виртуозу из ковбоев, научившемуся ездить в седле раньше, чем ходить, знает, как надо играть в хоккей.

18-летний талант подписал с «Брюинз» самый выгодный из всех контрактов, заключавшихся с новичками. И с той минуты, когда коньки его соприкоснулись со льдом, Орр начал приносить доход. Один из новых товарищей по команде, поглядев, как новичок обращается с шайбой, подъехал к Орру и сказал: «Я не знаю, сколько тебе платят, но, судя по всему, это все равно слишком мало».

Устроив новичку «крещение» на льду, то есть знакомство с ударами клюшек таких хоккеистов, как Горди Хоу, и после зубодробительных столкновений с защитниками

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru вроде Джона Фергюсона поняв, что Орра не запугать и не стоит напрасно тратить время, коллеги начали смотреть на него с завистью и восхищением. «Он был звездой, – сказал тренер Гарри Синден, – с того самого времени, как на первой игре его первого сезона исполнили национальный гимн».

Орр порхал по льду лишь потому, что у него не было крыльев, чтобы летать, оставляя своих оппонентов пыхтящими и ничего не понимающими. Один из игроков, попытавшись объяснить феномен Орра, сказал: «У него 18 скоростей». Однако главное было не в скорости, а в содержании игры, так как Орр, действуя в качестве четвертого защитника, опроверг утверждение, что защитник не может играть в нападении.

В конце своего первого сезона этот молодой человек был удостоен НХЛ звания «Новичок года». После второго его наградили призом «Норриса», провозгласив его лучшим защитником лиги. Ну а в третий сезон, кампания 1969–1970 годов, наступил полный расцвет достигшего зрелости игрока. Ибо в тот год Орр, оставаясь защитником, стал первым в истории игроком обороны, который сделался лучшим снайпером. Довершая свой «хет-трик», он также добился награды как самый полезный игрок лиги, вновь был награжден призом «Норриса» как выдающийся защитник, а также призом «Конна Смита», присуждаемым самому ценному игроку плей-офф, результатом которого стала первая победа команды Орра в розыгрыше Кубка Стенли после 1941 года.

Скотти Боумен, на глазах которого его собственная команда «Сент-Луис Блюз» уступила финал Кубка во встрече с «Брюинз» (победный гол в овертайме забил Орр), только качал головой и приговаривал: «Говорят, что «Брюинз» начали свое возрождение в том году, когда Орр заключил с клубом контракт. Не верю. По-моему, свое возрождение они начали в 1948 году, когда родился Бобби Орр».

Однако в сезоне 1969–1970 годов Орр только входил во вкус. Следующие шесть лет он непрерывно пил из чаши успеха, набирая каждый раз более 100 очков за сезон; он завоевал еще два приза как самый полезный игрок в команде (при этом стал первым игроком в истории НХЛ, который выиграл этот приз три года подряд); получал приз «Норриса» как самый лучший защитник лиги следующие шесть сезонов. Орр целых восемь лет бегал, а точнее, раскатывал на коньках в качестве почти постоянного владельца этого приза, и вновь привел «Брюинз» к обладанию Кубком Стенли в 1972 году (отнюдь не случайно Орр был назван при этом самым полезным игроком плей-офф, так как опять забил победный гол).

К этому году он уже был назван величайшим игроком обороны в истории хоккея. И более того, Милт Шмидт, генеральный менеджер Бостона, назвал Орра «величайшим игроком из всех существовавших и нынешних». А Кен Драйден, вратарь «Монреаль Канадиенс», добавил: «Орр лучший в хоккее. Я не знаю игрока, который столь очевидным образом доминировал бы в командном виде».

Прежде чем Бобби Орр наконец покорился боли, прежде чем его подвели колени, пострадавшие во многих сокрушительных столкновениях, ему довелось оставить собственную марку – знак наиболее совершенного игрока в истории хоккея. И навсегда доказать, что защитник вправе играть в нападении. Орр умел это делать и преобразил свою любимую игру.

ПААВО НУРМИ

(1897–1973)

Нурми впервые появился на спортивной арене в 1920 году на летних Олимпийских играх в Антверпене: двадцатитрехлетний стайер, грудь колесом, нелюбопытные глаза, заостренные, словно у эльфа, уши и бесстрастное лицо, обладателя которого явно невозможно чем-либо удивить. Однако не облик его, а манера соревноваться привлекли внимание международной спортивной общественности, его целеустремленный бег, прямая спина и шея, размеренный шаг – до последнего мгновения перед финишем, когда он срывался в финальный спурт, словно гончая, наконец увидевшая кролика.

Нурми проиграл первый вид своей олимпийской программы, забег на 5000 метров, по неопытности позволив французу Жозефу Гийемо диктовать темп и обойти себя на

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru финишной прямой. Через три дня Нурми получил возможность возместить потерянное на дистанции 10000 метров. Стоявший в высоком старте возле Гийемо Нурми проворнил старт, с которого первым ушел шотландец Джеймс Уилсон, смотревший вперед с видом человека, не желавшего, чтобы его отвлекали. Однако за два круга до финиша Нурми наконец вышел вперед, и, хотя Гийемо ненадолго обогнал его на последнем круге, финн предпринял новое усилие и опередил его на финише. За этим на играх 1920 года последовали еще два золота – в личном и командном кроссе на 10000 метров.

Тем не менее Нурми, как любитель совершенства, остался неудовлетворенным. Его постоянно мучили воспоминания о выступлении на играх 1920 года, и особенно о поражении в беге на 5000 метров. Вернувшись в свой родной Турку, Нурми разработал жесткую схему тренировок, рассчитанную на научное покорение дистанций. И секундомер сделался обычным его спутником, ибо этот человек намеревался одолеть не противника в беге, а время.

Скоро фигура Нурми с секундомером в руке сделалась знакомой всей Европе. Этот финн, прозванный «Летающим финном», на бегу время от времени поглядывал на циферблат, а на последнем круге, отбросив приборчик на поле, припускал вперед в последнем броске, ставя рекорд за рекордом. Бежавший с точностью часов, Нурми побеждал с мировыми рекордами в шестнадцати соревнованиях и превышал в забеге мировой рекорд не менее двадцати трех раз.

Когда начался стартовый отсчет перед играми 1924 года, Нурми перешел к более интенсивным тренировкам, начал с длинной прогулки и утренних упражнений. Кроме того, по утрам он несколько раз пробегал от 80 до 400 метров, всегда на полной скорости. Потом он преодолевал милю, всегда выходя из пяти минут. И только затем Нурми завтракал. О его тренировках начали ходить слухи, поговаривали, что он ест только черный хлеб и рыбу, хотя впоследствии он спросил у одного журналиста: «А зачем, собственно, нужно ограничиваться этими продуктами?» Оставшуюся часть утра он посвящал бегу на дистанции от 400 до 500 метров. После полудня он приступал к бегу по пересеченной местности, посвящая кроссу 10–25 минут, после чего следовало несколько кругов по 400 метров при примерно 60 секундах на круг. После вечерней трапезы Нурми ходил час или два, покрывая милю примерно за пятнадцать минут. Он поклялся перед собой: никогда более не полагаться на догадки. Отныне судьба его находилась в его же собственных руках – точнее в руке, в облике секундомера.

Столь всепоглощающая преданность долгу – и времени – позволила Нурми совершить задуманное утром 10 июля 1924 года. Когда учредители Олимпийских игр в Париже объявили программу легкоатлетических соревнований, оказалось, что финальные забеги на 1500 и 5000 метров будут разделены половиной часа. Представители олимпийского комитета Финляндии протестовали, полагая, что Нурми едва ли хватит получаса, чтобы восстановиться после бега на 1500 метров. Без особой охоты французские чиновники увеличили интервал до пятидесяти пяти минут, казалось бы, оставляя повторный успех недостижимым даже для Пааво Нурми.

Но Нурми увидел в происходящем лишь еще один брошенный ему вызов. Точно так же воспринял он падение на заледенелой дороге, повлекшее за собой травму обеих ног на Пасху того же года. 19 июня, за три недели до обоих олимпийских финалов, Нурми пробежал обе дистанции по предложенной ему схеме, сперва преодолев 1500 метров с мировым рекордом за 3:52,6, а потом, после часового отдыха, и 5000 метров еще с одним мировым рекордом, за 14:28,2.

В первом из двух забегов, на дистанции 1500 метров, Нурми пробежал начальные 500 метров с головокружительной скоростью, быстрее, чем пробежит их Джим Райен в 1967-м при установлении нового мирового рекорда. Затем, в последний раз проконсультировавшись со своим секундомером, прежде чем бросить его на траву, Нурми в спринтовом темпе обеспечил себе отрыв в сорок метров, а после сохранил его, сберегая силы для предстоящего бега на 5000 метров, и финишировал на полуторакилометровке с олимпийским рекордом 3:53,6. И сразу же, избегая всяких проявлений победного ликования, он подобрал свой свитер и отправился в раздевалку, чтобы передохнуть перед следующим испытанием – дистанцией 5000 метров.

Через считанные минуты Нурми занял свое место на старте забега на 5000 метров, расположившись возле своего соотечественника Вилле Ритолы, который одержал победу в беге на 10000 метров четырьмя днями раньше. Нурми, расстроенный тем,

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru что тогдашние финские спортивные руководители поставили Ритолу вместо него в беге на 10000 метров, не позволив защитить титул олимпийского чемпиона, решил «бежать за себя, а не за Финляндию» и доказать всему миру, что является лучшим стайером не только Финляндии, но и Олимпиады. Однако соперники, пытавшиеся воспользоваться предполагаемой усталостью Нурми, с самого старта задали жуткую скорость, пробежав первую тысячу метров с той же скоростью, с какой это будет сделано сорок восемь лет спустя, в олимпийском финале 1972 года. Бежавший ровным и механическим шагом, хладнокровно вымеряя шаги, Нурми выдержал темп, и с половины дистанции возглавил забег. Потом, на последних восьми кругах, Нурми, как всегда не оглядывавшийся, держался в нескольких ярдах впереди преследователей. Наконец, следуя своему обычаю, Нурми в последний раз сверился с секундомером, бросил его на траву внутрь поля и, предоставив всем остальным участникам забега право с унынием лицезреть свои пятки, помчался к финишной ленточке, на которую накатил с олимпийским рекордом 14:31,2.

Нурми еще продолжит свою карьеру, он выиграет еще три золотые медали на Играх 1924 года – личный и командный кросс и командный бег на 3000 метров, он завоюет еще две серебряные медали и одну золотую на Олимпиаде 1928 года, победив на дистанции 10000 метров. Но двумя вершинами, с которых он будет вечно взирать на весь олимпийский мир, останутся два этих забега, два олимпийских рекорда, поставленных в тот день 1924 года.

Нурми еще раз услышал приветствия в свой адрес на состоявшихся в Хельсинки Олимпийских играх 1952 года, когда этот пятидесятипятилетний герой своей страны был удостоен чести пронести олимпийский факел вокруг Олимпийского стадиона. Когда семьдесят три тысячи наэлектризованных и взволнованных болельщиков увидели на дорожке знакомую летящую фигуру, стадион взорвался едва ли не подземным грохотом, мгновенно превратившись во всеобщий рев. А потом на электрическом табло над стадионом загорелись гигантские буквы – НУРМИ – и трибуны охватило патриотическое воодушевление.

Такое приветствие вполне подобало человеку, о котором писатель Корднер Нельсон некогда написал: «След, оставленный Нурми на беговой дорожке, оказался глубже следов прочих бегунов, выступавших до и после него. Он более прочих вознес славу бегу – как основному виду спорта».

ВИЛЛИ МЕЙЗ

(родился в 1931 г.)

Молодой Мейз, когда ему стукнуло двадцать лет и две недели, был принят в команду «Нью-Йорк Джайентс» («Гиганты») 25 мая 1951 года, прихватив с собой из Миннеаполиса в среднем 0,477 на бите плюс надежду на то, что он каким-нибудь образом сумеет снова поднять эту команду к высотам. Дело в том, что «Джайентс» были в ту пору гигантами лишь по названию.

Если послушать разглагольствования менеджера Лео Дюрочера, повествующего о явлении Мейза, можно подумать, что Мейзу был гарантирован прямой – без единой игры – проезд до Куперстауна [18 – Родина бейсбола, место нахождения музея этой игры и Зала бейсбольной славы.]. Однако в трех своих первых играх будущий герой «Джайентс» не взял ни единого очка. Потом, в своей четвертой игре на тринадцатой подаче, Мейз, стоя перед будущим персонажем Зала славы Уоррена Спана, отправил мяч вверх по восходящей дуге над крышей стадиона «Поло Граундс», а диктор Расс Ходжес проводил его следующими словами: «Ну пока, бэби».

Медленно, но верно Мейз стал набивать своей битой целую кучу очков. И «Джайентс» начали гонку за лидером.

12 августа 1951 года «Джайентс» разворошили уже гаснувшие угольки надежды, начав свою состоявшую из шестнадцати матчей победную серию, которой, по словам журналиста Реда Смита, «не было равных». Серединой этой полосы стали три матча «Доджерс» и «Джайентс», причем Мейз теперь занимал центральное положение в качестве полевого игрока. В средней из этих трех игр новобранец исполнил то, что журнал «Тайм» назвал «броском с большой буквы». При ничьей 1:1 Мейз, напавшись против течения и следуя безошибочному инстинкту, поймал посланный Карлом Фурилло и пролетающий слева от него мяч и, вместо того чтобы остановиться

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru и бросить, повернулся на месте, совершив балетный пируэт и «бросил мяч как по ниточке» кетчеру Веструму, получив достаточное времени, чтобы обежать быстро и лишившегося дара речи Кокса. Бросок Мейза лишил дара речи и менеджера Бруклина Чака Дрессена, не поверившего собственным глазам и воскликнувшего: «Ему придется проделать этот фокус еще раз, чтобы я мог поверить!»

И начиная с этого волшебного мгновения, Мейз сделался любимцем понимающих любителей.

К концу сезона, как скажет вам любой разбирающийся в статистике школьник, «Джайентс» совершили невозможное, достали «Доджерс» у самой финишной черты, а потом переиграли их в последней встрече. Но как сказал сам Дюрочер: «Искрой был Мейз». И об этом знали все.

Погостив два года в армии США, Мейз вернулся в 1954-м, чтобы начать там, где кончил, возглавив список лучших на бите при 0,345 в среднем и вновь приведя «Джайентс» к чемпионскому титулу.

Однако своей вечной славой Мейз обязан одному великолепному моменту, который навсегда останется засушенным между страницами времени. Это произошло в мировой серии 1954 года, соперниками «Джайентс» были «Кливлендские Индейцы», победившие в рекордном количестве игр (111) и в качестве явного фаворита готовые добавить «Джайентс» к списку своих жертв. «Индейцы» числили в своих рядах таких людей, как Эрли Винн, Боб Лемон, Эл Розен и Бобби Авила, а также одну из самых широких спин в атаке, принадлежавшую Вау Вертцу. И так, Вертц, гордый обладатель трех удачных подач из трех в первой игре серии, вышел на пластину в восьмой подаче при счете 2:2 при двоих на поле. Дюрочер заменил стартового питчера Сэла Магли на своего леворукого реливера Дона Лиддла, что, по мнению Дюрочера, должно было угломонить Вертца. Лиддлу предстояло играть только одну подачу, как раз в рулеву рубку Вертца. Но то, что произошло потом, вошло в историю бейсбола.

Вертц перехватил мяч широкой частью своей биты и, вложив в бросок весь свой вес, послал снаряд на самые дальние просторы центрального поля. Большинство аутфилдеров не сумеют нанести удар по такому мячу. Большинство, но только не Вилли Мейз, который без труда покрывал расстояние, достаточное для того, чтобы на нем паслось стадо овец. И Мейз взял с места спиной к базе и щелкнул битой. Мяч не поплыл по параболе, медленно раскачиваясь на ветру – особенно потому, что день был безветренный, а прорезал воздух как дорожку намазку, продолжая свой беспрепятственный полет.

Контролируя свой бег и направляясь в точности известную ему точку, Мейз неслся на фарлонг, опережая мяч, передвигаясь с решительностью и всей возможной скоростью. На середине шага он оглянулся – коротко, на наносекунду – а затем вновь отдался своему головокружительному спринту. Мяч уже начинал свой полет к земле, направляясь на зеленое поле возле дорожки, справа от ее середины, в 480 футах от исходной точки. И тут под ним возник Мейз, мчавшийся так, как если бы он, и только он один знал, где именно снаряд упадет на землю. Непередаваемой красоты движением протянув вперед сложенные ладони, Мейз поймал ставший невесомым и повисший над его плечом мяч в нескольких футах от поля.

Болельщики, сперва онемевшие, разразились восторженными воплями, превратив трибуны в гигантский эолов тромбон. Но Мейз заставил их тут же умолкнуть, добавив еще один классический штрих к своему невероятному перехвату. Осторожно и бережно задержав мяч в руках, Мейз движением, соединяющим изящество и преклонение, выставленной вперед ногой остановил свое движение по полю, описал пируэт и, напрягая все фибры своего существа, скорее выпустил из рук чем бросил мяч, потеряв при этом и равновесие и бейсболку. Мяч пропорхнул назад до края инфилда, титанический бросок оказался под стать столь же титаническому удару Вертца.

Перехват Мейза – впоследствии известный как «тот Перехват» – и бросок решили исход игры, если не всей серии. Забудем о пробежке на базу Дисти Родса и четыре игры «Индейцев» с «Джайентс». Но если почести остались за «Джайентс», вся слава – и тогда и после – выпала на долю Мейза.

Слава Вилли Мейза росла, поддерживаемая почтительными анекдотами, раскрашиваемыми подробностями и перекраивавшимися в соответствии со вкусами рассказчика. Они рассказывали о «броске», «перехвате», «баскетбольных поимках

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru мяча», отыгранных базах, громких ударах и подачах навывлет. И все они, конечно, исходили от Вилли, они как бы выбегали из-под его бейсболки, словно бы ее сшили на размер меньше, чем надо, как и было на самом деле.

Возможно, именно поэтому один из самых великих фанов «Джайентс» всех времен, Таллалах Бэнкхед, некогда сказал: «В мире было только два гения – Шекспир и Вилли Мейз». И что бы ни рассказывали и ни повторяли люди, все их слова позволяют прийти к единственному заключению: человек, известный под именем Вилли Мейз, был красив. А еще он оставался вечным мальчишкой.

МОХАММЕД АЛИ

(родился в 1942 г.)

Отчасти шоумен, отчасти менеджер, а в целом чемпион, Мохаммед Али был в боксе – нет, точнее в мире – чем-то вроде Гаммельнского Крысолова, всегда возглавлявшего собственное шествие во главе отряда поклонников, и так было и в шестидесятых, и в семидесятых годах.

Появившись на сцене в ту пору, когда о чемпионатах мира в тяжелом весе – да, пожалуй, и обо всем боксе – услышать можно было нечасто, этот юноша, звавшийся Кассиусом Марцеллусом Клеем первую половину своей жизни, доказал, что обаяние впечатляет не менее, чем талант, всего за какие-то три года став самой знаменитой и яркой фигурой в мире спорта. Он выхаживал с видом карнавального актера и считал славу своей собственностью до такой степени, что сам присвоил себе титул «Величайшего», который многие готовы были отдать этому бойцу после двух кряду побед над, казалось бы, непобедимым Сонни Листоном.

Добавляя словесные выпады к удивительной быстроте на ринге, Али внес в бокс некую театральную нотку, и от его «трепотни» головы противников кружились не хуже, чем от ударов.

Али начал предсказывать исходы своих боев, посмотрев «Великолепного Джорджа».

«Я просто слышу, как этот белый парень говорит: "Я – величайший борец мира. Меня нельзя победить. Я – величайший! Я – король! Если этот молокосос сумеет вздуть меня, улетаю следующим самолетом в Россию. Меня нельзя победить. Я – самый красивый. Я – величайший!" Когда он появляется на ринге, все начинают вопить от злости. О да, все просто вопят против него. И я тоже был в бешенстве. Я огляделся и увидел, что все вокруг тоже в бешенстве». Али осенила идея. «Я увидел вокруг пятнадцать тысяч людей, которые ждут, что этого парня отлупят. И этого он добился собственным языком. Тут я сказал, что это действительно хоороооошая идея!»

И тогда молодой боксер начал горячить себя словами, предсказывая, в каком точно раунде он разделается со своим следующим противником: «Арчи[19 – Мур] нагуливал тут бока / я намереваюсь отправить его на пенсию / когда вы, ребята, придете на бой, не застревайте в дверях и проходах / потому что всем вам придется идти домой после четвертого раунда».

Подобной бравады привыкшие к предматчевой похвальбе болельщики еще не слышали. И они валили в зал толпами, чтобы увидеть собственными глазами, как наглеца отделают. Но, увы, сценарий повторялся раз за разом: после названного заранее числа раундов он укладывал своего противника «на отдых», а сам оставался красоваться на ринге, пока болельщики изливали свой пыл.

У всего было свое название или смысл, противники его носили клички «медведь» (Листон), «мумия» (Джордж Формен), «прачка» (Джордж Чувало) и «кролик» (Флойд Паттерсон); собственные его маневры имели имена «шарканье Али», «греби-дозу» и «якорем по башке». Все они вошли в лексикон благородной кулачной забавы.

Али прославился удивительно меткими фразами. Леона Спинкса он назвал настолько уродливым, что «когда на щеку его выбегает слеза, она тут же пугается и поворачивает обратно». Когда кто-то спросил, не боится ли он Сонни Листона, Али ответил: «Слушай, черный парень пугает белого много больше, чем черный черного».

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Однако именно одно из этих острых словечек ударило по нему самому и лишило «Величайшего» почти трех лет карьеры, причем в то самое время, когда он находился на пике мастерства и славы. Ибо когда Али, он же рядовой призывник номер 15-47-42-127, получил категорию 1-А и журналисты спросили его мнение относительно местной Луисвиллской призывной службы, он ответил им: «Я не в ссоре с Вьетконгом». Эта фраза и основанное на религиозных соображениях нежелание присутствовать при собственном призыве во время войны во Вьетнаме предоставили местным Бэббитам [20 – Герой одноименного романа Синклера Льюиса, чье имя сделалось символом самодовольного и ограниченного бизнесмена средних лет, не видящего далее своего носа. (Прим. перев.)], ведавшим боксерскими организациями, достаточно топлива, чтобы разжечь скандал, лишить его чемпионского звания и возможности выступить на ринге.

Он выжил, как могли выжить немногие – взбрыкнув против системы. Тем не менее в итоге он победил, и Верховный суд Соединенных Штатов единодушно принял решение в его пользу. Али триумфально вернулся в 1970-м после трех с половиной лет отсутствия на ринге, чтобы стать тем, кем он был, – непобежденным чемпионом мира в тяжелом весе.

Теперь Мохаммед Али перерос бокс, выйдя за пределы ограниченного канатами ринга, чтобы сделаться символом семидесятых годов – как человек, бросивший вызов системе и победивший. Невзирая на поражение от Джо Фрезера в пятнадцатираундовом поединке, названном «Боем с большой буквы», Али остался «Чемпионом народа» – звание, которое он вознес до звания «Чемпиона мира» в ошеломляющей восьмираундовой схватке с Джорджем Форменом – знаменитой «Грозе в джунглях», состоявшейся в 1974 году.

И хотя Али предстояло драться еще четыре года и совершить после возвращения две неудачные попытки отвоевать титул чемпиона, в глазах многих он так и остался Величайшим.

ДЖЕККИ ДЖОЙНЕР-КЕРСИ

(родилась в 1962 г.)

«Я не знаю ни одного человека на свете, который может сказать что-нибудь плохое о Джекки», – сказал Фред Томпсон, выполнявший обязанности помощника тренера женской легкоатлетической команды на Олимпийских играх 1988 года. Валери Бриско, давняя подруга Джойнер-Керси и трехкратная олимпийская чемпионка добавила: «После Олимпиады (1984), когда мне пришлось тяжело, Джекки всегда присылала мне подбадривающие открытки и письма».

Такая доброта была выкована в кузнице ее души в раннем возрасте матерью, хотевшей для дочери того, чего у нее самой никогда не было. Названная Жаклин – в честь первой леди Соединенных Штатов – заботами собственной бабушки, которая не сомневалась в том что «однажды эта девочка станет первой леди в каком-нибудь деле», молодая Джекки получила в свои руки моральный компас, настроенный матерью на верный курс: следует всегда быть доброй с людьми и знать, что одна-единственная ошибка может иметь сокрушительные последствия.

Первое было несложно – в отличие от последнего. Особенно в городке Ист-Сент-Луис, Иллинойс. Бездействующие фабрики, обветшавшие дома, загруженные склады. Ист-Сент-Луис не был городом настоящего и в еще меньшей степени будущего, и главным ощущавшимся в нем стремлением было стремление покориться давлению улицы, где одних испорченных детей до бесконечности сменяют другие, где нужно отойти на пять кварталов, чтобы убраться подальше от места преступления. В раннем возрасте Джекки вместе с братом Элом, олимпийским чемпионом 1984 года в тройном прыжке решили что «когда-нибудь мы сделаем это – мы победим». И они решили выбрать спорт.

Юная Джекки сперва посвятила свое свободное время таким подходящим молодой особе занятиям, как современные танцы и группа скандирования. Потом, в возрасте девяти лет, она поступила в легкоатлетическую команду в местном рекреационном центре. Однако, хотя специализировалась она на беге в четверть мили, любимым видом ее являлись прыжки в длину. «Когда я начала заниматься легкой атлетикой, никто не хотел, чтобы я прыгала, – вспоминала она. – Я зарекомендовала себя в беге, и мои

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru тренеры хотели, чтобы бег оставался моим единственным делом. Прыгуньей я стала едва ли не случайно. Тренер ждал, пока одна из девушек соберется для прыжка, и я просто разбежалась и прыгнула. Он был удивлен тем, насколько далеко я улетела. И с тех пор меня стали считать прыгуньей в длину». Тут она добавила: «В известной мере, я по-прежнему бунтую и хочу делать именно то, чего мне когда-то не разрешали».

Но этой бунтарке пришлось смириться, столкнувшись с еще более строгими правилами поведения, установленными ее матерью. «В десять или двенадцать лет я была горячей и быстрой предводительницей группы скандирования, – вспоминала она в интервью, данном «Спортс Иллюстрэйтед». – Но моя мать сказала голосом, не допускающим возражений, что я не буду водиться с ребятами до тех пор, пока мне не исполнится (тут она сделала паузу, чтобы подчеркнуть сокрушительную окончательность такого решения)... восемнадцать лет! И тогда я бросилась (опять пауза, пусть гадают: под поезд? в реку?) в спорт и учебу».

Вот так Джекки погрузилась в спорт. Всем сердцем. В волейболе она была капитаном команды. В баскетболе в среднем набирала 21 очко и делала 14 подборов за игру, три раза была отмечена по штату и два раза по Америке. В выпускном классе она привела свою команду «Тигрицы» к победному результату 52,8 очка за игру и к титулу чемпионки штата.

Однако невообразимых высот она достигла в легкой атлетике. В тринадцать лет она прыгала на 17 футов (5,2 м). В четырнадцать принимала участие в юношеском олимпийском пятиборье, выиграв четыре вида. Своей юниорской весной она прыгнула в длину, установив рекорд штата Иллинойс – 20 футов 7 1/2 дюйма (6,29 м), и довела его потом до 22 футов 4 1/4 дюйма (6,82 м). Ну а для комплекта она стала чемпионкой штата на дистанции 400 метров.

Удостоившись почитания в качестве величайшей спортсменки в истории школы, Джекки могла подумать, что исполнила желание стать первой. Но лучшее было еще впереди.

Закончив Линкольнскую среднюю школу, Джекки упаковала свои сумки – а вместе с ними и таланты – и перебралась по возможности подальше от материнского абсолютизма – в Калифорнийский университет, Лос-Анджелес. Достигнув восемнадцати лет, она «более не волновалась по поводу мужчин, тряпок и вечеринок». Кризис миновал.

Но теперь ей предстоял кризис настоящий. Хотя она правильно разложила свои карты, вмешавшаяся судьба припасла для нее крапленую – к тому же с самого низа колоды. В самой середине ее первого студенческого года, в январе 1981-го, случилось непостижимое. Ее мать в возрасте тридцати восьми лет была сражена редкой формой менингита и теперь лежала в коме. Вызванные домой дети, Джекки и ее брат Эл, посмотрели на мать, помолились и попросили врачей отключить аппарат искусственного дыхания. Через два часа мать их скончалась. Джой Даккетт Кейн так написала в журнале «Эссенс»: «Убитая горем семья погрузилась в состояние шока. Похороны прошли самым жутким образом. Одна из дочерей потеряла сознание, с другой случился припадок, сын едва мог говорить. Лишь старшая из дочерей, Джекки, оставалась спокойной и не плакала во время похорон и после них». «Я ощущала себя прочным звеном, – вспоминает теперь Джекки Джойнер-Керси. – Если я вернусь к занятиям и займусь тем, что мне положено делать, все поймут. Джекки вернулась к своим собственным делам, значит, и нам пора вставать и перестать плакать. Мне казалось, что все ждут примера именно от меня».

Джекки вернулась в Калифорнийский университет: начинать с прежнего места, возобновить занятия науками, баскетболом и легкой атлетикой. Но теперь, когда рухнула опора ее стойкости, дрогнула и ее жизненная хватка. И Боб Керси, помощник тренера по легкой атлетике, предложил ей свое плечо.

Керси приехал в Калифорнийский университет на должность помощника тренера в 1980 году, за несколько месяцев до кончины матери Джекки. Керси, также потерявший свою мать в восемнадцатилетнем возрасте, предложил помощь Джекки, которой нужно было выговорить свое горе.

Керси помог Джекки не только в этом. Тренировавший женскую спринтерскую команду Керси «понял, что по кампусу расхаживает талант, которого никто не замечает». Поскольку к его предложениям никто не прислушивался, Керси отправился к директору по спортивным делам с предложением, на которое нельзя было ответить

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru отказом. Керси, по собственному описанию «человек жестокий», как всегда облек свое предложение в форму ультиматума: «либо я тренирую ее в барьерном беге, прыжках в длину и многоборьях, либо умываю руки, так как расходовать ее таланты таким же, что и теперь, образом, значит, попусту растрачивать их».

Джекки сперва уперлась в землю копытцами, не желая отказываться от баскетбола и возлюбленных прыжков в длину. Но невзирая на сопротивление, она постепенно согласилась с Керси и усердно занялась пятиборьем и семиборьем.

Оттачивая ее скорость и прыжок, шлифуя броски и умение преодолевать барьеры, Керси видел не только прогресс, он видел в этой девушке способность стать рекордсменкой мира. Однако время столь дальних помыслов еще не пришло. Дело в том, что, хотя Джекки прошла отбор и попала на чемпионат мира 1983 года, в Хельсинки ей пришлось сняться с соревнований в первый же день, так как боль впиалась в ее ногу, после того как она потянула сухожилие. Потом в Олимпийском Лос-Анджелесе 1984 года она прыгала неважно и проиграла семиборье, уступив в борьбе за золото всего пять очков (6390–6385) Глинис Нанн из Австралии.

Но 1986-й стал годом Джекки Джойнер – или, точнее, Джекки Джойнер-Керси, потому что в январе того года она вышла замуж за Боба. Отношения их складывались просто, вне стадиона он был ей мужем, а на стадионе – тренером. Комбинация оказалась работоспособной, что доказали ее результаты в том самом году. 7 июля на Играх доброй воли в Москве Джекки первой из женщин превысила в семиборье отметку 7000, поставив новый мировой рекорд – 7148 очков. И уже 2 августа, всего двадцать шесть дней спустя, превысила его на 10 очков на Спортивном фестивале в Хьюстоне.

Начиная с этого мгновения, она почти не знала поражений, в непринужденной манере побеждая в семиборье в соревновании за соревнованием, и в частности, выиграв олимпийское золото Сеульских игр 1988 года с новым мировым и олимпийским рекордом в 7291 очко. Пять дней спустя она победила в прыжках в длину с новым олимпийским рекордом в 24 фута 3 1/2 дюйма (748 см), причем победительница в многоборье впервые за шестьдесят четыре года сумела выиграть золото и в другом виде программы. Второе олимпийское золото в семиборье пришло к ней в 1992 году в Барселоне и было завоевано с результатом 7044 очка, к нему присоединилась золотая медаль чемпионки мира 1993 года. Если учесть, что в ее репертуаре значились еще и бег на 400 метров и 60 метров с барьерами, вы поймете, что имеете дело с особой, вполне законным образом претендовавшей на титул, некогда принадлежавший Бейб Дидриксон Захариас, – звание «Величайшая спортсменка мира».

Ее победные достижения были увенчаны внушительным количеством призов, которого хватило бы, наверное, и для того, чтобы открыть собственную «трофейную» лавку, поскольку она становилась обладательницей всего, что только есть на свете, – начиная от кубка Бродерика через приз лучшего спортсмена года, вручаемый «Ассошиэйтед Пресс», и до престижного «Приза Салливана». Но Джекки завоевала и нечто куда более важное, чем обыкновенные спортивные награды: она заслужила восхищение и благодарность всех знатоков спорта своими неизмеримыми трудами за пределами стадиона. Руководствуясь в качестве принципа собственными словами: «Я верю в то, что олимпийский чемпион должен отдавать свой долг молодежи и обществу», Джекки Джойнер-Керси отдала несчетные часы своему Ист-Сент-Луису, родному городу, пожертвовав часть своих призовых денег фонду своего собственного имени, действующему в этом городе. Брюс Дженнер называет это стройное (179 см и 68 кг) чудо «величайшим среди многоборцев, как мужчин, так и женщин». Билл Косби полностью соглашается с ним, называя Джекки Джойнер-Керси «лучшей спортсменкой мира среди всех спортсменов вне зависимости от пола». А муж Боб, имея в виду многочисленные заслуги жены и на стадионе и вне его, утверждает: «Точка еще не поставлена». И это очень приятно слышать.

ТАЙ КОББ

(1886–1961)

Тай Кобб исповедовал теорию, утверждающую, что «бейсбол отчасти сродни войне». Так он и играл – негодуя, охваченный неутолимый гневом и пылающей яростью.

Какой-нибудь грошовый психолог назвал бы такую устремленность его души

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru соревновательной паранойей или даже манией величия. Но дело не в том – жизнь Тая Кобба была сродни современной версии греческой трагедии. Точнее, горечь, питавшая наполнявших его душу демонов, была рождена семейной трагедией, случившейся, когда мать молодого Тайруса приняла его отца за лезущего в окно спальни грабителя и выстрелом уложила его на месте. Рана так и осталась навсегда открытой, и Кобб играл каждую из 3033 своих игр с тлеющими в груди угольями, выходя на поле как на свою последнюю битву, кипя и бурля внутренним волнением.

Терзая обнаженные нервы своей души, Кобб вел на поле «войну», не забывая при этом сокрушать рекорды. Долгий перечень достижений Кобба включал: двенадцать чемпионских титулов по бэттингу, причем восемь из них были завоеваны последовательно; рекордное количество игр; высочайший показатель по бэттингу за всю карьеру (0,367); двадцать три последовательных сезона по 0,300; наибольшее количество результативных пробежек и так далее, и так далее. Уйдя из бейсбола в 1928-м, он оставил девяносто рекордов.

Находясь на месте бэттера, Кобб напоминал собой легкий камертон, нависавший над площадкой в левостороннем упоре, разведенные на несколько дюймов руки его держали битку жестом маленького мальчика, поднявшего обе ладони, чтобы бабушка его могла перемотать шерсть, – чтобы лучше владеть битой, чтобы лучше видеть полет посланного мяча. Частенько Кобб запускал мяч на противоположное поле, осуществляя изобретенный им самим прием, отступая назад, он переводил мяч налево, едва не оставляя площадку и посылая мячи налево, направо, куда угодно.

И все же, как признавался даже сам Кобб, дело было не в природной меткости. Именно быстрота помогала ему и отбить, и ударить, и добавить еще очков 50 к своему среднему показателю. Возможно, Кобб проиграл бы забег на 100 ярдов нескольким другим игрокам, но никто и никогда не бежал вокруг 360-футового «бриллианта» быстрее его.

Выделяла его именно скорость у базы. Гарри Хупер, аутфилдер, удостоенный места в Зале славы, говорил, что, каким бы великим бэттером ни был Кобб, «он являлся еще более великим бегуном вокруг базы». Обладая молниеносной нервной реакцией, он производил хаос на дорожках у базы, он не бежал, а мародерствовал. И если кто-нибудь смел встать на его пути, Кобб был готов «вырвать сердце даже у лучшего друга, если он посмеет преградить мне дорогу». Он украл столько баз, что менеджер Кливленда Ли Фоль сказал однажды с отчаянием. «Он украл у нас все, кроме игровой формы».

Но под всем этим огнем и жадой битвы таились тонкий расчет и хитрость. Он докапывался до корней команд-соперниц, изучая их, его мозг задумывал хитрость или подмечал слабость, оставляя свои задумки дремать до того мгновения, когда они понадобятся в игре. Изучив тактику игры питчера, он всегда знал, какое мгновение нужно использовать для старта – быстрого прыжка. Рей Шальк, кетчер из Зала славы, покачивая головой, с благоговением вспоминал: «Трудно было поверить в те вещи, которые он вытворял на поле перед твоими собственными глазами».

Но визитной карточкой Тая Кобба было утрашение. «Топорща иглы», он сидел во рву «Детройтских Тигров» перед игрой. Или принимал участие в великой бейсбольной традиции перебранки, указывая на дефекты в духовном облике соперников и произвольным образом перебирая недостатки их предков.

Нечего удивляться тому, что болельщики команд-соперниц относились к Коббу примерно с той же симпатией, которую жители европейских стран испытывали к навалившимся на них гуннам. В частности, в Нью-Йорке его называли «Ужасным Тайрусом».

Если ему не мешали, Кобб готов был вызвать своих многочисленных врагов – болельщиков, судей и даже собратьев по команде – на кулачный бой. Эрли Комбс из команды «Янки» повествует о нем: «Коббу ничего не стоило поиздеваться, да что там, подраться, с кем угодно. Действительно – с кем угодно».

Среди многочисленных достижений Кобба предметом его наибольшей гордости было число результативных пробежек. Как писал о нем Грантленд Райс: «Боже! Как он сконцентрирован на этих пробежках». Однажды через дюжину лет после завершения карьеры он находился в Детройтском атлетическом клубе с Нигом Кларком, старым кетчером Кливленда. Слово за слово, и Кларк вспомнил о своем патентованном приеме, заключавшемся в коротком толчке. И потом – в быстром вскидывании

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru перчатки в сторону, указывая на третий аут. Тут Кларк расхохотался: «Вот так я надул многих раннеров. И тебя тоже, Тай, по меньшей мере десять раз». Побагровев, как старый индюк, Кобб с надувшимися на шею жилами бросился на Кларка и принялся душить его с воплем: «Из-за тебя я недобрал десятки пробежек».

Словом, в сердце Кобба были такие струны, к которым лучше было не прикасаться. Немногие пытались сделать это за двадцатичетырехлетнюю карьеру самого властного из всех доминировавших в бейсболе игроков.

РЕД ГРЕЙНДЖ

(1903–1991)

Великий атлет всегда опережает свое время. Или отстает от него. Ред Грейндж своему времени соответствовал.

Его можно назвать наполовину человеком, наполовину мифом. Весь вопрос заключается в том, какую именно половину его составлял миф? В веке, изобиловавшем героями, Гарольд Эдвард Грейндж казался выше многих и бежал он быстрее всех. Следуя примеру Фрэнка Мерривела, он заставил невозможное казаться возможным, а просто возможное стало в его руках весьма вероятным. Эпическое величие этого человека с футбольным мячом под мышкой рождало разные прозвища в странной манере, присущей двухцентровым спортивным изданиям двадцатых годов, живописавшим деяния спортивных звезд тех лет. Его звали то «Скачущим Призраком», то «Летучим Ужасом», то «Уитонским мороженщиком», и просто стариной Редом – из-за буйных рыжих волос цвета продымленной пенковой трубки. Грейндж сфокусировал внимание нации на спорте, который до его появления считался разве что наполнителем газетных страниц между бейсбольными сезонами.

Выросший в Уитонской средней школе, Иллинойс, молодой Гарольд Грейндж представлял собой молодца ростом в 179 см и весом в 78 килограммов, свободно уходившего от приближающихся защитников и добившегося 75 заносов за три года игры в университетском футболе. К этому следует добавить еще 82 очка после заносов, и получим невероятные 532 набранных им очка. И словно ему этого было мало, Грейндж так же блистал в баскетболе, бейсболе и легкой атлетике.

В те дни право учиться в колледже еще не предоставлялось спортсменам с той же легкостью, как в нынешние времена, и этот феноменальный игрок остался за пределами колледжа, когда пришло его время. И это невзирая на тот факт, что всего лишь за год до этого, во время первенства штата по легкой атлетике, происходившего в Шампани, Иллинойс, футбольный тренер Боб Зупке познакомился с Грейнджем и сказал ему: «У тебя есть шанс попасть в здешнюю команду».

И Грейндж поступил в Иллинойский университет, потому что «все парни штата хотели играть у Зупке» и еще потому, что «учеба там обходилась дешевле, чем в других местах». И уже в своей первой игре среди новичков он совершил два заноса. И с этого времени Зупке внимательно следил за этим восемнадцатилетним парнем.

На тренировках следующей весной Грейндж – теперь шестифутовый и весящий 84 кг детина – получил номер, который и принес ему славу: 77. Многие считали этот номер вдвойне счастливым.

Номер 77 начал с самой первой игры прославлять его имя. Во встрече с сильной командой Небраски в первой четверти встречи он совершил 35-ярдовый занос, добавил к ним 6 ярдов во второй четверти и еще 6 очков – в третьей. К концу сезона Грейндж имел на своем счету двенадцать заносов, 1296 ярдов пробежки и был включен Грантлендом Райсом в состав сборной страны.

Но день, сделавший Грейнджа величайшим из полевых раннеров всех времен и превративший его в живую легенду, настал в следующем году, 18 октября 1924-го. В тот день Иллинойс принимал у себя своих сочемпионов предыдущего года среди команд Конференции среднего запада, Университет Мичигана. Грейндж принял первый удар на своей 5-ярдовой линии, пересек все поле словно ножницы бумагу, разбрасывая на ходу защитников «Росомах», и беспрепятственно пробежал остающиеся 95 ярдов. Две минуты спустя Грейндж вновь прорвался сквозь линию и совершил еще один занос – на сей раз на 67 ярдов. За первые двенадцать минут игры он еще

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru дважды прикасался к мячу. И еще два раза, раскачивая корпусом и орудуя руками, прокладывая себе путь к заносу, однажды составивший 56 ярдов, а другой раз – 44 ярда. Позже он просочился к еще одному заносу – на сей раз пробежав 15 ярдов, и разнообразия ради отдал пас для шестого заноса своей команды, победившей в тот день со счетом 39:14.

Деймон Раньон написал о его подвигах следующее: «Он сочетает в себе троих или четверых спортсменов. Он и Джек Демпси, и Бейб Рат, и Эл Джолсон, и Пааво Нурми и воин».

Грейндж, три раза носивший титул чемпиона Америки, является воистину мифическим персонажем при 31 заносе и 4085 ярдах пробежки за всю свою учебную карьеру.

Однако величайший вклад был сделан Грейнджем не в студенческий футбол, а в его бедную падчерицу, футбол профессиональный. Вплоть до времени, когда Грейндж вступил в ряды профессионалов, которые, казалось, кишмя кишели людьми, уже исполнившими свою миссию, игроками бывшими, игроками не реализовавшимися, чьи имена не были известны за пределами своего дома. Но когда Грейндж при тренере С.С. Пайле вступил в ряды «Чикагских Медведей» 22 ноября 1925 года, событие это ознаменовало собой начало профессиональной игры.

С первой его игры на набитом до отказа стадионе «Кабс Парк» весь вихревой тур, бродячий цирк, прошедший восемь игр за одиннадцать дней в каждом городе, где была своя футбольная команда, Грейндж играл в профессиональный футбол. Джордж Хейлес, его тренер и собрат по команде, сказал о Грейндже: «Он был величайшим раннером во всей истории игры до того, как повредил колено, а потом стал столь же отменным защитником».

Таким был Ред Грейндж, наполовину человек, наполовину миф – и во всем футболист.

ОСКАР РОБЕРТСОН

(родился в 1938 г.)

Оскар Палмер Робертсон сделал для баскетбола то, что Дега сделал для балерин, Ван Гог для подсолнечников, а Уорхол [21 – Художник, основоположник поп-арта (Прим. перев.)] для консервных банок. Искусный художник, палитра которого обладала невероятным обилием красок, Робертсон мог не экономить их, создавая от игры к игре новые шедевры.

Человек, которого звали «Большим О», был наиболее разносторонним среди всех выходивших на площадку игроков, представляя собой идеального до последней черточки баскетболиста, обладавшего набором достоинств, значительно превосходящих все, что обычно выпадает на долю одного атлета. Вырисовывая картинку с той точностью, которую можно позволить себе в энциклопедическом издании, можно сказать, что Робертсон обладал не только убийственно точным броском, но и способностью создать самую выгодную возможность для себя и для своих товарищей по команде точными пасами к корзине или сетью передач, когда мяч снует по площадке точно нитка за иголкой. В обороне он умел работать на подборе не хуже любого нападающего и действовать как защитник с большой буквы. Вот вам облик идеального игрока.

Ред Ауэрбах, начинавший во времена, последовавшие сразу после того как Адам услышал голос разносчика яблок, сказал о талантах Робертсона: «Он настолько велик, что это даже пугает меня. Рядом с ним некого поставить». А его тренер, легендарный Джо Лапчик, однажды сказал: «Такого, как он, никогда не было».

Парень, из которого вырос «Большой О», корнями своими уходит в Индианаполис, в школу «Криспус Аттукс», школу для чернокожих, названную в честь первого американца, погибшего в революционной войне. Робертсон привел свою команду к сорока пяти победам подряд, причем команда впервые провела сложный сезон без поражений, к двум подряд званиям чемпиона штата – к которым следует добавить 39 очков в финальном турнире его выпускного года. Окончив школу со славой, Робертсон мог выбирать для своего будущего любую из самых знаменитых баскетбольных команд, стремившихся заполучить его в свои ряды. Но он выбрал ничем не примечательный Университет Цинциннати, «потому что не хотел уезжать

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru далеко от дома и потому что он предоставлял возможность и учиться и работать».

Таким образом, проводя часть времени в качестве студента, а часть – в качестве оператора-вычислителя в «Электрогазовой компании Цинциннати» и при этом постоянно играя в баскетбол за университетскую команду «Цинциннатские Панды», Робертсон более чем оправдал проявленное прессой внимание к его разнообразным талантам. Трижды став лучшим баскетболистом Америки и лучшим игроком года, Робертсон три года подряд при средней результативности 33,8 очка за игру возглавлял национальный список снайперов, поставив при этом четырнадцать рекордов дивизионов НКАА, и среди них – вечный рекорд результативности.

При росте 198 см и весе 98 кг Робертсон обладал таким набором талантов – умением бросать, подбирать отскоки и пасовать, не говоря уже о дриблинге, который привлекал внимание любителей баскетбольных деликатесов. Тренер команды Нью-Йоркского университета Лу Россини, чьи подопечные были повергнуты командой одного человека, мог только качать головой и говорить: «Его можно остановить, только приставив к нему четверых игроков, а пятый пусть заботится о всех прочих игроках Цинциннати. Но и это может не сработать!»

Знаменитый канзасский тренер Фог Аллен назвал его «величайшим игроком в истории среди всех спортсменов его роста».

Робертсон также приобрел репутацию «баскетбольного Кальвина Кулиджа» [22 – 30-й президент Соединенных Штатов (1923–1929). (Прим. перев.)] в связи с умением держаться сдержанно и перед лицом раздраженной публики. После того как во время своего первого визита в «Мэдисон Сквер Гарден» он набрал 56 очков, нью-йоркские спортивные журналисты набились в раздевалку Цинциннати, стремясь до кончиков сточить свои карандаши записями и заметками по поводу выступления нового феномена. Один из писак спросил у Робертсона, что тот думает по поводу установленного им рекорда результативности. Экономя каждое слово, как нищий последний медяк, Робертсон едва выдавил: «Я рад». В другой раз, когда он набрал 62 очка в матче против «Норт Техас Стейт», его спросили о том, как он себя теперь чувствует. На сей раз Оскар раскошелился еще на одно слово: «Мне было весело». После, уже на старшем курсе, Оскару подарили мяч, после того как он побил общий студенческий трехгодичный рекорд результативности. Оскар воздержался от всякого пустословия – он просто взял мяч и удалился с площадки, не произнеся ни звука.

Однако «Цинциннати Ройялс» нужен был не оратор, им нужен был игрок. За последние три года, пока университетская команда вместе с Робертсоном трудилась на другой стороне города, профессиональные представители города в НБА привлекли только пятьдесят восемь тысяч зрителей на свои тридцать домашних игр. И посему, опережая шерифа на один шаг, «Ройялс» воспользовались своим территориальным правом и забрали себе Робертсона в первом круге драфта НБА 1960 года.

«Ройялс» получили при этом мастера на все руки, суперплеймейкера, суперснайпера, выдающегося игрока на подборе и защитника, не знающего себе равных со дней Боба Коуси. Робертсон не просто делал все – он возглавил список НБА по результативным передачам с показателем 9,7 за игру, финишировал третьим по результативности в лиге, набирая в среднем 30,5 очков за игру, и стал вторым в командном подборе – и делал он это каждые 48 минут, практически каждую игру.

У пытавшихся остановить его было не больше шансов сделать это, чем у пиромана, израсходовавшего последнюю спичку, поджечь что-либо. Одним из тех, кто пытался сделать это и защититься от Робертсона, был Ред Ауэрбах. Когда его «Селтикс» сумел наконец «удержать» Робертсона на 37 очках – при 11 результативных передачах и 22 подборах – Ауэрбах признался, что сказал своим игрокам «расставить руки пошире и повыше и защищаться, помня о том, что полезной может оказаться всякая малость. И вы знаете, что сделал Оскар? Он просочился сквозь их пальцы!» Ауэрбах не стал приставлять к нему лишних опекунов, потому что, «как только ты оставляешь игрока открытым, Оскар передает ему мяч. Он контролирует все происходящее на площадке, расходуя при этом меньше сил, чем кто-либо другой. Каждое движение его имеет свой смысл и предназначение».

Робертсон всегда стремился захватить пространство своими плавными движениями, выпадами и остановками, переключением передач и скоростью, быстрыми, но никогда не излишне поспешными движениями он хитроумно завоевывал позицию, контролируя при этом и мяч и защитника. Игравший против него Дик Барнетт прекрасно помнил

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
весь образ действий Робертсона: «Если ты предоставлял ему возможность для броска с двенадцати футов, Оскар обрабатывал тебя, пока не получал возможность произвести его с расстояния в десять футов. Дашь ему десять, он захочет восемь. Дашь восемь, он хочет шесть. Дашь шесть, он уже борется за четыре. Даешь четыре, ему уже нужно два. А получит два, что ему нужно тогда? Чтобы не мешали бросить».

Оскар делал даже невозможное, он боролся у корзины с Биллом Расселом, человеком-горой, который любил ткнуть мячом в лицо бросавшего игрока, устраивая тому, как он говорил, «сэндвич Уилсона». Но как сказал с удивлением игрок тех времен Арт Хейман: «Ни один из других защитников не может вести мяч. Ни один, кроме Робертсона, который умеет все и не только это».

Год за годом Робертсон возглавлял список лиги по результативным передачам и набранным очкам, набирая таковых около 30 за игру. И год за годом «Цинциннати Ройялс» оставались в числе претендентов на чемпионский титул, каждый раз находясь в пределах досягаемости от земли обетованной, но так и не сумев зацепиться за медное колечко, хотя в этом не было вины Робертсона.

А потом на десятом году пребывания Робертсона в этой команде «Цинциннати» наняли нового главного тренера на сезон 1969/70 года – Боба Коуси, игрока, с которым так часто сравнивали Робертсона. Однако сей брак между двумя величайшими, легендарными защитниками баскетбола не был безоблачным, поскольку Коуси решил перекроить «Ройялс» по собственному подобию, превратив их в такую же подвижную команду, какой были его любимые старые «Кельты». И поскольку в новой схеме игры места Робертсону не находилось (Коуси поведал газетчикам, что «терпеть не может, когда он [23 – Робертсон] контролирует мяч»), эта парочка скоро распалась. Коуси посчитал дарования Оскара ничего не стоящими и выставил его на трансфер.

«Милуоки Бакс», которым светило чемпионское звание НБА всего через два года после того, как клуб из-за расширения лиги попал в нее, удовлетворил требования Коуси, прислав «Ройялс» двоих защитников в обмен на одного Робертсона. Конечно, такой обмен принес «Оленям» чемпионский титул, поскольку Робертсон, в тандеме с Лью Алсиндором (впоследствии Каримом Абдул-Джаббаром), привел команду к двум длинным беспроигрышным сериям в шестнадцать и двадцать игр и чемпионству НБА, которое завоевал, победив в финале «Балтимор Баллетс» со счетом 4:0. Ну а для Робертсона обмен означал новую жизнь. Доминируя в защите, он обеспечивал господство Алсиндора на передней линии.

Три года спустя «Большой О» ушел из спорта. Но только после того, как созданные им на площадке картины навеки остались украшать баскетбол.

БИЛЛ ТИЛДЕН

(1893–1953)

Как правило, жизнь великих атлетов начинается с трудностей, им приходится бороться, ступенька за ступенькой подниматься по лестнице успеха. Билл Тилден являлся исключением из этого правила: этот человек родился не только с серебряной ложкой во рту, но и с серебряной ракеткой под мышкой. Он родился в мире укороченных имен и длинных сигар, «400» [24 – «четыреста», высшая аристократия Нью-Йорка (Прим. перев.)], серебряных обеденных сервизов – в мире важных шишек, оперы, клубов Унион-лиги и любимого времяпрепровождения – тенниса.

Известные под именем «Очень богатых», они со всем усердием поддерживали травяные корты – такие как «Ньюпорт Казино» и прочие укрепленные галереи искусства, где членство стоит 500 долларов, но поддержание имиджа может обойтись в целое состояние. Эти хранители теннисного огня, эта элита боялись допускать обычных горожан в свои клубные заведения и видели в открытии игры для масс что-то недопустимое. Молодой Билл Тилден являлся частью этого замкнутого мира, свой первый теннисный турнир он выиграл в возрасте семи лет в «Онтеора Клуб», Нью-Йорк, расположенном прямо перед галереей, содержащей многие из так называемых шедевров эпохи, в том числе прославленную актрису Мод Адамс.

Но мир, который она представляла, менялся, и конец «Войны, закончившей все войны» ознаменовал конец этой эпохи. Рост благосостояния и всего, что оно с собой приносит – в основном досуг и способы времяпрепровождения, сделал

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru доступными для масс занятия, прежде находившиеся в полном владении богачей, и в частности – теннис. Прежде элитарное развлечение сделалось популярным видом спорта. По иронии судьбы, человек, сделавший теннис игрой людей, которых завсегдатаи «Ньюпорт Казино» считали «грязными и не умеющими говорить пещерными жителями», обладал безупречным общественным положением, его звали Вильям Тейтем Тилден II.

Билл Тилден стартовал поздно. Предпочитавший большую часть своей юности играть по краям корта, Тилден был более всего известен благодаря пушечной подаче и резаным ударам. Наконец после изнуряющих тренировок Тилден отточил свое мастерство настолько, что сумел выйти в финальный круг Национального теннисного чемпионата 1919 года в Форест-Хиллз. Но там он, известный в то время как «Большой Билл», длинный, худощавый, отличающийся сложением от своего 55-килограммового соперника по финалу «Крошки Билла» Джонстона, проиграл три сета из четырех, удрученный собственным бэкхендом (ударами слева).

Но это было последнее поражение и от Джонстона, и от кого-либо еще. Явно не желая занимать другие места, кроме первого, Тилден на всю зиму засел в расположенном на Род-Айленде доме друга. И там он практиковался каждый раз на крытом грунтовом корте – час за часом, день за днем, неделю за неделей, пока бэкхенд не сделался его сильной стороной.

Тилден стал не просто победителем, он сделался классным игроком. Выбранный запасным в команду США на Кубке Дэвиса, первыми номерами которой считались уже упомянутый Джонстон и Норрис Уильямс, Тилден начал свою победоносную кампанию в Англии выигравшем на Уимблдоне, возвратившим Кубок Дэвиса в Америку, а потом уже в Форест-Хиллс, справился со свирепыми ударами Джонстона, своим заново обретенным бэкхендом, а также отличной игрой в глубине корта добившись своего первого титула чемпиона страны в одиночном разряде.

Оставшуюся часть последующего десятилетия Тилден сделался наиболее стабильным спортсменом, доминируя в игре, как никто из спортсменов в своем виде спорта – и до него, и после него. Этот коршун с покатыми плечами обладал таким размахом крыльев, который позволил ему выиграть все, что можно было выиграть, в том числе семь чемпионатов США в одиночном разряде, из них шесть подряд; три Уимблдона и семь кряду Кубков Дэвиса, во время розыгрыша которого он победил в тринадцати подряд одиночных встречах и четырех из шести парных. Он практически не знал поражений, и пресса начала именовать его «Тилденом Непобедимым». Кроме того, он попал в тот пантеон великих спортсменов так называемого «Золотого века спорта», начавшегося с противостояния Демпси и Вилларда, с Джека Демпси, Бейба Рата, Реда Грейнджа и Бобби Джонса.

Человек, которого Эллисон Данциг, обозреватель «Нью-Йорк Таймс», назвал «величайшим теннисистом, которого когда-либо видел мир», проявил свое величие несколько раз за десятилетие. Два из таких событий произошли в Форест-Хиллс, где Тилден защищал свое право на титул чемпиона США в одиночном разряде. В финале 1922 года он встретился с Биллом Джонстоном и тот нанес один из своих патентованных прямых ударов так, что мяч как будто оказался вне пределов досягаемости даже длиннорукого Тилдена. Однако Тилден протянул руку с ракеткой движением льва, стирающего лапу к зазевавшемуся на тропе кролику, и высоко перебросил мяч через голову Джонстона. Взмывший над землей мяч, казалось, должен был перелететь через оградительную стенку. Но тут он словно потерял вес и рухнул вниз, ударившись о площадку как раз около боковой линии, завершив тем самым немислимый удар. И когда мяч отскочил от земли, один из очевидцев вскопчил со своего места со словами: «Ложь! Он не сделал этого. Это не под силу никому!» Но Тилден мог это сделать. И делал.

В следующем году, вновь встречаясь с Джонстоном, под грозовыми облаками, игравшими в прятки с солнцем и кружившими над головами, Тилден поглядел на наползавшие грозные тучи и без особых усилий подал четыре подачи навывлет, завоевав чемпионский титул как раз к тому мгновению, когда хлынул дождь, а потом бросился бегом с корта, чтобы укрыться от начавшегося уже ливня.

Билл Тилден был совершенным символом эры тенниса. С видом достаточно впечатляющим, для того чтобы пробудить в сердцах спортивной толпы воображение и честолюбие, Тилден, облаченный в величественно-белый спортивный костюм с полной ракеток сумкой под рукой, казался воплощением самой игры. Но еще большее впечатление производила на болельщиков его игра, можно сказать превратившаяся

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
теннис в популярный вид спорта.

И Тилден играл так, словно его специально выбирали на эту роль. Он умел замотать противника до головокружения, мог спасти очко буквально в последнее мгновение, покрыв весь корт тремя длинными прыжками, или со свистом отправить мяч прямым ударом в площадку. Для него теннис представлял собой разновидность шахмат, в которую играют мячом и ракеткой.

Но дело не только в этом. Тилден был эксцентричен, как и положено гению. Он был пронзителен, блестящ и темпераментен, как оперная дива, и иногда развлекался, придавая тем самым пикантность матчу, устраивая представление для галерки или затягивая игру, чтобы насладиться собственными чарами. «Он зачесывал свои черные волосы с шиком», – вспоминал Джон Кирнан. А Пол Метцер назвал его ярким шоуменом, «то драматизировавшим свои матчи, то устраивавшим из них забаву».

Но каков бы он ни был, Билл Тилден являлся человеком, которого Эллисон Данциг назвал «наиболее совершенным игроком всех времен».

ДЖЕК НИКЛАУС

(родился в 1940 г.)

Те, кто развенчивает или превосходит легенду, всегда вынуждены довольствоваться вторыми местами – после тех, кого они сбросили с пьедестала. Примером здесь могут служить Джин Тинни, победивший Джека Демпси и навсегда растворившийся в тени; Хэнк Аарон, превысивший рекорд Бейба Рата по пробежкам на базу, но тем не менее так и оставшийся на второй роли; и если вернуться к нашему биографическому обзору, Джек Никлаус, которому суждено вечно пребывать в тени Арнольда Палмера.

Чтобы доказать это, обратимся к открытому первенству США 1962 года, которое было разыграно в Оукмонте, Пенсильвания, можно сказать – на заднем дворе Арни. Находящийся на самой вершине правления король, только что удостоенный третьего титула «Мастерс», вернулся домой за победой, которая, по мнению многочисленных и пылких сторонников Арни, должна была сама упасть в руки их героя. Но судьба распорядилась, чтобы на сей раз Палмер получил достойного соперника в лице Джека Никлауса.

На Никлауса, звезду студенческого спорта из Огайо и двукратного чемпиона страны среди любителей, стоило посмотреть. Пузатый, с чревом, переползающим через брючный ремень, с багровой, похожей на переспелый помидор физиономией под коротко стриженными песочными волосами, Никлаус в точности оправдывал свое прозвище «Пузан». Не стремившийся следовать требованиям моды, Никлаус носил одежду, которая не соблазнила бы ни одного респектабельного тряпичника, предпочитая, как заметил один из обозревателей, «исключительно больничные цвета», брюки его пузырились на коленях, рубашка выбивалась из-под пояса наружу. По всем понятиям, облик его тянул разве что на любителя воскресного гольфа.

Но хотя судьба обделила его фигурой, она не забыла подарить ему верную руку и точный глаз. Пользуясь своей клюшкой скорее как гаубицей, Никлаус вкладывал в удар силу каждой унции своего плотного 93-килограммового тела – если верить журналисту Джиму Мюррею, он говаривал, что берет свою силу «из задницы», а откуда еще ее возьмешь? – и посылал мяч с подставки на колоссальное расстояние: прямо, как летит стрела. Если его мячи в среднем улетали на 280 ярдов, то какая разница, есть у него изящество движений Сэма Снида или нет? И чтобы его не путали со Снидом, одним из величайших гольферов всех времен, Никлаус умел пользоваться своей клюшкой словно хирург своим скальпелем, что делало его идеальным гольфистом – почти что учебным образцом великого игрока в гольф.

Однако присутствие этого нового феномена ничем или почти ничем не вдохновляло почитателей Палмера. В конце концов, рассуждали они, разве Никлаус, тогда еще двадцатилетний любитель, не финишировал на открытом первенстве, отстав от Палмера на два удара два года назад? И разве любимый ими Арни, как он сам сказал, не выступает теперь дома? Тут все почитатели, собравшиеся у Святилища Св. Арни, принялись надирать глотки, подбодряя своего героя словами: «Сделай его, Арни!» и «Мы с тобой, Арни-детка!», а потом бросались вперед по лужайке к следующей лунке, не дожидаясь удара Никлауса.

И хотя вопли этого буйного сборища звенели у него в ушах, Никлаус уделял им столько же внимания, сколько и мимолетному ветерку, полностью отключившись от всего, что происходило вокруг, фокусируясь лишь на том, что было истинно важно: на гольфе. Его отстраненность, даже на этой стадии карьеры, была настолько велика и настолько удивительна, что великий гольфист Джин Сарацен, видевший всех, кто выступал в первой половине столетия, вынужден был заметить: «У этого парня от уха к уху протянута железная трубка. Все, что говорится вокруг, входит в одно его ухо и вылетает из другого».

После тридцати шести лунок могло показаться, что надежды армии поклонников Арни оправдаются. Палмер был впереди, несмотря на плохие попадания. Никлаус отставал на три удара.

В круге, разыгранном в субботнее утро, Никлаус отыграл удар, сведя свое отставание от Палмера до двух. Во время дневного розыгрыша финальных восемнадцати лунок Никлаус подбирался все ближе и ближе и наконец сравнял счет. Но победа по-прежнему оставалась в руках Палмера. Оставалось только положить мяч в лунку с расстояния в 12 футов, и титул принадлежал бы ему.

Он этого не сделал.

Оба спортсмена, и Палмер и Никлаус, финишировали с 283 очками, и победителя должна была определить воскресная переигровка – без дальнейших отлагательств и проволочек. И десять тысяч верных сторонников Арни хлынули на лужайку, чтобы своими глазами увидеть, как их идол сокрушит молодого выскочку, осмелившегося подумать о победе над таким соперником. Однако в отличие от субботней драмы, воскресная переигровка обошлась без бурных подробностей, так как промах, допущенный Палмером на первой же лунке, сразу же решил исход борьбы. Никлаус, колени которого отнюдь не дрожали от волнения, не глядя ни направо, ни налево, взял свое и стал чемпионом, опередив Палмера на три удара. Это был его первый титул.

В 1963 году Никлаус, теперь получивший прозвище «Золотой Медведь» – по заголовку в одной из австралийских газет, предыдущей зимой объявившей своим читателям: «Сегодня из США прибывает «Золотой Медведь», выиграл несколько турниров, забрав в свои руки три высших титула менее чем за два года пребывания в туре. Никлаус ставил себе высокие ориентиры. Говоря просто, он намеревался стать величайшим гольфистом в истории этого спорта. Признавая в истории лишь крупные цели, он метил прямо в них. Когда он выиграл «Мастерс» в 1965-м, бывший чемпион Арнольд Палмер помог ему надеть зеленый пиджак, сопутствующий титулу. Но и получив от Палмера зеленый пиджак, Никлаус не получил вместе с ним облегчения, трибуны продолжали с обожанием аплодировать Палмеру, осмеивая каждое движение нелепого парня, бросившего вызов их кумиру».

В следующем, 1966 году Никлаус и Палмер на «Мастерс» шли ровно после тридцати шести лунок. В третьем круге Никлаус вырвался вперед с рекордными 64 очками и финишировал с 271 очком, на три удара превысив рекорд Бена Хогана, поставленный в 1953 году. Наблюдая за тем, как зарождающаяся легенда успешно защитила свой титул, поставив при этом рекорд турниров «Мастерс», Бобби Джонс, покачив головой, молвил: «Палмер играл великолепно, но Никлаус продемонстрировал такую игру, с которой я еще не был знаком».

К 1967 году с игрой Никлауса успели познакомиться все, и, выиграв открытое первенство, он закрепил свои претензии на бессмертие. Но сперва Палмер наехал на него в одном из знаменитых своей бескомпромиссностью кавалерийских наскоков. Встречаясь с Никлаусом в финальном круге, Палмер был впереди на одно очко. Но недолго. После драматического промаха Никлаус все-таки добился своей цели, набрав в круге 65 очков и рекордные 275 в турнире. Он превзошел достижение Бена Хогана и опередил Палмера на четыре удара.

Но время может тянуться словно ириска. И к 1970-му Джек Никлаус тоже вытянулся вверх, потеряв двадцать фунтов, сделавшись стройным 86-килограммовым мужчиной, еще он превратил свою короткую стрижку в золотые локоны и поменял гардероб. Жирный Джек действительно превратился в «Золотого Медведя». Новый облик никак не повлиял на качество его игры, а победа в 1970 году на открытом первенстве Британии довела число крупных побед в его биографии до десяти – при рекорде всех времен Бобби Джонса в тринадцать титулов.

Однако он еще не был в тени Джонса – он оставался в тени Палмера – единственной, в которой мог поместиться.

Но все изменилось в 1980-м. В тот год открытое первенство США проводилось в Балтустрале – там, где Никлаус одержал победу в 1967-м. Первой сенсацией турнира стали рекордные 63 очка, добытые Томом Вейскопфом. Через какие-то минуты к ним на табло присоединились еще 63, на сей раз принадлежавшие Никлаусу. «Медведь» бушевал в Нью-Джерси. В итоге он превысил свой собственный результат на открытых первенствах – поставленный в Балтустрале тринадцать лет назад, набрав в четырех кругах 272, которые и принесли ему четвертую победу в этих соревнованиях.

Эта победа сделалась пробкой, вылетевшей из бутылки шампанского. Вдруг толпа, которую словно удерживали какие-то канаты, воспламенилась и ринулась выражать свое почитание новому герою. Со времени существования Армии Арни такого ликования еще не удостаивался ни один гольфер.

Так Джек Никлаус наконец вышел из тени, в которой жил, прямо под лучи прожекторов – чтобы внезапно оказаться признанным, как написал «Спортс Иллюстрэйтед» после его победы, «величайшим гольфистом всех времен».

ГОРДИ ХОУ

(родился в 1928 г.)

В любом перечне великих атлетов перст истории останавливается на имени Горди Хоу дольше, чем на любом другом. Почти пять десятилетий этот опровергатель закона средних величин хотел лишь того, чего мог добиться. А добился он многого, о чем свидетельствуют столбцы и колонки чисел и точные цифры, называемые статистикой.

Целых тридцать два года, начиная с молодых лет в Детройте до последнего «ура» в Хартфорде, когда зрители выражали свою благодарность последнему представителю ушедшего поколения, Хоу доказывал ошибочность календаря.

Этот хоккейный титан, весивший 93 килограмма в 1946-м, когда он вломился в НХЛ, и 93 кг в 1980-м, когда он оставил спорт, побил все существующие в хоккее рекорды, набрав больше всех очков, передач и голов, проведя более всех игр и даже получив наибольшее количество швов и серьезных травм. Цена ему настолько велика, что премьер-министр Канады называл его «Мистер Хоккей», а Бобби Халл признавал: «Мне хотелось бы обладать половиной достоинств Горди».

Тренеры НХЛ называли Хоу «самым умным игроком, самым лучшим распасовщиком, самым лучшим дриблером». Но наиболее важным компонентом его гения была грубость. Как сказал когда-то один из соперников: «У него было все, чем должен был обладать идеальный хоккеист. Он говорит негромко и задумчиво. Но он же является самым коварным, жестоким и подлым игроком, какого я когда-либо встречал в хоккее».

Едва появившись на льду, крутой, словно яйцо, молодой игрок детройтского клуба «Ред Вингз» проявил себя в хоккейной войне не хуже, чем турецкое войско в Европе. Наконец удовлетворенный тренер Джек Адамс решил, что видел довольно, и сказал своему юному правому краю: «Хорошо, парень, ты уже убедил всех в лиге. А теперь покажи мне, что ты умеешь играть в хоккей».

И Хоу несколько поумерил свою агрессивность, хотя не был сторонником пацифизма, орудуя своей клюшкой или локтями, причем новообретенная манера игры принесла ему в среде хоккеистов-соперников прозвище «Мистер Локоть». Одним из игроков, лучше многих запомнивших эту манеру, оказался Фил Эспозито, столкнувшийся с благородным Хоу в одной из первых своих игр. «Я играл за "Чикагский Блэк Хоукс", и мы приготовились к вбрасыванию, – вспоминал Эспо. – Я поглядел на него, и он сказал что-то вроде: "Привет, малец"». А потом, после того как шайба была вброшена, Хоу без малейших колебаний выставил свой локоть, угодивший прямо в челюсти «мальца», что стоило новичку нескольких передних зубов.

Скоро распространилась молва, что к Хоу не менее опасно приближаться, чем к железнодорожному поезду. Вай Стасюк, прежний тренер «Филадельфия Флайерс», утверждал, что за годы своих выступлений Хоу создал для себя «рабочее

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru пространство», которое позволяло ему «кататься по полю как бы в невидимой стеклянной трубе. Он дал всем понять, что не любит людей, которые приближаются к нему ближе, чем на три фута».

«И знаете что? – говорил Стасюк. – Никто не осмеливается на это».

Хоу устремлял свой взгляд прежде всего к воротам, нимало не заботясь о тех игроках, которым хватало глупости подъезжать к нему. А когда он концентрировался на цели, он становился величайшим мастером среди всех игравших в хоккее.

Точно отмеряя каждое движение, Хоу не спеша скользил по полю, отрывистыми движениями направляя вперед свой обманчиво плотный корпус и маскируя покатыми плечами размер своего древоподобного тела и толстую, как пень, шею. Его ледяная сдержанность была такова, что бесстрастные глаза Хоу как бы смотрели в одну точку, будь то угол, который нужно было выиграть у защитника, партнер, открывающийся для передачи, или сами ворота. И потом единственный в истории НХЛ «обоерукий» спортсмен, который мог с равным успехом вести шайбу и бросать по воротам и правой, и левой рукой, сделав паузу в какую-нибудь наносекунду, выстреливал, и клюшка ударяла по шайбе, словно морской прибой по береговому песку. И подобный набор невероятных дарований заставил многих называть Хоу «величайшим игроком в истории НХЛ».

Однако дарования эти так и могли бы остаться скрытыми. За свои первые три года в НХЛ Хоу забросил всего 35 шайб, более интересуясь навязыванием своей воли соперникам, чем отправлением шайбы в сетку. Но потом, когда тренер вынужден был приказывать ему «играть в хоккей», гроза, которая собиралась столь долго, наконец разразилась, и в сезоне 1949/50 года Хоу забросил 35 шайб и сделал 33 голевые передачи. Однако неслыханное, непредвиденное и огромное несчастье в играх плей-офф в конце сезона едва не положило трагический конец его карьере.

Это произошло в первой игре серии плей-офф против «Мейпл Ливз» (Торонто). Когда Тед Кеннеди из «Мейпл Ливз» подъехал к средней линии, Хоу быстро бросился навстречу ему. Кеннеди, приближавшийся к бортику и опасавшийся, что быстро приближавшийся Хоу размажет его по ограждению, поднял клюшку. Она попала Хоу прямо в глазницу, вывернув глаз. Он рухнул на лед и врезался головой в бортик. Спортсмен в тяжелом состоянии был доставлен в госпиталь с переломами костей черепа и тяжелой мозговой травмой, жизнь Хоу находилась в опасности. «Мне просверлили дырку в черепе, чтобы снять давление», – вот и все, что запомнил Хоу. Вопрос стоял не о том, будет ли он снова играть в хоккей, а останется ли в живых. Но Хоу проявил удивительную способность к выздоровлению и уже в следующем году вернулся в спорт, чтобы стать лучшим бомбардиром лиги. Но по сей день в качестве памятки о случившемся он моргает как человек, только что пробудившийся от полуденного сна, отчего некоторые зовут его Мигуном.

Это была всего лишь первая из травм, полученных этим удивительным представителем рода людского за его продолжительную карьеру, продемонстрировавшую его способность как получать травмы, так и одолевать их.

После этого Хоу продолжал играть за «Ред Вингз» полные славы двадцать пять лет, еще пять раз став лучшим снайпером НХЛ, он шесть раз был назван самым ценным игроком лиги и рекордные двадцать один раз входил в число «Всех Звезд». Просидев один год на скамейке запасных в качестве вице-президента «Ред Вингз», Хоу, чьи рефлексy всегда отвечали на вызов, начал при виде хоккея «истекать слюной, словно собака академика Павлова при виде пищи» и, получив возможность сыграть вместе со своими двумя сыновьями, подписал контракт с «Хьюстон Аэрос», клубом Всемирной хоккейной ассоциации.

Однако сорокапятилетний Хоу подписывал свой новый контракт совсем не для того, чтобы его выносили на поле по торжественным случаям, словно королевские бриллианты. Он вернулся, чтобы играть. И он играл, да так хорошо, что сделался самым ценным игроком ВХА, набрав сто очков, а пасы сыновьям дали ему столько голевых передач, сколько не было у него за всю карьеру. Шесть лет спустя он все еще играл – на сей раз в «Хартфорт Уэйлерс», НХЛ, и в возрасте пятидесяти одного года он вновь появился в игре «Всех Звезд».

Горди Хоу, которого не кто иной, как Бобби Халл, назвал «величайшим игроком в истории хоккея», был к тому же долгожителем в спорте – и не только хоккея, но и всего спорта.

МАРТИНА НАВРАТИЛОВА

(родилась в 1956 г.)

Длиннее правления Мартины Навратиловой на корте в качестве самовластной царицы тенниса было, пожалуй, разве что ее имя. Но еще дольше длится ее популярность. И еще более продолжительным был ее путь вверх из родной Чехословакии. Ибо в этой стране началась история этой самой выдающейся из всех теннисисток, если не из всех спортсменок вообще.

Ее история, как и положено, начинается с самого рождения. Мартина Субертова появилась на свет в Праге, Чехословакия, стране, названия которой англоязычному человеку и не выговорить, и не написать без ошибок. Мартина потом переехала в Ревнице, где в детские годы начала играть в теннис и приняла фамилию своего отца, Мирослава Навратила, добавив к ней окончание женского рода – «ова».

Ее первым тренером был Иржи Парма, игравший в составе команды Чехословакии на Кубке Дэвиса, который говорил своей ученице: «Работай усердно, Мартина. Соревнуйся всегда, когда предоставляется такая возможность. Повидай мир. Только спорт позволит тебе путешествовать».

И она отправилась в путешествие к новым мирам, пользуясь своей теннисной ракеткой в качестве паспорта. В первой поездке в Соединенные Штаты, в начале 1973 года, Мартина встретила с лидировавшей в мировой классификации Крис Эверт. И хотя Эверт «победила меня 6:3, 7:6... или 7:6, 6:3... 5:4 на тай-брейке, я сказала себе, "...если я способна так сыграть, впервые выступая против лучшей в мире теннисистки, значит, в следующий раз..."»

Она описала в своей автобиографии свои первые впечатления от Америки: «...насколько дружелюбны американцы. С ними ты можешь быть честной и искренней. Я всегда ощущала, что могу быть собой, настоящей Мартиной, с первого проведенного в Штатах дня».

Кроме того, она познакомилась с теми учреждениями, которые хитроумные американцы используют для насаждения плохого пищеварения в стране, – ресторанами быстрого питания. Как и всякий обычный молодой человек, она полюбила «биг маки», чипсы, молочные коктейли и прочие изыски системы быстрого питания, столь любезные небу новобранца. И через несколько вояжей в новый для нее мир Америки и быстрого питания Мартина приобрела облик особы, более интересующейся газетной колонкой, рекламирующей рестораны, фигуру совсем не теннисную, а такую, которую теннисный обозреватель Бад Коллинз именовал «Большой и весомой надеждой».

Однако Мартине скоро предстояло сменить свой рацион, и вместо «фаст фудс» вкушать победы в турнирах. На следующий год она завоевала свой первый победный приз в США, выиграв турнир в Орландо, Флорида, и заслужив несколько строчек в газетах вокруг фотоснимка. Юная чешка, никого не знавшая вокруг и располагавшая разве что небольшим количеством английских слов, не знала, как выразить переполнявший душу восторг. Сперва она запрыгала от радости, потом произнесла несколько звуков, складывавшихся в слова загадочного языка, перемежавшиеся восторженными восклицаниями, а потом, не имея человека, с кем можно было бы разделить свою радость, обняла фонарный столб – совсем как малыш, решивший обнять рождественскую елку. Такова была закуска, поданная перед предстоявшим ей пиршеством побед.

В следующем году она победила в Открытом первенстве Франции – в женских и смешанных парах, заработала более 119000 долларов, а журнал «Теннис» назвал ее «новичком года». Но более всего привлекали к себе внимание ее свободный дух и свободная мысль. К этому времени Мартина почти полностью «вестернизировалась», и вкусы ее возвысились до гамбургера и броских нарядов – в том числе того, что был на ней во время Открытого первенства США 1975 года, платья, придуманного специально для нее Тедди Тинлингом, знаменитым теннисным модельером, яркий цветастый рисунок которого Мартина назвала «соответствующим ее бурной натуре!»

Поэтому, когда проиграв Эверт в полуфинале Первенства США 1975 года, она попросила политического убежища, никто не удивился. Некоторые видели причину

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru такого решения в том, что власти ее родной Чехословакии вычитали из ее заработков слишком большой процент, а Мартина находилась на самом пороге расцвета и понимала, что сумеет зарабатывать в год более 200000 долларов. Другие, в том числе ее добрая подруга Крис Эверт, с которой Мартина «много разговаривала», полагали, что чуткая Мартина просто хотела остаться в Америке, где, как выразилась сама она, «можно быть собой». Но как бы то ни было, прошение было удовлетворено, и рвущаяся вперед чешка стала и самой доминирующей теннисисткой в женском теннисе.

Мартина, похудевшая на особой диете, начала растянувшуюся на следующие три года серию побед, начав с Уимблдона 1978 года в одиночном разряде и добившись первой из своих восьми Уимблдонских корон, шесть из которых добыты самым беспрецедентным образом – одна за другой.

Ее подавляющая воздушная игра казалась почти анахронизмом на фоне многочисленных спортсменок, действовавших в основном на задней линии. Сокрушительная подача слева осуществлялась движением, столь красноречивым по вложенной в него энергии, что производила впечатление взрыва, способного разнести пол-улицы, а игра возле сетки скорее напоминала создание картины или кружева. Легким движением она посылала мяч в обводку, заставляя соперницу мчаться за ним, как преследуемый собаками заяц. Она навязывала свою волю буквально каждой из встречавшихся с нею теннисисток.

Ну, почти каждой. Потому что единственной теннисисткой, которую Мартина все не могла победить, оставалась Крис Эверт, доминировавшая в счете их личных встреч. Стремившаяся к совершенству и никогда не остававшаяся удовлетворенной, Мартина выражала свое недовольство собственными ошибками на корте жалобными возгласами «ну давай» или называя себя «идиоткой», или ударяя себя ракеткой и тем самым наказывая за несоответствие собственным высоким нормам. Постоянный самоанализ заставил ее искать пути к совершенству вовне себя, и Мартина наняла легендарную баскетболистку Нэнси Либерман, чтобы та научила ее поведению и, что более важно, использованию методики на корте.

А потом, после физических тренировок, которые включали в себя поднятие тяжестей, Мартина, после двух с лишним лет неудовлетворительных выступлений, возвратилась к теннисным сражениям. В 1982-м она сделала для себя победы в теннисных турнирах делом привычки и выиграла 90 поединков, проиграв только три. В следующем году Мартина была практически непобедимой и, вырвавшись из-под власти законов средних чисел, победила в 86 из 87 матчей (единственное поражение нанесла ей Кати Хорват в четвертом круге Открытого чемпионата Франции).

Начиная с Уимблдона в 1983 году и вплоть до Первенства Австралии в 1984 году Мартина победила в шести турнирах «Большого шлема», одержав при этом подряд 74 победы. Кроме того, с апреля 1983-го до июля 1985-го вместе с Пам Шрайвер она выиграла подряд 8 чемпионских титулов в женском парном разряде, проведя при этом 109 встреч. Ни один из игроков не доминировал на корте в той же мере, как это делала Мартина Навратилова в те годы.

И болельщики, видевшие в ней прежде горячащуюся неудачницу или, хуже того, «бешеную сосиску» и дразнившие ее подобным образом, теперь слетались на корт, как голубки, чтобы приветствовать каждое ее движение, ее выдержку, любовь к игре и гуманность.

В девяностые годы, время взлета ее карьеры, когда она вернулась, чтобы сыграть в той укрепленной художественной галерее, которая зовется «Форест-Хиллз», болельщики приветствовали ее как оперную диву. Поддержавшие ее в начале пути, приветствовавшие во время побед, теперь, перед завершением ее карьеры, они выражали ей свою благодарность. Джимми Коннорс, разделявший общий восторг, сказал о Мартине: «Ее карьеру повторить по силам немногим... что там, наверное, совсем некому».

Долг был спортивный путь Мартины Навратиловой, однако и награда на нем она получила столько, сколько в истории спорта удавалось немногим.

УОЛТЕР ПЕЙТОН

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
(1954–1999)

Уолтер Пейтон принадлежал к жестокосердному городу Чикаго – «городу широких плеч», если вспомнить строчку из Карла Сэндберга[25 – Карл Сэндберг (1878–1967), поэт и биограф, продолжатель поэтической традиции Уолта Уитмена. (Прим. перев.)]. Ибо и сам Пейтон был жестокосердным атлетом, закатав рукава и поплевав на ладони отпраившимся на свою работу и честно трудившимся не покладая рук. Тринадцать лет он влачил на своих широких плечах всю команду «Медведей» – дольше, чем любой другой герой «Медведей», например Ред Грейндж, Бронко Нагурски, Сид Лукман, Билл Османски, Джордж Бланда, Рик Касарес, Гейл Сэйерс, и в качестве игрока даже дольше, чем сам «Папа-Медведь» – Джордж Халас.

Однако Уолтер Пейтон также принадлежал и к чикагской улице, где все куда-то мчатся. И в этом сокрыт секрет его успеха, ибо на самом деле Уолтер Пейтон состоял из двоих слепленных воедино людей.

Один из Уолтеров Пейтонов был отчаянным, карающим за малейшую ошибку раннером, бесстрашно атакующим линию защиты, прибойной волной, мощностью в одну человеческую силу, налетавшей на любые выраставшие перед ним скалистые горы, тут толкнувшей, там переступившей и, наконец, плеснувшей в спину одному или двум из 110-килограммовых линейных, укладывая мяч на траву. Другой был самым изобретательным из всех живших на свете раннеров, вращаясь, словно вышедшее из-под контроля поливальное устройство, он разбрасывал таклеров (игроков, отбирающих мяч) с легкостью меняющей кожу змеи и вдруг, переключив скорость и сделав несколько искусных нырков, припускался бежать к голу. И такой и другой Пейтоны предъявляли суровые требования у защитникам, вынужденным приглядывать и за входом в кафе, и за собственным зонтиком, и не имевшим никакого представления о том, от какого из Пейтонов следует защищаться.

Однако наиболее существенной компонентой гения Пейтона являлось совсем другое. Это было его невероятное чувство равновесия, достойное разве что Летучего Валленды[26 – Валленда (1905–1978), цирковой артист канатоходец. (Прим. перев.)].

Это совершенное чувство равновесия обнаружилось сперва еще не в форме «Медведей» и даже не в форме крошечного колледжа города Джексон, где он впервые проявил свои потенциальные таланты. Впервые его можно было заметить во время показанной по национальному телевидению передаче «Поезд души», где юный Уолтер Пейтон, которого тогда называли «сладеньким», станцевал на руках под музыку какой-то модной тогда песни.

Начиная с самого колледжа, Пейтон побил больше рекордов, чем когда-либо показывали в «Поезде души». Этот 180-сантиметровый и 92-килограммовый богатырь, умевший ходить на руках и летать, пользуясь ногами, занес в книгу рекордов NCAA свой результат – 66 заносов и 464 очка.

Захудавшие «Медведи» настолько были лишены всякого таланта и перспективы, что к концу сезона 1974 года хозяева команды насчитали на стадионе всего 18802 кирпичика при 36951 пустом месте и решили перевернуть всю землю, чтобы отыскать кирпич, на котором можно будет соорудить новое здание. И взяв в первом круге драфта 1975 года Пейтона, значившегося в списке четвертым, они такой кирпич отыскивали. Первый год Пейтона был вовсе не плох по «медвежьим» стандартам, но результаты его едва ли могли бы стать основанием для легенды, так как он заработал 679 ярдов на 196 переносах при одной пропущенной игре, единственной, которую он пропустил за всю свою тринадцатилетнюю профессиональную карьеру.

Если кто-то и считал «Медведя» уснувшим, поскольку рева его более не было слышно, сезон 1976 года заставил одуматься. Ибо за тот сезон не блиставшее разнообразием нападение «Медведей» состояло из Пейтона, бегущего на правом краю, Пейтона, бегущего на левом краю, и Пейтона, бегущего по центру, и он самым милым образом набрал 1390 ярдов, 34 процента от общего результата «Медведей», став лучшим во всей Национальной футбольной конференции.

Но 1976 год был только намеком на грядущие события. Уже в 1977-м журнал «Спорт» написал: «О. Дж. Симпсон бегал мимо старушек в аэропортах, а Пейтон – это настоящий футбольный премьер».

Если у кого-то еще оставались сомнения в отношении того, что Пейтон, как было

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru объявлено, действительно является «настоящим футбольным премьером» НФЛ, сомнениям этим было суждено рассеяться в десятой игре сезона 1977 года – в игре против «Викингов» Миннесоты и их хвальной обороны, «Сиреневых Людоедов», когда простуженный Пейтон рвал, таранил, мчался, набрав рекордные 275 ярдов в одной игре. После встречи защитник «Викингов» Карл Эллер наконец сумел остановить Пейтона, чтобы пожать ему руку, и совершил при этом то, чего защита Миннесоты так и не сумела сделать за всю игру.

Но остановить Пейтона не удавалось не только Эллеру и «Викингам». Похоже было, что командам-соперницам нужен какой-нибудь счетчик Гейгера, чтобы отыскать его, и сетка, чтобы остановить. «Я не знаю, есть ли способ остановить его», – жаловался тренер команды Грин-Бея Барт Старр, после того как переносной пожиратель по имени Пейтон сожрал его «Упаковщик». Этого явным образом никто не мог сделать, так как Пейтон в среднем набирал по 1307 ярдов за сезон в первые три года своего выступления в НФЛ, показав высочайший результат во всей истории лиги, а потом 1000-ярдовые сезоны замелькали как дорожные знаки за окошком машины, добавив сперва 1395, а потом 1610 ярдов к растущей сумме, чего было более чем достаточно, чтобы войти в сборную НФЛ семидесятых годов.

Пейтон продолжал «бесчинствовать» на лужайке, совершая свои подвиги, казалось бы, в совершенно непринужденном стиле. Однако легендарная сила его ног не была даром одной лишь природы он работал над нею, и работал весьма усердно. Еще с детства, когда он бегал вверх и вниз по склонам холмов, чтобы укрепить ноги, его ежедневной целью являлась тренировка мышц ног и туловища. Он сам говорил, что «чем сильнее я становлюсь, тем больше могу пробежать ярдов по ходу игры. Это как бить молотом о молот рано или поздно на одном из них появится щербина». И щербину эту в игре обыкновенно обнаруживал не Пейтон. Добавим к этому железную руку, которая, как утверждал один из товарищей по команде, «подобно лишенной отдачи винтовке уложила наповал многих защитников», умение врезаться в таклера, пытающегося остановить его, и мы получим великолепно подогнанную голевую машину.

Но, честно говоря, Уолтер Пейтон был чем угодно, но только не машиной. Уже скупая недвижимость, он продолжал играть с увлеченностью ребенка на детской площадке. И такой и была для Пейтона эта игра – забавой, развлечением, возможностью упасть на землю и подняться с нее, с детским энтузиазмом оказаться в самой середине схватки. Этот энтузиазм был заметен, и когда в перерывах между таймами Пейтон руководил приветствиями стадиона, или когда выпускал свой нечеловеческий вопль во время командных встреч. Или когда поваленный, он на дюйм проталкивал мяч вперед, – хитрость, с помощью которой он приплюсовал себе около 100 ярдов за всю карьеру. Или даже, как в детские дни, проходил на руках 50 ярдов вокруг футбольного поля.

На своем пути к рекорду всех времен по заносу Пейтон все время шлифовал свой шедевр, накладывал все новые и новые слои красок, переносил мяч над линейными, проталкивая под ними и обнося вокруг – сезон за сезоном одолевая более 1000 ярдов. И увлекая за собой «Медведей». В 1975 году ставки на команду, в которую он поступил, составляли 4 к 10, в 1985-м они были уже 15 к 1. А «Медведи» стали обладателями «Супер Чаши». Но если плоды победы достались «Медведям», слава ушла к Уолтеру Пейтону, атлету, исполнившему на футбольном поле наказ родителей, учивших его нехитрому принципу: «Что бы ты ни делал, старайся сделать свое дело лучше всех».

ШУГАР РЕЙ РОБИНСОН

(1921–1989)

К нему прилипло имя, впервые названное Джеком Кейси, который, увидев стройного молодого боксера на ринге зала «Салем Кресцент» в Нью-Йорке, обратился к менеджеру команды Джорджу Гейнфорду со словами: «Какого сладкого бойца ты нашел». «Сладкого как сахар», – проверещал Гейнфорд для потомства. Так появился на свет «Сахар» – Шугар, часть имени Рея Робинсона.

Вторая часть его имени – Робинсон также образовалась вполне честным образом. Или достаточно честным. Ибо в те дни, когда в полном расцвете были подпольные бои (производившиеся без лицензии в небольших клубах), этот молодой человек, обычно выступавший под собственным именем (Уолкер Смит) или звавшийся Смитти среди

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru друзей, однажды взял займы любительскую карточку у приятеля, носившего имя Рей Робинсон, и, начиная с этого вечера, превратился в того Рея Робинсона, который станет «Величайшим фунт-за-фунт бойцом в истории бокса».

Робинсона нельзя определить одним словом. В боксе он был чем-то вроде Расемона – всякий видел в нем что-то особое. Он мог нанести нокаутирующий удар, отступая; на нем не было швов, не было дефектов; его левая, всегда находившаяся наготове, описывала удивительно чистые движения; ноги работали лучше, чем у кого-либо из выходявших в ту пору на ринг боксеров; скорость и точность удара не имели себе равных и так далее, и так далее. На ринге он был чародеем, и в те редкие мгновения, когда его величии бросали вызов или, хуже того, лохматили его старательно напомаженные волосы, он превращался в Хемингуэево «изящество в опасности».

В первых сорока боях Робинсон оставался непобедимым и даже не потерял практически ни одного очка до сорок первого поединка с Джейком Ламотта в Детройте, когда его прямой маршрут к величии был искривлен поражением в 10 раундах по решению судей. Это решение он заставит их изменить целых пять раз. Робинсон продолжил свой путь, став чемпионом во втором полусреднем и среднем весе, проиграв при этом из первых 123 своих боев лишь поединок с Ламотта, о котором уже упоминалось, но при этом одержав целых 78 побед нокаутом.

Однако если Робинсон представлял собой лишь шеллак на грубой шкуре спорта, боксом управлял Международный комитет и группа личностей, для которых закон представлял только фигуру речи. И когда Робинсон отказался повиноваться их приказу проиграть Ламотта в шестом поединке, названном «Побоищем в День Святого Валентина» и навеки запечатленном в фильме под названием «Яростный Бык», ему пришлось уехать из Штатов и перенести свое дело в Европу. Сахарный Рей отправился на старый континент в первом классе, в сопровождении достойного его имени антуража, включая всего по паре, словно у Ноя – двух парикмахеров, двух шоферов и несколько пар прочих прислужников. На одной из остановок в своем турне он уступил титул чемпиона в среднем весе британцу Рэнди Терпину, чтобы отобрать назад три месяца спустя. Сахарный Рей еще три раза возвращал себе временно уступленный кому-нибудь титул.

Проиграв жару и Джо Максиму в беспрецедентной попытке завоевать звание чемпиона среди полутяжеловесов за один вечер, который превратил его в побуревший кочан латука, Робинсон ушел из спорта в связи с отсутствием возможностей и противников. Но если прав Джон Апдайк, сказавший: «Отставка от дел чуточку подобна смерти», Робинсон, наверное, умирал тысячу раз, потому что он вернулся назад, чтобы оспорить свой титул у Бобо Олсона и провести классические по сценарию бои с Джинном Фуллмером и Кармен Базилио на закате карьеры, доказывая этим, что великие спортсмены могут возвращаться вновь и вновь.

ДЖО ДИ МАГГИО

(1914–1999)

Джо Ди Маггио – на поле он был легок как сэндвич с огурцом. Концентрируясь на каждом движении, Джо предпринимал осознанные действия с неосознанной – и необыкновенной – легкостью. Ничего надуманного, никакой игры на публику, представьте себе, только длинные скользящие шаги по середине зеленой лужайки, и вот мячик исчезает в его раскрытой перчатке. С битой в руках, по словам Боба феллера, «лучшего, чем он, просто не существовало»: ноги широко расставлены, бита недалеко от плеча, сильные, быстрые запястья, замах, как из учебника, и безупречный удар, пронесивший биту по безупречной плавной дуге. Кейси Стенгель, видевший всех, сказал: «Джо за всю карьеру ни разу не ошибся при ударе на базу. Лишь один раз он был выведен на дополнительную базу, и то благодаря судейской ошибке». Короче говоря, по словам того же Кейси: «Рядом с ним все прочие игроки казались водопроводчиками».

Однако если все мнения о мастерстве Ди Маггио сложить концом к концу, до вывода они все же не дотянутся. С одним-единственным исключением: его 56-игровая голевая серия, являющаяся одним из великих достижений бейсбола и личным памятником самому атлету.

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Все началось в 1933-м, когда Винс Ди Маггио привел на просмотр к «Тюленям» из Сан-Франциско своего младшего брата. Этот «братец» наступал 0,340, совершил максимальное в лиге число пробежек – 169 и поставил рекорд Тихоокеанской Береговой лиги, добившись результата в 61-й кряду игре.

Три года спустя Ди Маггио перешел к «Нью-Йоркским Янки», которые лишь однажды выигрывали вымпел за последние семь лет. И он не просто перешел в эту команду, он сделал ее командой-победительницей, выведя «Янки» в мировую серию уже на первом году своих выступлений. Год спустя, в 1937-м, он набил 0,346 и возглавил список лиги по числу пробежек на базу, результативных пробежек и среднему числу удара. А «Янки» вновь выиграли мировую серию. В 1938-м он добился 0,324, а «Янки» опять оказались победителями мировой серии.

Нью-Йорк – такой город, который создает человеку репутацию выше самого из высоких небоскребов. К 1939 году популярность Джо вырвалась за пределы Нью-Йорка. Его классические черты, симпатичное лицо с римским носом появились на обложках нескольких национальных изданий, включая журнал «Лайф»; его имя замелькало в заголовках ежедневных газет; а его достижения сделались предметом пристального интереса любителей бейсбольных деликатесов.

Карта поездок команды начала совпадать с картой его турнирных достижений, и в 1939-м человек, которого спортивные обозреватели называли «Клиппером Янки», «Потрясающим Джо» или просто стариной «Джо Ди», возглавил список Американской лиги по бэттингу со средним показателем 0,381 и заслужил приз самого ценного игрока. И отнюдь не случайно «Янки» в четвертый раз победили в мировой серии за те четыре года, что он провел в команде.

«Янки» финишировали вторыми в 1940-м, но не по вине Ди Маггио, который победил в бэттинге второй раз со средним показателем 0,352. Однако 1940 год следует назвать годом подготовки Джо Ди Маггио к своему величайшему году – году, в котором он был результативен в 56 играх подряд, году, в котором его имя прочно заняло место в заголовках газет, гипнотизируя страну как ни один атлет, с тех пор как Бейб Рат совершил 60 пробежек на базу за четырнадцать лет до того.

Но если 1941 год был его годом, то 1949 год был годом его триумфа. В том году Ди Маггио, измученный колющей болью в пятке, в первых шестидесяти пяти играх сезона не участвовал. А потом, одним солнечным июньским утром, после двух с лишним проведенных в домашнем заточении месяцев за зализыванием болячек, Ди Маггио вдруг обнаружил, что боль, мешавшая ему сделать столь простое дело, как наступить на ногу, вдруг исчезла. Первые три игры, в которых имя Ди Маггио было занесено в бэттинг-лист «Янки», состоялись против «Бостонских Красных Носок» на их родной площадке в Фенвей-парк. И по ходу этого сурового, растянувшегося на три игры испытания Ди Маггио нанес всего лишь четыре метких удара по базе, совершил девять пробежек и набрал еще пять очков, заново переписав легенду о Джо Ди Маггио своей битой, и ею же принес «Янки» три победы в упорной битве за призовое место.

В 1950 году, уже в более типичном для Ди Маггио сезоне, он возглавил список лиги по среднему количеству попаданий и финишировал в числе пяти лучших. Но после 1951 года, когда его статистические показатели свалились до самого низкого уровня за всю тринадцатилетнюю карьеру, он убрал свою битку в чемодан с нафталином, выразив свое мнение следующим образом: «По-моему, я достиг уже той стадии, когда ничем уже больше не могу помочь своему клубу, тренеру, товарищам по команде и болельщикам». И сказав так, он с достоинством откланялся.

История игры и почитатели по-прежнему продолжали делать из Джо Ди идола и божка, назвав его в связи со столетием бейсбола «величайшим из живущих игроков». Чары Ди Маггио не рассеивались, так как вскоре после ухода с поля, сочетая оба любимых нацией способов времяпрепровождения, он женился на легендарной кинозвезде Мэрилин Монро, с редким юмором заметив, что «так-то оно лучше, чем гонять по полю с Джо Пейджем». Брак оказался недолгим, хотя и подарил нам один из величайших анекдотов о бейсболе: когда Мэрилин вернулась из Кореи, где развлекала солдат, она принялась со вкусом рассказывать: «Джо, ты никогда не слышал подобных оваций». И Ди Маггио ответил: «Я?.. Ну что ты, слышал...»

Так и было – тринадцать лет и все последующие годы. Джо Ди Маггио возвел себе монумент не похвальбой и не бравадой. Игрок командный и великий, он построил памятник себе способом старомодным – мастерством, честностью и внешне

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
незаметным, но упорным трудом.

БОББИ ДЖОНС

(1902–1971)

Одной из самых интересных сторон карьеры Бобби Джонса является проявлявшаяся им в первые семь лет невероятная нестабильность, поскольку он то ослепительно вспыхивал, то погасал, словно искрящийся электрический контакт. Но Джонсу были отпущены фараоновские семь тощих и семь тучных лет во всем их единстве. Об этом и наш рассказ – о внезапной сенсации, хотя для того, чтобы она родилась, потребовалось семь тощих лет.

Джонс впервые появился на национальной сцене в 1916 году. Четырнадцатилетний мальчишка с плотным телом, покатыми мускулистыми плечами, крепкими широкими запястьями и крупным лицом молодого южного джентльмена, что как раз и соответствовало действительности, поскольку он был родом из Атланты, Джорджия. Юный Бобби (он терпеть не мог этого имени, предпочитая ему краткое «Боб») играл в гольф с пяти лет. Его семья жила как раз неподалеку от площадки для гольфа в Атланте, и мальчишка, еще не понимая, что делает, начал баловаться с мячиком, конечно старым, и клюшкой – естественно укороченной. К семи годам он уже вовсю махал клюшкой, в девять стал чемпионом клуба, а в двенадцать посылал мяч на 240–250 ярдов, набирая 70 очков.

Всего за год перед первым появлением молодого Бобби Джонса на национальной арене Грантленд Райс, тогда являвшийся ведущим спортивным обозревателем страны, стоял, наблюдая за юным чудом в компании Элии Смита и Джима Барнса, двух прежних победителей Открытого чемпионата. На глазах троицы Джонс разыграл начало, могучим ударом послав мяч на какую-то давно забытую лужайку. Проследив за полетом снаряда, приземлившегося в десяти ярдах от лунки, они заметили, как отброшенная разочарованным юношей клюшка ударяется о ствол дерева. «Как ни жаль, – вспоминал Райс слова Смита, – но из него не получится настоящего гольфера... слишком темпераментен». Райс был вынужден согласиться: «Этот единственный недостаток может оказаться слишком весомым. Если он не научится владеть собой, то никогда не научится играть в гольф так, как способен это делать». Но прошли годы, прежде чем Джонс научился управлять собой так же, как и своими клюшками.

Когда Джонс появился в Филадельфийском клубе крикета «Мерион», чтобы впервые выступить в национальном любительском первенстве 1916 года, где он произвел фурор среди публики, напомнив Джекки Куганеску своим голубым беретом, голубыми глазами и победоносной улыбкой. Однако в его манерах не усматривалось ничего привлекательного, южным привычкам соответствовал южный же темперамент, проявлявший себя, в частности, в швырянии клюшки. Его противником в первом круге был Эбен Байерс – бывший чемпион среди любителей в 1906 году, и тоже имевший привычку чуть что запускать клюшкой в дерево. Их матч превратился в состязание скорее не в меткости, а в норове, и Джонс победил потому, что, как он сказал сам: «У Байерса раньше кончились клюшки».

На следующий день он победил Фрэнка Дайера. В третьем круге, играя с действующим чемпионом, Бобом Гарднером перед колоссальным скоплением публики, которое сделало бы честь и Дню Примирения[27 – Ранее существовавший в США национальный праздник, отмечавший перемирие между странами Антанты и Германией в Первой мировой войне, теперь – День ветеранов. (Прим. перев.)], он держал в узде и свой характер, и меткость, пока не проиграл на тридцать первой лунке. Публика приветствовала каждый его меткий удар аплодисментами, вдруг вспыхивавшими и угасавшими. Подобная реакция стала типичной для матчей Джонса, начиная с этого круга и до финального матча 1930 года, состоявшегося в том же клубе, когда он завоевал «Большой шлем».

Несколько следующих лет Джонс продолжал бороться со своим характером как человек, казалось бы обреченный всегда становиться собственной жертвой. Однако цепочка должна была где-то закончиться, и это самое «где-то» оказалось открытым первенством Британии 1921 года. Показав поначалу среднюю, в общем-то, игру, он потратил пятьдесят восемь ударов на первые одиннадцать лунок, а потом забрал свой мяч. В боксе в подобных случаях выбрасывают на ринг полотенце; в гольфе это

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru попросту непростительно. Особенно на открытом первенстве Британии, с его почтением к традициям гольфа, бытующим среди джентльменов. Джонсу надлежало усвоить этот урок и в свои девятнадцать лет стать мужчиной.

Но ему предстояло стать и чемпионом. И это наконец случилось в 1923-м на открытом первенстве США в «Инвуд Кантри Клуб», что на Лонг-Айленде, но лишь после того как катастрофическая двойная ошибка на семьдесят второй лунке заставила его участвовать в переигровке с крошечным шотландцем, Бобби Крукшенком. К восемнадцатой лунке на переигровке счет был равным. Наступила очередь Крукшенка, и он послал невысокий мяч, вкатившийся на неровное поле. Джонс ответил далеким ударом и попал на мягкое поле на краю неровного поля. И перед ним встал выбор: или остановиться перед водной преградой, или рискнуть и перебросить мяч через нее на край неровного поля. С дымящей в зубах сигаретой он решил рискнуть и забросил мяч на зеленое, послав его на 190 ярдов – в пределах 5 футов от колышка.

Так Бобби Джонс выиграл свой первый чемпионат. И, начиная с той поры, победы посыпались на него одна за другой. Джонс сражался только с полем.

Следующие восемь лет – «тучных лет», если вам угодно, Джонс установил эталон, так и оставшийся непревзойденным. Каждый год он побеждал хотя бы в одном из крупных американских турниров: на его счету четыре победы в открытом первенстве и пять в любительском. Столь высококачественный гольф в течение такого продолжительного отрезка времени не удавалось продемонстрировать более никому.

В начале 1930 года Бобби Крукшенк сказал о Джонсе: «Он просто слишком хорош. Он поедет в Британию и выиграет там любительское и открытое первенство, а потом вернется сюда и победит в открытом и любительском чемпионатах. Он играет слишком хорошо, чтобы его можно было остановить». А потом Крукшенк подкрепил свое предсказание, заключив пари на 500 долларов, поставив 50 к 1 на Джонса в том, что тот выиграет так называемый «Большой шлем», который один из спортивных обозревателей назвал «Неприступным Четырехугольником Гольфа».

В 1930 году Британский любительский чемпионат был разыгран на историческом поле Королевского и Старинного клуба в Сент-Эндрюсе, и после восьми раундов упорной борьбы Джонс выиграл свой первый британский любительский титул. И вместе с тем первую часть «Большого шлема». Потом начались соревнования в Хойлейке, второй этап – Открытый чемпионат Британии. Особо не напрягаясь, он финишировал в двух фарлонгах от всех остальных. До цели оставалась половина пути, и пари Бобби Крукшенка начинало казаться вполне реальным.

Вернувшегося победителя приветствовали дома как истинного героя. В Нью-Йорк-Сити устроили один из патентованных парадов. Когда один из друзей Джонса поинтересовался у раздосадованного суетой полисмена о причине такого шума, тот ответил: «Это из-за какого-то поганого гольфера».

В итогах Открытого первенства США в Интерлахене возле Миннеаполиса никто не сомневался. Предоставив дело своей клюшке носившей имя «Бедовая Джейн» [28 – в честь носившей такое прозвище Марты Джейн Канэри, героини пионерских времен, знаменитой, в частности, умением метко стрелять.], он положил 40-футовый мяч в семьдесят вторую лунку, чего вполне хватило для завоевания чемпионского титула. Итак, из четырех титулов были завоеваны уже три, оставался всего один, и букмекер Бобби Крукшенка уже слышал шаги фортуны.

Поход за четвертым из титулов «Большого шлема» был легкой прогулкой, так как Джонс поставил рекорд в квалификационном раунде, а потом триумфально пронесся по полю; Джин Хоманс, его последняя жертва, проиграл 8 и 7. «Большой шлем» был завоеван в первый и в последний раз.

В возрасте двадцати восьми лет, не имея более непокоренных вершин, обеспечив себе место в истории, Бобби Джонс оставил игру. Бобби Джонс поднялся на самую вершину игры, оставив на память свой рекорд, который никогда не изгладится из памяти болельщиков.

ЭЛДЖИН БЕЙЛОП

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
(родился в 1934 г.)

Дело в том, что у папы-Бейлора были часы. Золотые часы. Карманные часы. И если быть точным – часы фирмы «Элджин». «В честь этой фирмы он и выбрал мне имя», – утверждал Бейлор впоследствии. И это было вполне справедливо, поскольку в последующие годы Элджин Бейлор работал на баскетбольной площадке с точностью часового механизма.

Однако на то чтобы стать звездой, Элджину потребуется время. Родившийся в столичном округе Вашингтон во времена, предшествовавшие интеграции рас, юный Элджин остался незамеченным восточным баскетбольным сообществом, даже невзирая на то, что мог похвастать попаданием в городскую баскетбольную сборную. И тут вмешавшаяся судьба предложила ему окольный путь – через занятия футболом.

Случилось так, что один из старых приятелей Элджина, Уоррен Вильямс, отправился в небольшой колледж в Айдахо, чтобы учиться там и играть в футбол. Когда его спросили, не знает ли он на востоке других хороших футболистов, Вильямс ответил, что знает очень сильного игрока по имени Элджин Бейлор и что лучшего найти сложно – хотя весь футбольный опыт Бейлора ограничивался несколькими играми с приятелями за клуб «Ребята Северо-запада».

Итак, Элджин отправился в столичный город Колдуэлл, Айдахо, чтобы стать одним из 485 студентов колледжа. Оказавшись там через две недели после начала предсезонной подготовки, он сразу же выгрузился из поезда под дождь. После трех дней непрерывных дождей команда перебралась в спортивный зал, где Элджин играл в баскетбол вместе с товарищами по команде. Примерно на четвертый день, согласно воспоминаниям Элджина, тренер, отнюдь не случайно оказавшийся также тренером баскетболистов, подошел к нему и сказал: «А я и не знал, что ты умеешь играть в баскетбол». Бейлор ответил: «Но вы и не спрашивали». Тогда тренер, отлично понимавший, какой вид спорта обеспечивает наличие масла на его куске хлеба, спросил у Бейлора, не предпочтет ли он в таком случае баскетбол футболу. «Отлично, – сказал Бейлор. – Буду играть в баскетбол». На этом его футбольная карьера закончилась и началась баскетбольная.

Но фортуна еще не закончила свои дела с Элджином. Во всяком случае пока. Дело в том, что однажды вечером, после завершения своего первого сезона, когда Элджин ходил по коридорам спального корпуса, до внимательного уха молодого человека донеслось не что иное, как радиорепортаж о финальной встрече 1955 года НКАА между Сан-Франциско и Ласаллем. Бейлор уселся послушать репортаж, казавшийся таким ярким и наглядным. «Я читал о Томе Гоула и Билле Расселе в газетах, но слышать рассказ об игре по радио было все равно, что видеть ее собственными глазами, – вспоминал Бейлор. – Я буквально видел, как они перехватывали броски, подбирали отскоки и забрасывали мячи. Впечатление было настолько волнующим, что превосходило любую виденную мной игру. И слушая комментатора, я сказал себе: "А хорошо было бы поиграть в чемпионате НКАА (Национальной студенческой спортивной ассоциации США)"».

Этот полет мысли привел его к следующей идее: неплохо бы перевестись в колледж, предпочтительно на Северо-западе, где играют в большой баскетбол. Он разослал прошения, и желание его исполнилось – Элджин получил согласие университета города Сиэтла. И за следующие более чем три года Элджин привел «Вождей» к рекордным 66 победам при 21 поражении, его вихляющая манера вести мяч и невероятные броски из прыжка поражали зрителей.

На третьем году выступления реализовалась и другая часть желания Элджина: играть в чемпионате НКАА. Совершая ходы внутри ходов, Бейлор продолжал удивлять, изумлять и потрясать зрителей и вывел Сиэтл в соревнование, тогда еще не носившее имени «Финальной четверки». В полуфинальной встрече с командой штата Канзас он выкинул фокус, который его бывший тренер, Эл Брайтмен, назвал «самой прохиндейской штукой из всех, которые я видел в его исполнении. Канзасец Боб Бузер шел на него головой вперед. Элджин стукнул мячом в голову Бузера, потом обвел его и отправился прямо к корзине. Он поступил так потому, что этого требовала логика мгновения. И он был прав». Элджин еще не раз оказывался «правым», и, хотя Сиэтл уступил Кентукки в финальной серии, он был назван самым ценным игроком турнира, забросив 135 очков в пяти играх. Учитывая общеамериканскую известность, это делало его первым кандидатом на повышение в классе в 1958 году.

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru «Миннеаполис Лейкерс» являлись тогда слабейшим звеном в НБА, команда балансировала на грани банкротства и полной неизвестности. Нищая, ничем не примечательная команда, ничем не блиставшая в сезоне 1957/58 года, могла похвастать лишь 19 победами при 53 поражениях. Команда нуждалась в любой помощи – и в первую очередь на площадке. И помощь эта явилась в лице Элджина Бейлора, подписавшего с больной «Лейкерс» контракт на значительную по тогдашним меркам сумму в 20000 долларов.

Бейлор прибыл в тренировочный лагерь «Лейкерс». Впоследствии он вспоминал свои тогдашние впечатления: «Мне никогда в жизни не приходилось видеть сразу столько рослых людей. В колледже можно увидеть одного-двух длинных парней, но они обычно не наделены необходимыми физическими способностями. А там, в тренировочном лагере, когда я увидел этих верзил, то усомнился в том, что сумею чего-то добиться. Но уже после первой тренировки я ощутил, что ничем не уступаю им».

Нет, он был лучше. Много лучше. Начиная с самой первой игры с «Цинциннати Ройялс», Элджин стал вносить погашающие платежи – с процентом – на вложение в него 20000 долларов, забросив 25 очков. В другой игре против «Ройялс» он набрал 55 очков, показав самый высокий результат того сезона в одной игре. Похожий отчасти на св. Витта и отчасти на св. Павла, он исполнял больше вариаций на тему, чем удалось бы придумать самому Мусоргскому[29 – Мусоргский Модест Петрович (1839–1881), великий русский композитор.], – шла ли речь о том, чтобы доставить мяч в корзину быстрее-чем-можно-прочесть-это-слово, или молниеносным финтом приготовиться к броску, или отдать пас партнеру по команде, или разразиться каскадом обводящих движений, он проделывал все это, подергивая головой, словно черепаха, убирающая голову под панцирь, – чтобы не вышло чего нехорошего.

Но если Бейлор являлся отличной машиной по забрасыванию мячей, то на подборе он работал не менее качественно. Нападающий ростом шесть футов пять дюймов (198 см), каким бы крепким он ни был, не способен раздвигать поднимающийся вокруг локтей и тел, подбирая отскок за отскоком, особенно если при этом приходится иметь дело с личностями, более похожими на великанов. Но именно это и делал Бейлор: раз за разом, упорно, с силой и расчетом, точной выдержкой и интеллектом. Его партнер по команде, Джим Кребс, мог только удивляться: «Он подпрыгнет, опустится, прыгнет снова. Я видел, как он подскакивал таким образом до четырех или пяти раз. И он умел выбирать момент. Такие люди, как я, полагались на блокировку. Но «Элдж» оказывался там, где надо в нужный момент».

В конце первого года выступлений Бейлор стал четвертым в лиге по результативности, в среднем набирая 24,9 очка за игру; третьим по подбору, при среднем числе 15,0 за игру; и девятым по передачам при показателе 4,1 за игру. Теперь пришло его время.

В 1959–60 годах Бейлор поднял свою среднюю результативность до 29,6 очка за игру, а потом в сезоне 1960/61 года и сами «Лейкерс» перебрались в Лос-Анджелес. Но подобная смена сцены вполне устроила Бейлора, быстро сделавшегося одной из самых ярких звезд города звезд – при его легких движениях и способностях плеймейкера. И конечно же результативности, достигшей максимума в игре с «Нью-Йорк Никс» (71 очко) и в среднем составившей 34,8.

К этому времени его тренер, Фред Шаус, называл своего подопечного «величайшим крайним среди всех, кто когда-либо играл в профессиональном баскетболе». Но даже «величайший крайний» не мог принести Лос-Анджелесу мировое первенство, и 1961/62, 1962/63 и 1964/65 годы «Лейкерс» проигрывали в финалах «Бостон Селтикс», команде, грузенной баскетбольными талантами по самый фальшборт.

На матче открытия чемпионской серии 1965 года с «Балтимор Баллетс» Элджин извернулся для совершения броска в прыжке и повалился на площадку как марионетка с перерезанными веревочками, корчась от боли. Игроки на скамейке балтиморской команды услышали отчетливый хруст. Бейлор поднялся и попытался продолжить движение, но снова рухнул, извиваясь от сильной боли. Сказались 23445 минут профессиональной беготни по паркету – он надорвал верхнюю восьмушку коленной чашки.

Ему удалили часть коленной чашки, сухожилий и связок, и очистили колено от острых частиц кальция. Врачи держались с суровостью могильной плиты, местные газеты уже заказывали некрологи, но Элджин, закованный в гипс от лодыжки до

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru бедра, старался подобно Шалтаю-Болтаю собрать себя воедино. И вновь стать Элджином Бейлором.

Если, как сказал однажды Томас Карлайл, гениальность можно определить как бесконечную способность терпеть боль, то в качествах Элджина можно не сомневаться, ибо он сумел вернуться назад в игру. Накачанный новокаином, этот человек, который сам называл себя «сказочным инвалидом», достиг в сезоне 1965/66 года немногого, по словам комментатора Чика Хеарна, «являясь бледной тенью себя самого». Но он гнал себя вперед, восстановив хотя бы власть над телом, если не движения, которые делали его уникальным.

Теперь человек по имени Элджин превратился в часы, нуждавшиеся, чтобы их заводили на год в течение двух недель. Но тем не менее каким-то загадочным образом он сумел вернуться в следующие двух сезонах, набирая в среднем по 26 очков за игру, и однажды вывел «Лейкерс» в новую неудачную финальную серию против «Кельтов».

После следующих двух сезонов песок в склянке его часов наконец подошел к концу. Боль нельзя было уже смирить даже новокаином. И следуя правилам чести, Элджин Бейлор, проведя четырнадцать лет на паркетe, ушел на покой со следующими словами: «Я не хочу продлить собственную карьеру, не имея более возможности поддерживать тот уровень, который я установил для себя». А уровень этот выдержал испытание временем.

ЭМИЛЬ ЗАТОПЕК

(1922–2000)

Представьте себе, если хотите, человека вечно недовольного, нахмуренного и насупленного, скривившегося, словно он только что проглотил какую-то гадость, язык выставлен изо рта, глаза просительно воздеты к небу, руки терзают живот на каждом вымученном шагу, и можете сказать себе, что увидели столь редкий образчик человеческой природы, как Эмиль Затопек.

Он бежал по дистанции, как написал один из обозревателей, «словно человек, терзаемый внутренними демонами». Его стиль, особенно потрясавший зрительский нерв, как будто должен был продемонстрировать, что Затопек умирал на каждом шагу. Как написал один из обозревателей, он напоминал «человека, сердце которого пронзили кинжалом».

Однако достижения Затопека были еще более удивительными, чем его стиль.

Затопек начал бегать – и гримасничать – на стадионах родной Чехословакии в достаточно зрелом возрасте – девятнадцати лет. В своем самом первом забеге на соревнованиях – на 1400 метров он финишировал с ничем не примечательным временем 4 минуты 24,6 секунды. Через несколько месяцев кованые сапоги зашагали по земле его родного отечества, и Затопек сменил шиповки на армейские сапоги, вступив в Чешскую армию, чтобы защитить свою страну от орд немецких захватчиков. Во время войны Затопек продолжал тренироваться, пробегая по утрам по меньшей мере десять миль, топая тяжелыми армейскими сапогами. А иногда и ночью – в тех же сапогах и с фонариком.

После войны, в 1945 году, Затопек решил доказать, что не тратил времени даром и проехал примерно три сотни миль на велосипеде из Праги в Берлин, пригласив себя самого на матч союзных войск по легкой атлетике. Ему велели топтать восvoja и не пачкать чужие полотенца, но Затопек остался и победил на дистанции.

Его появление на международной арене состоялось в 1948 году на Лондонских Олимпийских играх, где он победил на дистанции 10000 метров спустя всего два месяца после своего первого выступления на ней и финишировал всего в полутора метрах за спиной победителя на дистанции 5000 метров на залитой дождем беговой дорожке. После этого соревнования началось его победное шествие по стадионам континента, почти всегда с рекордным временем на дистанциях от 5000 до 30000 метров.

А потом были Олимпийские игры 1952 года в Хельсинки, давшие миру самое

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
выдающееся выступление бегуна во всей истории легкой атлетики.

Затопок начал свою серию с победы на 10000 метров, побив сразу два олимпийских рекорда – скорости и драматичности, измотав своих соперников, он выиграл у них примерно 100 ярдов.

Три дня спустя Затопок попытался установить дубль на стайерских дистанциях, не покорявшийся ни одному олимпийскому божку после финна Ханнеса Колемайнена, который выиграл золото на 5000 и 10000 метров еще в 1912 году. Обладая достаточной для этого силой и возможностями, Затопок решил развлечься во время предварительных забегов. Во-первых, видели, как он переговаривался с другими бегунами на последних кругах дистанции, причем вел, так сказать, живой монолог, во-вторых, когда становилось ясно, кто из остальных бегунов пройдет в следующий круг, он замедлял бег и позволял остальным четверым победителям обогнать себя – ну прямо коп, регулирующий дорожное движение.

Однако финальный забег оказался куда более серьезным мероприятием не только для Затопека, но и для всего мирового спорта. Так во всяком случае казалось. Одна из парижских газет вышла с заголовком: «Финал на 5000 метров? Он станет атомной бомбой Игр!»

Бегуны, собравшиеся на стартовой линии, успели добиться немалых достижений в настоящем и прошлом и им предстояло еще многого достичь в будущем. На беговой дорожке собралось едва ли не рекордное скопление талантов во всей олимпийской истории. С самого начала Затопок вместе с фаворитом из Германии Хербертом Шаде; франко-алжирцем Аленом Мимуном; Крисом Чатевеем, который впоследствии прославится как «кролик» Роджера Баннистера; и англичанином Гордоном Пири оторвались от группы, с полным безразличием к судьбе всех остальных. Круг сменялся кругом, лидерство в рыцарственной манере переходило от одного бегуна к другому, и уже казалось, что победить может любой из пятерых.

Колокол перед последним кругом прозвучал словно пушечный выстрел приступающей к сражению армии, и Затопок, с таким выражением на лице, словно боги уже успели крепко насолить ему, а теперь наконец собрались уничтожить, выдвинулся на первое место. Его примеру последовал Шаде. Потом на противоположной от финиша прямой сделал свой ход Чатевей, вышедший вперед и опередивший наседавших ему на пятки Мимуна и Шаде, отодвинув Затопека на четвертое место. На последней кривой Затопок, внешне являя собой самого утомленного, несчастного и негодующего на судьбу бегуна, понесся, в соответствии со словами одного из обозревателей, «как если бы ему в каждую шиповку подложили по скорпиону». Его красная майка раскачивалась пока за спинами остальных. Но каждый вымученный шаг выдвигал его вперед и наконец принес победу с отрывом в пять ярдов от финишировавшего вторым Мимуна и олимпийским рекордом 14:06,6.

Результат этот был и рекордом Чехословакии, и, можно сказать, дважды рекордом. С Олимпийских игр 1912 года никто не побеждал сразу на 5000 и 10000 метров. Теперь Эмилю Затопеку принадлежал дубль на обеих дистанциях, причем в обоих случаях с олимпийскими рекордами. Но он еще не закончил своих выступлений – ему предстояло добиться еще многого.

И даже очень многого. В тот же самый день, когда Затопок победил на дистанции 5000 метров, его жена Дана Затопкова завоевала золотую медаль в метании копья. С улыбкой на обветренной физиономии Затопок молвил: «В настоящее время личный зачет в Олимпийских играх семейства Затопков составляет 2:1. Результат слишком шаткий. И чтобы сохранить свой престиж, я попытаюсь улучшить его в соревновании марафонцев». Однако на победу его рассчитывать всерьез не приходилось, так как Затопок никогда не бегал эту дистанцию.

Однако Затопок просто все хорошо просчитал, когда попытался посягнуть на беспрецедентный «хет-трик». Привыкнув к традиционным дистанциям, Затопок не смущался отсутствием или наличием публики; его тревожила только возможность существования таких стратегий бега, о которых он не знал, поскольку воды сии оставались для него неведомыми. Всегда интересным образом толковавший свой бег и соперников, Затопок решил следовать манере бегуна, которого он считал фаворитом, Джима Петерса из Великобритании, всего лишь за шесть недель до того показавшего лучший результат во всей истории марафона. Отыскав номер Петерса в утренних газетах, Затопок нашел его на стартовой линии, выделив из основного состава марафонцев, и представился. А потом держался за ним, словно хвост за кометой,

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
поскольку Петерс с самого начала взял рекордную скорость.

Через шестнадцать миль Затопек, бежавший локоть к локтю с Петерсом, вывалив на щеку язык, повернулся к сопернику и спросил: «А не прибавить ли нам?» Взволнованный неожиданным соперничеством, Петерс смог лишь ответить: «Действительно стоит», и, изображая свежесть, прибавил шагу. Но ухмылявшийся Затопек оставался возле его плеча, ехидно спрашивая: «А нельзя ли еще быстрее?» Наконец после двадцати миль Петерс, ноги которого начинала сводить судорога, не смог более держаться вровень с Затопеком и отстал. Продолжая бег с прежней мрачной grimасой на лице, Затопек сумел сохранить скорость и вбежал на стадион, намного опередив своих преследователей. Заметившая появление бегуна на дорожке огромная толпа разразилась приветственными криками: «За-то-пек, За-то-пек», когда летучий чех закончил последний круг марафона с рекордным временем еще до того, как преследовавшие его бегуны сумели вбежать на стадион. Герой Игр 1952 года уже раздавал автографы, когда пришедший вторым Рейнальдо Горно из Аргентины пересек линию финиша. И кто же приветствовал его на финишной отметке долькой апельсина? Конечно же Эмиль Затопек.

Совершив сей неслыханный «хет-трик» на стайерских дистанциях, Эмиль Затопек поставил себя в ряд величайших спортсменов всех времен, сделавшись одновременно, по словам самого Роджера Баннистера, первым в мире человеком, пробежавшим милю менее чем за четыре минуты, «величайшим атлетом послевоенного мира» – и среди хмурых, и среди жизнерадостных спортсменов.

УЭЙН ГРЕТЦКИ

(родился в 1961 г.)

В то время, когда казалось, что виртуозы техники в спорте исчезли как ископаемые, если не считать нескольких, сохранившихся в качестве учебных пособий, вдруг объявился невысокий чародей по имени Уэйн Дуглас Гретцки, принесший с собой в игру невиданную дотоле в НХЛ науку – умение играть в хоккей как в шахматы. И в этом процессе он успел собрать больше титулов, чем у китайского императора, а заодно превратить книгу рекордов Национальной хоккейной лиги в свой личный дневник.

Способности Гретцки к шахматам на льду проявились еще в раннем детстве, в Брантфорде, Онтарио. Отец прикрепил к крошечным ножкам сына коньки едва ли не раньше, чем малыш научился ходить. И как только маленький Уэйн научился передвигаться по льду, папа Гретцки начал с ним свои постоянные занятия, которые со временем сделают этого парня величайшей забивающей машиной во всей истории игры, – тренировки эти включали выписывание на льду зигзагов между выставленными на льду в форме «Z» консервными банками, перепрыгивание через палку после получения паса и попадание шайбой в большие или маленькие мишени. Но самой важной частью его обучения стал перехват отскочившей от борта шайбы, ибо отец Уэйна исповедовал следующий принцип: «кати туда, где шайба должна оказаться, а не туда, где она была», не гоняйся, мол, понапрасну за черным кружком.

Тренировки не просто развили его способности, но и сделали из него вундеркинда шайбы. В возрасте шести лет Уэйн уже играл в лиге вместе с десятилетками, а четыре года спустя он уже встречался в юношеской лиге с почти взрослыми парнями. Однако юный Уэйн более чем восполнял свои возрастные недостатки своим хоккейным интеллектом, выпестованным его отцом, в особенности врезанным в подсознание правилом, гласящим, что бежать всегда следует навстречу шайбе, а не следом за ней. Воплотив это мудрое учение в жизнь, молодой Уэйн сумел пойти дальше и освоить правило скольжения, позволяющее представлять, где шайба находилась, где она находится в данный момент и где ей предстоит быть. И поступая так, он научился забрасывать в среднем по четыре с половиной шайбы за игру против старших юношей.

С каждым проходившим годом слава молодого Гретцки росла и ширилась, разнося молву о его меткости и предвидении по всем пределам Канады, имя его начало появляться на страницах газет. В возрасте шестнадцати лет этот находящийся в процессе создания миф заплыл в порт Су-Сент-Мари, чтобы закончить там свое хоккейное образование.

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Пока он находился в Су-Сент-Мари, фортуна добавила новую черту к легенде о Гретцки, выбрав для него свитер под номером 99. Похоже, молодой человек мечтал носить номер 9 – как и его хоккейный идол Горди Хоу. Однако обстоятельства сложились так, что этот номер был уже закреплен за другим членом команды, и генеральный менеджер Маз Макферсон не хотел и думать о том, чтобы передать его Гретцки. Отнюдь не случайно в нашей истории то, что в том же 1977 году недавно проданные в «Нью-Йорк Рейнджерс» Фил Эспозито и Кен Ходж, получили номера 77 и 88. И Макферсон, чтобы удвоить удовольствие Гретцки, предложил юному феномену номер 99. Гретцки сперва было отказался от этой идеи, но, походив в свитерах под номерами 19 и 14, начал выступать под номером, который впоследствии принесет ему славу, и даже в два раза большую, чем выпала на долю его юношеского кумира.

Но так ли уж велика разница, 9 или 99, поскольку молодой Гретцки продолжал забрасывать шайбы одну за одной, набирая при этом по 182 очка за шестьдесят четыре игры. Такая игра привлекла к себе внимание «Индианаполис Рейсерс» из возникшей на ровном месте Всемирной хоккейной ассоциации, и он подписал с командой четырехлетний контракт на сумму 875000 долларов. Но уже после восьмой игры «Рейсерс», пребывавшие на тонком в финансовом отношении льду, обнаружили, что этот еще не брившийся новичок представляет собой отличную монету, и продали его контракт «Эдмонтон Ойлерз», также входившей тогда в ВХА.

Словом, Гретцки собрал свои клюшки и переехал в Эдмонтон, чтобы в одиночку приступить там к штурму книги рекордов. В своем первом полном году игры в «крупной» хоккейной лиге, еще за три года до достижения совершеннолетия, игрок, которого теперь называли Мальцом, набрал 104 очка, забросив 43 шайбы и сделав 61 передачу. Однако критики вновь принялись водить носами: это же всего лишь ВХА, лига, составленная из игроков бывших или не реализовавшихся. В 1979-м ВХА упразднили, и Эдмонтон вошел в состав старой доброй Национальной хоккейной лиги. А Гретцки, заиграв уже среди самых «старших», обрел буквально звездную яркость и подтвердил свой статус, набрав 137 очков при 51 шайбе и 86 передачах.

В следующие годы его карьера покатила по уже накатанной колее, и Гретцки продолжал извлекать рекорд за рекордом из бездонной шляпы собственных достижений, став первым хоккеистом в истории НХЛ, превзойдя отметку в 200 очков – и не один, а четыре раза! – забросив за сезон рекордные 92 шайбы, и т. д., и т. п., поставив столько рекордов, что мозги статистиков начинали вращаться вхолостую, путаясь во всех этих цифрах.

Хотя серебряный конек Гретцки измерили вдоль и поперек, а поклонники уже не знали, каким еще именем назвать своего героя, ему по-прежнему не удавалось покорить своих хулителей. Ибо эти хранители священного огня хоккейной игры, постепенно реденеющие, относились к этому благородному занятию с соответствующим трепетом, почитая традиции, восходящие ко дням «Первоначальной шестерки» клубов, образовавших НХЛ, и рассматривая и расширение, и побочные продукты его – такие, как Гретцки с его возком рекордов – в качестве мерзости запустения. Число новых команд в НХЛ настолько шокировало этих людей, что один из них даже заметил, что если ему придется лицеизреть встречу «Ракет» с «Акулами», надо, наверное, пояснить, где она происходит – на хоккейной площадке или в «Вестсайдской истории» [30 – Знаменитый мюзикл А. Лорентса и Л. Бернстайна, повествующий о любви современных Ромео и Джульетты из враждующих нью-йоркских молодежных банд. (Прим. перев.)].

Их также смущал хоккейно-шахматный стиль Гретцки, полностью не похожий на все известное. По их мнению, он обладал лишь средней скоростью, менее чем средним ростом и посредственными оборонительными способностями. Черт побери, возмущались они, он не любит силовой борьбы. Кроме того, как намекали некоторые, он предпочитает не сталкиваться очертя голову на поле с верзилами, очищавшими площадку от соперников, в особенности с теми из них, кто ведет шайбу.

Однако ключ Гретцки представлял собой комбинацию движений, которые позволяли ему избегать столкновений с крепкими и злонамеренными защитниками, сохраняя при этом контроль и над шайбой, и над игрой. Как сказал один из партнеров по команде о воистину гейгеровской чувствительности Гретцки: «...похоже, что у него перед глазами где-то было укреплено зеркальце заднего вида».

Центрфорвард Анри Ришар, прославившийся своими удивительными движениями, как-то сказал об этом вундеркинде: «Я еще ни у кого не видел таких движений». Их нужно было видеть, вставлять в рамку и закладывать между страницами учебника по хоккею

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru – для последующих поколений. Вот он изгибается, словно удирающий от собак заяц, чтобы опередить шайбу; вот мчится за ней, словно пес за фазаном, не отводя глаз от полета этой круглой птахи. И всегда, тактически грамотно и инстинктивно выбирая место, он понимал, где находится и чего хочет добиться.

Оказавшись возле шайбы, столь же вожаденной для него, как для кота сметана, он обращался к своему экстрасенсорному восприятию, чтобы выйти на позицию, удобную для броска или паса, часто располагая для этого лишь пространством размером в салфетку – особенно за воротами. Гарри Синден, генеральный менеджер «Бостон Брюинз», увидев Гретцки, не поверил своим глазам и заметил: «Гретцки видит то, чего не видит никто».

Было трудно, если не невозможно поверить в то, что этот тонкий, едва ли не тощий игрок с юным лицом и копной светлых волос сумел переписать книгу хоккейных рекордов, воспользовавшись для этого стилем шахматного гроссмейстера. Но он делал это, причем неоднократно.

Сделав установление рекордов профессией – их было пятьдесят девять по последнему счету, Уэйн Гретцки занес свое имя на страницы книги рекордов всего спорта, став статистически наиболее выдающимся атлетом в истории спортивных игр.

ЭДВИН МОЗЕС

(родился в 1955 г.)

Для большинства знатоков спорта величайшей фигурой в своем постоянстве остается Джо Ди Маггио и его невероятно результативная серия в 56 игр, рекорд, остающийся вечным монументом его постоянству, упорству и блеску. Но если вам нужно еще более выдающееся достижение, мы предлагаем вашему вниманию имя Эдвина Корли Мозеса, одержавшего подряд 122 победы в беге на 400 метров с барьерами, поставив тем самым себе монумент в 2,1785714 раза более высокий, чем у Ди Маггио, если воспользоваться компьютером.

Дело в том, что Эдвин Мозес был мастером в сведении искусства барьерного бега к науке, связывающей компьютеры, физику, физиологию и биохимию, абсолютно ничего не оставляя на волю случая.

Невзирая на то, что «многие люди считают бег просто физическим процессом», говорил Мозес, «он требует большой технической работы». Возводя хвалу расчету, Мозес соединял ритм барьерного бега с компьютерным методом решения задачи с конечным числом шагов, осуществив революционный переход к тринадцати шагам между барьерами вместо обычных четырнадцати. «Приходится тратить уйму времени, чтобы записать все данные в компьютер», – сказал человек, которого журнал «Лайф» назвал мистером Чародеем, контролировавший свои сердцебиения с убийственной аккуратностью, чтобы повысить точность графиков, отображавших его открытия. Эдвин Мозес всегда исследовал все с максимальной точностью.

Процесс исследования начался в юные годы, когда молодой Мозес, подраставший в Дейтоне, Огайо, предпочитал собирать окаменелости и потрошить лягушек и не думал о беге с барьерами и побитии рекордов. Но любознательность же привела его в не менее любопытный мир легкой атлетики. Одной из попавшихся ему книг был «Справочник бойскаута», а в нем глава, посвященная легкой атлетике.

В 1976 году Мозес стал худощавым парнем, ростом в 190 см, и студентом Колледжа Морхауз в Атланте, Джорджия, специализирующегося в первую очередь в физике и во вторую – в легкой атлетике. И хотя до 27 марта ему не приводилось бегать 400 метров с барьерами на международных соревнованиях, Эдвин решил попытаться попасть на летние Олимпийские игры 1976 года в Монреале. Мозес не только прошел отборочные соревнования, он выиграл золотую медаль с мировым рекордом, показав время 47,64 секунды, опередив второго участника соревнований почти на восемь метров – наибольший отрыв в истории соревнований. Стремящийся к совершенству всегда остается неудовлетворенным, и Мозес потом говорил, что жалеет только о том, что подготовка к Олимпийским играм так повлияла на его занятия, что его успеваемость упала до 3,57 балла.

Жизнь Эдвина Мозеса всегда определялась цифрами, шла ли речь о средней

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru успеваемости, каких-нибудь расчетных величинах или же результатах, достигнутых в длительной серии побед в беге и прыжках, начавшейся в следующем, 1977 году.

Проиграв Харальду Шмидту из Западной Германии 26 августа того года, Мозес неделю спустя вышел на легкоатлетическую арену Дюссельдорфа, чтобы начать самую продолжительную серию побед в истории легкой атлетики – если не всего спорта. Следующие девять лет, девять месяцев и девять дней, 107 финалов, а всего 122 выступления, если включать предварительные этапы, Эдвин Мозес оставался неподверженным этой хвори – поражению.

Победы приходили как по автострате в Санта-Моника: девятнадцатая победа в финалах пришла к Мозесу в 1984 году на Олимпийских играх в Лос-Анджелесе вместе со второй золотой медалью, сотая на Будапештском большом легкоатлетическом турнире 1986 года, а он продолжал перепрыгивать через барьеры (планки высотой в 92 см) с величайшей легкостью, побивая мировые рекорды, опережая соперников, пробегая дистанцию быстрее 48 секунд.

Количество побед человека, которого называли королем Барьеров, росло, и он, который в обычных условиях держал эмоции в кулаке, все дальше и дальше отступал за свои черные очки, на свой уединенный остров, претерпевая прометеевы муки под гнетом славы, от вторжения в его личный мир, в уединенное пространство. Как впоследствии говорил его соперник Дэнни Гаррис: «В мир Эдвина не удастся проникнуть ни одному человеку». И мир Эдвина превратился не столько в мир спортсмена, стремящегося пробежать дистанцию как можно быстрее, сколько в обитель консерватора, озабоченного лишь желанием побеждать все время.

Понимая, что победа это все, и ничего не проигрывая, Мозес, обтачивавший любую деталь до последнего микрона, старательно выверял свой курс, предпочитая бегать – как утверждали – только там, где публика более приветлива, а уровень конкуренции ниже. Его любимой беговой дорожкой сделалась Европа, где ему всякий раз возглашали осанну и считали одним из величайших спортсменов всех времен.

Но подобно доброму вину Мозес старел, старел красиво, но тем не менее старел, и его результаты с каждым годом становились все хуже. И 4 июня 1987 года, в возрасте 31 года и 10 месяцев, в возрасте, в котором большинство барьеристов уже отсиживаются дома на теплой печи, Мозес оказался на международных соревнованиях в Мадриде, чтобы продолжить свою полосу побед. И встретиться с Дэнни Гаррисом, двадцатиоднолетним спортсменом и трехкратным чемпионом среди студентов.

Им уже приходилось встречаться три года назад на Олимпийских играх 1984 года в Лос-Анджелесе. На этих играх, как и подобает супермену, Мозес оказался быстрее – ну прямо как супермен из комикса – летящей пули, если назвать таковой Гарриса, выигравшего серебро. Но в Мадриде Мозеса ожидала иная судьба.

Когда над стадионом Валлехермосо начали сгущаться сумерки, барьеристы заняли места на скамьях, уткнувшись носами в колени и не обращая внимания ни на что, – все, за исключением Эдвина Мозеса, в данный момент устроившего свое личное представление и форсировавшего у беговой дорожки, неторопливо совершая круг почета еще до победы и предоставляя двенадцати тысячам болельщиков право выказать свое почтение к его выдающейся личности и дарованиям. Потом он столь же неспешно вернулся к своему месту ожидать вызова стартера.

Гаррис быстро взял с места и к шестому из десяти барьеров был впереди. Но перед восьмым барьером Мозес, по расчетам которого на передвижение между барьерами уходило от 3,1 секунды на старте до 4,8 на финише сравнялся с ним и даже сумел чуть выйти вперед. Девятый барьер оба перепрыгнули буквально движение в движение. А потом, как говаривала Агата Кристи, остался один из негритят.

Но на сей раз Пату Батчеру пришлось написать, что «он был похож на автомобиль «шевроле» и старался скорее протаранить барьер, чем перепрыгнуть через него». Гаррис первым оказался на финишной ленточке, опередив Мозеса на едва заметное мгновение, и в «Спортс Иллюстрэйтед» появился заголовок: «Царствование закончилось в Испании».

Случилось немыслимое: Эдвин Мозес проиграл забег. Этого было достаточно, чтобы полные обожания испанцы были поражены. А Мозес сразу же утратил место в своей главе истории, поскольку, повинувшись уже, наверное, безусловному рефлексу, он начал было совершать круг «почета», что заставило одного из обозревателей

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru заметить: «Наверно, он настолько привык совершать эти круги, что побежал вокруг поля, даже несмотря на то, что ему не удалось одержать победу». Сперва трибуны охватили странное молчание. А потом негромкий ропот начался в самых недрах стадиона, и двенадцать тысяч голосов начали скандировать его имя, а двенадцать тысяч пар рук разразились громогласной овацией. А потом, отвечая на его знаменитую улыбку, публика принялась скандировать так, как принято на победоносной корриде: «Тореро! Тореро! Тореро!»

Его удивительное господство в барьерном беге закончилось; оказалось, что и Эдвина Мозеса можно побеждать. Но теперь обычно неразговорчивый Мозес наперекор своему характеру сказал: «Я вернусь, потому что они раздражили меня. А я не ощущал такой жажды борьбы уже много лет».

Три месяца спустя на мировом первенстве в Риме он выполнил свое обещание, опередив и Гарриса и Шмидта по фотофинишу, восстановив тем самым свою репутацию мастера бега на 400 метров. На короткое время. А потом он совершил двенадцатиминутный круг почета, на сей раз заслуженный, и сказал: «Я создал чудовище. Мне становится все трудней и трудней побеждать».

А потом Мозес, дряхлым уже старцем (естественно, по легкоатлетическим стандартам), в возрасте тридцати трех лет попытался завоевать свою третью золотую медаль на Олимпийских играх 1988 года в Сеуле, но встретился с неудачей, оставшись всего лишь бронзовым призером. Время наконец догнало его (хотя по иронии судьбы его бронзовый результат оказался выше всех его золотых).

Бег, как говорил сам Мозес, давался ему все «трудней и трудней». Даже этот великий мастер, потративший годы на вычисления, не сумел вычислить ту формулу, которая позволила бы ему сохранить юность. Тем не менее цифры свидетельствуют о том, что Эдвин Мозес был величайшим барьеристом всех времен.

РОД ЛЕЙВЕР

(родился в 1938 г.)

В 1938 году произошло три на первый взгляд ничем не примечательных события, в значительной мере сформировавшие не только будущее, но и саму основу такого вида спорта, как теннис.

Именно в этом году Дон Бадж не только стал первым игроком, завоевавшим «Большой шлем» в теннисе, но и возглавил команду Соединенных Штатов, со счетом 3:2 победившую Австралию в финале Кубка Дэвиса. В этом же самом году стройный и светлоголовый австралиец по имени Гарри Хопман впервые появился на мировой теннисной сцене в качестве капитана австралийской команды на Кубке Дэвиса, ознаменовав этим эпоху доминирования Австралии в мировом теннисе. А еще на другом конце света, в Квинсленде, Австралия, родился рыжеголовый мальчик по имени Родни Джордж Лейвер.

Сопоставив все эти факты, вы получите начало истории о Роде Лейвере и о том, как он сумел превзойти Дона Баджа, обладателя права собственности на идею «Большого шлема», который он дважды выигрывал, сделавшись при этом одним из величайших игроков во всей истории тенниса.

Но сперва о Гарри Хопмане, начинающем ее вторую часть. Прозванный Лисом своими соотечественниками, Хопман был на Кубке Дэвиса 1938 года капитаном австралийской команды, которая проиграла в финале обладателям чемпионского титула, сборной Соединенных Штатов со счетом 3:2. В следующем году Хопман и его австралийцы изменили результат на противоположный и перевезли Кубок в Австралию, где он и оставался на длительном хранении все то время, пока бушевала более жестокая битва – Вторая мировая война.

После начала войны Хопман исчез в финансовом мире Мельбурна, чтобы вновь возникнуть в 1950 году и возглавить команду Австралии. И что же ему пришлось возглавлять? Если некогда теннис в Австралии представлял собой увеселение привилегированного меньшинства, приложение к приемам в саду, то к 1950 году в него играли двести тысяч игроков – в климате, подобно калифорнийскому, стимулирующему занятия спортом под открытым небом.

Гарри Хопман обозрел ряды молодых игроков взглядом опытного сержанта, выбирающего среди новобранцев, и занялся муштрой. Во-первых, он отделил от стада двух молодцов, Фрэнка Седжмена и Кена Макгрегора, уже облепленных достижениями, словно побывавшие в заморской поездке чемоданы ярлыками, и отправился за океан, чтобы бросить вызов команде Соединенных Штатов в борьбе за Кубок Дэвиса 1950 года. Седжмен и Макгрегор самым успешным образом достигли свою цель, так как они возвратились с серебряной салатницей и в 1951, и в 1952 годах.

Когда Седжмен и Макгрегор достигли своего любительского потолка и сделались профессионалами, Хопман оставил свою, с позволения сказать, сборочную линию и направился на австралийские теннисные фабрики, чтобы заполнить освободившиеся места звездами более молодыми – Лью Хоадом и Кеном Розуоллом. А потом, когда и Хоад вместе с Розуоллом вступили на профессиональную тропу, Хопман вновь перестроил свои ряды, укрепив их на сей раз Малкольмом Андерсоном и Нилом Фрейзером. Казалось, что сокровищница талантов у Хопмана не оскудеет, ибо австралийцы продолжали свое дело и стали едва ли не постоянными обладателями Кубка Дэвиса, завоевав его пятнадцать раз из восемнадцати лет правления Хопмана.

Если в правлении – нет уж, в режиме – Хопмана и был какой-либо недостаток, так это его склонность к суровой дисциплине, – почти как у занимающегося строевой подготовкой сержанта. Являясь сторонником оттачивания деталей, он заставлял игроков часами оставаться на корте, любил атлетические тренировки и ввел строгий комендантский час. Кроме того, он контролировал поведение своих игроков и вне корта, запрещая им давать интервью прессе, и считал каждого из них предельно невоспитанным и неспособным пользоваться за столом ножом и вилкой. Но что бы он ни делал, система его приносила результаты.

Но ничто так не сработало в его пользу, как один предпринятый в 1959-м поступок. Уязвленный утратой Кубка, доставшегося американцам всего только второй раз за девять лет в финале 1958 года, Хопман ввел в команду 1959 года новичка – огненно-рыжего парня со столь же ослепительным бэкхендом и могучей подачей: Рода Лейвера.

На первый взгляд Род Лейвер был абсолютно не похож на законного наследника Седжмена, Макгрегора, Хоада, Розуолла и др. Не вышедший ростом – всего 176 см – легкий, 70 кг, кривоногий и веснушчатый парень, лицо которого украшал небольшой нос крючком, казалось, изрядно побродивший по всей физиономии, прежде чем наконец занять свое место, тем не менее проявлял некоторые признаки потенциального величия, среди которых наиболее выдавались левая лапища в стиле Полая[31 – Персонаж популярных в 30-е годы прошлого века комиксов и мультфильмов, пучеглазый морячок, превращавшийся в силача, съев банку шпината. (Прим. перев.)], но величиной как у Рокки Марчиано[32 – Боксер-тяжеловес, чемпион мира с 1952 г., ушедший с ринга непобежденным.], и ноги борзой, позволявшие ему успевать за любыми мячами. Добавим к этому списку кистевой резаный удар, которым он умел пользоваться словно электрическим выключателем, и способность вкладывать все свое существо в каждый удар, и вы узнаете причины, побудившие Хопмана, заметившего юное дарование еще в юношеских турнирах, сделать его своим фаворитом и поставить в команду, когда Лейверу было всего восемнадцать лет.

Теперь в возрасте двадцати одного года Лейвер возглавил команду Австралии, которая сумела отвоевать Кубок, год назад предоставленный во временное пользование американцам, и вернуть его на родину, где Господь вместе с Гарри Хопманом и определили ему место пребывания. В том же году Лейвер выиграл соревнования смешанных пар в Уимблдоне и парное первенство Австралии. В 1960 году он добавил к своим титулам и первенство Австралии в одиночном разряде, а в 1961 году пушечные подачи и топспины (крученые свечи) принесли ему титулы чемпиона Уимблдона и Германии среди мужчин. События эти, отлетая вместе с листками календаря, ведут нас к 1962 году, величайшему году в жизни этого теннисиста, так как Лейвер впервые после Дона Баджа выиграл теннисный «Большой шлем», победив в первенствах Австралии, Франции, Британии (то есть выиграв Уимблдонский турнир) и Соединенных Штатов.

Далее, следуя уже накатанной многими кирпично-красной и травяной зеленой тропой, Лейвер сделался профессионалом и победил во многих турнирах, принесших ему и торговую марку и имя. Так, во всяком случае, казалось.

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Однако в мировом теннисе задули ветры перемен. Начиная с Уимблдонского турнира 1957 года, когда Лью Хоад превратился в профессионала менее чем за двадцать четыре часа после победы на чемпионате, все большее и большее число самых сильных теннисистов мира тут же обменивали свои новообетенные трофеи на звание профессионала, лишая тем самым так называемые «любительские» состязания, подобные Уимблдону, лучших игроков. А зрителей – удовольствия, которое они получали от их игры. Устав от этого – и от ханжеского «псевдолюбительства», с его подложными счетами и подпольными выплатами и премиями любителям, всесильная Британская ассоциация лаун-тенниса рекомендовала сделать Уимблдон «открытым» турниром, то есть разрешить доступ на него и любителям, и профессионалам.

Вопреки требованиям Международной федерации тенниса, Британская ассоциация, которая первой предоставила женщинам равный с мужчинами статус, вновь вошла в историю тенниса, проголосовав за проведение первенства Англии 1968 года как «открытого» турнира. Среди профессионалов, возвратившихся на площадки Уимблдона, были Панчо Гонсалес, Лью Хоад, Кен Розуолл, Тони Роше, Рой Эмерсон, Джон Ньюкомб, Алекс Олмедо и конечно же в немалой степени простимулировавший это отклонение от правил Род Лейвер. В финале сошлись два профессионала – Лейвер и Роше. А победителем стал – трубите в трубы! – Род Лейвер.

Молнию нельзя поймать в бутылку, тем более нельзя сделать этого дважды. Но именно это и сделал Лейвер в 1969 году. Находясь в самом расцвете сил, теперь, когда были устранены все препоны для профессионалов, Лейвер приготовился к новому наступлению на бастионы своего второго «Большого шлема».

«Большой шлем» составляют четыре самоцвета, каждый в собственной оправе. Чемпионат Австралии 1969 года был сыгран на переувлажненной и коварной австралийской траве, чемпионат Франции на медленном местном грунте, Уимблдон на покрывале зеленого дерна, а Форест-Хиллз на траве.

Приятно было бы сказать, что «ветерком пронесся» по всем четырем турнирам, однако дело обстояло совсем не так. Дело в том, что его «Большой шлем» едва не «сошел с рельс» уже в самом первом турнире, проведенном в Брисбене на Милтон-Корте под испепеляющим 40-градусным солнцем. В полуфинале, встречаясь с Тони Роше, Лейвер промочил своим потом три солнцезащитные шляпы и сыграл самый продолжительный сет из всех, которые ему доводилось выигрывать – 22:20. Однако к концу третьего сета, когда Роше повел 11:9, Лейвер находился в состоянии грогги, словно боксер, пропустивший увесистый удар Марчиано. Получив возможность принять душ в перерыве, соперники вернулись на корт и возобновили игру с того места, где прервали ее. А оставили они ее при преимуществе Роше. Проигрывая 5:0 и двойной сетбол в шестом розыгрыше четвертого сета, Лейвер, проявив гибкость мышления, сообразил, что если он уступит 6:1 на подаче Роше, в пятом и последнем сете первая подача достанется ему.

Панчо Гонсалес некогда сказал о Лейвере: «Он играл каждую игру так, словно он в каждой из них проигрывал со счетом 5:0... настолько велика была его собранность». Так было и в тот раз. Лейвер проиграл тот четвертый сет со счетом 6:1, но взяв шестой гейм, он получил право на первую подачу в финальном сете. И человек, способный играть своим противником столь же хорошо, как он владел мячом, сумел оказать на Роше все необходимое давление. «Я заставил свой ум бороться за каждое очко так, как если бы оно было последним».

И ставив с головы третью и последнюю солнцезащитную шапку, Лейвер напряг ум и вплотную занялся противником. На подаче Роше в восьмом гейме, при счете 4:3 и 40:15, Лейвер выдал один из своих патентованных леворуких бэкхендов. Посланный им мяч был закручен так, что, казалось, мог бы вращаться целую неделю. Мяч этот принес очко, и Лейвер повел 5:3. А потом на своей подаче выиграл сет, а с ним и матч: 7:5, 22:20, 9:11, 1:6, 6:3.

После Лейвер победил Андреса Гимено в финале первенства Австралии, Кена Розуолла в финале чемпионата Франции, Джона Ньюкомба в Уимблдоне и снова Роше в Форест-Хиллз, завоевав свой второй «Большой шлем», тем самым превзойдя достижение первопроходца Дона Баджа.

ДЕЙЛИ ТОМПСОН

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
(родился в 1958 г.)

Перефразируя Джорджа Оруэлла, можно сказать, что все атлеты созданы равными, только одни в большей степени, а другие – в меньшей. В век суперспециализации атлет может сделаться суперзвездой на основе одной только силы – бейсболист может совершать пробежки на базу или бросать мяч, а футболист может быть превосходным раннером или бросать мяч с безошибочной точностью, а гольфер может творить чудеса с мячом или безупречно точно класть его в лунку и т. д. и т. п. Но десятиборец должен быть атлетом совершенным, умеющим делать все и преуспевающим в широком диапазоне дисциплин.

Со времен незапамятных, или даже еще раньше, человек, называвшийся «Величайшим атлетом мира» – таким титулом первоначально наградили Джима Торпа король Густав V после Олимпийских игр 1912 года, – был десятиборцем. И никто не заслуживал этого титула в большей мере, чем Дейли Томпсон, общительный отпрыск отца-нигерийца и матери-шотландки, наделенный целым турецким базаром талантов.

Удостоенный от рождения имени Френсис Морган Томпсон, молодой человек получил от отца, Фрэнка-старшего, еще и африканское прозвище Айоделе (означающее «радость, вошедшая в дом»), позволяющее отличить юного молодца от прочих Фрэнков в семье. Имя спустя некоторое время сократилось до Деле, а потом наконец деградировало до простого старины Дейли. Но, откровенно говоря, с этим юнцом в дом вошла не радость, а постоянный разгром. «Этот ребенок с самой первой минуты своей жизни был настоящим кошмаром», – вспоминала впоследствии его матушка. Сверхактивный, обладающий железной волей, любитель уличных драк, юный Дейли всегда находился на краю кратера созданного им самим вулкана.

Не имея более сил управляться с этой блаженной душой, родители сплывили своего молодца в возрасте семи лет в государственный интернат для трудных детей. И именно там несчастный молодой человек наконец открыл для себя спорт и в этом процессе обнаружил собственные сильные стороны: прыжки и бег.

После интерната молодой Томпсон оказался в небольшом лондонском колледже, где посвятил себя делу превращения в самого быстрого спринтера Англии. Однако один из его первых тренеров быстро заметил, что молодой человек обладает изрядным набором талантов. Определив, что курс десятиборья станет для Томпсона лучшей школой, он начал уговаривать молодого человека посвятить все свои таланты десятиборью. Вполне понятным образом упрямый Томпсон уперся копытами в землю и лишь после – как вспоминал потом один из партнеров по команде – «целой лужи крови и слез» он наконец признал то, что его тренер уже вычислил: его шансы на достижение мирового класса гораздо выше в десятиборье, чем в спринте.

Томпсон впервые попробовал вкус соревнований в 1975 году, когда в возрасте шестнадцати лет при росте 188 см и весе 86 кг он выступил на Открытом первенстве Уэльса, но лишь после того как получил особое разрешение, так как не достиг еще нужного возраста. Не имея ни малейшего намерения финишировать вторым, он выиграл свое первое десятиборье, набрав 6685 очков и превысив британский юниорский рекорд примерно на 2000 очков. Потом он победил в молодежном чемпионате (AAA) Ассоциации спортсменов-любителей 1975 года с 7000 очков, превзойдя при этом результат взрослого чемпиона, а к закрытию сезона еще раз улучшил британский молодежный рекорд, доведя его до 7100 очков. Теперь Дейли уже видел в десятиборье собственное призвание.

Но если Дейли нашел свое призвание в десятиборье, то его мать так не считала. Его решение посвятить все свое время спорту не нашло одобрения дома, и мать, хотевшая, чтобы сын начал работать, велела ему или найти себе работу, или убираться из дома. Что Дейли и сделал, чтобы лучше сконцентрироваться на стоявших перед ним великих целях. «На улицах тогда подобных атлетов было хоть пруд пруди, – говорила впоследствии матушка. – Я и представления не имела, каков его потенциал и кем он может стать».

Но Дейли, привычно задиристый, не сомневался в собственных возможностях. И твердо намеревался реализовать их. Чтобы помочь своему честолюбию, в конце 1975-го он переехал жить к своему тренеру Брюсу Лонгдену, и как вспоминал Дейли: «Мы разговаривали о легкой атлетике двадцать пять часов в сутки – о технике и стиле всех спортсменов, о соревнованиях. А потом смотрели фильмы, снятые на состязаниях».

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Отрешившись от всего вокруг и как бы надев на глаза постоянные шоры, Дейли тратил несчетные часы на совершенствование в десяти дисциплинах, составляющих десятиборье, – перечислим их по порядку: бег на 100 метров, прыжки в длину, толкание ядра, прыжки в высоту, бег на 400 метров, бег на 110 метров с барьерами, метание диска, прыжки с шестом, метание копья и бег на 1500 метров. Дело в том, что в итоге суть десятиборья представляет собой равновесие и компромисс. Атлет должен иметь способности к бегу на 1500 метров, но при этом он обязан обладать талантом спринтера; находить в себе мощь и силу для толкания ядра, метания диска и копья, не жертвуя при этом упругостью и прыгучестью, необходимыми для прыжков. Потому Дейли, наделенный взрывной резкостью, необходимой для спринтера и прыгуна во всех видах прыжка, нахмурил чело и, напрягая гранитные мышцы, приступил к покорению всех десяти дисциплин.

Навязчивая привязанность Дейли к тренировкам дала свои плоды, когда он прошел отборочные соревнования перед Олимпийскими играми 1976 года, став при этом самым молодым среди участников олимпийского десятиборья после Боба Матиаса, участвовавшего в Играх 1948 года. На Играх в Монреале он отметил свой восемнадцатый день рождения, финишировав – соответственно – восемнадцатым, с 7905 очками, отстав на 526 очков от победителя Брюса Дженнера. Томпсон проводил большую часть своего времени, изучая Дженнера, впитывая его манеру пользоваться собственными силами. Но наибольшее впечатление произвела на Томпсона собранность Дженнера. «Я увидел, что он был не настолько одарен физически. Просто он умел работать. И он научил меня необходимости трудиться».

Возвратившись домой, Дейли воплотил свои наблюдения в жизнь, тренируясь с сосредоточенностью монаха. Позднее он признавался: «Десятиборье было для меня делом жизни и смерти».

Следующие четыре года Томпсон преследовал мировой рекорд Дженнера в 8617 очков. Впервые превысив 8000 в 1977 году, в следующем сезоне на Играх Содружества он показал третий результат в истории десятиборья, который – увы – не мог быть зарегистрирован официально в связи с большой скоростью ветра во время прыжка в длину. Тем не менее уже три недели спустя на первенстве Европы он набрал рекордные 8200 очков, хотя и финишировал вторым после Александра Гребенюка из России.

Поражение было сокрушительным для человека, который видел в десятиборье вопрос «жизни и смерти». «Я никогда не помышлял о самоубийстве, – говорил он одному из журналистов, – но так, по-моему, чувствуют себя эти люди. Все безразлично, потому что ты проиграл. Ты знал, что должен был победить, но проиграл».

Поражение это укрепило его решимость. Он работал еще усерднее, чем прежде – если это вообще было возможно, над хуже получавшимися у него видами второго дня, оттачивал технику бросков, при этом придерживаясь режима, заставлявшего Томпсона начинать свой день в 5 часов утра бегом на три мили и заканчивать уже после заката солнца.

Отдохнув годик от сражений в десятиборье, Дейли вернулся в 1980 году, чтобы наконец поставить рекорд Дженнера на колени, набрав 8622 очка на предолимпийских соревнованиях в Готтисе, Австрия. За рекордом последовала и золотая олимпийская медаль на Играх 1980-го в Москве, где он наконец добился звания «Величайшего атлета мира», которым он и должен был стать, как всегда говорило его сердце. Он отпраздновал свою коронацию, непочтительно насвистывая «Ближе, Мой Господь, к Тебе» с пьедестала почета под звуки официальной трансляции британского национального гимна.

Дейли Томпсон вдруг сделался сенсацией, хотя, чтобы стать ею, ему потребовалось пять лет упорного труда. Болельщики всей Британии ощущали симпатию к этой превосходно отлаженной машине, наделенной по-детски открытым лицом, впрочем, скрывавшим свою открытость под топорщащейся щеточкой усов и за двумя щелочками, в которые превращались его глаза всякий раз, когда Дейли смеялся.

Все симпатизировали ему, все, кроме разве что пишущей братии, находившей его задиристость схожей с надменностью, а манеры отталкивающими и даже жесткими. Стачивая карандаши до огрызков, они описывали его шутки о принцессе Анне, и те крепкие выражения, с которыми он принимал от Би-Би-Си приз лучшему спортсмену года. А уж когда он послал на три буквы семилетнюю дочь одного из британских олимпийских селекционеров, подошедшую к нему за автографом, прессу едва не

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
хватил апоплексический удар.

Тем не менее Томпсон продолжал свое победное шествие, прославляя и себя самого, и свой вид спорта, который в те времена, когда он начинал выступать, вызывал интереса не больше, чем какие-нибудь местные облигации. Цепь непрерывных побед протянулась на следующие шесть лет, причем одна из этих побед пришла к нему на Олимпийских играх 1984 года в Лос-Анджелесе, где он подтвердил свое величие новым мировым рекордом и был вновь провозглашен «Величайшим атлетом мира».

Но, как случается даже с самыми великими атлетами, песок в верхней склянке часов Томпсона начал иссякать, и, удрученный серьезными травмами и возрастом, он наконец закончил свою карьеру, после того как не сумел попасть на пятые в его жизни Олимпийские игры 1992 года в Барселоне из-за порванного сухожилия.

Тем не менее за свою спортивную жизнь он успел и набегаться, и напрыгаться, и насоревноваться. И жизнь эта одарила его многими титулами, в том числе и званием «Величайшего атлета». Когда кто-то посетовал в присутствии Томпсона, что, мол, «нет на тебя Джима Торпа, и считай, что тебе повезло», он ответил, что «повезло не мне, а ему!» Слова эти достойны, чтобы их написал на своей чемпионской ленте любой чемпион, где бы он ни жил.

ДЖОННИ УНИТАС

(1933–2002)

Генеральный менеджер команды «Балтимор Колтс» Дон Келлетт позвонил двадцатидвухлетнему полупрофессионалу, четвертьбеку по имени Джонни Унитас и предложил работу.

Потом Келлетт утверждал, что сделал этот звонок потому, что однажды, в феврале 1956-го, просматривал формулярные списки лиги, и, когда наткнулся на имя Унитаса в душе его прозвонил колокольчик. Однако Уиб Юбэнк, тогда являвшийся тренером «Колтов», ни на какие списки не ссылаясь, назвал эту историю чистым вымыслом, обычной словесной завитушкой, без которой не обойдется всякий, кто взялся рассказывать о спортивном прошлом. «Унитаса заметили, – вспоминал Юбэнк, – после того, как мы получили письмо от болельщика, сообщившего нам, что в большой питтсбургской лиге есть четвертьбек, которого стоит попробовать в составе «Колтов». После чего Юбэнк, подморгнув, добавил: «Я всегда обвинял Джонни в том, что это письмо написал он сам».

Впрочем, что именно стало причиной звонка, списки или письмо, не столь уж важно. Существенно лишь то, что он был сделан. Вот вам еще один пример того, что трал, именуемый Удачей, как твердят телефонные компании в своих рекламах, «всегда может дотянуться и зацепить любого». Любим в данном случае является Джонни Унитас, повесть о жизни которого была полна прорывов – и в буквальном смысле и в переносном.

Первым прорывом для Унитаса стал день, когда основной четвертьбек команды крошечного питтсбургского колледжа сломал лодыжку. Располагая в плане выбора менее чем тремя сотнями студентов – в основном девушками, тренер просто выбрал обладателя самой сильной руки, которая в данном случае принадлежала Джонни Унитасу, и заполнил им свободное место в команде. Как оказалось, Унитас не просто заполнил свободное место, о чем свидетельствует его попадание в течение двух последующих лет в сборную всекатолическую команду Питтсбурга. В старшем классе это подтвердили письма из нескольких университетов, приглашавших Унитаса на просмотр.

Увидеть – еще не значит поверить. Посмотрев на 187-сантиметровый и 65-килограммовый стебелек как на кандидата в четвертьбеки, тренер «Нотр Дам» отправил его паковать вещишки со словами: «Парнишка слишком легок. Я отсылаю его домой». Его примеру последовала «Индиана». Следующим стал университет Питтсбурга, куда он получил приглашение, однако сумел провалиться на вступительных экзаменах. Наконец, его пригласил университет Луисвилла. И Унитас при своем созревающем таланте и легкой комплекции отправился в колледж «Кардиналов».

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Одна из игр, сыгранных Унитасом во время своего первого года, вполне способна продемонстрировать, каким он станет на поле в грядущие годы. В игре с явным фаворитом, командой Хьюстона при ничейном счете 21:21 в четвертой четверти матча, когда мяч находился на 40-ярдовой линии, все – в том числе игроки Хьюстона и Луисвилла – ожидали, что Унитас сделает передачу одному из рослых защитников в линию. Один из них, Билл Пенс, самый рослый среди беков «Кардиналов», сказал: «Давай сюда мяч. Я сделаю пару ярдов». Унитас, само лицо которого в обычных условиях словно источало вежливость, бросил на Пенса взгляд, достойный отпетого террориста, и голосом полным истинно кентуккской злости к врагу, отвесил Пенсу достойную словесную оплеуху: «Когда я захочу отдать его тебе, то скажу сам». А потом утер нос всем, отступив и отдав пас для заноса.

Позже в этой же самой игре, но уже при счете 28:21 в пользу Луисвилла, Унитас оказался позади голевой линии, после того как быстрый удар Хьюстона заставил «Кардиналов» далеко отступить на собственную территорию. Дважды Унитас поступал так, как принято, отправляя мяч на линию, и дважды это не приносило команде успеха. А потом, с холодной головой и сдержанностью, достойными человека более зрелых лет и опыта, Унитас потряс всех – в том числе и старшего тренера Луисвилла своим глубоким отступлением в конечную зону поля, откуда, обыграв финтами пару рвущихся вперед линейных, он отдал идеальный пас Бейбу Рею, находившемуся на отметке в сорок ярдов команды Луисвилла. Рей как в одиночестве принимал мяч, так в одиночестве и приземлил его за голевой линией хьюстонцев после шестидесятиярдового проноса.

По ходу первых двух сезонов кваттербек «Кардиналов» Унитас сумел набрать вес, прибавив около пятидесяти фунтов к прочим достижениям – 2000 ярдам и 21 пасу. Последние его два сезона оказались не столь впечатляющими, как и у команды Луисвилла. Тем не менее он создал себе такую репутацию, что привлек к себе внимание «Питтсбургских Сталеваров», задрафтовавших теперь уже 88-килограммового кваттербека в девятом раунде драфта НФЛ 1955 года.

Располагая четырьмя кваттербеками – Унитасом, Джимом Финксом, Тедом Марчиброда и Ваем Итоном, «Сталевары» сочли, что троих для толпы вполне хватит. Рассудив, что лишним является как раз Унитас, они выдали ему на руки документы и отпустили на все четыре стороны. Но прежде чем оставить тренировочный лагерь Унитас отстучал телеграмму Полу Брауну, мажордому «Кливленд Браунз», проявивших к нему интерес и попросил посмотреть его. Браун ответил телеграммой, сообщавшей, что он договорился на сезон с Отто Грэхэмом и Джорджем Реттерманом, но будет рад видеть Унитаса следующим летом в тренировочном лагере «Браунз».

Испытывая непобедимую надежду все-таки стать профессионалом, невзирая на оценку, данную «Сталеварами» его потенциалу – или отсутствию его, Унитас положил в карман 10 долларов, выданных ему «Сталеварами» на автобус, и отправился на попутных машинах домой в Питтсбург, чтобы отыскать там работу и – что более важно – подготовиться к новой попытке стать в ряды НФЛ, когда – и если – представится такая возможность. Питаясь скорее надеждами, чем 6 долларами за игру, он стал выступать за местную полупрофессиональную команду «Блумфильдские Бараны», клуб столь невысокого пошиба, что он выступал на грунтовых полях, усыпанных камнями, мусором, чтобы не сказать худшего. Унитас ожидал телефонного звонка и знал, что дождется его. Но пришел он совсем не от Пола Брауна, а от Дона Келлетта.

Все это возвращает нас к началу повести о Джонни Унитасе и о том, как он изменил ход своей карьеры. Ибо предложение Келлетта было, как говаривал Марио Пьюзо [33 – Американский писатель итальянского происхождения, родился в 1920 г. (Прим. перев.)], предложением, на которое Унитас не мог не согласиться: поступая в команду, он получал 7000 долларов.

Реймонд Берри, любопытный такой типчик, чуть прихрамывавший и носивший контактные линзы – некоторые утверждают, и на затылке шлема, – и сделавшийся участником одной из самых памятных комбинаций в истории НФЛ, вспоминает о первой своей встрече с Унитасом. «Помню, мы стояли вместе с несколькими другими игроками на горке, выходящей на поле, где мы тренировались в Вестминстере, Мэриленд, и смотрели на нескольких тренировавшихся новичков. "Кто этот кваттербек?" – спросил кто-то. "Не знаю, – ответил другой, – но я слышал, что выглядит он хорошо"».

«Этим кваттербеком» являлся, конечно, Унитас, приехавший в лагерь в качестве

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru замены Джорджа Шоу, которому предстояло занять место Гэри Кекоряна, оставившего спорт, чтобы заняться юриспруденцией. Дублируя Шоу, первым выбранным «Жеребцами» в драфте 1955 года и считавшегося лучшим молодым квотербеком в НФЛ, Унитас не рассчитывал на большое количество игрового времени. Но тут произошел один из тех «прорывов», которые так характерны для карьеры Унитаса: на сей раз Шоу сломал ногу в четвертой игре сезона 1956 года.

Ринувшись в игру, Унитас дебютировал не самым благоприятным образом. Его первый пас был перехвачен Дж.С. Каролином, игроком «Чикаго», и принес соперникам пробежку в 59 ярдов и занос; в следующей игре его передачу беку Алану Амече перехватили «Медведи» и добились результата; затем последовала новая схватка на своей половине поля, новая ошибка и новые очки в пользу «Медведей», показавших в той игре рекордную для команды результативность (58 очков), уступавшую лишь победе ее над «Краснокожими» со счетом 73:0 в 1940 году. Однако невзирая на понятную для первых игр дрожь в коленках, Унитас уже давал понять, каким игроком станет, когда в четвертом периоде матча дал голевой пас на 36 ярдов, заверченный Джимом Матшеллером.

Не желавший сдаваться Унитас уже на следующей неделе вышел в качестве начинающего игрока и привел «Жеребят» к победе с небольшим преимуществом над «Упаковщиками» из Грин-Бея, за которой последовала вообще первая в истории команды победа над «Кливленд Браунз». К концу сезона Унитас выдал девять голевых пасов – в том числе один в последней игре сезона, который стал начальным в непрерывной серии игр, в которых пасы его приводили к заносу. Этот рекордный для любого квотербека в истории футбола результат составил сорок семь игр кряду и дал ему рекордный для новичка средний процент завершения – 55,6 процента.

Последние восемь игр игровой кампании 1956 года послужили в качестве разминки на будущее. Унитас не только показал свой потенциал профессионала, но и утвердил себя в качестве квотербека будущего не только в своей команде, но – пожалуй – и во всей НФЛ.

В 1957 году, ставшем первым полностью отыгранным им сезоном, он возглавил список лиги по заносам и ярдам – 2550, в точности столько ярдов набрали все трое квотербеков, которых «Сталевары» взяли в 1955-м вместо Унитаса (все они уже успели сойти со сцены), и стал квотербеком номер 1.

Но он заслужил и кое-что еще: уважение старших товарищей по команде. Раймонд Берри, идеальным образом употреблявший пасы Унитаса, сказал о своем квотербеке: «Что могу я сказать вам о Джоне Унитасе? Ну, во-первых, я должен упомянуть его непостижимый инстинкт, заставляющий этого парня играть именно так, как необходимо в данный момент, его ледяное спокойствие во время игры, пламенный дух бойца и полное пренебрежение собственной безопасностью».

Именно последнее качество, бесконечная способность терпеть боль так выделяло его среди прочих квотербеков. Стремление владеть мячом до самого последнего мгновения позволяло ему отдавать как можно больше точных пасов – и также нарываться на большее количество задержек. Сид Джиллмен, тренер «Лос-Анджелесских Баранов», на глазах которого Унитас вдребезги разносил его команду, только удивлялся: «Унитас не позволяет себе отвлекаться. Он просто остается на месте, пока не приготовится к броску. Не знаю, что у него там налито в жилы вместо крови, но уверяю вас – субстанция эта холодна как лед».

Джим Паркер, сделавшийся в 1957 году личным телохранителем Унитаса, сказал о человеке, которого он защищал: «Железная натура. Я видел, как кровь текла у него из ушей, носа и рта. «Медведи» сломали ему нос, он истекал кровью как резаная свинья, но все-таки отдал пас для решающего заноса».

Добавим к этому умение интерпретировать игру и своих соперников самым неожиданным образом, выражавшееся в изменении сигналов на линии схватки; его умение контролировать перемещения двадцати одного человека, составлявших его команду (контролировать даже в схватке, где, как выразился Джон Макки, давний партнер его по команде: «Быть в схватке рядом с Джоном Унитасом все равно что быть рядом с богом»); непрестанные перемещения, заставлявшие игроков противника буквально лезть наружу из собственных шкур; умение вести мяч ногами в трудном положении – и получим исчерпывающий портрет Джонни Унитаса, образцового квотербека. Он являлся настолько образцовым, что Раймонд Берри даже назвал его «единственным квотербеком, который идет вперед, отдав пас».

Все эти таланты проявились, как никогда, в 1958 году, когда он привел «Жеребят» к званию чемпионов Западной конференции. Но в шестой игре сезона, выигранной со счетом 56:0 у «Упаковщиков», Унитас был жестко встречен игроком Грин-Бея Джонни Сайменком; столкновение отправило Джонни в госпиталь с тремя сломанными ребрами и повреждением легкого. Вернувшись через четыре игры, он помог «Жеребьятам» спасти игру, которую к середине матча со счетом 27:7 выигрывали 49-е (команда Сан-Франциско), и одержать в итоге победу – 35:27, а потом выиграть встречу чемпионата НФЛ, которую назвали «Величайшим сыгранным в истории матчем», у «Нью-Йоркских Гигантов».

Игра эта была одной из самых упорных в истории профессионального футбола, сперва «Жеребьята» упрыгали вперед и вели к середине матча со счетом 14:3, а потом «Гиганты», в тот день являвшиеся гигантами не только по имени, но и по делам, после отважной схватки на линии гола повели 17:14. Когда на табло фирмы «Лонжин» в холодном конце стадиона «Янки» оставались две минуты, «Жеребьята» получили возможность взять собственные 14 очков, что, конечно, стало бы их последним ходом в этой игре. Когда они образовали схватку, Унитас, понимая, что сегодняшнего дефицита завтра не восполнишь, обратился к рукам и ногам: «Нам осталось пройти примерно восемьдесят ярдов, а времени на это у нас две минуты. Пришло время узнать, из какого материала мы сделаны». «Материалом», как он выразился, был чистейший Унитас, одолевший семьдесят три ярда пятью бросками, последние три на шестьдесят два ярда предназначались Берри, пока Ленни Мур заставлял трудиться защитную линию «Гигантов». Когда оставалось двадцать секунд, плейскикер Стив Михра двинул своей верной правой ногой и вогнал мяч между двух штанг, переведя игру в овертайм первой игры с «внезапной смертью», – как назвал ее комиссар НФЛ Берт Белл.

Сторонники «Гигантов» восторженно взревели, когда один из парней в полосатых рубашках глянул на монетку, подброшенную перед началом «Внезапной Смерти» и похлопал капитана «Гигантов» капитана Кайла Роте по шлему, отмечая тем самым, что «Гиганты» выиграли бросок, а значит и мяч. Но «Гигантам» удалось пройти только двадцать четыре дюйма после первого броска, и им пришлось вернуть мяч «Жеребьятам». Несмотря на прорыв Дона Чендлера на семьдесят ярдов, мяч был возвращен на 20-ярдовую линию «Жеребят».

Теперь настала пора Унитаса, и лимита времени уже не было. В том, что «Спортс Иллюстрэйтед» назовет «Тринадцатую розыгрышами перед славой», Унитас неторопливо вел «Жеребят» вперед по полю, сочетая пробежки с пасами, причем последний из его пяти бросков стал ошеломляющим достижением в стиле Унитаса. Когда мяч находился на отметке 8, имея перед собой Михру, Унитас послал передачу вдаль Джиму Матшеллеру. Матшеллер перехватил отменно нацеленную пулю и повалился с мячом на отметке в 1 ярд. В следующем розыгрыше, когда шла 8-я минута дополнительного времени, Алан «Конь» Амече проскакал последний ярд, принеся этим 6 очков и победу. В посмертном розыгрыше тренер «Гигантов» Джим Ли Хауэлл высказал хвалу игре Унитаса и назвал пас Матшеллеру «великим делом. В подобной игре нельзя обойтись без подвига».

И следующие пятнадцать лет Унитас продолжал играть в самом лучшем стиле, наилучшим образом пользуясь своими козырями – и командами: «Краснокожими», «Гигантами», «Баранами» и прочими. Он стал, как сказал Сид Лукман, тоже четвертьбек, удостоенный места в Зале славы, «величайшим четвертьбеком когда-либо выступавшим в футболе. Он играл лучше меня, лучше Сэмми Бо. Лучше всех прочих».

И эти слова были должной данью этому человеку, действительно достойному звания «величайшего».

БИЛЛ РАССЕЛ

(родился в 1934 г.)

Игра в баскетбол была изобретена Джоном Нейсмитом еще в 1891 году, когда он подвесил несколько дырявых корзин из-под персиков в спортивном зале Ассоциации христианской молодежи в Спрингфилде, Массачусетс. Однако шестьдесят пять лет спустя она была преобразована в Бостоне Биллом Расселом.

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Дело в том, что до Рассела игра в баскетбол была просто игрой в лошадки – броски двумя руками, броски одной рукой, броски крюком и в прыжке – без малейшей мысли об обороне. Рассел изменил такое положение дел.

Начинал он как все. Длинный (189 см) и тощий (58 кг) подросток, казалось, имел лишь одно измерение – высоту. Рассел начал свою баскетбольную карьеру в качестве центрального третьей пятерки в команде средней школы, в которой он учился. «На самом деле я не был даже третьим, – вспоминал Рассел годы спустя. – У нас было пятнадцать комплектов формы на шестнадцать игроков, и мы с одним парнем пользовались пятнадцатым комплектом на двоих».

Посчитав, что хуже быть не может, только лучше, молодой Билл вновь отправился в юниорскую университетскую команду в свой юниорский год. Но после первого дня тренировок его исключили. Однако его прежний тренер, что-то заметивший в молодом человеке, теперь тренировал взрослую университетскую команду, и он пригласил Рассела к себе. Билл оказался в глубоком запасе и провел весь сезон, полируя штанами скамейку. «Во всяком случае, – вспоминал Рассел, – теперь у меня был собственный комплект формы».

Ребенок тем не менее рос не по дням, а по часам, и на следующий год Рассел окончательно попал в университетскую команду. Притом скорее в качестве начинающего, а не звезды. Длиннорукий, словно образцовый бармен, Рассел блокировал броски, вытеснял игроков соперника из своей зоны, и мерил паркет шагами, длинными словно циркуль землемера. Однако эти оборонительные способности никак не отражались на строгих колонках цифр, характеризующих результативность.

Словом, казалось, что великие оборонительные способности Рассела так и останутся незамеченными. Так было во всяком случае до одной игры во время его обучения на старшем курсе, когда он набрал колоссальное для себя количество очков – 14. В тот самый вечер на трибунах оказался член университетской команды из Сан-Франциско, участвовавшей в чемпионате 1949 года. Он должен был удостовериться в способностях игрока из противоположной команды. Но, увидав кривоногого юнца с острыми, как ястребиные крылья локтями, определявшего игру на площадке, разведчик из Сан-Франциско решил, что Рассел превосходно впишется в свойственный его команде позиционный стиль игры и порекомендовал молодого человека для поступления в университет.

Когда тренер «Доцентов» Фил Вульперт впервые увидел неловкого 199-сантиметрового юнца на площадке, он в первую очередь подумал о том, что понапрасну потратил время на нелепого с виду новобранца. Однако долго удивляться ему не пришлось, поскольку Рассел перевернул игру вверх ногами своим оборонительным мастерством. «Никто не играл в баскетбол так, как это делал я, – скажет в будущем Рассел. – До меня никто не блокировал бросков. Мне приятно думать, что я целиком изменил весь стиль игры».

Так оно и было. Движениями испуганной голубки при размахе рук равном размаху крыльев доисторического ящера, Рассел переписал заново основное уравнение игры. Вот он протягивает лапу – словно лев за добычей – и перехватывает мяч; вот он, взмывая высоко над горизонтом блокирует броски; вот контролирует всю игру и площадку.

Теперь уже более чем двухметровый (203 см) и весящий 93 кг Рассел сделался истинной силой и вместе с К.С. Джонсом привел Сан-Франциско к 28 рекордным победам при одном поражении, причем двадцать шесть побед подряд было одержано после поражения от команды Калифорнийского университета, Лос-Анджелес, на старте сезона. Потом Рассел увенчал свой чемпионский сезон победой «Доцентов» в первенстве NCAA 1955 года, набрав 118 очков в пяти играх и удостоившись звания самого полезного игрока турнира.

Однако все эти достижения стали всего лишь прелюдией к пиршеству в сезоне 1955/56 года. Полностью оперившись и достигнув роста в 208 см, Рассел подавлял своих соперников на середине площадки, и до корзины им уже добраться не удавалось. В результате «Доценты», пропуская всего 52,2 очка за игру, возглавляли национальный список по качеству обороны. Но что более важно, этот паук-сенокосец в баскетбольных шортах провел Сан-Франциско через весь сезон без поражений – к двадцати девяти победам подряд, сложившимся в победную серию из рекордных пятидесяти пяти побед.

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Рассел продолжил создание своей легенды в проведенном после окончания сезона НКАА турнире, и «Доценты», вынужденные защищать свой чемпионский титул без напарника Рассела, К.С. Джонса, выиграли свой второй титул подряд, а сам Рассел увенчал свою карьеру 26 очками, заброшенными в финальной игре.

Невзирая на эти 26 очков, результативность Рассела оказалась относительно скромной. В конце концов, те из оракулов, которые блюли приверженность старинной и достопочтенной точке зрения, гласящей, что лишь большое количество очков за игру заслуживает внимания, могли насчитать в командах других колледжей не менее тридцати игроков, в среднем набиравших больше очков, чем Рассел. С их точки зрения, игрока оборонительного плана можно было считать баскетболистом лишь в той мере, в которой изюм можно считать виноградом – только в техническом смысле слова и, так сказать, как фигуру речи.

Одним из людей, не придерживавшихся столь великих и проверенных временем истин был Ред Ауэрбах из «Бостон Селтикс». Ауэрбах, придерживавшийся собственного мнения, просто не предоставил Расселу возможности хорошенько подумать, сразу решив все вопросы. Не считая нужным придерживаться вежливой выдумки о несуществовании оборонительного баскетбола, Ауэрбах рассудил, что, хотя результативность Рассела не из великих, когда он на поле противник много очков не набирает, во всяком случае «Доценты» в течение двух лет возглавляли национальный список по обороне.

Кроме того, более пяти последних лет Ауэрбах собирал по кирпичику то, что можно было бы назвать «династией» «Селтикс». В 1951 году он ввел в команду Боба Коуси, в 1952-м – Билла Шармана; в 1955-м – Фрэнка Рамсея. Однако обладая таким блестящим набором метких стрелков, Ауэрбах нуждался в важной детали, необходимой для команды-чемпиона: сильном разыгрывающем, чтобы тот подносил мячи своим пушкарям. Ну а после введенного за два сезона до этого правила двадцати четырех секунд Ауэрбах прекрасно понимал, что быстрый отрыв эквивалентен победе в новом уравнении баскетбола, выведенном НБА. То есть ему была необходима чека для своего колеса. И таковой чекой, по его мнению, должен был стать Билл Рассел.

Однако Ауэрбаху нужно было ответить на два вопроса, чтобы до исполнения своей мечты. Во-первых, «Селтикс» значился шестым в списке приближающегося драфта, и его опережали две команды, выразившие свою заинтересованность в приобретении Рассела: право первого выбора принадлежало Рочестеру, за ним шел Миннеаполис, искавший преемника недавно отошедшему от дел Джорджу Майкену. Вторую проблему представлял собой сам Рассел. Дело в том, что Билл Рассел был человеком гордым и имел собственные планы. И планы эти включали в себя не только поездку в олимпийский Мельбурн 1956 года, игры в котором должны были начаться, когда сезон в НБА находился в полном разгаре. Более того – он хотел иметь дело с НБА лишь на собственных условиях, а не на тех, которые предлагала эта ассоциация. К тому же он уже располагал предложением от команды «Гарлем Глобтроттерс», которое называл роскошным, хотя, по правде говоря, контракт не был столь уж щедр.

Однако все кусочки сложились в единое целое по плану Ауэрбаха. Во-первых, Рочестер, не ознакомившись с содержимым бутылки, остался неудовлетворенным ее внешним видом, и предпочел Расселу Сихуго Грина из Дукуэски. Потом Сент-Луис, шедший в списке вторым, также миновал Рассела, поскольку уже заручился услугами Боба Петтита и не располагал достаточными деньгами для покупки Рассела. К тому же Рассел совершенно не стремился в Сент-Луис: самый южный из всех городов НБА в пятидесятые годы едва ли мог представить собой гостеприимное место для чернокожего атлета. Посему Ауэрбах, не снимая шляпы, с сигарой в зубах, предложил «Ястребам» сделку: «простого» Эда Маколея, бывшего центровым «Кельтов» последние шесть лет, и выпускника Сент-Луисского университета форварда-новичка Клиффа Хагана за права на Рассела.

Хлеб, который Ауэрбах пустил по водам, вернулся к нему пудингом. Но лишь после того как Рассел выступил на Олимпийских играх. Когда Рассел впервые вышел на площадку за «Селтикс» 22 декабря 1956 года, Бостон имел 16 побед при 8 поражениях. В той первой игре – по иронии судьбы против Сент-Луиса – он провел на поле 21 минуту, подобрал 16 отскоков, набрал 6 очков, внося тем самым свой вклад в победу «Кельтов» над «Ястребами» со счетом 95:93. А в течение последующих сорока восьми игр Рассел вносил новое измерение в суть профессионального баскетбола, не просто принимая участие в постановке игры, но продумывая их, сооружая, а потом полностью оркеструя. Имея огромные руки, как бы существовавшие самостоятельно от тела, и обладая прыжком, подвластным разве что

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru авиационным диспетчером, Рассел доминировал на паркете, привнес в игру новую «тонкость» и выплясывая фанданго на пальцах ног игроков противника. Кроме того, он изобрел «сэндвич Уилсона», посылая мяч прямо в лица ошеломленных снайперов противника, заставляя их собирать зубы с паркета, запивая утрату бромной микстурой. В итоге он возглавил список НБА по подбору за игру с показателем 19,6, а «Кельты» выиграли свой первый чемпионат НБА, обойдя Эда Маколея, Клиффа Хагана и «Ястребов» из Сент-Луиса.

На второй год Рассел доказал свой потенциал, снова возглавив список лиг по подбору, на сей раз при 22,7 подборах за игру, а «Кельты» опять встретились в финале с теми же «Ястребами» из Сент-Луиса. В первой же игре серии Рассел повредил лодыжку, что существенным образом ограничило его подвижность. И без него «Селтикс» проиграл три из четырех оставшихся игр. А с ними и чемпионат.

Если вы вели статистику, то знаете, что в 1958–1959 годах произошло официальное начало так называемой династии «Кельтов». Рассел доминировал на площадке, а соперники – включая только что появившегося Уилта Чемберлена – расползались от него словно червяки, едва попытавшись воспрепятствовать быстрым прорывам Коуси и Шармана. И «Кельты» победили в лиге с рекордом сезона, а потом опередили «Воинов» и «Ястребов» в чемпионате.

В последующие семь сезонов Рассел и «Селтикс» доминировали в лиге, пользуясь настойчивой и упорной обороной. Человек, которого известный форвард и остряк НБА Том Мешери назвал «Бородатым Орлом» [34 – Бородач или ягнятник, вид грифа-падальщика. (Прим. перев.)], играл элегантно и с нахальством, выполняя роль коня-коренника, четвербека в чемпионской запряжке и приводя свою команду к беспрецедентной полосе побед.

Но, как бывает всегда, закончилась и эта полоса, и «Селтикс» начал уже новый этап, поменьше, на сей раз с Расселом в качестве главного тренера. Первый чернокожий тренер во всей истории спорта победил еще в двух чемпионатах, что дало ему одиннадцать побед за тринадцать лет, а потом ушел победителем – каким и пришел в спорт.

Измерить величие атлета можно, лишь подытожив его личные достижения, его рекорды. Еще можно подсчитать его чемпионские титулы. И если вы надумаете сосчитать знамена, висящие на балках Бостонского Гардена, и вспомните, что многие из них своим появлением обязаны одному человеку, Биллу Расселу, то поймете, что у этого гордого игрока были все причины для гордости, так как он был одним из величайших спортсменов всех времен.

СЭММИ БОУ

(родился в 1914 г.)

Достаточно бросить взгляд на любую из фотографий Сэмми Боу, и, даже не зная его имени, можно понять, что этот тонкий, как тростинка, и худощавый при росте в 190 см 80-килограммовый спортсмен, как младенца бережно обнимающий мяч правой рукой и выставивший вперед левую, словно могучий таран, выглядит так, как должен выглядеть идеальный распасовщик.

Вид его не обманывал. Ибо Сэмми Боу изменил саму суть игры – собственными ладонями или руками, как вам угодно, в той же мере, как Ред Грейндж сделал игру иной собственным бегом. Если не более. Прежде чем Боу появился на сцене, футбольное действие имело блеска не больше, чем незастеленная кровать, доминировало зубодробительное и сокрушающее ребра направление, находившееся в постоянном и подозрительном противоречии с сутью игры. Однако Боу внес свои коррективы, и футбол воспрянул и расцвел словно роза.

Боу, начав свою футбольную практику с бросания мяча в подвешенную на дереве шину, продолжил свою сказочную карьеру в середине тридцатых годов в качестве участника «Воздушного Цирка» Датча Мейера в Техасском христианском университете (ТХУ). В то время, когда 10 пасов за игру считались более чем достаточным количеством, Боу, пренебрегая этой традиционной мудростью, отправлял мяч на воздушные дорожки 30–40 раз за игру, совершив 599 передач за три своих университетских сезона. Его спокойный и невозмутимый, истинно американский стиль

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru привлек к себе внимание великого Паджа Хеффельфингера, написавшего о нем так: «По спокойствию, невозмутимости под огнем ни один из университетских распасовщиков не превосходил сказочного Боу».

Когда Боу еще состоял в ТХУ, Джордж Престон Маршалл, владелец бостонской команды, которой вскоре предстояло принять имя «Краснокожих», взял на заметку парня, которого уже называли «Пращей Сэмми», и задрафтовал его вторым в сезоне НФЛ 1937 года. Однако мыслители-писатели полагали, что худошавый Бо не годится в профессионалы из-за своей хлипкости. И один из них, старейшина среди спортивных журналистов, Грантленд Райс предостерегал Маршалла: «Послушайте мой совет: если вы возьмете себе этого парня, надо застраховать его правую руку на миллион долларов. Верзилы-профессионалы оторвут ее».

Но Маршалл так и не предоставил Боу возможности передумать – и слава богу! Уверовав в то, что удача избрала этого игрока из всего стада, чтобы привести «Краснокожих» к победе в чемпионате, Маршалл начал переговоры с Боу. Однако тот было решил предпочесть карьере профессионального бейсболиста и уже начал вести свои переговоры – с «Сент-Луисскими Кардиналами». Маршалл повысил ставку, предложив Боу контракт на неслыханную тогда сумму в 8000 долларов за год плюс 500 долларов подъемными – бумажками Рузвельта, и это в те дни, когда максимальный заработок в НФЛ составлял что-то около 2750 долларов.

Боу сошел с самолета, доставившего его в Вашингтонский национальный аэропорт, в ковбойских сапогах со шпорами и десятигаллоновой шляпе. Тем лучше, подумал Маршалл, с этого и начнется легенда о колоритном техасском ковбое по кличке «Сэмми-праща», хотя прежде он никогда не носил сапог и толком не умел ходить в них. Скажем откровенно, для того чтобы попасть в легенду, Боу было достаточно одной своей золотой правой руки. И два месяца спустя эта самая правая рука привела «Всех Звезд» колледжа к первой в истории команды победе в играх «Олл Старз», где они победили «Упаковщиков» из Грин-Бея, чемпионов НФЛ, со счетом 6:0 после точного паса, отданного Боу Гейнеллу Тинсли.

Во время предматчевого наставления перед первой для Боу игрой с «Краснокожими» старший тренер Рей Флаэрти велел новичку передавать мяч Уэину Милнеру «прямо в глаз». Боу с хладнокровием, достаточным для того, чтобы выстудить столицу нации вместе с окрестностями, как утверждают, ответил: «Хорошо, тренер, но скажите, в который?» Так во всяком случае рассказывают.

Однако уже не история, а зафиксированный факт гласит, что Боу начал компенсировать свой внушительный оклад и демонстрировать признаки будущего величия уже в первой профессиональной игре, сделав одиннадцать из шестнадцати пасов, потребовавшихся «Краснокожим», чтобы победить «Нью-Йоркских Гигантов» со счетом 13:3. Через десять игр «Краснокожие» прибыли в Нью-Йорк к тем же «Гигантам», чтобы встретиться с ними в борьбе за титул победителя дивизиона. На сей раз Боу отдал одиннадцать из пятнадцати, а «Краснокожие» растерли своего противника в пыль – 49:14.

Но все это являлось лишь прологом к одной из величайших игр Сэмми Боу, проведенной в чемпионате НФЛ 1937 года против «Чикагских Медведей». Город на ветрах жил в тот вечер привычной для себя жизнью, замерзшее поле сделалось скользким, термометры имели крайне низкое мнение о температуре воздуха, а прихотливые порывы ветра сносили мяч. Тем не менее уже в самом первом розыгрыше, после первой же схватки, Боу вырвался из концевой зоны поля с мячом под мышкой и отдал пас защитнику-раннеру Клиффу Баттлсу для 43-ярдового проноса. В тот день Боу сражался и с «Медведями» и с разбушевавшейся природой, он отправлял мяч в воздух тридцать четыре раза и семнадцатью из этих пасов заработал 358 ярдов для своей команды, больше, чем добивались совместными усилиями любые две команды во всех прежних чемпионатах НФЛ, приведя тем самым Вашингтон к победе со счетом 28:21. Началась эра паса, сразу же принеся свой процент.

Но, вместо того чтобы спокойно вернуться домой в родной Свитвотер, штат Техас, чемпионом НФЛ и чемпионом по пасу, Боу решил снова обратиться к своему любимому виду спорта – бейсболу. Явившись в тренировочный лагерь «Кардиналов» из Сент-Луиса, Боу проявил ловкость во владении перчаткой, замеченную Эдди Дайером, тогдашним менеджером фармклуба «Кардиналов» Рочестера. Дайер, который впоследствии приведет «Кардиналов» к победе в мировой серии, так вспоминал о Боу: «Когда он работал на третьей базе, у нас был еще один новичок на шортстопе. Их нельзя было различить. Они казались близнецами по внешности и игре».

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Шортстоппером был Марта Мэрион, а когда человек похож на Мэриона, это значит, что у него бездна способностей». (Так Дайер говорил о Мэрионе, шортстоппере, который заякорится среди инфилдеров «Кардиналов» на одиннадцать лет, не менее десяти раз возглавит списки лиги в различных категориях и четыре раза выступит в мировой серии.

Отыграв сезон 1938 года в фармклубах за Рочестер и Колумбус, Боу решил, что видит свое будущее не в бейсболе, а в футболе. И последующие пятнадцать лет его якобы хрупкая и нежная тexasская натура поставила рекорд выносливости, наполняя книги рекордов своими пасами. Шесть сезонов он возглавлял список лиги по пасамам – больше, чем любой другой квартербек, семь раз по проценту завершения; пять раз по завершению пасов и минимальному числу перехватов; четыре раза по числу добытых ярдов. И это в то время, когда короткие и точные пасы не были не только нормой игры, но и не укладывались в манеру Боу делать свое дело. Нечего удивляться тому, что Артур Дейли, давний спортивный обозреватель «Нью-Йорк Таймс», написал: «Жилистый тexasец с быстрой, как хлыст, рукой пасует лучше, чем все остальные. И это не просто мнение. Доказательством моего утверждения служит книга рекордов».

Боу остается рекордсменом всех времен по ударам с руки. В сезоне 1940 года он набирал в среднем 51,4 ярда за удар, а в чемпионате НФЛ 1942 года Боу в среднем имел немислимые 62,5 ярда из шести ударов, и это при старом, а не нынешнем обтекаемом мяче!

Добавим ко всему этому, что Боу стал первым игроком, совершившим четыре перехвата за одну игру, а в 1943 году возглавлял списки НФЛ по пасамам, ударам с руки и перехватам, и тогда вы, наверное, поймете, почему человек, шестнадцать лет прославлявший 33-й номер, а именно Сэмми Боу представляет собой «идеальный образ» профессионального футболиста.

ОНУС ВАГНЕР

(1874–1955)

Онус Вагнер казался ходячим курьезом. Ноги его как будто не могли выполнять свои функции, так как были настолько кривыми, что один журналист даже написал: «Они загибаются вверх от лодыжек под таким углом, что сойтись могут, кажется, только на талии». На земле их удерживали скрипичные футляры 46-го размера, у других людей называющиеся ступнями. К подобной бочонку грудной клетке под каким-то немислимым углом были присобачены две невозможно длинные руки, едва ли не задевавшие при ходьбе землю. Лефти Гомец, увидев Вагнера впервые, прокомментировал это событие такими словами: «Он мог завязывать шнурки стоя». Ну а к длинным этим рукам были приделаны две ладони, которые его давний соперник Джонни Эверс, второй в знаменитом трио инфилдов клуба «Кабс», окрестил «лопатами». Но тот, кто знал истинную цену Вагнера, не смотрел только на упаковку, а видел перед собой содержимое.

Хотя новое поколение любителей бейсбола, вскормленное кабельным телевидением, в лучшем случае только слышало его имя, в те минувшие дни, когда мировой спорт зиждился на прессе и устном репортаже, Иоганн Петер Вагнер, а по-немецки Ганс, был соперником Тая Кобба в борьбе за звание величайшего бейсболиста, а его бита и ноги превратили этого человека из курьеза в часть американской жизни.

Играя за Луисвилл, а затем за Питтсбург во времена, когда название этого города еще не произносилось с придыханием, – эта тыква, превратившаяся в золотую карету, частенько возглавляла списки Национальной лиги: восемь раз по бэттингу, семь раз по дублям, четыре раза по украденным базам и три раза по тройкам.

С битой в руках он играл на месте питчера так, как рыболов играет с лососем. Став подальше в коробочке бэттера – настолько далеко, насколько это позволяли правила и меловая линия, Вагнер стоял, готовясь вложить все свои силы в удар, и бита казалась спичкой в этих огромных лапшах. Потом, пригнувшись пониже к земле, Вагнер как из пушки посылал мяч на то поле, которое считал нужным. Протащить мяч мимо Вагнера – с тем же успехом можно было пытаться добывать уголь зубочисткой. Это не просто метафора, поскольку Вагнер был шахтером прежде чем стать бейсболистом. Постоянно посылавший тяжелые мячи, Вагнер становился еще

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru более опасным, когда игроки занимали голевые позиции, не позволяя питчеру впустую потратить удар. Когда молодой Кристи Мэтьюсон спросил у своего кетчера, знает ли тот какую-нибудь слабость у Вагнера, тот свирепо рявкнул в ответ: «К женскому полу».

Вагнер сражался с ведущими питчерами своего времени, имея в среднем 0,524 против Амоса Руси, 0,352 против Кида Николса, 0,343 против Сая Янга и 0,324 против уже упомянутого мистера Мэтьюсона – все они прописаны в Зале славы.

На тропе вокруг базы эта карикатура на человека, наделенная невообразимыми ногами, как ни странно, принадлежала к числу самых быстрых. Нанеся удар справа, этот «Летучий Голландец» успевал к линии первой базы со скоростью спринтера, быстрее многих леворуких бэттеров. При всей своей корявой походке он был величайшим специалистом по краденым базам, скача у самой земли словно преследуемый кролик.

Но свое имя Вагнер заслужил на поле. Имя и славу. Перегнувшись пополам, как плотницкий циркуль, он прикрывал инфилд. Между ног Вагнера можно было пропихнуть бочонок, но только не посланный битой мяч. Вагнер принимал вызов и ловил каждый мяч, иногда отступая назад в пределы третьего бейзмена. Далее, не тратя попусту времени на тщательное обследование мяча, он выстреливал его первому, совместно со всеми камешками, пылинками и травинками, которые замела в своем движении его массивная ладонь, и первый бейзмен выхватывал мяч из налетавшего на него облака. Много раз Вагнер выстреливал свой залп, стоя на коленях или сидя на пятой точке.

Уступая в жесткости своему сопернику в борьбе за титул «Величайшего игрока в мяч» Таю Коббу, Вагнер получил возможность встретиться с Коббом лицом к лицу в мировой серии 1909 года. История повествует, что, когда Кобб добрался до первой базы во второй игре серии, он встал там и крикнул, поднеся ладони ко рту: «Эй, колбасник, перехожу к следующей подаче». Отлично владевший английским языком Вагнер промолчал. Но он ждал. И действительно, с первого питча Кобб отправился на второй. Добравшись до базы во встопорщенном состоянии, Кобб обнаружил там Вагнера (и мяч), дожидавшегося его. Тут Вагнер, нисколько не смущаясь, послал мяч прямо в рот Кобба, укротив «Тигра» и разбив ему губу.

Правда, этого никогда не было. Но «сказочку» рассказывали и передавали дальше, пока наконец она не сделалась составной частью Вагнерианы. А наука сия говорит об Онусе Вагнере как об одной из наиболее баснословных персон первого десятилетия двадцатого столетия. Названный легендарным менеджером Джоном Макгро «величайшим игроком двадцатого века» и удостоившийся от Эда Барроу, человека, сделавшего Бейба Рата аутфилдером, звания «самого великого среди всех игроков», он прошел в Зал бейсбольной славы по первому разряду – как раз следом за Таем Коббом. И когда Онус Вагнер ступил на этот мало кому доступный остров величия, ноги его остались какими были, но подвиги стали неисчислимыми.

БЕН ХОГАН

(1912–1997)

Уильям Бен Хоган вырос в месте, весьма удаленном от тех площадок, которыми большинство великих гольферов пользуются с первых своих дней, поскольку Дублин, Техас, был весьма удален от Огасти, Мериона и Окленда, где он заслужит свою славу. Не располагая полем для гольфа на окраине своего крошечного поселка, населенного всего двадцатью пятью сотнями жителей, не имея и папаши-гольфиста, который мог бы научить его тонкостям игры, Хоган – если прилагать к нему обыкновенные мерки – в лучшем случае должен был потратить бездну времени, чтобы стать великим игроком. Но он посрамил мирскую мудрость, приступив к процессу превращения в великого гольфера с суровой и бульдожьей решимостью.

После смерти отца Бена Хоганы перебрались на новое место – в расположенный в тридцати милях к северо-западу Форт-Уэрт, где юный Бен продавал газеты, чтобы помочь семье. А потом, в возрасте двенадцати лет, он обнаружил, что кадди – тем, кто носит или возит за гольфистами клюшки, – платят больше, чем разносчикам газет. И молодой человек принял самое важное решение в своей жизни: он сделался кадди в сельском клубе «Глен Гарден».

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Почти с самого первого дня этот маленький кадди, сгибаясь под внушительных размеров сумкой с принадлежностями для гольфа, сумел заметить нечто особенное в заворожившей его игре. И он начал воспринимать гольф серьезно. Он следил за движениями тех, кому прислуживал, сравнивал свой замах новичка с жестами мастеров и конечно же копировал их на лужайке перед домом – «пока от лужайки ничего не осталось» – и во всех прочих местах, проделывая все это с сознательным рвением, пока наконец не начал приобретать вид гольфера, даже изменив при этом хватку с природной левосторонней на праворукую.

Но одного вида было мало, чтобы произвести впечатление на членов «Глен Гарден», хотя на удивление всех он боролся в финале ежегодного Рождественского турнира за первое место с другим кадди, Байроном Нельсоном. Не способствовал тому и внешний вид, не рассчитанный на то, чтобы потрясать зрение других людей – всего 170 см и 60 кг, – подобного гольфиста можно было бы уподобить дистрофику, во всяком случае со стороны его было трудно заметить.

В зрелом возрасте, девятнадцати лет, являясь обладателем хука левой, достойного самого Джо Луиса, но никак не гольфера, Хоган сделался профессионалом. Успехи на зеленой тропе приходили к нему нечасто и вообще с большими перерывами – так, в 1936-м он попал в Открытый чемпионат США, но не набрал в двух первых кругах достаточно очков, чтобы «пробиться наверх» – и успехов этих не хватало, чтобы заработать себе на приличную жизнь. Наконец он прошел 36 лунок в Открытом чемпионате 1939 года, но финишировал шестьдесят вторым, отстав на целых двадцать четыре удара от победителя.

Добиваясь совершенства, никогда не довольный собой Хоган проводил тысячи часов на тренировочной площадке и в комнате гостиницы, отрабатывая удар. И дожидаясь, пока изменится вращение колеса судьбы. Решимость и постоянные тренировки начали приносить победы этому относительно новичку, которому пришлось потратить столько времени на свой приход. К 1940-му его заработок уже был наивысшим в туре.

Его упругая сила скоро стала очевидной всем участникам тура. Во время мирового парного чемпионата 1941 года Хоган был сведен в пару с ветераном Джинном Сараценом. Во время перерыва между играми Сарацен отыскал журналиста Грантленда Райса и сказал: «Знаешь что? Я только что имел дело с самым упорным гольфистом. Я думал, что к этому сорту принадлежу я сам, Боб Джонс и Хаген. Это не так. Мне довелось сыграть с ним сегодня». Сарацен имел в виду то, что хотя пара Хоган – Сарацен выиграла шесть из семи лунок, Хоган подошел к нему и сказал: «Джин, проснись. Мы проигрываем. Пора браться за работу». Озадаченный подобной реакцией, Сарацен ответил: «Но ведь мы, кажется, выиграли шесть лунок из семи, разве не так?» И Хоган ответил: «Да, но мы провалили седьмую. Нельзя так швыряться очками!»

Вторит этому мнению сам Бобби Джонс: «Я считал себя упорным бойцом. Я думал, что такими являются Хаген и Сарацен. Но мы уступали в бойцовских качествах Хогану. Он сражался за каждый дюйм, каждый фут, каждый ярд площадки для гольфа».

Обозреватель Герберт Уоррен Винд полагал: «Пока он остается сражающимся гольфером, он, очевидно, никогда не потеряет своей заносчивости. Такой уж он».

С лицом столь же неподвижным, как высеченные из камня лики на горе Рашмор [35 – Гранитная скала в шт. Южная Дакота, на которой высечены из камня головы четырех президентов США. Вашингтона, Джефферсона, Линкольна и Т. Рузвельта. (Прим. перев.)], не желавший отвлекаться ни на что, Хоган заработал прозвище «Ледышка». Еще его называли «Бентамский Бен», намекая тем самым на небольшой рост. Но это нисколько не уменьшает его достоинств, поскольку теперь благодаря постоянному опыту он действовал на лужайке, словно опытный хирург, орудуя своими клюшками как скальпелем. И следующие два года он оставался лидером тура по заработкам. Теперь прежде бедствовавший Хоган имел столько сберегательных книжек, что мог бы, наверное, набить ими целый книжный шкаф.

Ну а потом вместе со всеми прочими Джонни Бен отправился на войну. И отбарабанил в Воздушных силах целых три года. Оказавшись на гражданке, он начал свое дело прямо с того места, на котором оставил его, и выиграл первый свой крупный турнир – Первенство профессиональной ассоциации 1946 года. Год 1948-й сделался для Бентамского Бена триумфальным, так как он завоевал Открытое первенство США и второй чемпионский титул ПГА. Похоже было, что десятилетие завершится так же,

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru как и начиналось, и Хоган останется во главе тура.

Однако после неторопливого старта в 1949 году Хоган и его жена Валери возвращались домой в Форт-Уэрт, чтобы он мог потренироваться. И тут случилось несчастье: ранним туманным февральским утром машина Хоганов в лоб столкнулась с автобусом «Грейхаунд» на тexasском шоссе. Хрупкое тело Хогана застряло в обломках, он получил перелом таза, ноги были раздроблены. Он едва не погиб при столкновении, сохранив свою жизнь лишь тем, что в последнюю секунду метнулся вперед, заслоняя жену.

Началась самая долгая и мучительная битва в жизни Бена Хогана. Казалось, надо было просто радоваться тому, что ему удалось остаться в живых, причем многие сомневались в том, что он вообще сможет ходить, не говоря о том, чтобы играть в гольф, однако Хоган не намеревался смирять себя. С непреклонной убежденностью и прямолинейностью стенобитного тарана, Хоган не сомневался в собственном возвращении, – ничего другого и не понадобилось. Простые смертные не посмели бы даже подумать о таком, но Бен Хоган не принадлежал к их числу. Когда Хоган подал свое заявление для участия в Открытом чемпионате США 1949 года, бумага сия началась словами: «Возможно, это и сон, но чудеса действительно иногда происходят...»

И чудо действительно произошло год спустя на Открытом первенстве США. Столкнувшись с серьезным испытанием собственных технических ресурсов, Хоган, у которого острая боль в ногах успела притупиться, прошел весь финальный дневной марафон на тридцати шести лунках вровень с Ллойдом Мангдумом и Джорджем Фазио. На следующий день этот новоявленный последователь евангельского Лазаря выиграл плей-офф с 69 лунками, завоевав свой второй чемпионский титул.

Экономя силы, Хоган ограничил количество своих выступлений в 1951 году. И тем не менее этот человек в патентованной белой кепке выиграл турнир «Мастерс» и одержал свою третью победу на Открытом первенстве США, показав в Окленд-Хиллс 67 лунок, что до сих пор остается одним из лучших результатов в истории гольфа.

Пропустив 1952 год, Хоган вернулся в 1953 году и победил в пяти из шести турниров, в которых он принимал участие, в том числе в турнире «Мастерс», в четвертый раз в Открытом первенстве США, и Открытом первенстве Британии. Его беспрецедентный «Триплет» можно отнести к величайшим достижениям, доступным для профессионального гольфера, этот подвиг впечатляет не менее чем «Большой шлем» Бобби Джонса 1930-го, и величие его подчеркивает тот факт, что он не сумел выиграть PGA лишь потому, что этот турнир был назначен на то же время, что и Открытое первенство Британии.

К концу своей сказочной карьеры Хоган победил в шестидесяти двух турнирах и доминировал в своем виде спорта, как немногие до или после него. Тем не менее повесть о Бене Хогане – это не рассказ о выигранных им турнирах, это история жизни человека. Он играл с самообладанием, граничившим с отстраненностью и точностью, на краю полного контроля над собой – и всеми 336 ямочками на мячике для гольфа, и сковывал своей железной волей противника и себя. Он вернулся и добился величия.

МЭДЖИК ДЖОНСОН

(родился в 1959 г.)

Когда будут написаны все рождественские истории, когда закончится проза, когда исчерпается запас газетных и телевизионных словес, а звуковые дорожки будут заезжены до хрипоты, потомки все равно будут сидеть возле догорающего костра спортивной истории, рассказывая друг другу об атлете, игравшем с пылом мальчишки и самозабвением, так что следить за ним было чистейшим удовольствием, об Ирвине Мэджике Джонсоне.

Освещая баскетбольную площадку ясной улыбкой, такой широкой и непосредственной, словно это он сам придумал процесс улыбки, этот взрослый ребенок, известный под прозвищем «Мэджик» (волшебник) играл в баскетбол с самозабвением школьного прогульщика, дорвавшегося до игровой площадки.

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Игра эта началась в Лансинге, Мичиган, где в юные годы Джонсон вставал пораньше и перед школой заскакивал на игровую площадку, чтобы потренироваться до уроков. «Все думали, что я свихнулся, – вспоминал он. – На часах семь тридцать утра, соседи собираются на работу и переговариваются между собой: вон он скачет, рехнувшийся майский жук».

«Майский жук» скоро превратился в Мэджика, поскольку Джонсон перенес всю свою бурную энергию в среднюю школу Эверетт в Лансинге, где в 1976–1977 годах он привел свою команду к победе в чемпионате штата. Потом настала очередь Университета Мичигана, где он привел «Спартанцев» к их первой за последние девятнадцать лет победе в чемпионате «Большой Десятки» уже на первом курсе, а потом, на втором, вывел их в финал НКАА, где в драматическом матче против Ларри Бёрда и его команды из штата Индиана, считавшейся фаворитом номер 1, перебросал Бёрда – 24 очка против 19, сделав Мичиган чемпионом НКАА.

Мэджик разработал свой свободный стиль еще в команде Мичигана. Оценив быстрым взглядом перспективы каждого из партнеров по команде, Джонсон раздавал пасы, словно официант блюда. Некоторые из них были точны и отрывисты как телеграмма; другие происходили как бы независимо от сознания, они возникали из ниоткуда, с присущей Мэджику скрытностью – пролетая над головой, выпрыгивая из-за спины, неведомым образом просачивались сквозь лес поднятых рук. И все они были посланы рукой мастера.

Тренер Мичиганского университета Джад Хиткоут поощрял его в этом. «Его не волновало, каким именно образом я отправил мяч своему партнеру по команде, раз тот получал его, – говорил Джонсон. – Из-за спины, над головой – какая разница. Но я был обязан переправить мяч, в противном случае меня ждали неприятности».

Но Мэджик Джонсон не только изобрел себя самого, выступая за Мичиганский университет, он заново изобрел и игру центрального, преобразив самое уравнение игры и определение его функций. До того как он появился на сцене, центральной представлял собой самого большого игрока команды – и в прямом, и в переносном смысле. Но с появлением Мэджика упор стал делаться на игру в пас. И впервые четвертьбеком баскетбольной команды стал высокий человек – в Мэджике было 208 сантиметров. Джонсон, начинавший свою карьеру в качестве форварда и перешедший в оборону потому, что его умение играть в защите – читай играть в пас – было нужно команде, на свое счастье пользовался поддержкой тренеров. Полной поддержкой. И поступив так, они изменили лицо баскетбола – как и улыбочное лицо парня, умевшего отправить мяч куда угодно.

«Лос-Анджелес Лейкерс», получив право первого выбора в драфте НБА того года, благодаря обмену с «Юта Джазз», потратили это право на выбор этого игрока, отчасти механика, отчасти волшебника, но игрока с большой буквы, справедливо полагая, что его таланты и высокооктановый мотор сделают «Лейкерс» чемпионом.

В предсезонном тренировочном лагере ветераны «Лейкерс» с любопытством поглядывали на новичка, носившегося по баскетбольной площадке как ошалелый заяц, «нервного и перепуганного от усердия». Хлеставшая из парня энергия превращала его в некое подобие взволнованного оленя, каковое имя он и получил, став для начала Бакком, а не Мэджиком. Но Мэджик или Бак, какая в том разница, поскольку Джонсон электризовал всю команду, передавая мяч партнерам, раздавая пасы, как написал один из журналистов, «с бескорыстностью раннехристианского мученика», забрасывая из прыжка прямые мячи в корзину, – под стук мяча в дриблинге и под улыбку, достойную кинозвезды.

Чары Джонсона работали, и «Лейкерс» – финишировавшие в предыдущем году при 47:35, а затем проигравшие в полуфинальном круге плей-офф, победили в чемпионате НБА 1979/80 года благодаря, как вы уже догадались, Мэджику, расшевелившему команду и названному «самым полезным игроком плей-офф».

Но Джонсон принес с собой в НБА не только свое мастерство, но и нечто менее материальное, но более важное. Дело в том, что в то время, когда Мэджик появился в лиге, НБА самым серьезным образом нуждалось в носителе харизмы. Достижения ее многочисленных звезд производили впечатление куда большее, чем их личное обаяние. Лица их были столь же неподвижны, как и каменные черты президентов на горе Рашмор, их общение с прессой и публикой было едва ли более выразительным. И тут явился Мэджик, наслаждавшийся вниманием прессы в той же мере, как прочие считали его докукой, и отпускавший улыбки столь же широкие, как и Джон Смит,

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru увидевший перед собой Покахонтас. Пресса его любила.

Публика тоже. И особенно та, что собирается в лос-анджелесском «форуме», где знаменитости чествуют знаменитостей. С каждым невероятным пасом, с каждым искусным нырком, с каждым метким броском, с каждой радостной улыбкой, демонстрирующей, что «представление началось», «форум» все больше и больше подпадал под его очарование, добавив имя «Мэджик» к списку лос-анджелесских знаменитостей. Волшебный цирк Джонсона разъезжал по стране, и к общему хору присоединялись восхищенные голоса болельщиков из других городов НБА.

Последующие одиннадцать лет Мэджик продолжал свою веселую жизнь, а лига в знак признательности осыпала его всеми почестями и подарками: в том числе званием самого ценного игрока (три раза), лучшего игрока плей-офф (три раза), попаданием в сборную НБА всех времен (девять раз), и так далее, и так далее вплоть до приза игроку, первым введшему в баскетбольный жаргон словосочетание «двойной триплет».

А потом все вдруг закончилось – 7 ноября 1991 года. На созванной «Лейкерс» пресс-конференции сотни журналистов и не меньшее количество доброжелателей, глотая слезы, узнали от Мэджика, что его анализы выявили положительную реакцию на СПИД. «Жизнь продолжается, и я намереваюсь жить счастливо», – сказал он, блеснув своей заразительной, так сказать волшебной, улыбкой.

Но хотя Мэджик оставил НБА в связи с инфицированностью вирусом, который вызывает СПИД, его улыбка и дух остались в игре. И на первой из выставочных игр «Всех Звезд» НБА три месяца спустя, забросив решающий, победный мяч, он сказал: «Я словно бы сидел за своей пишущей машинкой, и она сама напечатала: «Этот бросок был моим последним броском», а потом – в Барселоне, где он появился в качестве участника «Дрим Тим» и вдохновил сотни атлетов всех стран в матче открытия нарушить официальный строй, чтобы взглянуть на всемирную легенду.

Ирвин Джонсон заслужил свое прозвище «Мэджик», играя так, как надлежит играть: ради счастья самой игры. Именно это, наверное, и имел в виду его давний друг и соперник Ларри Бёрд, сказав: «Я готов заплатить, чтобы увидеть, как играет Мэджик». Никто из спортсменов не был наделен большим обаянием, чем Мэджик.

ТЕД ВИЛЬЯМС

(1918–2002)

В один из редких моментов откровенности Тед Вильямс однажды отодвинул занавес и позволил миру услышать причину, заставлявшую его брать в руки биты, сказав: «Все, чего я хочу от жизни, это чтобы когда я иду по улице, люди оборачивались и говорили: вот идет самый величайший хиттер из всех, кто жил на свете».

И многие считали его таким. Например Джимми Дайкс, старый третий бейзмен, который часто характеризовал Вильямса следующим образом: «Другого такого поганца, другого такого хиттера я еще не видел!» И этой рекомендации более чем достаточно. Ведь карьера Дайкса началась в конце 1910-х годов, когда Тай Кобб и Джо Джексон были величайшими среди выступавших хиттеров, и продлилась до 1939 года, первого года выступлений Вильямса в старшей лиге.

На весенних тренировках перед сезоном 1938 года, рассматривая своих будущих товарищей по команде с юношеской надменностью, Вильямс охотно пользовался преимуществами своей неопытности. Когда кто-то попытался осадить зарвавшегося молокососа и сказал: «Погоди, вот увидишь, как бьет Джимми Фоккс», Вильямс ответил: «Пусть Фоккс смотрит, как я бью!»

Отосланный в Миннеаполис, в команду «Красных Носков» Трипл Эй на предмет дальнейшего созревания, Вильямс, пакуя вещи, отважно предсказал, что не только вернется, но и превзойдет весь аутфилд «Красных Носков», тандем, состоявший из Бена Чэпмена, Дока Крамера и Джо Восмика, имевших по 0,300. В ходе своей карьеры Вильямс выполнит оба обещания. И еще не одно другое.

Никогда не позволявший фортуне подминать его под свою железную пятую, Вильямс доказал всем и каждому, что принадлежит к «Большому Шоу», смягчив свое путешествие в младшую лигу тем, что возглавил там списки Американской ассоциации

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru не менее чем в шести технических характеристиках. В 1939-м он продолжил свое наступление на позиции питчеров Американской лиги, возглавив ее список по RBI со 145, лучшим из показанных новичком результатов, и бэттингу 0,327; финишировал вторым по дублям и третьим по круговым пробежкам, набрав 107, что опять-таки было лучшим результатом для новичка.

На деле среди всей этой рекордной статистики, быть может, самой впечатляющей была общая сумма его пробежек, что свидетельствует о его метком глазе, что подтвердили и флотские врачи, осматривавшие его когда-то как военного летчика, и нашедшие, что такое зрение бывает у одного из сотни тысяч человек. Дайкс, как мы помним, видевший их всех, только удивлялся: «Если он брал подачу, судьи присуждали мяч. Они считали, что он лучше видит зону удара, чем они сами».

Бобби Шантц, выдающийся питчер своего времени, вспоминал нежелание Вильямса замахиваться на мячи, пролетающие мимо хотя бы на волосок: «Боже, я бросал ему такие хитрые мячи, которые мазали всего на долю дюйма, а он просто стоял, не думая поднимать биты».

Но что бы ни было в этом рослом и крепком парне (193 см, 90 кг) – глаз, умение владеть битой и безупречное совершенство на месте бэттера – после всего одного только года, проведенного им в бейсболе, журналисты вкупе с любителями игры начали использовать в отношении его такие определения как «суперзвезда» и «великий». Год 1940-й только добавил яркости его блеску, поскольку он брал в среднем 0,344, финишировал третьим по подачам и общему количеству баз и возглавил список лиги по результативным пробежкам.

А потом наступил 1941 год.

В ходе последнего предвоенного сезона Вильямс набил всего лишь 0,406 (впервые за восемнадцать лет в истории Американской лиги превзойдя мифический показатель в 0,400 – и в последний с тех пор раз); возглавил список лиги по пробежкам вокруг базы, результативным пробежкам и выиграл встречу «Всех Звезд» при двух в ауте и с девятой пробежки в величайшей из всех когда-либо проведенных игр. На деле она оказалась столь драматичной, что обычно многословный Ред Барбер, комментировавший матч, буквально онемел, ошеломленный ударом Вильямса, пославшего мяч через все крыши.

Как именно Вильямс превысил отметку в 0,400, представляет собой предмет особой песни, позволяющей в чем-то понять этого уверенного в себе, даже дерзкого бейсбольного гиганта, жившего, по его собственным словам, «для того, чтобы бить». До самого последнего дня сезона Вильямс имел средний показатель бэттинга 0,39955, округлявшийся до ровных 0,400. Его менеджер, Джо Кронин, посоветовал молодому бойцу «отсидеться на скамейке запасных». Но Вильямс, презирая дешевый рекорд, отсиживаться отказался и, напротив, вызвался сыграть на обоих концах даблхедера против «Филадельфии-А». В первой игре у него было четыре удара, в том числе пробежка на базу, а во второй он приплел к ним еще два попадания, закончив игру с шестью ударами при восьми выходах к бите и среднем показателе 0,406.

Возглавив список лиги в 1942 году с 0,356 в среднем и выиграв первую из своих «Тройных корон», Вильямс отправился служить своему отечеству в качестве флотского пилота и, оттрубив три года, вместе с прочими Тедди и Джонни вернулся домой, чтобы начать свое дело с того места, на котором оставил его. Имея на бэттинге 0,342, он привел «Красные Носки» к первому чемпионскому вымпелу за двадцать восемь лет.

В последующие десять лет этот длинный и гибкий бэтсмен, занимавший свое место в коробочке бэттера и помахивавший битой, разглядывая питчера с чисто научным интересом во взгляде, продолжал успешно отражать броски питчеров Американской лиги. Более десяти лет Вильямс возглавлял список Американской лиги, имея по бэттингу 0,344.

А потом, в 1957-м, песок начал стремительно вытекать из верхней склянки его часов, но Вильямс по-прежнему был впереди Американской лиги по бэттингу, имея в своем более чем зрелом тридцатидевятилетнем возрасте в среднем 0,388, самый высокий показатель в его карьере после 0,406, показанных шестнадцать лет назад. И чтобы доказать, что случайностью это не было, он вновь был первым в лиге на следующий год – уже сорокалетним.

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Вильямс продолжал выступать еще два года, превратившись к 1960 году в живую достопримечательность бейсбола: сорокалетнего игрока. А потом после последнего удара в его карьере, последний раз держа биты в руках, он предпринял, наверное, самую продолжительную, 521-ю пробежку в своей долгой и славной службе бейсболу. Верный своему обычаю, он бежал вокруг баз, болельщики Бостона приветствовали его с трибун, но, пренебрегая жеманством, он не снимал кепку с головы в знак благодарности – как и любители бейсбола.

Всю свою игровую жизнь Тед Вильямс являл собой достойный подражания пример независимости. Удивительно острое зрение позволяло ему читать между строк в книге бейсбола, и он различал в приветствиях болельщиков их способность и осмистать его – под горячую руку. Всегда слушавший только себя самого, Вильямс возвышался над толпой и в буквальном, и в переносном смысле. Некоторые называли его «нашим парнем», «великолепной битой» или «великолепным забойщиком», другие «Тедди-бейсболом» или «колотухой». Но почти для всех – в том числе для Джо Ди Маггио, который сказал: «Скажу честно, я никогда не видал лучшего хиттера, чем Тед Вильямс» – он был просто «величайшим хиттером в истории игры».

БОББИ ХАЛЛ

(родился в 1939 г.)

Этот дивно сложенный парень обладал превосходно вылепленными мышцами, плечами, широкими, словно дверь, руками, несокрушимыми, словно алмазы, и крепостью плотно набитого шкафа, что заставило Горди Хоу сказать: «Когда он раздевается, то становится только больше» – ноги как корабельные мачты, валуны бицепсов, грудь и шея, до которых было далеко и Сонни Листону, и всем прочим современным чемпионам в тяжелом весе. И все это образовывало симпатичное обличье, которое даже при обязательном для хоккеиста сломанном носе делало его похожим на какого-нибудь из младших богов Древней Греции.

Так, в частности, полагал один из светских обозревателей Чикаго, видевший в Халле «ожившее изваяние, пришедшее к нам из золотого века Греции, невероятно симпатичное даже без передних зубов». И в самом деле, он был «Золотым мальчиком» хоккея, его «Золотой ракетой».

Однако 190 см, 90 кг и бычье сложение Халла вместе со всей присущей ему мощью отнюдь не составляли основной компоненты его спортивного гения. Бобби Халл был молнией на коньках, самым быстрым конькобежцем в Национальной хоккейной лиге, умевшим набирать с шайбой скорость 28,3 мили в час и 29,7 мили в час без оной.

Но если молния впечатляла, гром производил потрясение еще большее. Именно с шайбой Халл был самым лучшим – возможно, лучше него никто не владел шайбой. Выстрелив с левой руки, Халл отправлял шайбу в полет со скоростью 120 миль в час – почти на 35 миль быстрее, чем средний хоккеист. Так что можно не удивляться тому, что посланная им шайба с удивительной частотой попадала в сетку, в среднем 40 раз за сезон при рекордном числе «хет-триков» – двадцать восемь.

Игроков, пытавшихся преградить путь шайбам, посланным Халлом с едва ли не сверхзвуковой скоростью, можно было уподобить лишь тем людям, которые пропитания ради разряжают бомбы. Один из тех, кто сделал это и выжил, вспоминал с трепетом: «Если Халл прицелился и ахнул, шайба рушится на тебя с той же тяжестью, что и небольшой город». Еще один из тех, кто останавливал его патентованные восемнадцатиметровые броски, излагал свои впечатления так: «Меня словно прижгли клеймом. Бросок его парализовал мою руку на пять минут. Это было невероятно!» Прочие торопились убраться с траектории пущенного им снаряда со всей мыслимой скоростью.

Это сочетание силы, скорости и мощи впервые выкатило на лед НХЛ в матче открытия сезона 1957/58 года едва начинавшим бриться восемнадцатилетним парнишкой. Однако уже к этому времени Бобби Халл мог сказать, что играет в хоккей всю свою жизнь, – во всяком случае с тех пор, когда отец привязал к его ногам самую маленькую пару коньков – под стать росту. Начало хоккея он изучал, играя на замерзшем пруду перед фермой отца, расположенной в окрестности, которую составители карт именуют Пойнт-Энн, Онтарио, а потом вступил в организованный хоккей, играя сперва за «Пи Ви», а потом среди юниоров. И когда он играл среди

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru юниоров, его золотые возможности оказались замеченными тренером Руди Пайлоузом, выделившим молодца и рекомендовавшего его в «Чикаго Блэк Хоукс». Оказавшись в их тренировочном лагере осенью 1957-го, Халл продемонстрировал свой потенциал, забросив два гола в своем первом выставочном матче против «Нью-Йорк Рейнджерс», и в итоге стал самым молодым из игроков, когда-либо попадавших в команду «Блэк Хоукс». Об этом решении команда и ее болельщики никогда не пожалели.

Играя центром нападения в «Блэк Хоукс», Халл забросил 31 шайбу за свои первые два сезона. А потом в плей-офф 1959 года, когда получил травму один из крайних «Блэк Хоукс», Пайлоуз, теперь ставший тренером команды, перевел Халла из центра на его место. Халл сразу же оценил внесенные в сценарий изменения. «Я почувствовал себя как дома, потому что теперь мне не приходилось столько обороняться. У меня появилось время для атаки».

Освободившись от, так сказать, сковывавших его пут, Халл смог переключить свое внимание с зубодробительных обязанностей оборонца на много более приятное дело снайпера. Он буквально расцвел в новой роли. Подхватив шайбу концом клюшки, два-три раза шевельнув коньками, он уже летел по льду, являя собой воплощенный поток энергии, наконец нашедшей себе выход. Мгновение спустя он оказывался на противоположной половине поля, отмеряя коньками доли секунды по льду, а потом выпаливал шайбу с расстояния шестидесяти футов, забрасывая ее невесту откуда в ворота. Его пушечные броски, которых боялись все в НХЛ, описывал такой авторитет, как игравший за Монреаль Бум-бум Джеффрион, называвший их «самыми сильными на моей памяти».

Скоро голы Халла сделались привычными. С 39 шайбами он стал первым в лиге в 1959/60 года. В 1961/62 году он забросил 50 шайб, третьим за Морисом Ришаром и Горди Хоу среди тех, кто добился подобного достижения. Четыре сезона спустя он забросил уже 54 шайбы, пять сезонов спустя – 52 и семь сезонов спустя – 58, каждый раз побивая собственный рекорд и делаясь неким хоккейным подобием Бейба Рата.

А еще он маневрировал, пробиваясь сквозь и мимо защитников, объезжая их, пролетая над ними, тщетно пытавшимися преградить путь этому цирковому силачу к новому голу. Излучая энергию, он был способен прихватить с собой на широкой спине словно пианино защитника, одновременно забивая движением руки новый гол. Преграждать путь рвущемуся к воротам Халлу было все равно что становиться на рельсах перед товарным составом – столь же небезопасно, да и напрасно.

Наконец отыграв пятнадцать лет и забив 604 гола, человек, некогда признававшийся: «Я просто люблю забивать голы. Ради этого я и играю в хоккей... ради того, чтобы забивать», решил, что с него довольно. Прежний огонь в его ногах давно превратился в тупую боль, и, устав от битв за контракты с «Блэк Хоукс», Халл решил собрать свои хоккейные клюшки и отправиться домой.

Тем не менее на пути в отставку с Халлом произошел забавный факт. Во всяком случае, он казался забавным с точки зрения давно укрепившейся Национальной хоккейной лиги. Им стало образование лиги-соперницы, Всемирной хоккейной ассоциации, каковая идея расцвела полным цветом в голове Гэри Дэвидсона, уже даровавшего миру подобия Американской баскетбольной ассоциации и Мировой футбольной лиги. Однако ВХА быстро утерло коллективный нос общей физиономии НХЛ, предложив Халлу контракт на 2 миллиона 750 тысяч долларов, полагаясь на его репутацию, умение забивать и неиссякающую силу.

И «Золотая ракета» обменял свои золотые таланты на мешок с золотом, сменив черно-красный свитер «Блэк Хоукс» на должность играющего тренера только что созданного в ВХА клуба из Виннипега, уместным образом названного «Джетс» – «Ракеты». Новая перемена сценария пошла на пользу Халлу, который бросал, щелкал и переправлял шайбу в ворота, насав туда еще 508 этих округлых предметов и сделавшись вторым по общей результативности игроком в истории хоккея.

Покинув хоккейную площадку после двадцати двух лет пребывания на ней, сточив клюшку бесчисленными бросками, Бобби Халл оставил о себе прочную память как об одной из хоккейных сверхзвезд – как один из наиболее грозных снайперов, мастеров броска и просто как колоритная личность, одним своим присутствием на поле привлекавшая зрителей на трибуны. И место его – среди сильнейших спортсменов всех времен.

ДЖУЛИУС ИРВИНГ

(родился в 1950 г.)

Это случилось, и случилось на чрезвычайном военном совете, именуемом играми «Всех Звезд» НБА и АБА на втором – и последнем – из этих маленьких междусобойчиков всем известной и почтенной Национальной баскетбольной ассоциации и тощей самозванки, Американской баскетбольной ассоциации, проведенном в нью-йоркском Колизее Нассау ради блага нью-йоркских журналистов. И самих звезд, воспользовавшихся этим поводом, чтобы еще раз показать себя лицом, а не качать права.

Но никто не блеснул там талантом в большей мере, чем нью-йоркский игрок Джулиус Ирвинг, известный знатокам и ценителям игры под именем «Доктор Дж.». Захваченный высоким порывом, Ирвинг в тот вечер поверг и прессу, и зрителей в полное оцепенение своими воздушными полетами. Он то взмывал в воздух, словно воздушный шар, чтобы подхватить отскочивший мяч, то летел за мячом по площадке, словно бы не прикасаясь к паркету ногами, – и везде и повсюду ошеломлял своими прыжками.

Один из таких моментов лег в основу легенды о «Докторе Дж.». Этот волшебный момент произошел, когда Ирвинг подхватил мяч после неудачного броска Конни Хоукинса, провел его вдоль всей площадки – как говорят, от лицевой линии до лицевой линии, устремился к корзине, взмыл над землей и через голову Хоукинса, обладателя права собственности на подобные броски, движением массивной ладони послал мяч в корзину, прежде чем покориться наконец гравитации. Он не обыграл визави, он воспарил над ним. И все, кто видел это мгновение, замерли от восторга.

К этому времени Ирвинг летал над паркетом уже несколько лет, используя площадку не столько в качестве игровой, сколько в качестве стартовой. Худо было только то, что таланты его все это время оставались скрытыми, сперва в Университете штата Массачусетс, а потом под красно-бело-синей емкой корзиной под названием АБА.

Молодой Джулиус, тогда называвшийся младшим, начал свою карьеру в высшей школе Рузвельта в Хэмпстедде на Лонг-Айленде, где невзирая на свои способности, он играл немного до старшего курса. Этот худощавый нападающий ростом в 192 см составлял, можно сказать, всю команду Лонг-Айленда. Не слишком высоко оцененный, он выбрал Университет штата Массачусетс, потому что, как сказал он сам, «я намеревался развиваться атлетически, и мне было необходимо время для этого». И он действительно развивался, не только прибавив за время обучения в колледже три с половиной дюйма роста, но и набирая в среднем 26 очков и 20 подборов за игру.

Кроме того, в Массачусетском университете он приобрел еще и прозвище. Ярлык навесил одноклассник Ирвинга, некто Леон Сондерс. Похоже, что Сондерс, не обладая баскетбольным талантом Ирвинга, был наделен особым дарованием – любовью к спорам и препирательствам. Во время тренировочных игр, проводившихся без судей, Сондерс замечал фолы, называл их, немедленно вступая в спор, чтобы доказать свою правоту. Обычно словесная победа оставалась на его стороне. «Я звал его "Профессором", – вспоминал Ирвинг многие годы спустя, – потому что он всегда рвался в спор. В свой черед он называл меня "Доктором Дж.". Мы вместе ходили в колледж, и он звал меня так и в аудиториях и в общежитии. Прозвище прилипло».

Ирвингу это имя понравилось настолько, что на второй год своего пребывания в Массачусетском университете он прихватил его с собой на знаменитый «Турнир Рюккер» в Гарлеме. Когда размашистые, как у ветряной мельницы, движения рук и отрицающие всякую гравитацию парения уже смутили публику и комментатор уже был готов назвать его кем угодно – начиная от «Гудини» и кончая «чернокожим Моисеем», Ирвинг подошел к нему и негромко проговорил: «У меня уже есть прозвище... Зовите меня "Доктором"». И с того самого мгновения он стал «Доктором», а иногда и «Доктором Дж.».

Но на «Рюккер-турнире» произошло не только это. Все эти умопомрачительные подвиги привлекли внимание не только комментатора, но и деятелей новой профессиональной лиги, Американской баскетбольной ассоциации, которая предложила ему четырехлетний контракт на сумму 500000 долларов в составе команды «Вирджиния

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Сквайрс».

И два сезона, играя перед редкими болельщиками и еще более редкими журналистами, Ирвинг приносил свои дарования в жертву на алтаре анонимности. Наконец «Сквайры» потонули в море красных чернил [36 – Красными чернилами в бухгалтерских книгах отмечаются убытки (Прим. ред.)], которое не заставил бы расступиться и сам Моисей, и команде, чтобы выжить, пришлось продать своего ведущего игрока – и самого меткого снайпера лиги – в «Нью-Йорк Нетс».

И с этого мгновения он засиял, как и положено афроамериканской звезде, блистая артистизмом, вполне заслуживавшим внимания нью-йоркских журналистов, тщетно рывшихся в словарях в поисках подходящих для него эпитетов. Теперь спортсмен, известный под именем «Доктора Дж.», творил свои чудеса, обманывая зрение публики своими полетами, облик его начал приобретать эпические пропорции, к которым вполне подходили слова «волшебный» и «захватывающий дух».

А потом, после третьего сезона, проведенного им в составе «Нетс», НБА и АБА завершили свой спор и баскетбольную войну, а НБА приняла четыре команды АБА в свою лигу на сезон 1976/77 года. Многие полагали, что причиной внезапного примирения стали не эти четыре команды, а один человек: Джулиус Ирвинг.

Но еще до того как «Нетс», одна из четырех команд, взятых в НБА, сыграла свою первую игру в новой компании, Джулиус Ирвинг ушел из нее в результате пересмотра контракта.

Генеральный менеджер «Филадельфии 76» Пат Вильямс вспомнил о том, как он услышал об освободившемся Ирвинге и позвонил владельцу «Шестых». «У меня великие новости, – сказал он. – У нас есть шанс получить Джулиуса Ирвинга». – «Отлично, – ответил владелец. – Но кто такой этот Джулиус Ирвинг?» Вильямс, никогда не ограничивавшийся строчными буквами, когда можно было использовать заглавные, пояснил: «Это Бейб Рат баскетбола, вот так».

И в известном смысле так оно и было. Джулиус Ирвинг во всем был таким же актером, каким был Рат, толпы народа сходились, чтобы посмотреть на его представления, надеясь оказаться зрителями его театра, надеясь увидеть, как он сотворит что-нибудь удивительное, создаст тот незабываемый момент, который они смогут навсегда занести в книги своих воспоминаний.

Ирвинг не разочаровывал, превращая каждую игру в представление, а иногда и в высокую драму. Постоянно открывая окошко физической невероятности, он то и дело ухитрялся на какой-то короткий момент отменить Закон Ньютона, чтобы совершить очередную прогулку по небу; или же, полагая, что всякий фокус заслуживает хорошего продолжения, он умел прервать свой полет в высшей точке, как если бы попал в воздушную яму и отклонился от задуманного маршрута; или пронестись по всей площадке, словно бы поддерживаемый какой-то неземной силой. Глядя на него, ты всегда видел в нем инстинктивного художника, способного влететь следом за тобой во вращающуюся дверь и вылететь из нее первым.

Одиннадцать сезонов «Доктор Дж.» творил свои зажигательные чудеса перед сотнями тысяч болельщиков, не знавших, что человек способен летать, пока не увидели это собственными глазами. И когда он наконец вышел в отставку – после сезона 1989 года, третьим игроком по результативности в истории баскетбола и с имиджем самого вдохновенного игрока своего поколения – сильный человек с низким баритоном и многозначительной манерой выражаться, только он мог описать свой игровой стиль такими словами: «Летать легко, надо только уметь это делать».

О. Дж. СИМПСОН

(родился в 1947 г.)

Орентал Джеймс Симпсон – имя которого экономящие на заголовках журналисты сократили до короткого О-Джи, обладал стилем столь же уникальным, как и стиль всякого прочего гения-творца, вне зависимости от того, где он нашел свое воплощение – на бумаге или на спортивной площадке. И стиль этот, красноречивый и элегантный, давался ему, казалось, безо всяких осознанных усилий. А воплощался он в могучих рывках, менявших свое направление почти моментально, обманывая тем

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru самым противостоявшим ему защитников. Или в текучих пробежках, когда он метался по полю как заяц, словно бы разведывая пути для торопливо отступавших соперников. И даже в манере смачно атаковать противостоявшую ему шеренгу так, как наносил бы удар Демпси. Но какую бы форму ни приобретали его способности, на всякой пробежке О-Джи как бы было написано видишь меня, попробуй останови.

Свою карьеру Орентал Джеймс начал без особых церемоний в сан-францисской средней школе «Галилей» – в качестве 180-сантиметрового и 73-килограммового таклера [37 – Таклер – игрок, отбирающий мяч. (Прим. ред.)], передвигавшегося на столь тоненьких ножках – результат детской схватки с рахитом, что их называли «карандашами». На старшем курсе этот прогрессирующий талант уже входил в сборную города в качестве бегающего защитника. Однако если по успехам на гридироне (футбольном поле) его можно было считать чистым золотом, за партой он был очень далек от подобных высот, и ни один из четырехлетних колледжей не хотел – да и не мог – принять на себя такую обузу. Поэтому, оставшись за дверями всех крупных колледжей, Симпсон поступил в городской колледж Сан-Франциско, где уже на первом году добился ошеломляющих учебных успехов, совершив 26 заносов и имея в среднем 9,9 ярда за пробежку.

Теперь Симпсон захотел перейти в Университет Южной Калифорнии и заняться вплотную рекордами бывшего обладателя «Приза Хисмана» [38 – Приз Хисмана – приз, ежегодно вручаемый лучшему игроку университетского футбола. (Прим. перев.)] Майка Гаретта. К несчастью, этот университет не испытывал к Симпсону никакого ответного чувства – так полагала приемная комиссия этого учебного заведения. Во всяком случае до того, как он обзаведется более вескими рекомендациями. И в итоге, отвергнув предложения, сделанные университетами Аризона, Фресно и Юты, Симпсон вернулся в городской колледж, где в том году совершил 28 заносов.

Ну а потом, располагая приглашениями уже от Университета Калифорнии и Университета Южной Калифорнии, буквально за несколько дней до начала весеннего семестра 1967 года Симпсон наконец предпочел Калифорнии Калифорнию Южную, поскольку, как сказал он одному репортеру: «Именно этого я на самом деле и хотел».

Парень, которого теперь называли О-Джи, пришел в УЮК не для того, чтобы стать звездой, он уже был ею. Но при всем этом у него было мало времени, чтобы блеснуть – во всяком случае на футбольном поле. Ибо Симпсон пропустил большую часть предсезонной футбольной подготовки, занявшись состязаниями во втором своем любимом деле, легкой атлетике, где он пробежал сто ярдов за 9,4 секунды и помог команде УЮК установить мировой рекорд в эстафете на 440 ярдов.

А осенью О-Джи продолжил свой рекордный бег за Южную Калифорнию, на сей раз с мячом, а не эстафетной палочкой в руках. И с самого первого его выступления в футболе, давшем 15-ярдовую пробежку и пас в матче против Вашингтонского университета, до двух заносов в матче за «Розовую Чашу» 1968 года, легенда об О-Джи продолжала крепнуть.

Но хотя блестящие пробежки превращались в его призвание, та, которую он совершил на первом году в форме «Троянцев», наилучшим образом определяет гения О-Джи, характеризуя его как величайшего университетского раннера после Реда Гренджа. Она произошла вполне уместным образом в игре против соседа и соперника по Тихоокеанской прибрежной конференции, команды УКЛА, в которой решалось, кто станет чемпионом и отправится за «Розовой Чашей», если не упоминать и про мифический титул чемпиона страны. Перед 90772 болельщиками и национальной телеаудиторией, при счете 20:14 в пользу УКЛА, О-Джи принял мяч на своей 36-ярдовой линии и одним шагом проскочил в дыру мимо левого таклера. А потом движением, которое стоило бы поместить в музей современного искусства, резко повернул назад через боковые линии, на середине полета вновь повернул обратно, еще раз вильнул поперек поля, оставив позади себя хвост из таклеров УКЛА, которые вдруг застыли на месте, словно лишившиеся ветра парусники, провозжая глазами исчезающего за горизонтом игрока под номером 32. Один из журналистов сопроводил этот подвиг следующим комментарием: «Пережитый нами восторг останется в памяти людей, пока будет жив хотя бы один человек, видевший эту пробежку».

Она принесла УЮК не только победу со счетом 21:20, но и победу в первенстве конференции и национальном чемпионате. Если бы существовало всеобщее голосование, оно принесло бы О-Джи и «Приз Хисмана». Однако присуждающие этот трофей специалисты по неразумию своему, процитировав какого-то из подобных себе

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru мудрецов, решили, что О-Джи, будучи юниором, «способен проделать это и на следующий год», пренебрегли его талантами и достижениями, отдав предпочтение Гэри Бебану из УКЛА, установившему в тот год три рекорда.

На следующий год Симпсон проявил себя еще более выдающимся образом. Действуя в качестве чистильщика в игровых порядках УЮК, надежный Симпсон переносил мяч тридцать-сорок раз за игру. «А почему бы и нет? – брюзжал его тренер Джон Макки. – Он еще не член профсоюза. К тому же и мяч-то не очень тяжел». И в самом деле, ничто не могло отяготить Симпсона, и этот троянский ломовой конь таскал мяч сквозь ряды таклеров над и под ними, набрав рекордные для НКАА 1709 ярдов и 23 заноса. На сей раз выборщики Хисмана сумели признать то, что всяк уже знал и без них: то, что О-Джи Симпсон являлся величайшим университетским игроком в стране. Ну а для того чтобы возместить ему моральный ущерб, голосование признало его лучшим игроком десятилетия в студенческом футболе.

Осененный на поле нимбом спортивной святости, О-Джи окончил колледж как признанное профессиональными скаутами второе пришествие Гейла Сейерса и Джима Брауна в одном лице. Когда его личные характеристики обработали и вставили в компьютер, назначив свое число каждому из качеств: быстрота рефлексов, умственная бодрость, крепость, умение блокировать, защищаться, принимать пасы, скорость, личный характер и умение оценивать ситуацию – рейтинг его оказался равным 0,5, показателю, еще ни разу не достигавшемуся молодым, находящимся на драфте игроком. Поэтому не стоит удивляться что шедший первым в драфте клуб «Буффало Биллс», профессиональный футбольный клуб, обремененный спортивными горестями и нищей, выбрал О-Джи, воспользовавшись преимуществом своего положения.

Однако невзирая на то, что игра «Биллов» была настолько лишена блеска, что тысячи поклонников команды являли свое сочувствие к ней пустыми местами на стадионе, несмотря даже на то, что они только что заключили с О-Джи самый прибыльный для новичка контракт в истории профессионального футбола, первые три года своего пребывания в «Буффало» Симпсон просто исполнял обязанности полевого игрока, поскольку старший тренер команды Джон Раух самым невероятным образом строил свою атаку – какой бы она ни была – на игре в пас.

Но и выступая за команду, по словам журналиста Пита Акстельма, «ленивую, лишенную лидера, а также уверенности и дарования», Симпсон продолжал устраивать в рядовых играх отнюдь не рядовые представления. Его вольный стиль и почти инстинктивный гений вернул болельщиков сначала на обветшавший стадион Военного мемориала, а потом на новый «Рич-Стадион», самым уместным образом получивший прозвание «дом, который построил О-Джи».

Наконец после всего лишь восьмой победы «Биллов» за три года, при том, что О-Джи переносил мяч четырнадцать раз за игру, владелец команды Ральф Уилсон решил, что с него довольно. Он уволил Рауха, поставив на его место Лу Сабана, чтобы тот приготовил куриный салат из куриного помета, который тогда представляли собой «Биллы». Во время первого года своего пребывания у руля в 1972-м, Сабан обращался к услугам Симпсона в два раза чаще, чем в первые три года его пребывания в команде, и О-Джи отреагировал соответствующим образом, став первым в лиге по пробежкам с 1251 ярдом.

Сезон 1973 года полностью принадлежал О-Джи. Это был один из величайших годов в истории профессионального футбола, а может и всего спорта. На первой неделе он открыл сезон рекордным 250-ярдовым показателем. Его результаты возрастали от игры к игре: 103 ярда, 123, 171, 166, 55, 157, 79, 99, 120, 124, 137 и 219. Наконец после тринадцатой игры он отставал всего лишь на шестьдесят ярдов от принадлежавшего Джиму Брауну рекорда сезона, и все должно было решиться в последней игре сезона с «Нью-Йорк Джетс». Хотя термометр был весьма невысокого мнения о погоде и снежные хлопья кружили над стадионом, Симпсон носился, прыгал и отрывался, заработав 34 переноса и 200 ярдов, побив рекорд Брауна на 140 ярдов.

После игры была устроена пресс-конференция, чтобы нью-йоркские журналисты могли оценить О-Джи и его уникальное достижение. Но даже и те из пишущей публики, кто привык ценить каждое обращенное к ним любезное слово спортсменов как нищий последний пятак, не были готовы к тому, что произошло потом. Дело в том, что безнадежно вежливый Симпсон, прекрасно понимавший, что его достижение добыто не только его собственными руками, привел с собой всю линию нападения своей

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru команды, представив ее прессе как «тех, кто сделал это возможным». И поступком своим Симпсон поставил в тот день также рекорд НФЛ по вдумчивости и самоотверженности.

Симпсон выступал еще шесть лет, заработав за это время 6055 ярдов. А в 1979 году он занялся новым делом в индустрии развлечений и телевидения, завоевав новые миллионы болельщиков в качестве человека, жонглировавшего чемоданами в аэропортах с той же легкостью, как некогда таклерами на гридироне.

Однако пребывание в качестве национальной иконы есть процесс непродолжительный, подверженный внезапному прекращению. Так случилось в июне 1994-го, когда легенда об О-Джи с размаху наткнулась на потрясающий, даже немислимый факт, возлюбленная публикой суперзвезда была обвинена в убийстве жены. И ход процесса над О-Джи снял всю полировку и внешний блеск с теперь открывшейся для всех его личной жизни. Лирическая поэзия гридирона уступила место трагичным стихам подлинной жизни.

РЕЙФЕР ДЖОНСОН

(родился в 1935 г.)

Для многих главным символом Олимпийских игр является олимпийский огонь, существующий в мистической и мифической традиции, восходящей к временам, предшествующим точке отсчета, определившей начало всей европейской, а значит и американской цивилизаций, дате Рождества Христова и уходящей во тьму веков, когда в Древней Греции Олимпийские игры проводились в честь главы богов – Зевса. В современные времена этот символ, воплощающий в себе неразрывную связь между играми античности и наших дней, переносится от храма Зевса эстафетой бегунов, которых бывает до трех тысяч, каждый из которых зажигает один магниевый факел от другого, а потом последний воспламеняет огромную чашу, где пламя горит все время происходящего раз в четыре года спортивного мероприятия.

Но никто и никогда не проносил олимпийский факел с большим достоинством и гордостью, чем сделал это Рейфер Льюис Джонсон, завершавший эстафету факелоносцев в 1984 году на играх в Лос-Анджелесе. Джонсон, рассматривавший этот последний этап в качестве «одиннадцатого вида десятиборья», получил факел на беговой дорожке из рук Джинны Хемфилл, внучки олимпийского титана Джесси Оуэнса, а потом поднялся на самый верх лос-анджелесского Колизея. «Все было похоже на картину, и солнце превращало своими лучами в произведение искусства все происходящее», – вспоминал Рейфер о том, как бегом поднимался вверх с горящим факелом над головой. Оказавшись на самом вершине, он неторопливо повернулся, отсалютовал факелом толпе, прежде чем воспламенить газовую струю, вознесшую огонь к олимпийским кольцам, к олимпийскому факелу, установленному над стадионом.

Вернемся к Олимпийским играм 1960 года, где Рейфер Джонсон впервые доказал миру свое упорство, одержав трудную победу, должно быть, в самом упорном сражении из всех, что состоялись в десятиборье за всю олимпийскую историю. Ну а повесть о Рейфере Джонсоне – есть рассказ о борце, способном превзойти себя самого в пылу соревнования.

Конечно, эта сага началась не в 1960 году, а примерно за пятнадцать лет до того, когда семейство Джонсонов перебралось из Хиллсборо, Техас, в Кингсбург, Калифорния, и поселилась в железнодорожном вагоне возле консервного завода. Юный Рейфер посещал расположенную неподалеку Кингсбургскую среднюю школу, где он зарекомендовал себя всесторонним атлетом, набиравшим в среднем 9 ярдов за перенос мяча в качестве футбольного хавбека, имевшим более 0,400 в бейсболе и 17 очков за игру в баскетболе. Но еще лучших результатов он добивался на легкоатлетической дорожке.

Во время обучения на младшем курсе в Кингсбурге тренер Рейфера по легкой атлетике свозил шестнадцатилетнего парня за двадцать пять миль в город Туларе, чтобы посмотреть в деле правившего в ту пору олимпийского чемпиона по десятиборью Боба Матиаса. Молодой Рейфер был в восхищении. «Однако на пути назад меня осенило: я смог бы опередить большинство из парней, участвовавших во встрече. Тогда-то я и решил стать десятиборцем».

Семя попало на подходящую почву, и этот парень, теперь уже 190 с гаком сантиметров ростом и весом 90 кг, стальной брус с поперечным сечением 35 дюймов в талии и 46 дюймов в груди, обратил все свое внимание на десятиборье. И на свои собственные внушительные дарования, среди которых числилось немало необходимых для успеха в decatлоне. Он оттачивал их так хорошо, что выиграл первенство штата – два раза – и добился приглашения в УКЛА.

В возрасте девятнадцати лет, участвуя в Национальном первенстве ААЮ, так сказать по дороге к факелу, он побил мировой рекорд Матиаса. А когда Джонсон добыл золотую медаль Панамериканских игр 1955 года, все сочли его преемником Матиаса и фаворитом в борьбе за чемпионский титул Олимпийских игр 1956 года в Мельбурне. Однако повреждение колена и надрыв мышц живота не позволили Рейферу в должной мере проявить себя в Австралии, и он финишировал вторым за партнером по команде Милтом Кемпбеллом.

За четыре года, разделявшие Олимпийские игры в Мельбурне и Риме, Джонсон, русский спортсмен Василий Кузнецов и тайванец Чуань Куань Янг занялись книгой рекордов, переписывая ее каждый в свою пользу. Первым в мае 1958 года установил мировой рекорд Кузнецов. Потом Джонсон подтвердил свой мировой класс, победив с мировым рекордом 8302:7892 Кузнецова в том же году. В 1959 году Джонсон пострадал в автомобильной аварии, выведшей его из строя на весь сезон. Воспользовавшись отсутствием конкурента, Кузнецов вернул себе мировой рекорд. Проявив сверхъестественные способности к заживлению ран, Джонсон в 1960 году вновь вышел на тропу легкоатлетической войны, победив в первенстве ААЮ, одновременно являвшимся отборочным соревнованием перед Олимпийскими играми, с мировым рекордом в 8683 очка. На этих соревнованиях Янг также превысил мировое достижение Кузнецова.

Такая вот картина складывалась перед Олимпийскими играми 1960 года в Риме, сулившими настоящее представление, в котором главные роли должны были сыграть Джонсон, его партнер по команде УКЛА Янг и Кузнецов.

Однако до начала соревнований произошла любопытная сценка, иллюстрировавшая их личные – и международные – взаимоотношения. Когда все трое разминались перед предстоящими соревнованиями в десятиборье, Кузнецов подошел к Джонсону и попросил его сфотографироваться с ним. «Конечно, – не отказался Рейфер, – ты, я и Янг». Подобное предложение ставило в затруднительное положение Кузнецова, чья страна не признавала государство Тайвань. Но Джонсон настаивал на своем. И Кузнецову пришлось сдаться. Повернувшись к Янгу, он ухмыльнулся и сказал: «Хорошо, но помни, мы с тобой незнакомы». Так они и снялись – три друга и три лучших десятиборца мира, а миротворец Рейфер оказался посередине. Один из смотревших на них тренеров заметил: «Ну, Рейфер способен сделать все, о чем его попросят». Что тот и доказал в самое ближайшее время.

Утомительные двухдневные соревнования десятиборцев начались в 9 часов утра в понедельник, за два дня до закрытия игр. Уже после завершения трех видов, бега на сто метров, прыжка в длину и толкания ядра, прямо посреди четвертого вида, прыжков в высоту, густые облака, скопившиеся над «Стадио Олимпико», пролили свою ношу. Как написал Джон Кирнан: «Марк Юний Плювиус, он же Потоп, не дождавшись жертвенного ягненка, обрушил всю свою ярость на спортсменов». Словом, разверзлись хляби небесные, и Олимпийский стадион превратился в огромный бассейн, затопивший и поле, и дорожки, смыв стартовые колодки. Сверкала молния, грохотал гром, по «Стадио Олимпико» можно было плавать на корабле, и соревнования приостановили. Наконец после восьмидесятиминутного перерыва десятиборцы вновь приступили к прыжкам и закончили свои состязания уже в 11 часов вечера, проведя четырнадцать часов на стадионе. После пяти видов Джонсон опережал Янга на самую малость, всего 55 очков: 4647 против 4592.

Соревнования возобновились десять часов спустя, в 9 утра, с забега на 110 метров с барьерами, одного из коронных видов Джонсона. Однако уже утомленный Джонсон свалил первый из барьеров и добрался до финиша через 15,3 секунды, что значительно уступало его лучшему времени, 13,9 секунды, в то время как Янг показал время 14,6. Но суммы очков росли, словно внешняя задолженность страны, и Джонсон скомпенсировал свои утраты в беге с барьерами личным достижением в прыжках с шестом, 4,14 метра, а потом метнул копье дальше Янга.

После девяти видов, перед последним, Янг опережал Джонсона во всех шести беговых

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru и прыжковых видах. Но Джонсон, прежде всего являвшийся метателем, настолько доминировал в трех видах метания, что опередил его на 67 очков. Теперь остался последним забег, на 1500 метров, самое суровое из выпадавших когда-либо на долю Джонсона испытаний. Все это заставило его выразиться следующим образом: «Десятиборье – вообще вещь нелепая, но 1500 метров – это чистое безумие».

Обратившись к арифметике, Джонсон вычислил, что располагает в последнем, стайерском для десятиборца, забеге запасом в десять секунд. Это означало, что для того чтобы стать чемпионом Олимпиады, Джонсон, чье лучшее время на 1500 м составляло 4:54,2 и было показано на Олимпийских играх 1956 года, должен был на десять секунд опередить Янга, имевшего личный рекорд в 4.36,0. Посему он выработал план, точный и короткий, как телеграмма: «...держаться рядом с Янгом... и не отпускать его от себя».

И в сырой прохладе римского вечера оба усталых соперника начали свою последнюю схватку за золото, где Янг лидировал и Джонсон повторял каждый его шаг, держась в двух ярдах позади, буквально вцепившись в него как пострадавший при кораблекрушении в какую-нибудь деревяшку. Соперничая со временем и друг с другом, оба спортсмена бежали шаг в шаг, их разделяло расстояние не большее, чем между ладошками внука, которому любимая бабушка доверяла держать моток пряжи. Трибуны сперва удивлялись тактике Джонсона, потом оценили ее и одобрительно загудели. Однако Джонсон, уставившийся задумчивым рыбьим взором в затылок Янга, не слышал ничего. В его голове стучал только метроном, отмерявший шаги – его самого и Янга. Тайванец усилием воли попытался оторваться, но не сумел, так как Джонсон словно не знающая жалости тень преследовал соперника, напрягая все свои силы.

Когда начался последний круг, Янг вновь предпринял еще одну, отчаянную попытку уйти от соперника и добиться необходимого отрыва. Но Джонсон, полагаясь на крепость собственных ног, не отставал. Потом, на последнем вираже, Янг попробовал предпринять финишный бросок, но Джонсон, вкладывавший в бег все свои силы, угрюмо держался позади, так и не отпустив Янга больше, чем на четыре-пять ярдов. Обоих уже шатало, последние силы спортсменов таяли на пути к медалям. Уже у самой финишной прямой Янг бросил отчаянный взгляд через плечо, но Джонсон маячил совсем рядом, измученный, он тем не менее так и не отстал. Не отстал он и на финише, проиграв Янгу какую-то долю секунды и показав свой лучший результат в беге на 1500 метров.

И Джонсон, и Янг превысили олимпийский рекорд Милта Кемпбелла, но в итоге золотая медаль досталась Рейферу, вырвавшемуся вперед на 58 очков, 8392:8334.

Потом Джонсон сидел в раздевалке, роняя едва слышные от утомления слова: «Я думал на дистанции только одно: что это последний забег во всей моей жизни. Я так стремился к этой победе, чтобы еще раз пройти через это». И один из величайших атлетов всех времен ушел непобежденным.

Рейфера Джонсона будут вспоминать как одного из величайших олимпийцев. Бывший десятиборец и тренер Университета Айовы Боб Лоусон от лица многих сказал: «На мой взгляд, по своей одаренности и духу бойца Рейфер был одним из величайших спортсменов в мире». Дух его и воспламенил тот факел, который он пронес двадцать четыре года спустя.

КАРИМ АБДУЛ-ДЖАББАР

(родился в 1947 г.)

Фердинанд Льюис Алсиндор был благословен ростом. Появившийся на свет 57-сантиметровым младенцем, юный Лью рос... рос... и рос, так что в шестилетнем возрасте он возвышался над своими однолетками-первоклашками более чем на фут. В первый день занятий учитель, заметив на задней парте длинный силуэт, воскликнул, перекрывая неизбежный в такой ситуации шум: «Эй, там, ты тоже садись!» На что мальчик негромким голосом, ставшим впоследствии его неотъемлемой чертой, ответил: «Но я уже и так сижу».

Вырастая как кедр – таким же высоким и стройным, юный Алсиндор скоро начал превосходить высоты, ранее доступные только для прыжковой планки и воздушных

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru шаров. К десяти годам он уже поднялся до шести футов (185 см); в двенадцать прибавил к ним еще три дюйма (7,6 см); а к тому времени, когда он созрел для средней школы, голова его уже оказалась в том разреженном озоновом слое стратосферы, который начинается на отметке в семь футов – плюс или минус дюйм или пару дюймов.

Прежде выделявшийся длиной тела – в родильном доме, а потом ростом в классе, Алсиндор приобрел дополнительное отличие: умение играть в баскетбол. Однако умение это не пришло к нему само собой. Дело в том, что молодой Лью, по собственному признанию, был «неуклюжим мальчишкой». И чтобы справиться со своей неуклюжестью, он занялся спортом: поднятием тяжестей, прыжками через веревку, теннисом, легкой атлетикой и конечно же баскетболом, где Лью постепенно научился, воспользуемся сказанными им словами, «делать то, что не по силам другим».

Рос Алсиндор, росла и его репутация. И выросла она до того, что заслужила восхищение трех нью-йоркских городских средних школ. После некоторой подковерной борьбы между тремя родственными школами Алсиндор наконец отдал свое предпочтение «Пауэр Мемориал Академии», где и началась, возможно, самая сказочная карьера во всей истории школьного спорта.

Теперь легенда о нем росла быстрее, чем этот человек-команда, набравший 2067 очков, сделавший 2002 подбора и приведший «Пауэр» к рекордному результату – 95 победам против 5 поражений и трем титулам чемпионов Нью-Йорка. И в этом процессе на него обратили внимание едва ли не все существующие на свете скауты университетов, буквально по очереди уговаривавшие его предпочесть именно их учебное заведение. Тренер Джон Донахью и отец Лью отсеяли лишних, сузив список потенциальных кандидатов до четырех: далекого-далекого УКЛА, далекого же, но все-таки более близкого Мичигана и уже совсем близких университетов св. Иоанна и города Нью-Йорк.

Наконец, взвесив аргументы всех четверых (и удостоившись посещения знаменитых выпускников – Джеки Робинсона и Ральфа Банча, УКЛА), молодой Алсиндор решил перервать связывавшую его с Восточным побережьем пуповину и обратить свои стопы к «берегу левому», сулившему широкие открытые пространства и свободу, а также возможность играть у тренера Джона Вудена.

Алсиндор прибыл в университет с полным набором собственных инструментов и проявил себя во всей красе с первого появления на площадке, где возглавлявшаяся им команда новичков победила с разрывом в 15 очков университетских «Мишек», кстати говоря, чемпионов НКАА. Начиналась Эра Лью Алсиндора.

Он дебютировал в команде университета 3 декабря 1966 года, сотворив при этом то, чего мог обоснованно бояться тренер соперника: довел противостоящую команду до состояния полной беспомощности, забрасывая мячи со смешной легкостью и беспечным изяществом. Когда подсчитали итоги, оказалось, что Алсиндор забросил с игры 23 из 32 результативных бросков своей команды – большую часть из прыжка с разворотом, добавив для красоты 10 из 14 штрафных бросков, подобрал 21 отскок и кроме того навязал свою волю соперникам – соседям по городу, команде Университета Южной Калифорнии.

Тренер Вуден, глядя на своего колосса, только покачивал головой: «Игрока, который справился бы с ним в одиночку, не существует». Потом Вуден признался: «Иногда он даже пугает меня». Команды соперников отчаянно старались сдержать его, проявляя при этом крайнюю изобретательность. Вашингтонский тренер выпускал на площадку своих резервистов с теннисными ракетками в руках, чтобы таким образом симитировать поднятые руки Алсиндора. И каков был результат? В игре с «Кугуарами» Алсиндор блокировал несколько бросков вашингтонцев и набрал 61 очко. Прочие прибегали к другим методикам: «Южная Калифорния» – к блокировке, «Пардью» – к плавающей защите. Но результат всегда оставался неизменным, и Алсиндор привел команду, составленную из четырех первокурсников и одного юниора, к идеальному и рекордному результату 30:0, чистым победам без единого поражения и победе над Дейтоном в финале НКАА с отрывом в 15 очков.

Тренеры других команд вторили Вудену. Джонни Ди из «Нотр Дам» сделал следующее предположение: «Победить Алсиндора можно одним-единственным способом – на чужой площадке, с помощью дружелюбно настроенных судей, после его удаления за фолы». Стив Белко из Орегона самым едким образом предполагал «опустить корзину до пяти

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru футов, чтобы у всех были равные шансы». А Марв Харшмен из Вашингтонского государственного университета сказал о своем мучителе так: «Он способен удерживать тебя на расстоянии одной рукой, переправляя при этом одновременно мяч в корзину другой». А потом, подняв свои руки в воздух, он спросил: «Как по-вашему, чем можно остановить его?»

Члены комитета по правилам игры вняли стенаниям Белко, Харшмена и прочих и после первого года, проведенного Алсиндором в студенческом баскетболе, ввели соответствующие изменения в правила.

Однако при всем своем старании комитет по правилам просто не мог ограничить все способы, которыми Алсиндор доминировал на площадке – бросок, подбор или просто присутствие. Дело в том, что рост мешал осознать истинные масштабы его дарования. Он был слишком рослым, слишком проворным, слишком быстрым и чересчур метким для того, чтобы какие-то там изменения в правилах могли сказаться на его даровании. Алсиндор сочетал в себе гибкость Элджина Бейлора, рост Уилта Чемберлена, изысканность Джерри Веста и внушительность Билла Рассела. Смешаем их вместе и получим этого гения-переростка – по документам 2 м 15 см, но, по слухам, много выше, вплоть до 2 м 25 см, – который в среднем набирал 29 очков за игру и делал 15,5 подбора за нее же уже в свой первый год обучения. Точность его попаданий с опоры достигала удивительной цифры в 66,7 процента, рекордного показателя для крупного колледжа.

Следующие два сезона оказались похожими на предыдущий в такой мере, что все показатели их можно было бы кавычить в столбце, так как Алсиндор и его команда УКЛА буквально съели своих соперников, за два года добившись 29 побед при 1 поражении и победив в чемпионатах студенческой ассоциации. Два единственных поражения в этих во всем прочем победных турнирах они потерпели, уступив в 1968 году в начале сезона со счетом 69:71 команде Хьюстона и ее «Большому Э.», Элвину Хейесу, а потом проиграв «Южной Калифорнии» и ее превосходно отлаженной команде в 1969 году. Однако игру с Хьюстоном можно пометить звездочкой, поскольку она происходила через неделю после того, как Алсиндор получил травму глаз, явно сказавшуюся на его меткости, если вспомнить о четырнадцати промахах из восемнадцати при бросках с опоры. Впрочем, Хьюстону и Хейесу пришлось еще раз встретиться с УКЛА и Алсиндором в ходе сезона 1968 года. Это произошло в полуфиналах первенства НКАА, где Алсиндор более чем отомстил, позволив Хейесу набрать всего 10 очков, а «Мишки» вздули Хьюстон со счетом 101:69.

Набрав в сумме 2325 очков за свою трехгодичную студенческую карьеру при в среднем 26,4 очка и 15,5 подбора за игру и проценте попаданий, равном 63,9, величайший игрок в истории студенческого баскетбола оказался свободным. И новоиспеченные «Милуоки Бакс», выиграв броском монеты право на драфт Алсиндора у «Финикс Санс», вознаградили его уже другой монетой, заключив пятилетний контракт на сумму, превышающую 1 миллион 400 тысяч долларов.

Было бы приятно сказать, что профессиональная карьера Алсиндора процветала с самого первого дня, проведенного им на площадке. Однако получилось совсем по-другому. Центровые соперников, вместо того чтобы приветствовать пополнение своих рядов с распростертыми объятиями, встречали его тычками стиснутых кулаков, острых локтей и прочих средоточий силы. Наконец, утомившись под грудой жерновов и от объявлений в «неагрессивности», Алсиндор сменил свой прежде вежливый и безупречно корректный стиль на нечто более задиристое. Через несколько месяцев на счету его появилась одна раздробленная челюсть, один нокаут и одно прерванное нападение.

Поведение его вне площадки также претерпело свои изменения. Всегда считавший себя «в той или иной степени мистически настроенным», он казался тем не менее стальным оплотом, защищенным от всех эмоций. Оберегая собственное уединение, свой личный простор и пространство, он всегда умел отстраниться от происходившего вокруг с холодной отрешенностью мистика – или джазмена, каким был его отец. И вот, имея «многое на уме», он оставил свое уединение, чтобы выразить себя. Пресса и публика, не зная, как следует реагировать на подобное изменение личности, называли его «норовистым» или даже похуже.

С ним произошла и другая перемена: он изменил имя. Перейдя в мусульманство, он отказался от своего христианского имени и сделался Каримом Абдул-Джаббаром, «Щедрым и Самым Могучим», что означают в переводе соответственно Карим и Абдул-Джаббар. И в краю, гордящемся общей одинаковостью и конформизмом, пресса и

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru публика не знали, как воспринять новую переменную, и клеймили его революционером, даже поджигателем.

Впрочем, в нем оставалось и нечто постоянное: он продолжал быть победителем. Уже в своем первом сезоне в НБА он превратил «Оленей» из обитателей подвала турнирной таблицы в соискателя высших наград, пополнив собственную статистику 28,8 очка и 14,5 подбора за игру, что в тот год было соответственно вторым и третьим результатом в лиге. В 1971 году, в ходе второго сезона, он возвратился на вершину баскетбольной горы, возглавив список снайперов лиги и вытаскив «Оленей» в чемпионы НБА.

Примерно в это же самое время он внес еще два элемента в свою баскетбольную биографию. Во-первых, он надел пару громадных очков, чтобы защитить свои глаза от пальцев соперников. (Последующий переход к выбритой под ноль голове вместе с очками придал ему действительно неземной облик.)

Другим новым элементом стал так называемый небесный крюк, движение, посылавшее мяч по идеальной дуге под облака, а оттуда прямо в корзину вдалеке от способных помешать его движению человеческих рук. Абдул-Джаббар описывал этот бросок в терминах высшей математики: «простая тригонометрия... три угла треугольника образуют твои глаза, мяч и корзина». Однако это патентованное движение и вознесло его к труднодостижимым вершинам истинной славы, сперва в Милуоки, а потом в Лос-Анджелесе, где наш герой сделался наиболее значительным игроком в истории профессионального баскетбола, его лидером по результативности во все времена и самым долгим представлением, известным анналам этого вида спорта.

Но и это представление завершилось по истечении двадцати лет. Но до этого Карим Абдул-Джаббар в возрасте тридцати восьми лет привел «Лейкерс» к званию чемпионов НБА 1985 года и выиграл звание самого ценного игрока финалов – через четырнадцать лет после того, как он завоевал это звание в первый раз под именем Лью Алсиндора.

Карим Абдул-Джаббар, он же Лью Алсиндор, заполнил многие страницы в книге рекордов.

ГЕЙЛ СЭЙЕРС

(родился в 1943 г.)

Гейл Сэйерс был своего рода футбольной версией игрока в «три карты»: ты его то видишь, то нет. Ни один из бегунов, кроме разве что Реда Грейнджа, не обладал такой подвижностью. Сэйерс то исчезал, то снова возникал на поле, ускользая от растопыренных рук защитников; он выписывал на гридироне гигантские зигзаги, носясь и петляя по полю, словно заяц, уносящий ноги от собак – с такой же головокружительной скоростью и узкоспециализированным интеллектом.

Сэйерс впервые выставил свой стиль напоказ в университете Канзаса, где за три года своей студенческой карьеры он пробежал 2675 ярдов, при 6,5 за перенос, выдав, в том числе немыслимые 7,1 ярда за перенос на самом младшем курсе. Такие успехи обеспечили ему два попадания в сборную страны. Кроме футбола, Сэйерс участвовал в легкоатлетических соревнованиях: бегал на сто ярдов, участвовал в барьерном беге и прыгал на 8 метров в длину.

Джордж Халас, одним из первых заметивший гений Реда Грейнджа, игравшего за «Медведей» сорок лет назад, теперь попытался закупорить эту молнию в свою бутылку, выбрав Сэйерса в первом раунде драфта НФЛ 1965 года.

Сэйерс стал звездой едва ли не с первого мгновения своего появления на поле. Самозабвенно бегая, принимая и отдавая мяч, отпуская ему хорошего пинка ногой, этот зеленый новичок набрал 2272 ярда, или в среднем 9,8 ярда на каждое попадание к нему мяча. Его движения не только заставляли защитников врасплох, они заставляли этих людей говорить о нем. Среди тех, кто часто тянул к нему руки с приятным самозабвением клерка, ожидающего недельную зарплату, числился и Джордж Доннелли, защитник команды Сан-Франциско. Качая головой, он вспоминал: «Вот бежит Гейл на тебя, вроде такой же, как все, а протянешь руки – и нет его».

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Халас, увидевший их всех, вторил Доннелли: «Он как будто отражает дневной свет. Обычный бек, заметив дырку, попытается пробуровать свой путь сквозь нее. Но Гейл, даже если дырка не совсем свободна, инстинктивно направляется в нужную сторону, причем делает это так быстро и уверенно, что защитники словно примерзают к своему месту».

Однако днем, когда он доказал свою истинную силу, стала предпоследняя игра его первого сезона, прошедшая 12 декабря 1965 года, против «49-х». В тот день стояла типичная для зимнего Чикаго погода, вязкий дождь сыпал с неба мелкой пылью. Дождь был таков, что Халас, полагавший, что погода более подходит для водоплавающих птиц, чем для спортсменов, приказал своему специалисту по обмундированию заменить нормальные резиновые шипы на обуви на нейлоновые и более длинные – на четверть дюйма, чтобы игроки не скользили по полю. Что было тому причиной – шипы, Сэйерс или и то и другое сразу, сказать невозможно. Нет сомнений в другом – в том, что отголоски этого мгновения еще гуляют по долгим футбольным коридорам. То, что Сэйерс проделывал в тот день, представляя собой молнию посреди дождя, была серия из шести заносов, равная рекорду НФЛ в одной игре. Сами заносы происходили самым различным образом: один после 80-ярдового паса, четыре – с пробежек в 1, 7, 21, и 48 ярдов и один после 85-ярдового удара с рук. Общий пробег при этом составил 336 ярдов, кроме того, он поставил рекорд сезона по заносам для новичка – 22.

Следующие два сезона Сэйерс продолжал тревожить защиту противников, разбрасывая их по всему полю. А потом в девятой игре сезона 1968-го, когда Сэйерс уже был на пути к блеску славы, случился тот жуткий момент, которого боится любой игрок, и мгновение это завершило для Гейла сезон, едва не закончив всю его карьеру. Прицелившись в блокировщиков Сэйерса, Кермит Александер, игрок «49-х», промахнулся и попал в Сэйерса. Тот упал на землю с разрывом сухожилия и двух связок на правом колене.

Простой смертный после такого события навсегда повесил бы на крючок свои шиповки. Но Гейл Сэйерс чудесным образом вернулся на гридирон в 1969 году и второй раз возглавил список лиги по пробежкам. Однако порыв его начал ослабевать уже в 1970 году, и к 1971-му можно было считать, что колени его уже превратились в подобие швейцарского сыра.

Увы, день его продлился всего только семь лет. Но какой это был день! Ред Смит, поэт-лауреат тех дней, сформулировал свою мысль точнее прочих: «Дни его во главе игры были недолги, но те чары, что чувствовались в Сэйерсе, до сих пор выделяют его среди всех бегающих защитников профессионального футбола. Он не был грубияном подобно Джимми Брауну, но он мог прорезать защиту словно нагретый нож кусок масла, а когда он принимал пас и мчался вперед, не было во всей игре ничего более волнующего».

СТЭН МУЗИАЛ

(родился в 1920 г.)

Если взять одну часть штопора, две части плотницкой рулетки и добавить щепотку того, что питчер из Зала славы Тед Лайонз назвал «взглядом мальчишки, выглядывающего из-за угла», вы получите определение позы Стэна Музиала при бэттинге, более подходящей акробату или гимнасту.

Похожий скорее на каприз природы, Музиал владел своей битой как спичкой. Енос Слотер впервые как следует разглядел его на встрече с «Кардиналами» в конце сезона 1941 года и выразил свое впечатление следующими словами: «По-моему, никто и не догадывается о том, каким великим хиттером он станет, именно из-за той странной позы, которую он принимает при бэттинге».

Однако эта «странная поза при бэттинге» была в той же мере безопасна, как сочетание порохового склада со спичечной фабрикой. Бакки Уолтерс, ведущий питчер Национальной лиги в 1939 и 1940 годах, вспоминал свою первую встречу с Музиалом: «Он вышел на место бэттера этой своей забавной походочкой – помните ее? Я сказал себе, ну что ж, приступим. Сейчас все станет ясно. Я направил мяч с внутренней стороны. И скажу, что летел он крепко и точно. Но от биты Стэна мяч с визгом полетел вдоль правой крайней линии поля. Ей-богу, в тот раз он смозолил мячу

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
спинку».

Через семь лет – и по прошествии 1200 обжигающих ударов – тот же самый Бакки Уолтерс, теперь ставший тренером «Красных», наблюдал за тем, как его ас Юэлл «Хлыст» Блэквелл старательно метал мяч в Музиала. Блэквелл швырнул мяч под третий удар Музиала. К несчастью, он бросил его и мимо кетчера Дикси Хоуэла, позволив Музиалу проделать весь положенный путь после удара навывлет. В канаве «Красных» Уолтерс с проклятиями швырнул кепку на землю и среди прочего простонал. «Но хорош, подлец. Настолько хорош, что приходится радоваться, если он отдаст тебе две базы».

Однако путь Музиала к величию оказался куда более окольным, чем маршрут от базы на вторую позицию. Попав в «Сент-Луисские Кардиналы» в возрасте восемнадцати лет в качестве леворукого питчера, Музиал начал свою карьеру в команде «Вильямсон Ред Бердс» в классе «Д» Горной лиги в 1938 году, где в двадцати играх он одолел шесть команд с рекордным показателем питча 0,500. На следующий год вновь выступавший за «Вильямсон» Музиал стартовал двенадцать раз, улучшив свою разницу побед и поражений до рекордного показателя 9:2. Однако Гаррисон Виккель, тренер «Вильямсонов», увидел в Музиале кое-что, выходящее за пределы несомненно крепнувшего дарования питчера, и начал использовать его как пинч-хиттера. В сезоне 1940 года Музиал, оставаясь в рамках знаменитой системы фармклубов «Кардиналов», перебрался в Дейтон-Бич – в лигу Флориды, где исполнял двойной комплект обязанностей, выступая аутфилдером между стартами питча. И однажды в один распрекрасный день находившийся во внешнем поле Музиал, потянувшийся за мячом с пылом младенца, лезущего под рождественскую елку за подарками, споткнулся и рухнул прямо на плечо.

По всем правилам и законам – и вопреки желанию Музиала – погубленное плечо означало верный конец карьеры. Но в этот самый момент в дело вмешалась удача в лице менеджера Дикки Керра – того самого Дикки Керра, который выиграл две игры за «Белые Носки» в печальной памяти мировой серии 1919 года – удача, потрепавшая Музиала по больному плечу. В тот самый момент, когда все уже решили, что Музиал вместе со своей травмированной рукой никак уже не годится в спортивные звезды, Керр переиначил будущее Музиала, сделав его постоянным аутфилдером. Музиал отплатил Керру за доверие, набрав в бэттинге 0,311. На следующий год, после просмотра «Кардиналами» в тренировочном лагере младшей лиги, Музиал был вновь на сезон приговорен к пребыванию во втором классе – в составе «Спрингфилда» из Западной ассоциации. В восьмидесяти семи играх он набрал 132 удара, 26 пробежек на базу и 94 RBI и был переведен в «Рочестер Ред Вингз» из Международной лиги, где он продолжил свои успехи в бэттинге, набрав 0,326 за пятьдесят четыре игры.

А теперь, дорогой читатель, перепрыгнем вместе в Национальную лигу, где сошлись в упорной схватке «Бруклин Доджерс» и «Сент-Луис Кардиналс». Едва «Кардиналы» успевали вырваться вперед хотя бы на «гулькин нос», непременно с ними происходило какое-либо несчастье: то третий бейзмен Джимми Браун ломает себе нос, то аутфилдер Терри Мур получит по голове, то аутфилдер Енос Слотер упадет и ломает себе ключицу.

Когда достаточное число игроков «Кардиналов» оказалось прикованным к дому и теплой постели, а игр никто и не думал отменять, генеральный менеджер «Кардиналов» Брэнч Рикки начал составлять список лиц, которых можно было извлечь «из кустов», чтобы заполнить вакантные места в команде. На сей раз, вместо того чтобы обратиться к обычным в подобных случаях подозреваемым из Рочестера, Колумбуса и всех населенных пунктов к северу, востоку, югу и западу, Рикки призвал в ряды «Кардиналов» троих лучших игроков младшей лиги последнего месяца сезона 1941 года: Эрва Дусака, Уитни Куровски и героя нашего повествования – Стэна Музиала.

Но на сей раз Рикки опоздал. Он ждал слишком долго, и у Музиала уже не было времени на то, чтобы раздуть погасающий факел «Кардиналов» до того, как «Доджерс» захлопнут дверь. Впрочем, он старался, о чем свидетельствуют 27 ударов при 47 выходах к бите, которые нанес этот двадцатиоднолетний парень со странной походкой при среднем показателе 0,426. «Кардиналы» в последнее воскресенье играли сдвоенный матч против «Чикагских Щенков». В тот день этот новичок всего два раза великолепно поймал мяч, вывел игрока соперника из игры, забил два одиночных и два двойных, украл базу и совершил победную пробежку. Но все это было только в первой игре. Во второй он продолжал веселиться подобным образом, вновь дважды самым великолепным образом поймав мяч, в том числе однажды в

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru роскошном акробатическом прыжке, и добавив еще два одиночных к своему, так сказать, ударному дню. Передают, что после матча Джимми Уилсон, менеджер «Щенков», недовольно бурчал: «Таких игроков не бывает».

Но он уже существовал. И последний месяц 1941 года стал всего лишь увертюрой к начавшейся опере. В 1942 году он начал свое дело с той самой точки, в которой оставил его, и к концу первого года имел 147 ударов и 0,315 на бэттинге. Превратившись при этом, по собственным словам, из «безрукого левши-питчера младшей лиги в боевого аутфилдера старшей».

В 1943 году Музиал возглавил списки Национальной лиги по ударам, двойным, тройным и в среднем бэттинге, равном 0,357, завоевал звание самого ценного игрока. После легкого отдыха в 1944 году, «всего» 0,347, и года на флоте он вновь возвратился на площадку в 1946 году, чтобы стать первым в Национальной лиге по бэттингу, так же как и почти по всем прочим параметрам нападения. И впоследствии его игровые достижения практически оставались на одном и том же уровне.

Бейсбольные археологи никак не могут установить точную дату этого события, но именно в тот период Музиал получил свое прозвище «Мужика» или «Мужика Стэна». Похоже, что Музиалу всегда были особенно любезны дружественные очертания благоволившего к нему Бруклинского поля, протянувшегося на 297 футов от базы, поскольку с питчерами «Доджеров» он расправлялся весьма круто, имея против них на бэттинге более 0,500 два года подряд. В это самое время один из соперников, с трепетом – и ужасом – увидевший, как Музиал вновь приближается, со стоном выпалил: «Опять он, опять этот мужик...» В ложе прессы этот стон услышали, и, начиная с этого дня, Музиал сделался «Мужиком Стэном».

Оставшуюся часть своей карьеры этот «Мужик» отвешивал удары полными кошелками и ко времени ухода на покой, к концу сезона 1963 года, нагреб их уже 3630, показав второй результат в истории бейсбола. Прочих же его достижений хватит, чтобы заполнить телефонную книгу Манхэттена. Уоррен Шпан, один из тех, кто встречался с ним на поле лицом к лицу – пусть и против своей воли – сказал о Музиале в связи с окончанием его спортивной карьеры: «1964 год станет не таким, какими были все те годы, которые я провел в Национальной лиге. Стэн Музиал больше не выйдет на поле. Когда Музиал принимал мяч, твоим инфилдерам следовало быть настороже». Как, впрочем, и питчерам, которых выносили с площадки пачками.

После его ухода из спорта благодарные граждане Сент-Луиса воздвигли памятник своему герою – человеку с номером 6 на спине, стоящему в позе, которой не описать словами, доказывая личным примером, что время не властно ни над людьми, ни над монументами. А Стэн «Мужик» был и тем и другим.

АРНОЛЬД ПАЛМЕР

(родился в 1929 г.)

Телевидение, сей волшебный фонарь, который в 50-е годы перенесло в страну чудес больше народу, чем могло даже присниться джинну, приятелю Аладдина, обратило в 1960 году свое внимание на спорт. В том самом году ТВ «открыло» для себя Олимпийские игры и Си-Би-Эс заплатила аж 50000 долларов за право показа зимних Олимпийских игр 1960 года из Скво-Вэлли и еще 660000 долларов за показ летних Олимпийских игр в Риме. В том же самом году Эй-Би-Си получила права на трансляцию футбольных матчей НКАА и приобрела права на показ игр новой Американской футбольной лиги. В том же самом году телевидение открыло для себя и гольф, пригласив самую новую звезду этого вида спорта Арнольда Палмера в наши гостиные. Знакомство оказалось приятным.

Но так было не всегда. Еще в 1955-м, когда зашла речь о трансляциях гольфа, Том Галлери, тогдашний глава спортивной редакции НБС, заявил: «Гольф нельзя считать зрелищным видом спорта». Однако зрители, разогретые в годы Эйзенхауэра посвященными гольфу передовицами газет, видели в этом только отговорку. И вдруг гольф оказался на экранах различных каналов, перед взорами миллионов.

Ушли те дни, когда гольфист мог на восемнадцатой лунке посмотреть на оператора и вперемежку с проклятиями процедить: «Если ты еще раз покажешь, как я кладу мяч в

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru лунку, то получишь клюшкой в зубы». Или в какое-нибудь другое анатомическое отверстие. Гольферы теперь сумели подавить свою всегдашнюю неприязнь к камерам и операторам, нарушив похоронное молчание соревнований по гольфу, когда любой звук – будь то чих или стрекот камеры – рассматривался как потенциальная помеха в игре. Теперь они внимали только голосу денег, и чем он громче, тем лучше.

Но потребовались обаяние и харизма Палмера, чтобы превратить гольф в телешоу. Он был истинным удальцом, отважным, бойким и полнокровным, наделенным на все 100 процентов американской физиономией под лохматой шевелюрой, рисовавшим своими клюшками воздушные замки на небе и бросавшим вызов судьбе. Подвигам Палмера внимало огромное, топавшее, вопившее и клубившееся вокруг него человеческое стадо, создававшее фон, образовывавшее армию поклонников Арни, представлявшую собой зрелище не менее любопытное, чем сама игра. Это годилось для телевидения.

Палмер впервые объявился в гольфе в 1954 году, когда он выиграл любительское первенство США. На следующий год он сделался профессионалом и к 1957-му стал пятым по заработку в гольфе. В первенстве «Мастерс» 1958 года он финишировал первым, опередив конкурентов на один удар, а потом целый час ликовал по поводу победы. Потом защищавший свое звание чемпион Дуг Форд не сумел догнать его и помог самому молодому из победителей «Мастерс» надеть на себя новый зеленый пиджак. Палмеровская легенда начинала приобретать очертания.

Все началось в 1960 году на турнире «Мастерс». Кен Вентури уже закончил выступления с отрывом в удар и примерял в клубном здании традиционный зеленый пиджак. Но Палмер еще был на лужайке, пытаясь как паровоз. Добравшись до семнадцатой зеленой, Палмер прицелился в лунку, находившуюся примерно в двадцати семи футах от него, и нанес уверенный удар. Мяч следовал всем выпуклостям и вогнутостям зеленой полосы – всем ее наклонам, уклонам и возвышениям – и птичкой нырнул в лунку. Только что сформированная армия Арни встретила это выдающееся деяние ревом тысячи грузовиков, грохочущих по деревянному мосту.

Равенство на 420-ярдовой восемнадцатой сулило переигровку. Палмер решил пойти дальше. После хорошего удара он попал в шестое железо, мяч отскочил и остановился в пяти футах от штыря, в пяти футах от новой птички, в пяти футах от победы. Палмер постоял над ним долю секунды, а потом, осмотрев зеленую полосу, еще раз затянувшись сигаретой и подтянув кверху брюки, уверенно поразил лунку. Армия почитателей разразилась шумными воплями и аплодисментами, которые, наверное, слышали и на небе. Их герой победил.

Бобби Джонс, написавший книгу о гольфе, охарактеризовал Палмера следующим образом: «Если бы мне нужно было положить мяч в лунку, чтобы выиграть титул, то я предпочел бы, чтобы за меня это сделал Арнольд Палмер и никто другой. За всю свою спортивную жизнь я не видел человека, который поражал бы важные лунки столь же уверенно, как это делал Палмер».

Но Джонс – и весь мир гольфа – еще не видели настоящего гольфа. Летом, в одном из самых памятных соревнований в истории гольфа, Палмер показал нечто невиданное. Оказавшись в финальном круге Открытого первенства США, Палмер отстал от лидера на семь ударов, «он участвовал в борьбе за первенство», писал один из репортеров, «не более чем продавец сосисок». Стоя в палатке перед последним выходом на площадку, Палмер спросил у другого репортера: «А что случится, если я ударю на 65?» Писака, подобно всем прочим уже рассматривавший Палмера как некий призрак, только покачал головой и ответил: «Ничего. Тебе уже ничто не поможет!»

Не желая уступать даже непререкаемым фактам, Палмер вышел, чтобы заставить покориться своей воле саму площадку на Черри-Хилл. Пустив в дело весь свой арсенал, Палмер отправил шесть птичек в первые семь лунок и продвинулся на 30 на девяти внешних, доказывая свою конкурентоспособность.

Ощущая новые силы, Арни приступил к девяти задним лункам, а его сторонники приветствовали каждый замах боевым армейским кличем: «Вперед!» Один из очевидцев знаменательного события вспоминал: «Он уже на шестнадцатой, и для ничьей ему нужна птичка. Но вместо того чтобы надежно сыграть по зеленой, он промахивается мимо лунки и уже проигрывает при равенстве. Что ж, он переходит к шестнадцатой и вновь оказывается на том же самом месте. И черт меня побери, если он не делает это тем же ударом. Но на сей раз он загоняет мяч в лунку и выигрывает матч».

В тот день Палмеру снова удалось «затолкать зубную пасту обратно в тюбик», он

Берт Рэндолф шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru набрал 65 и победные 280 очков, заодно превратив дефицит из семи ударов в плюс шесть.

Легенда о Палмере была создана. Ни один из гольферов, выступавших до и после него, не привлекал в такой мере внимание общества при личных контактах и на телеэкране, как этот человек, который, по мнению «Спортс Иллюстрэйтед», «сочетал в себе отвагу и наглость грабителя с бесстрашной уверенностью в себе гимнаста, выступающего под куполом цирка. Он не играет в гольф, он завоевывает площадку».

ХЭНК ААРОН

(родился в 1934 г.)

Копошась в груди воспоминаний, оставляемых нам спортом, мы сочтем немногие моменты достойными долгой памяти. Но есть среди них один. Время в нем разделилось и слилось воедино одновременно, когда книга рекордов и 23-дюймовый волшебный фонарь в нашем доме зафиксировали факт: Хэнк Аарон только что превысил самый уважаемый рекорд бейсбола – 714 пробежек вокруг базы, совершенные Бейбом Ратом.

Великое событие произошло в 9.07 вечера 8 апреля 1974 года, когда Аарон послал пущенный Элом Даунингом мяч через забор в первом розыгрыше транслировавшегося на всю страну матча. На табло загорелись шестифутовые цифры нового магического числа «715», а 53775 болельщиков дружно – и буйно – вскочили на ноги, комментатор же Эй-Би-Си Курт Гоуди пояснил недотепам: «Он сделал это! Сделал!» Так закончился долгий подъем Аарона на бейсбольный Эверест, рекорд, продержавшийся тридцать девять лет после 714-й пробежки Бейба Рата, последней в его карьере. Обстоятельство подчеркивал лишь тот факт, что побивший рекорд через тридцать девять лет после его установления Аарон был ровно на тридцать девять лет моложе Рата.

Однако первые годы, проведенные Хэнком Аароном в профессиональном бейсболе, хотя и позволяли надеяться на великие успехи, едва ли позволяли угадать в нем того игрока, чья карьера будет щедро отмечена результативными пробежками. Стартовав в восемнадцать лет шортстоппером в команде «Оклер», выступавшей в Северной лиге в 1952 году, Аарон набил 0,336 при 32 ударах за базу, но только 9 из них были результативными. На следующий год, уже в Джексонвилле, он возглавил список лиги по бэттингу при 22 результативных пробежках, показав результат неплохой, но едва ли достойный хранителя традиций Рата.

Перейдя в 1954 году в команду «Милуоки Брейвз», год назад покинувшую Бостон, Аарон очутился в восходящей команде. Инфилдеры «Брейвз» являли собой в равных частях сочетание таланта и молодости – Эдди Мэтьюз, Джонни Логан, Дэнни О'Коннелл и Джо Эдкок прекрасно соответствовали своим местам на поле. Спасибо, других нам не надо. Не получив места внутри поля, Аарон переместился в аутфилд, заменив травмированного Бобби Томпсона. Дебют Аарона оказался далеко не броским. Скорее его следовало бы назвать неудачным. «Типичный дебют новичка, – так вспоминал о нем сам Аарон. – 0:4 или 0:5, уже не помню, сколько именно». К концу своего первого года он имел 131 удар при среднем показателе бэттинга 0,280 и 13 пробежек, составивших первую ложку во всем бочонке.

На второй год он имел уже 0,314, а его экономный и ровный замах дал ему 27 пробежек. На следующий год пробежек стало 26 при лучшем показателе в лиге по бэттингу – 0,328. На четвертый год он поднялся на вершину, отмерив 44 пробежки – лучший результат в лиге, в точности соответствовавший номеру на его свитере. Это был первый из четырех раз, когда он наберет ровно 44 пробежки в сезоне, трижды став при этом лидером лиги.

Бейсбол неторопливо «открывал для себя» Хэнка Аарона, посылавшего мяч за мячом с территории стадиона графства Милуоки – не по плавной параболе под облака и обратно, как это делал Рат, но прямыми навесными ударами. И за следующие восемь лет сладкоречивая бита Аарона сделала его самым результативным хиттером в Национальной лиге.

А потом, в 1966 году, «Брейвз» снова пришлось перебираться с места на место, и со всем своим скарбом команда переехала в Атланту. Событие это как бы оставило в

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru тени тот факт, что теперь Аарону пришлось играть на стадионе Атланты, обладающем куда более привлекательной стенкой в левом поле, которая скоро приобрела название «Переулок Пробежек». Теперь Аарон, имевший 398 пробежек после тринадцати лет выступлений, стал добиваться дома результатов лучших, чем на выезде. Репутация Аарона крепла, и Курт Симмонс сказал о нем: «Пустить мяч мимо Аарона – это все равно что заставить петуха пропустить зарю». Рос и его результат.

Не достигая таких высот, как 50 пробежек за сезон, которые способны привлечь к себе внимание и публики и прессы, Аарон втихую гнал за рекордом Рата. А в ходе сего процесса поставил еще ряд специфических бейсбольных рекордов.

Ничуть не смущаясь тем шумом, который начал мало-помалу возникать вокруг его атаки на самый легендарный рекорд бейсбола, Аарон продолжал свое дело самым невозмутимым образом – 44 здесь, 38 там, еще 47 там, а вот и 34, а потом 40 здесь.

Наконец добравшись до сезона 1974 года, Аарон оказался на пороге рекорда, имея 713 пробежек. Преследуя Рата, он достиг рекордного числа 714 в матче открытия, играя против Джека Биллингхэма из Цинциннати, а потом первым же взмахом своей биты весом в 34 3/4 унции отправил посланный Элом Даунингом мяч через забор стадиона Атланты. Был четвертый день недели четвертого месяца 1974 года, и сорокачетырёхлетний номер 44 в четвертом бэттинге совершил рекордную пробежку.

Хэнк Аарон теперь не только числится первым номером в «Энциклопедии бейсбола», он стал первым номером самой игры как самый результативный бейсболист.

ДЖИММИ КОННОРС

(родился в 1952 г.)

Во дни оны светская игра в теннис представляла собой развлечение для благородных, тогда на площадке правили изысканные манеры, и слова «отличный удар!» сопровождали всякий сколько-нибудь сносный полет мяча. Это было время, когда сама игра значила много больше, чем победа. В 1940 году в финале форест-Хиллз Дон Макнейл победил Бобби Риггса в пяти сетах, сдавая противнику очки, когда, по его мнению, у Риггса просто не шла игра.

Мир спортивных манер и этикета с тех пор утратил свою невинность, и теперь в нем властвует лозунг «победа любой ценой» – если не считать тех немногих, кто еще помнит заветы праотца Адама и не поддался уговорам торговца яблоками. Точную дату того мгновения, когда хорошие манеры вышли из моды, установить трудно, однако начала были заложены году этак в 1947-м, когда Стивен Поттер опубликовал небольшой трактат под заглавием «Теория и практика игр, или Искусство победить в Игре не плутуя». Среди многих банальных принципов, касающихся ведения игры и методики достижения победы, там числился и такой: «Заставьте вашего соперника ощущать, что что-то не так, пусть и не очень». Еще один гласил: «Полагайтесь на общее правило следующего содержания: букет всегда лучше, чем вкус. И наоборот».

Возможно, лучшим мастером этой самой науки побеждать был Джимми Коннорс, уличный боец от тенниса, выработавший свой собственный кодекс, в котором основополагающими были правила собственного удобства, а не хорошего тона.

Послужной список Коннора на корте достаточно просторен и написан крупными буквами. Вот он, голубок, невозмутимый и горделивый, обменивается репликами с публикой. Вот, явно не страдая избытком любезности, кривится как молокосос, переевший зеленых яблок, и что-то бурчит. А вот, прыгая на месте как Румпельштилцкин[39 – Злой гном, персонаж народных сказок. (Прим. перев.)], направляет поток едких слов в сторону какого-нибудь там бедолаги, которому выпала участь судьи на линии.

Эти громкие слова и неотесанные манеры предназначались для того, чтобы приносить ему победы на корте, однако друзей подобное поведение принести едва ли могло, и большинство представителей теннисного мира видели в Коннорсе персону, достойную осуждения. К их числу принадлежал Том Оккер, называвший его ребенком. Обычно любезный Род Лейвер посмеивался, утверждая, что Коннорс «наверно, считает себя

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru шедевром мироздания, уступающим только напитку "Север-ап"; а Стэн Смит высказал свое недовольство следующим образом: «Он делает такие вещи, которые раздражают многих людей».

Но если Коннорс и был смесью хама и игрока, то доминировал все-таки игрок, и его прямолинейная манера контрастировала со всеми подковерными нарушениями конвенций – с его «представлениями о поведении игрока», как выразился Артур Эш. Обладая прямым форхендом и двумя вариантами бэкхенда, нанося удары без лишних телодвижений, Коннорс играл, по его собственным словам, «более компактно», чем его соперники.

У него было еще одно ценное качество: безграничный запас энергии. Эш, описывавший его игру, подвел итог следующим образом: «Коннорс, безусловно, наделен духом бойца. Он будет охотиться, выкладываясь до предела». Играя в такой манере, стройный как борзая и наделенный волчьей хваткой, Коннорс настигал мяч резким, карающим ударом или же просто летел к нему, не касаясь ногами земли, вытаскивая явно неберущиеся удары; или устремлялся к сетке, приняв подачу соперника, пресекая все их ответные удары; или же просто вводил соперников в состояние оцепенения своими быстрыми и сильными ударами. «Играть с ним, это все равно, что драться с Джо Фрезером, – сказал телекомментатор Дик Стоктон. – Этот парень всегда нападает. Он никогда не расслабляется».

Коннорс усвоил свои тигриные качества еще у колен своей матери и бабушки, ее матери. В буквальном смысле этих слов. Познакомившись с игрой в возрасте аж двух с лишком лет, когда управляться с ракеткой еще сложно, мелкий еще Джимми принял игру «как часть самого себя», вспоминала его мать Глория Томпсон Коннорс, прежде выступавшая на корте и считавшаяся тринадцатой в стране среди юниоров. И именно она вбила в него некоторые качества, которые сделали его таким упрямым, не знающим пределов допустимого бойцом. «Когда он был маленьким, если мне надо было сделать попытку, я так и поступала, чего бы мне это ни стоило», – вспоминала она. А потом еще приговаривала: «Видишь, Джимми, даже твоя мать обязана сыграть так».

Потом Коннорс вспоминал: «У нас на заднем дворе был тренировочный корт, и я всегда играл с кем-нибудь из них. Они всегда ездили со мной на турниры, а потом, когда я ходил в старшую школу, заезжали за мной после школы, чтобы отвезти на тренировку».

Когда Джимми исполнилось шестнадцать, его мать поняла, что достигла своего предела, и принялась искать в округе человека, способного вывести ее дитя на следующий уровень. Случилось так, что она обратилась к услугам своего старого знакомого Панчо Сегура, закаленного в турнирах ветерана, преподававшего в теннисном клубе «Бeverли-Хиллз», и уговорила его взять Джимми на обучение.

На Правом берегу – и повсюду – давно считали, что в Лос-Анджелес стоит ехать лишь затем, чтобы отточить свой бэкхенд. Именно это и сделал Джимми, и Сегура, являясь одним из первых игроков, использовавших хватку двумя руками при бэкхенде, внес еще одно важное измерение в неровную, но подавляющую своей мощью игру молодого человека: патентованный бэкхенд, настолько сочный и привлекательный, что удар этот вызывал у некоторых кулинарные ассоциации.

Джимми остался на Левом берегу, чтобы посещать колледж. Однако после первого курса, победив в первенстве NCAA среди одиночников, он решил, что может добиться большего, оставил колледж и ступил на мощенную золотыми кирпичами дорогу.

Он поступил к Рику Риордану, учредителю тура, который сказал ему так: «Если ты хочешь стать вторым в одной из групп мирового теннисного чемпионата, то не станешь никем. Но если ты стремишься стать самым известным теннисистом мира, иди со мной». Джимми стал профессионалом в 1972 году и выиграл два своих первых турнира. Под руководством Риордана Коннорс закончил свой первый год с семьюдесятью пятью победами, заняв первое место среди американских мужчин-профессионалов и заработав 90000 долларов. Это – второй показатель по призовым.

На следующий год он победил в чемпионате США среди профессионалов и поделил первое место в рейтинге американской теннисной ассоциации со Стэном Смитом в результате опроса, который откровенный Риордан назвал «аморальным и неэтичным обманом».

В 1974-м, показав «лучший теннис в своей жизни», Коннорс стал в одиночестве на вершине рейтинга. В том году он выиграл три из четырех турниров, составляющих так называемый «Большой шлем» тенниса, – победив в открытом первенстве Австралии, на Уимблдоне и в Форест-Хиллз. Однако он был лишен возможности присоединиться к Дону Баджу и Роду Лейверу, единственным одиночникам, выигрывавшим «Большой шлем», так как Международная теннисная федерация запретила ему участвовать в четвертом Открытом первенстве Франции, потому что он играл в мировой теннисной сборной. Это было всего лишь начало его долгой схватки с «истеблишментом», которому Коннорсу чаще всего приходилось показывать словесный кукиш. Однако при всех сражениях на корте и вне его к концу года оказалось, что свой фирменный победный жест, удар в воздух стиснутым кулаком, он произвел 99 раз в 103 сыгранных матчах. И он начал искать новые вершины.

И вершинами этими стали матчи, проводившиеся по схеме «Пусть победитель возьмет все» и имевшие успех во многом благодаря умелому планированию Билла Риордана. После того как Коннорс разделался с Кеном Розуоллом в финале 1974 года в Форест-Хиллз со счетом 6:1, 6:1, 6:4, он, по слухам, завопил: «А теперь подать мне сюда Лейвера». Однако, если верить журналисту Майку Лупице, дело обстояло не совсем так. Лупица, вовремя оказавшийся рядом, слышал весь разговор и утверждает, что когда Коннорс покинул корт, Риордан подошел к нему и сказал: «Молодой человек, когда ты пойдешь на пресс-конференцию, кто-нибудь спросит у тебя, что будет теперь, после того как ты выиграл Уимблдон и Открытое первенство США». Опять-таки по свидетельству Лупицы, Коннорс, наклонил голову набок и недоверчивым тоном спросил: «Откуда вы знаете?» – «Поверь мне, – ответил Риордан. – Кто-нибудь да спросит. А когда ты услышишь этот вопрос, ты ответишь: "дайте мне Лейвера". А я позабочусь обо всем остальном». Так родилось одно из самых величайших в истории тенниса цирковых представлений под названием «Все достается победителю», которое при более близком рассмотрении превратилось в «Победитель получит больше». Тем не менее этот матч принес Коннорсу еще 100000 долларов и укрепил его акции самого сильного теннисиста мира.

Но быстрее вперед, дорогой читатель. Перейдем от 1974 года, когда лохматый, розовощекий и развязный юнец выигрывал все подряд, к году 1991-му, когда и его имидж, и игра успели поблекнуть, и Коннорс, еще не готовый расстаться со своей карьерой, упрятать ее в нафталин и лаванду, вновь вышел на центральный корт Форест-Хиллз в возрасте тридцати девяти лет, уже полноправным членом поколения «Джеритол» [40 – витаминные таблетки. (Прим. перев.)]. Не являющийся уже «скверным парнем» тенниса – титул этот перешел к Джону Макинрою – он превратился в простого старину «Джимбо». И болельщики, привлеченные скорее его репутацией, чем его идущим на спад мастерством, вновь повалили на трибуны, чтобы увидеть его, – прямо как голуби, кругами спускающиеся к Вестсайдскому теннисному клубу во внесезонье.

Коннорс более чем оправдал их ожидания, вновь пустив в ход так называемое «колесо Джимми». Обнаружив, что, являясь номером 936 в компьютерном рейтинге, он тем не менее остается номером 1 в сердцах болельщиков, Коннорс возродил в своем сердце дух борьбы и приступил к битве. Поровну смешивая жесткие смэши и холодный расчет, он наперекор всему пробился в полуфинал. На один славный миг он вновь сделался старым великим «Джимбо».

Некоторые действительно так считали. Но были и такие, кто помнил Джимми Коннорса в дни расцвета, когда движения его были легки, как перышко, и жестки, как железный прут, и они были готовы поклясться, что он сделал это «на боевом духе», умением пользоваться которым Коннорс владел лучше любого теннисиста. И кстати лучше любого другого спортсмена.

ЛУ ГЕРИГ

(1903–1941)

Повесть о Лу Гериге заставляет нас предполагать, что жизнь в равных частях состоит из улыбок, удовлетворения и пыхтения – притом последнее явно преобладает.

Повесть эта запечатлена в документах, книгах рекордов и на киноплёнке и

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru рассказывает она об атлете, который закатал рукава, поплевал на ладони и взялся за работу – так, как положено честному труженику, отдавая делу всего себя и все свое время – до последнего мгновения. И так 2130 раз подряд. И тем не менее этот самый знаменитый из бейсбольных рекордов и прозвище, которое принес ему этот сверхчеловеческий подвиг, «Железный человек» – как бы мешают истинному осознанию мастерства этого необычайно одаренного игрока в мяч.

С самого первого своего появления в строю «Нью-Йорк Янкис», которым Гериг обязан самой знаменитой головной болью в истории спорта, которая обрушилась на Уолли Пиппа, позволив Геригу занять его место, Гериг был обречен пребывать в весьма густой тени человека, которого сам он называл «Большим Парнем» – Бейба Рата. И следующие десять лет ему приходилось выходить к бите четвертым, как раз после Рата в боевом порядке «Янки». И большую часть этих десяти лет ему пришлось стоять позади Бейба и в статистике, и в сердцах болельщиков.

Но Гериг принял свое место в команде с должным достоинством и словами: «Я не из тех, кому место в заголовках. Я просто тот парень, который каждый день выходит на поле, который идет следом за Бейбом на бите. Когда Бейб отыграл свое, ударил в аут или заработал пробежку вокруг базы, когда болельщики еще толкуют о нем, тогда выхожу я. И если я встану на голову с битой в руках, этого никто не заметит».

Но внимание на него обращали, ибо солидный с виду Гериг, получивший прозвище «Колотуха Лу», занимал свое место на площадке бэттера, и его открытая поза и высоко занесенная бита свидетельствовали только об одном – о намерении разнести мяч в мелкие клочки. В отличие от Рата он не зашвыривал мячи в облака, они летели у него прямо, нацеленные словно стрела, и едва не визжали в своем полете в неведомые края.

К концу 1927 года, второго полного сезона, проведенного Геригом на площадке, они с Ратом сделали сердцем знаменитого «Строя Убийц», образовавшегося в составе «Янки». Год 1927-й памятен тем, что Рат поставил тогда свой рекорд с 60 пробежками вокруг базы. В том же самом году Гериг финишировал вторым в гонке, длившейся до последнего месяца сезона, с результатом 47 пробежек, в то время как третий призер имел всего 18! Гериг также был вторым по среднему бэттингу, ударам и проходам, и это доказывает, что они с Ратом являли собой драгоценность в отдельной оправе. Кроме того, он возглавлял список лиги по RBI, имея таковых 175 – истинный подвиг, учитывая, что Рат, выходящий на бэттинг до него, имел 164 и много раз оставлял базы без раннеров «Янки», прежде чем передать дело Геригу. Потом именно Гериг, а не Рат был назван самым ценным игроком лиги.

Рат продолжал доминировать в заголовках, а Гериг оставался «самым ценным игроком "Янки"». Возьмем, например Всемирную серию 1928 года, четыре игры, проведенные с «Бомбардировщиками» из Бронкса. Серия эта наиболее памятна тем, что в течение ее Рат совершил три пробежки вокруг базы в одной игре и имел показатель бэттинга, равный 0,625. Чего не помнят, так это того, что Гериг в той же самой серии имел четыре пробежки, 0,545 на бите – и, что характерно, девять RBI (против четырех у Рата).

Казалось, что Гериг навсегда был обречен оставаться крон-принцем при султани Рате, обреченным на ту же самую славу, что второй человек, пересекший Атлантику в одиночку.

Когда же ему на деле представилась возможность сменить Рата на вершине горки, составленной из пробегов вокруг базы, в 1931 году фортуна вновь позволила ему приблизиться и коснуться ее подола. Но не более. Это был тот год, когда посланные Геригом мячи попадали в стойки и отскакивали в руки центрального филдера, настолько силен был удар. Бейзраннер «Янки» только проводил мяч взглядом до рук центрфилдера, решив, что снаряд пойман, и помчался, чтобы занять свое место на поле, когда Гериг миновал его на дорожке вокруг базы, и был выдворен судьями с поля. Эта пробежка стала бы 47 у Герига. А так они с Ратом финишировали ноздря в ноздю с 46 пробежками, поделив корону между собой.

На следующий, 1932-й, год во встрече с защищавшей свой чемпионский титул командой Филадельфии Гериг стал первым игроком двадцатого столетия, совершившим четыре пробежки вокруг базы в одной игре. К несчастью для Герига, в тот же самый день Джон Макгро оставил пост менеджера «Нью-Йоркских Гигантов», проведя на посту тридцать один год. И Гериг вновь остался без внимания публики.

А потом была серия 1932 года, которая навсегда останется в памяти как та, в которой Рат совершил свой «Заказной удар». Ее сопровождали страсти, родственные разве что наихудшим эксцессам Французской революции, и «Янки» и их соперники, «Чикагские Щенки», не брезговали выражениями, которые заставили бы покраснеть самого отпетого биллингсгейтского моряка. «Янки» обзывали «Щенков» «скрягами» за то, что те выделили своему бывшему одноклубнику Марку Кенигу только половинную долю, хотя тот вытащил их к вымпелу Национальной лиги. «Щенки» отбрехивались, используя всякое приходившее на ум слово из трех букв, в том числе и ненавистное крепкое словцо – «Рат». Тот восполнил весь реальный и вымышленный ущерб в третьей игре, забив хомер в три пробежки в первый и сделав «Заказной удар» в пятой. Чего не заметила захваченная драмой мгновения пресса, так это хомера Герига в третьей игре, и другого хомера, последовавшего за прекрасным движением Рата. Во всей серии Рат имел показатель бэттинга 0,333, забил два хомера и сделал шесть пробежек; Гериг наступал 0,529, забил три хомера и сделал восемь пробежек. Но вся слава опять досталась Рату.

И так было всегда. Гериг, обреченный играть вторую роль после гения бейсбола, представлял собой вторую половинку этой странной пары. Но Гериг, убежденный командный игрок, роль свою понимал и приговаривал: «Бейб – это одно дело... а я совершенно другое. Точным его подобием мне никогда не стать, – а я и не пытаюсь этого сделать, – я просто поступаю так, как считаю нужным». Болельщики, видевшие в этом тихом и непритязательном человеке олицетворение усердного и всеми забытого труженика времен Депрессии, прекрасно понимали, что если Бейб Рат – это дух «Янки», то Лу Гериг – это гордость команды.

В 1934 году, когда Рат, в буквальном смысле этого слова, уже почти что лишился ног, власть наконец перешла к Геригу, возглавившему список лиги по числу пробежек, RBI и среднему показателю бэттинга и увенчанному «Тройной короной». Когда в следующем году Рат оставил спорт, Гериг сделался лидером команды и воплощением самой сущности «Янки»: класса, традиций и уверенности. Пребывая в качестве лидера, он мог только шевельнуть бровью, поправляя боевые порядки команды, и уж совсем нечасто ему приходилось распекать своим высоким голосом какого-нибудь зеленого новичка, осмелившегося показаться на людях без пиджака.

После появления в команде Джо Ди Маггио в 1936 году, Гериг сделался почетным героем «Янки». Тем не менее он оставался лидером команды, ее «самым ценным игроком» и относился к каждой игре с пылом юного студента-футболиста, каковым он был некогда в университете Колумбии, продолжая серию своих успехов, растянувшуюся на двенадцать сезонов.

А потом, когда уже казалось, что Лу Гериг навсегда останется единственным первым бейзменом «Нью-Йоркских Янки», судьба коснулась его своим корявым крюком. Сперва его неловкая, едва ли не прихрамывающая походка казалась признаком приближающегося возраста, обыкновенной неприятностью, которую он одолеет, как одолевал все прочие хвори и травмы. И тут как гром с ясного неба обрушилось потрясающее, немислимое известие о том, что Лу Гериг поражен болезнью, называемой амиотрофическим латеральным склерозом, теперь более известным под названием «болезни Лу Герига», – редким заболеванием, разрушающим ткани спинного мозга.

2 мая 1939 года, имея в активе 2130 игр, проведенных после того, как он заменил Уолли Пиппа, Лу Гериг попросил менеджера Джо Маккарти вывести его из линии «в интересах команды». Через два месяца на «Дне», проводившемся в его честь, перед тысячами доброжелателей на стадионе «Янки», Лу Гериг горделиво прошаркал к микрофону и растроганным голосом объявил себя «самым счастливым человеком на свете».

Он умер два года спустя, не дожив двух недель до тридцать восьмого дня рождения. Его пережила его вдова Элинора, и его достижения, к которым относятся рекордный для всех времен «Большой шлем» в пробежках, рекорд американской лиги по числу RBI в сезоне, 13 кряду лет со 100 или более RBI, четвертый средний показатель по бэттингу среди членов Зала славы, 493 результативные пробежки и 2130 игр подряд – рекорд этот, простоявший 56 лет и превышенный Кэлом Рипкиным-младшим, представлял постоянное и живое напоминание о Лу Гериге. И мешал истинному восприятию всей глубины его колоссального таланта.

ДИЕГО МАРАДОНА

(родился в 1960 г.)

Наиболее заметной стороной карьеры Диего Армандо Марадоны была ее ослепительная несогласованность. На футбольном поле, всегда являясь центром притяжения, он был настолько неуловимым, что противникам никак не удавалось поймать его и попортить шкурку, но вне поля, всегда являясь центром противоречий, он никогда не мог сохранить ее в неприкосновенности. Одно неизменно вычиталось из другого.

Жизнь этого неподвластного дисциплине уроженца буэнос-айресских трущоб всегда складывалась одинаково. Усыпанная самыми немыслимыми сенсациями, жизнь его представляла на деле схему туристической поездки, скорее представлявшую собой не атлас достижений, а перечень выходов, в котором попадания в полицейский участок чередовались с появлением в заголовках спортивных газет.

Начальной точкой этой схемы является Вилья-Фиорито, Аргентина, милое на слух, но жесткое для жизни местечко на окраинах аргентинской столицы. Местная легенда утверждает, что в возрасте трех лет маленький Диегито получил от отца футбольный мяч, и, начиная с этого мгновения, этот предмет сделался его неотрывной частью, словно бы их соединяла какая-то пуповина, мальчишка днем пинал его, а на ночь клал рядом с собой в постель, не разлучаясь с верным другом. Нераздельная парочка устраивала на телеэкране представления во время перерывов в футбольных матчах, и Диегито развлекал публику, жонглируя невесомым мячом головой, плечами, грудью, коленями, лодыжками, ступнями, любой подворачивавшейся под руку частью тела, не позволяя мячу коснуться земли во время представления. Когда на экране обе команды возвращались на поле, толпа выражала свое восхищение волшебным мастерством Диегито и его мяча криками: «Останься! Останься!»

В возрасте девяти лет этот вундеркинд и волшебник попал в знаменитую аргентинскую детскую футбольную команду «Лос Себоллитос» – «Луковки». Играв в футболке под номером 10, который носил великий Пеле и который традиционно доставался самому результативному игроку команды, Диегито творил с мячом все что хотел. «Он не остановится, жонглируя мячом, – сказал один из тех, кто видел Марадону в тот первый день, когда он выбежал на поле под номером 10. – Он стал феноменом уже от самого рождения».

Пять лет и 140 побед кряду, зрители охали и ахали над каждым его ходом, каковых было много. Один из первых его почитателей вспоминал: «Люди, вовсе не интересующиеся футболом, приходили посмотреть на него как на театральный спектакль, как на цирковое представление, как на оперу».

В четырнадцать лет он оставил школу, чтобы отдать футболу все свое время, в пятнадцать он подписал свой первый профессиональный контракт, поступив в аргентинскую команду «Хуниорс», а в шестнадцать отыграл свой первый профессиональный матч. Почитатели, собравшиеся на крошечном стадионе «Хуниорс», чтобы почтить своего любимца и приветствовать любой его ход, дружно вопили: «Видите, видите его! Вот Марадона и его балет».

Эlegantный и красноречивый, этот крепкий «сеньор пять-на-пять», обладавший телом танка, умел прорваться сквозь строй защитников, обманывая их короткими, гипнотическими и почти незаметными движениями, а потом, пока соперники размышляли над тем, к чему бы все это, в шаркающем ритме танго выйти к воротам, или, жонглируя мячом с помощью колен или любой потребовавшейся для этого частью тела четыре и даже пять раз на полном ходу, прошмыгнуть мимо них, по-крабьи прижимаясь всем телом к земле, так что никто не мог отобрать у него мяч. А потом уже, ощущая запах гола ноздрями, он цеплял мяч где-нибудь на половине шага, притом «не той» ногой, а защитники позади еще стояли соляными столбами в манере, запатентованной еще женой Лота.

Его стиль многого требовал от защитников, и в первую очередь импровизации, выращенной от того же корня, что и искусство самого Марадоны. Как пояснял впоследствии Сесар Луис Менотти, тренер аргентинской национальной команды: «Он вырос в бедной семье и каким-то образом умудрился принести с собой в футбол ту изобретательность, которая необходима уличному мальчишке, чтобы выжить».

Но при всей своей уличной изобретательности Марадона все-таки не сумел уцелеть

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
во время последнего урезания состава команды, предпринятого Менотти перед Кубком Мира 1978 года, полагавшего, что семнадцатилетний юнец еще слишком зелен для бело-голубой команды. «Я сказал ему, что он станет великим, истинно великим игроком, – вспоминал Менотти. – Но удар был слишком тяжел. Он плакал как малое дитя».

Не получив возможности проявить свое величие в сборной Аргентины на Кубке Мира 1978 года, Марадона был вынужден ждать следующего года. Ибо в этом году он поехал в Японию членом молодежной (до 21 года) сборной Аргентины, которая победила там в розыгрыше первенства мира, и был объявлен лучшим игроком Южной Америки. Наконец сделавшись полноправным членом аргентинской национальной команды, Марадона возглавил ее в триумфальном турне по Европе.

Мир европейского футбола редко видел исполнителя столь искусного, как этот широкоплечий крепкогрудый массивный юноша, увенчанный гривой густых черных кудрей, каждое движение которого было достойно, чтобы его снимали на пленку. Соперники напрасно ловили воздух, болельщики в удивлении охали, наблюдая за теми невиданными трюками, которые он выделял с мячом. Даже обычно невозмутимая лондонская пресса забила в припадке восторга, а «Санди Таймс» отвела Марадоне целую страницу в своем основном разделе. «Примерно раз в двадцать лет на свете появляется гениальный футболист, – писала газета. – Последним был Пеле, великий бразильский игрок. Теперь появился еще один гений – аргентинец Диего Марадона».

И новый Пеле, а точнее Марадона, новый король футбола возвратился домой в Аргентину. И на него сразу же посыпались предложения со всех сторон мира.

Но в Аргентине, стране, где футбол является всеобщей религией и наваждением, слухи о предстоящей продаже Марадоны были встречены народным негодованием, степень которого начиналась от уверенных отрицаний («Марадона не продается») и кончалась благочестивыми утверждениями («Диегито подобен ангелу, которого Господь послал на землю, чтобы осчастливить аргентинский футбол»). И тем не менее Марадона предпочел личную выгоду положению пророка и вскоре подписал шестилетний контракт с испанской командой «Барселона» за внушительную сумму в 12 миллионов долларов. Последовала немедленная реакция. Оказавшись перед невыносимой перспективой потерять одно из своих самых дорогих достояний, аргентинские болельщики изошли слезами негодования, а Аргентинская футбольная ассоциация объявила, что Марадона получит разрешение выступать за свою новую команду лишь после проведения Кубка Мира 1982 года.

По иронии судьбы финальная часть Кубка Мира 1982 года проходила в Барселоне. Ожидалось, что Марадона приведет команду ко второй победе в Кубке, но выведенный из себя плотной опекой и фолом игрок выступил неудовлетворительно, и команда Аргентины вышла из борьбы уже во втором круге. Местная пресса, присматривавшаяся к игроку, которому предстояло выступать за команду города, осмеивала его выступление, и одна из газет даже наделила его прозвищем «Мини-Донна», то есть «Маленькая Леди».

Начиналась двухлетняя взаимная ненависть между Барселоной и Марадоной. Невзирая на голод по успехам – а Марадона принес команде успех уже в первый год своих выступлений за «Барселону», сделав команду чемпионом страны и забив двадцать два мяча в тридцати шести играх, граждане города вскоре поняли, что этого темноволосого и неотесанного чужака нельзя назвать именно тем блюдом, которое они заказывали. Трудный в обращении и нахальный парень никак не подходил под высокие нравственные нормы, свойственные Барселоне. Особенно рассердило публику его участие в ссоре, возникшей на поле во время игры, на которой присутствовал король Хуан Карлос, и недовольство буквально всем, включая разметку футбольного поля. Всем вообще. И через два года руководство команды подняло руки вверх, а потом умыло их, избавившись от Марадоны, продав его контракт итальянскому «Наполи» за 10 миллионов 800 тысяч долларов. «Наполи» не становился чемпионом восемьдесят лет – но все это было до явления Марадоны, который превратил вечного неудачника, команду из одного из самых бедных районов Италии, в пятикратного победителя итальянских и европейских турниров. Его появление также помогло преобразить местную экономику, и в первую очередь официальный тотализатор, что принесло выгоду буквально всем – и хозяевам дела, и тем, кто пользовался их услугами. Генеральный менеджер «Наполи» сказал в отношении стоимости Марадоны: «Появление Марадоны принесло клубу двадцать миллионов долларов».

Однако Марадоне еще предстояло доказать свою ценность для родной страны на Кубке

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Мира 1986 года. И на поле колоссального стадиона «Ацтека», что находится в городе Мехико, таланты его не знали ни границ, ни предела: здесь он мчался вперед за мячом, яко истомленный жадной олень к прохладному ручью; здесь он выдавал невероятные пасы прямо на головы партнеров; и повсюду на поле демонстрировал он свой невероятный дриблинг, проскакивая мимо защитников и подавляя всякое сопротивление. Победа досталась Аргентине, во второй раз за восемь лет завоевавшей Кубок Мира, но слава легла на плечи Марадоны, забившего пять мячей в шести играх и признанного самым ценным игроком турнира, а следовательно и всего мира.

Но, став самым известным спортсменом мира, он остался и самым противоречивым, превращая своими совершенными вне поля выходками всеобщее одобрение в столь же всеобщее осуждение. Каждый его поступок анализировался и пережевывался прессой, в том числе и употребление кокаина и жуткие пьянки. Изгнанный из футбола спортивными властями за «серьезные проступки», Диего Марадона, казалось бы, завершил свою карьеру, и единственное утешение в ту пору ему могли принести лишь известного рода напитки.

Однако жизнь полна иронии, и это тем более верно, когда речь идет о Марадоне. Пока он находился в испанском городе Севилье, тщетно пытаясь вернуться на поле, поскольку тело его обмякло и карьера явным образом подходила к концу, аргентинская сборная, одержавшая без него тридцать три победы подряд, в том числе и выигравшая чемпионат Южной Америки, потерпела унижительное поражение от Колумбии со счетом 0:5, которое поставило под сомнение участие страны в финале Кубка Мира 1994 года.

Невзирая на все, аргентинские болельщики остались верными своему кумиру и до сих пор свято почитают его на родине. Тем более что уже начал забивать свои первые голы Марадона-младший, продолжая тем самым жизнь знаменитой фамилии в популярнейшем во всем мире виде спорта.

РОБЕРТО КЛЕМЕНТЕ

(1934–1972)

Некоторые видели в Роберто Клементе задумчивого Гамлета в черно-золотой форме «Питтсбургских Пиратов», имевшего 0,317 как хиттер и 0,400 как кетчер и томимого жестокими муками. Для других он был воплощением чести и гордости, как бессмертный Кейси. Но Роберто Клементе слушал другого барабанщика, выбивавшего карибскую музыку, и маршировал под нее, задав своему моральному компасу собственный курс.

На поле Клементе играл, пользуясь его собственным определением, «как безумный». Вне поля он обнаруживал большее количество граней, чем кубик Рубика, делаясь по очереди то интеллигентным, то воинственным, то настырным, то чувствительным, то откровенным, то враждебным.

Юный Роберто, которого преследовало намерение сделаться бейсболистом, вырос в скромном деревянном доме в округе Сан-Антон, Пуэрто-Рико, где оттачивал свою меткость, отбивая полой щеткой бутылочные пробки и швыряя теннисный мяч в стену дома. В возрасте восемнадцати лет он посетил местный отборочный лагерь, финансировавшийся в том числе и скаутом «Доджерс» Элом Кампанисом (да, тем самым Элом Кампанисом). Скаут присутствовал на просмотре, зевая, как только что вытасченная из воды рыба, пока молодой человек «выбивал дух из мяча». А потом начались забеги на шестьдесят ярдов. Все бежали примерно за 7,2–7,3, давая средний показатель старшей лиги, а потом пришел Клементе и промчался за 6,4 секунды с какими-то долями, а это время легкоатлета, причем сделал это в бейсбольной форме. «Я попросил его пробежать еще раз, и на сей раз результат оказался еще лучше. Он просто летал! И я сказал себе, что если этот сукин сын способен держать биты в руках, то я возьму его. Он вышел на пластину и стал посылать мячи прямо в канаты. Прямыми ударами. Лучшего свободного кандидата я просто не видел».

Невзирая на столь очевидную оценку, Кампанис не мог взять еще несовершеннолетнего Клементе, который вместо этого поступил в клуб «Сантурце» из зимней лиги Пуэрто-Рико, где провел два следующих сезона, играя аутфилдером

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru вместе с Вилли Мейзом и имея на бите 0,288. В феврале 1954 года Клементе наконец ушел в «Бруклин Доджерс» на оклад в 5000 долларов плюс 10000 подъемных и был отослан в Монреаль – в фармклуб команды «Эллис Айленд», тот самый, где за восемь лет до него в организованный спорт вошел Джекки Робинсон, другой из великих игроков «Доджерс».

Но хотя Клементе было суждено стать идиолом пуэрториканцев в частности и латиноамериканцев вообще – таким же, как Джекки Робинсон у белых, ему не было суждено сделать это в форме «Доджерс». Дело в том, что бейсбольные правила того времени были обязательными для всех, и они определяли, что игрок, нанятый более чем за 4000 долларов и не выступающий в старшей лиге, может быть задрафтован другой командой. По иронии судьбы, человек заметивший потенциал в Робинсоне, Бранч Рикки, ставший теперь генеральным менеджером «Питтсбургских Пиратов» и по-прежнему видевший перспективы Клементе, взял его в последнюю очередь, уже после окончания сезона.

Потом Клементе признавался: «Я даже не знал, где находится Питтсбург». Но это он мог выяснить весьма просто – не обращаясь к путеводителям, а заглянув на спортивные странички газет, где Питтсбург очень просто обнаруживался в турнирной таблице Национальной лиги, если просмотреть ее нижнюю часть. Дело в том, что «Пираты» тогда являлись самой забытой Богом и разнесчастной бейсбольной командой, сумевшей за три сезона проиграть 100 матчей. Насколько плохо она играла? Эти «летние бездельники» были настолько плохи, что менеджер Билли Мейер, обращаясь к ряду игроков, среди которых находились Бобби Дель Греко, «Рыба-кот» Меткович и целая рать прочих, чьи имена – к счастью – не сохранила история, однажды пожаловался: «Таких клоунов в бейсбольной форме я еще не видел».

Двадцатилетний парень попал прямо в стартовый состав «Пиратов» – в нужное место и на нужное поле. И с первого же его появления на площадке «Форбс» всякий, кто хоть сколько-нибудь понимает в бейсболе, увидел в нем будущую суперзвезду. На поле Клементе ловил пущенный мяч и бросал его на линию, отрезая беззраннера соперника. А в коробочке бэттера умственный взор нарисует вам игрока, занимавшего самое далекое место от передней меловой линии, ступня ведерком, ноги пошире, бита над головой, спина напряжена; а потом бита описывает крутую дугу, поражая мяч в самую середину. А на дорожках вдоль базы он был подобен молнии, наводнению, прекрасно отлаженной машине. И все, кто видел его на поле, сразу же заряжались энергией, словно излучавшейся им.

Но если большинство болельщиков видели в нем прежде всего блистательного игрока и относились с соответствующим почтением, некоторые, особенно журналисты, так не считали, возможно, в этом был виноват языковой барьер. Уже одно из первых интервью, состряпанное каким-то бесчестным жуликом, приписывало его устам явную чушь: «Я люблю бегать. Моя бегает 100 метров за одиннадцать секунд. Карош, а? Я однажды бежал 400 метров пятьдесят пять секунд. Лучше, да? А в Мерики мне нравится новые авто. Я тоже купи себе новое авто. Вот!» И смущенный подобным стремлением прессы сделать из него посмешище, ранимый Клементе заполз в свою скорлупу, более не доверяя журналистам.

Кроме них, ему докучали травмы. За годы в спорте Клементе перенес, наверное, все возможные болезни и увечья, малярию, трещины в костях, пищевые отравления, бессонницу, растяжения, повреждения мениска, не упоминая уже разбитые предплечья, плечи, локти, ладони, спину, лодыжки, бедра и т.д. и т.п. Но если известные в прошлом игроки – такие как Люк Эпплинг, прозванный «хворым старикашкой», воспринимались со своими хворями как нечто данное, то Клементе почему-то считался симулянтом.

Чувства Клементе, выступавшего за черно-золотых «Пиратов», были открыты всем, он ощущал себя непонятым и неоцененным по заслугам и видел в обвинениях в симуляции очередное проявление межнационального барьера. «Когда Микки Мантл говорит, что он повредил ногу, все в порядке, – жаловался он репортеру. – Но если заболевает латиноамериканец или чернокожий, все начинают вопить, что он симулирует». В своем интервью журналу «Спорт» он пошел еще дальше, жалуясь на царящую в бейсболе кастовую систему, которая обрекала его на участь гражданина второго сорта: «К латиноамериканским неграм в играх с мячом сегодня относятся так, как относились ко всем неграм в бейсболе в первые дни после отмены цветного барьера. Они находятся под тяжестью предрассудков и предвзятого отношения. Они разговаривают между собой по-испански и потому считаются меньшинством, на них падает вся тяжесть еще не отмеревших расовых предрассудков».

Однако Клементе не стал дуться, он взял биту в руку и принялся доказывать собственную правоту. И в 1960 году давно копившаяся туча разразилась громом, поскольку Клементе набил 0,314, возглавил список аутфилдеров-ассистентов и во многом собственными усилиями привел некогда жалких «Пиратов» к вымпелу Национальной лиги и к самой упорной серии всех времен с «Янки», состоявшей из семи игр, в каждой из которых он имел удары, и возглавил «Пиратов» по общему числу ударов.

Во внесезонье его обоженная гордость претерпела новый афронт, новое унижение, когда специализирующиеся на бейсболе журналисты назвали его товарища по команде, шортстопера Дика Гроута самым полезным игроком Национальной лиги, поставив Клементе только на восьмое место, почти без первых мест при опросе. Не привыкший прибегать к привычным любезностям, Клементе пожаловался: «Не хочу сказать, что Гроут этого недостойн. Просто мне кажется, что я не должен стоять так близко к десятому месту». И с тех пор он никогда не носил свой чемпионский перстень 1960 года, предпочитая ему свое кольцо «Олл Старз», заслуженное на следующий год.

В 1961 году Роберто Клементе действительно явил себя во всем блеске суперзвезды. Играя так, словно каждая встреча была для него истинным боем, он возглавил список Национальной лиги по бэттингу со средним показателем 0,351. Но на его долю выпал не только 1961 год, но и все десятилетие. Так же как Тай Кобб осенял своими орлиными крыльями десятые годы прошлого века, а Роджерс Хорнсби двадцатые годы, шестидесятые принадлежали Роберто Клементе, весь этот период возглавлявшему списки по общему числу попаданий и имевшему самый высокий средний показатель бэттинга. Он выиграл четыре чемпионских титула по бэттингу, первым из правшей после Хорнсби одолев эту вершину, а потом – наконец – заслужил и одобрение бейсбольной прессы, которая назвала его самым ценным игроком Национальной лиги в 1966 году, хотя, по правде говоря, этот приз ему следовало присуждать все десять лет.

Звание самого ценного игрока стало не только персональным Эверестом – оно символизировало крестовый поход, предпринятый Клементе во имя всех латиноамериканских игроков. Клементе сделался теперь их общим главой, их лидером. Он брал их под свое крылышко, как Мэтти Элоу, которого обучил отбивать мяч налево, что позволило Элоу выиграть звание чемпиона Национальной лиги по бэттингу. А еще он защищал права своих соплеменников. Клементе являлся, по словам Орlando Сепеды, «вождем всех латиноамериканцев в бейсболе». И «вдохновителем их», если верить Минни Миносо.

Однако бита и лидерство составляли только часть всей картины. Ибо Роберто Клементе был совершенным игроком, совершавшим легендарные подвиги, отсекая игрока за игроком, испытывавших судьбу – и Клементе – попытками прорваться к другой базе. Руку его испытал на себе Сепеда, утверждавший, что Клементе вывел его из игры прямым, словно полет стрелы, броском, навсегда запечатленном зрительным нервом пострадавшего. «Я был на второй, – вспоминал Сепеда, – и бежал к месту питчера. Тим Маккарвер выбил мяч в правое поле. Я обежал третью и, посмотрев вверх, увидел, что кетчер ожидает меня с мячом. Я не верил своим глазам! Это было невысказано! Но при следующей подаче он проделал то же самое с Лу Брокком». Сепеда и Брок были только двумя из тех 266, которых Клементе скопил за свою восемнадцатилетнюю карьеру.

Добавим строчку из воспоминаний Джима Мюррея: «Роберто Клементе, возможно, был одним из самых лучших бейсболистов в истории этой игры». А Роджер Ангелл, поэт-лауреат от бейсбола, посмотрев на Клементе в мировой серии 1971 года, написал, что Клементе играл в «такой бейсбол, которого вы еще не видели: он бежал, бил и бросал на уровне, близком к совершенству».

Но Клементе был не только игроком в мяч – он являлся и чутким человеком. Это особенно проявилось, когда, сделав свой 3000-й удар во время последнего сезона, оповещенного им на площадке, он посвятил событие «болельщикам Питтсбурга и народу Пуэрто-Рико». И эта забота о людях стала еще более явной, когда утром 31 декабря 1972 он расстался с жизнью в перегруженном самолете, который Клементе вел в Никарагуа, чтобы помочь жертвам землетрясения.

Роберто Клементе и в самом деле был великим спортсменом.

ДЖО МОНТАНА

(родился в 1956 г.)

Возможно, что за исключением выдуманного Филеаса Фогга[41 – Герой романа Жюль Верна «Вокруг света за восемьдесят дней». (Прим. перев.)] никто и никогда не владел временем и не распоряжался им с большей уверенностью, чем Джо Монтана.

Монтана обладал великолепной родословной, поскольку происходил из западной Пенсильвании, региона, богатого месторождениями угля и квартербеков – таких как Джонни Лужак, Эрни Галиффа, Джордж Бланда, Джо Намат и Джим Келли, если ограничиться немногими именами. И Монтана стал не только выдающимся продолжателем славной традиции, он был достоин встать вместе с ними в переднем ряду, а не тесниться на заднем плане в общем групповом портрете. Нет, более: своими подвигами одиннадцатого часа[42 – Ассоциация с Евангелием: имеются в виду работники, которых Господь призвал последними, в одиннадцатом часу вечера. (Прим. перев.)] он заслужил на этом снимке самое видное место.

Подвиги эти вполне уместным образом начались в команде «Нотр Дам», где подобные чудеса творились словно бы по некоему предопределению – вспомним хотя бы победу над «Айдахо» в 1935 году в тот самый момент, когда часы уже собирались пробить двенадцать. Но прежде чем этот домашний тапок оказался ему по ноге, Монтана потратил свой первый год на упражнения, отрабатывая приемы в командных занятиях. К году второму сей юноша, наделенный вежливым лицом и благовоспитанным выражением на нем, уже успел доказать, что, невзирая на внешнюю мягкость, в трудной ситуации он обретает крепость железа. В чем скоро одной из первых убедилась команда Северной Каролины.

Когда Каролина вела со счетом 14:6 в конце четвертого периода, тренер «Нотр Дам» Дэн Девине выпустил Монтану со скамейки на поле, чтобы омолодить угасающий боевой дух нападения «Ирландцев». Впервые точно управляя командой и часами, Монтана принес «Ирландцам» семьдесят три ярда всего в пяти розыгрышах, а потом добавил к ним 2 очка за пас, принесший ничью и 14 очков. Потом, всего при 1:15 от игры, когда мяч находился на 20-ярдовой линии «Нотр Дам», он совершил 80-ярдовую передачу для победного заноса. После игры в раздевалке тренер по атлетической подготовке Моуз Краузе поведал своей команде: «Я слежу за игрой со времени Кнута Рокни и могу сказать вам, что подобного отыгрыша в истории "Нотр Дам" еще не было».

Однако, согласно бессмертным словам Эла Джолсона, болельщики «Нотр Дам» и будущие поклонники Джо Монтаны «еще ничего не видели». Еще был отыгрыш во встрече с командой Военно-Воздушных Сил, когда «Ирландцы» после первой половины проигрывали со счетом 7:30; победа над «Пардью», после того как его команда уступала 14:24 менее чем за две минуты до конца третьей четверти; а потом величайшая среди всех волевых побед Студенческой лиги в игре 1979 года за «Хлопковую чашу» против Хьюстона.

Игра складывалась по абсолютно немислимому сценарию. Встреча эта, последняя из проведенных Монтаной в форме «Нотр Дам», проводилась в условиях, более подходящих для проведения горнолыжных соревнований, чем для футбола, мокрый снег и ветер превратили поле «Хлопковой Чаши» в каток. К тому же буквально за неделю до встречи Монтана переболел гриппом. Шел третий период, счет был 34:12 в пользу Хьюстона, а наш герой оставался на скамейке для запасных, слабый как пес на вегетарианской диете, при температуре тела 36 градусов и при «ознобе», амплитуда толчков которого достигала 5,5 балла по шкале Рихтера. Словом, ситуация была такая, что никакое чудо помочь не могло. Однако, скушав тарелку современного магического средства под названием «куриный суп с вермишелью», Монтана вернулся в игру. И скоро доказал, что подобный запас очков во встрече с возглавляемой Монтаной командой не стоит особого внимания и его можно ликвидировать в течение одного периода.

Обыкновенный болельщик даже не подумал бы о том, что Монтана снова выйдет на поле, тем более если бы он знал о той головной боли, которую испытывал сам игрок. Но в четвертом периоде, словно отнесенный ураганом ветром в ту часть поля, где были набраны все 46 очков, Монтана принялся творить привычные для него чудеса. Сперва «Нотр Дам» повел 7:37 и Монтана добавил 2 очка пасом Вегасу Фергюсону: 34:20 в пользу Хьюстона. Потом, приняв мяч на 39-ярдовой линии

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru «Ирландцев» при том, что пройти оставалось 5:40, Монтана провел шестирозыгрышевый пронос всего за одну минуту и двадцать две секунды, совершив при этом 2-ярдovou пробежку и добавив еще 2 очка. Хьюстон оставался по-прежнему впереди – 34:28.

И тут Монтана запарол, казалось бы, последний шанс «Нотр Дам», когда мяч выбили у него из рук уже на 20-ярдовой отметке Хьюстона. Однако Хьюстон, явно стремившийся выполнить веление судьбы, милостивой к настойчивым, возвратил мяч «Ирландцам», когда на часах оставалось всего двадцать восемь секунд игрового времени. Монтана провел мяч на 8-ярдovou линию Хьюстона как раз за шесть секунд до окончания игры. Монтана ввел аут Крису Хейнсу. Но пас того оказался низким и неточным. Оставалось уже только две секунды.

И в этот момент тренер Девине отозвал Монтану к боковой линии, чтобы оговорить с ним следующий и последний розыгрыш. Вопреки популярному мнению, вдохновленному блестящей карикатурой Галлахера, опубликованной в журнале «Трю» в 1969 году и изображающей опускающуюся к столпившимся игрокам из облачных небес огромную десницу, в то время как засевающий в своей каморке комментатор говорит: «Игра закончилась победой команды "Нотр Дам"!» – выигрыш этот был делом рук прежде всего Девине и Монтаны, и уж только потом Божественного Провидения. «Джо, можно сделать только один удар, как по-твоему?» – спросил Девине. Против удара, наверное, существовали какие-то возражения, однако, не сумев представить факты, Монтана ответил: «Мне бы хотелось продолжить, как начал». «Ладно, действуй», – согласился Девине, вновь отсылая Монтану на поле. И Монтана отдал низкий пас на пространстве в половину салфетки, Хейнс нырнул, поймав мяч в самом углу концевой зоны и выкатился с ним за линию. 34:34. Дополнительное очко, при отсутствии времени принесло «Нотр Дам» победу 35:34, самую великую волевою победу в истории студенческого спорта.

Далее Монтана перебрался со своим карманом чудес в Сан-Франциско к «49-м», которые выбрали его в третьем круге драфта 1979 года восьмьдесят вторым по общему счету. Команду эту, «49-х», можно было в лучшем случае назвать нищей и лишенной блеска, величайшая звезда ее, О. Дж. Симпсон, в ту пору уже в буквальном смысле слова остался почти без ног. Болельщика Сан-Франциско легко было узнать по поникшей спине и унынию на лице, и многие из них уже начинали утверждать, как журналист Питер Кинг, что «единственным стоящим игроком является отбойщик Эйб Вудон». Далее в качестве пояснения Кинг добавлял: «А теперь подумайте об этом. Только в очень плохой команде тот несчастный игрок, который вводит в игру мяч после того, как соперники изменили счет, может считаться выделяющимся на общем фоне». И дела действительно были так плохи, о чем свидетельствует результат, показанный командой в 1978 году – 2:14.

При новом главном тренере Билле Уолше произошла смена караула – а также защиты и раннеров-беков. Но не квaрттербека. А потому Монтана провел свой первый сезон, полируя штанами скамейку запасных позади Стива де Берга, поставившего рекорд НФЛ – 578 передач, и сделал всего 23 паса, один из которых закончился заносом, 16-ярдовой бросок во время очередной из четырнадцати неудач Сан-Франциско, закончившей сезон с результатом 2:14.

Сезон 1980-го начался с того самого места, на котором остановился сезон 1979-го, де Берг начинал игру в качестве квaрттербека, а Монтана выходил на замену. Но к седьмой неделе Уолш решил поменять квaрттербеков местами, и Монтана отреагировал на повышение, сразу же внеся в игру команды столь необходимую ей подвижность и интеллект. На четырнадцатой неделе он проявил первые проблески будущего величия, ликвидировав дефицит в 35:7 и позволив «49-м» победить «Святых» после 71-ярдовой бомбы от Дуайта Кларка, отдав 14-ярдовой голевой пас Фредди Соломону и лично нырнув на ярд с заносом, сделав счет 38:35. Всего он завершил 176 из 273 пасов при лучшем в лиге процентном показателе 0,645. И «49-е» закончили сезон с соотношением побед и поражений 6:10. Сезон 1981 года стал совершенно другим, поскольку Уолш решил, что именно Монтана станет его будущим квaрттербеком, и продал де Берга, предоставив мяч в полное пользование Джо. Монтана продемонстрировал, что будущего долго ждать не надо, и привел «49-х» к рекордным 13:3 и первому титулу чемпионов Западной конференции НФК после 1972 года, используя свой бег для сокрушительной атаки. Завершив 311 из своих 488 попыток при среднем коэффициенте 0,637, Монтана занял 3-е место среди квaрттербеков. И при этом он соорудил три волевые победы, в том числе над «Баранами», на исходе игрового времени.

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Но хотя Монтана одерживал волевые победы одну за другой, навсегда памятной останется только одна, достигнутая в борьбе за чемпионский титул НФК 1982 года с «Далласскими Ковбоями», в игре, запечатлевшейся в памяти сан-францисских знатоков как «Защелка». При счете 4:19 слева и счете не в пользу «49-х» 27:21 Монтана, придерживавшийся мнения, что часы как таковые еще не существуют, неотвратимо продвигал команду вперед. Потом, когда на часах осталось всего пятьдесят восемь секунд и мяч находился на 6-ярдовой линии Далласа, Монтана вынужден был отступить под натиском троих молодых из обороны противника, известной как «Защита судного дня», надвинувшихся на него как грозные своим возмездием ангелы смерти. Но его еще не похоронили, и Монтана высоко отбросил мяч в сторону торцевой зоны, где Дуайт Кларк, набегавший слева, вытянулся в свой полный рост – шесть футов и четыре дюйма, чтобы положить мяч на землю.

Две недели спустя Монтана привел Сан-Франциско к победе в Суперкубке [43 – Встреча чемпионов Американской и Национальной конференций, проводящаяся после 1967-го после окончания сезона. (Прим. перев.)] над «Бенгалами» из Цинциннати, совершив 14 из 22 пасов и заслужив почести, положенные самому ценному игроку. Еще три раза «Мистер Январь» приводил «49-х» к победе в Суперкубке, в том числе после волевой победы в XXIII розыгрыше над теми же самыми «Бенгалами», когда он обменял самую длинную передачу в истории Суперкубка, 92-ярдовый проход, обмениваясь короткими пасами сперва с Джерри Райсом, потом с Джоном Тейлором, потом опять с Райсом, а потом, когда на часах оставалось уже только тридцать четыре секунды, он отдал мяч Тейлору, совершившему 10-ярдовый занос, принесший Сан-Франциско невероятную победу со счетом 20:16.

Именно в этой игре за Суперкубок, как раз перед началом 92-ярдового прохода, Монтана продемонстрировал, почему его удостоили клички «крутой Джо». В соответствии с утверждением оборонца Рэнди Кросса, когда все прочие игроки «49-х» собрались в свалку, в предвкушении этого великого прохода, сам Монтана смотрел в сторону боковой линии «Бенгалов» со странной улыбкой на лице. Он сказал: «Эй, не Джон ли Кенди передо мною? Да, кажется, так». Через десять розыгрышей Монтана отдал голевой пас Тейлору, завершившему победную атаку.

Всю свою спортивную жизнь Монтана действовал с уверенностью рыночного шулера, скорее не отдавая пасы, а извлекая козырные карты из своего рукава. Двадцать девять раз приводил он свое войско к победе от поражения, когда стрелка часов на табло уже отмеривала последнюю минуту игры.

Когда травмы начали угрожать его величию и огонь славы начал уже угасать, он сумел вновь заставить его ярко вспыхнуть в новой волевой победе, на сей раз в 1993 году в составе «Вождей» из Канзас-Сити, когда он вывел их к первой победе в чемпионате Западного дивизиона АФК после 1971 года, а потом – вопреки всему – спас две игры в стадии плей-офф, одержав еще две волевые победы – двадцать восьмую и двадцать девятую в его послужном списке в НФЛ.

Джо Монтана всегда играл, полагая, что слабость воли стоит не более клочка бумаги. И при всем этом сия «золушка» в шиповках одержала больше волевых побед, чем Фрэнк Синатра и Сара Бернар взятые вместе.

ЛАРРИ БЁРД

(родился в 1956 г.)

Если впервые поглядев на Ларри Бёрда вы могли подумать, что перед вами будущая баскетбольная суперзвезда, то можно было бы точно сказать, что в голове у вас бо-ольшой беспорядок. Перед вами стоял явный герой пьесы под названием «Белый человек прыгать не умеет», но чтобы суперзвезда – да он не прошел бы элементарного медицинского освидетельствования на это звание. Для начала он просто не был способен бегать и скорее ковылял на утиных ножках, явно не слишком знакомых друг с другом. Потом был его бросок, скромное движение, начинавшееся примерно от уха, а потом посылавшее мяч к корзине невысоко, в обманчивой близости от рук защитников. Завершалось все его неспособностью к прыжку, недостатком, который в раздевалках НБА зовется «болезнью белого человека», поводом для его же собственной шутки: «Когда я прыгаю, под мои кеды и бумажки не припахнешь».

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Как же мог игрок, обладающий таким количеством атлетических недостатков, сделаться одним из величайших спортсменов всех времен? Должно быть, дело было в одном из непонятных компонентов, составлявших вместе Ларри Бёрда, величину, заметно превышавшую сумму составлявших ее частей. «Баскетбол никогда не был для меня отдыхом. Он был скорее моей любовью. Я просто играл в баскетбол и всегда пытался сделать все возможное, чтобы победить», – говорил он, пытаясь объяснить, что же заставляло Ларри бегать, бросать, прыгать – и побеждать.

Невероятный подъем Бёрда к достоинству суперзвезды начался в самом неподходящем для этого городке Френч-Лик, Индиана, селении столь небольшом, что проезжавшие сквозь него водители полагали, что проезжают через местечко под названием «Ограничение Скорости». Там он искал утешения в своей «любви», спасаясь в ней от жестокой реальности маленького городка, и сердце его искало спасения в «Городской Игре». Высокий и неловкий подросток, наделенный хлопковой шевелюрой и подбородком упряма, юный Бёрд во время своего обучения в выпускном классе средней школы «Спрингс-Вэлли» в среднем забрасывал 31 очко, подбирал 21 отскок и делал 9 передач, попав при этом в сборную штата.

На тренеров колледжей, однако, его мастерство особенного впечатления не производило. Тренер Джо Б. Халл из Кентукки, просмотрев его, решил, что Бёрд слишком нетороплив, чтобы включиться в быстрый баскетбол, исповедовавшийся «Дикими Кошками». Бобби Найт из Индианы, просмотрев юношу в действии, покачал головой и произнес: «Этому парню еще нужно научиться броску в прыжке». Тем не менее Найт предложил ему место в Университете Индианы. Однако семнадцатилетнему Бёрду, тихому и провинциальному, было не по себе в просторном кампусе Блумингтона и, проведя там всего шесть недель, он собрал вещички и возвратился во Френч-Лик, где поступил в крохотный местный колледж, Институт Нортвуд, но ушел и оттуда, когда узнал, что ему придется проучиться здесь два года, а потом поступать в четырехлетний колледж. Вновь возвратившись во Френч-Лик, Бёрд поступил на работу. Он водил муниципальную мусорную машину, чтобы помочь матери, и поигрывал в баскетбол в рамках ААЮ, очевидно оставив мечты о колледже.

И в этот самый момент вмешались баскетбольные боги, сошедшие со своих спортивных небес, чтобы этот будущий небожитель не остался незамеченным, и на молодого человека прямо из синей лазури свалилось предложение из Университета штата Индиана. Таким образом, Бёрд поступил в малоизвестное учебное заведение, устроившееся, как поют исполнители баллад, «на берегу Вобаша» в Терре-Хауте, чтобы выступить за команду, носившую подходящее имечко «Сикаморы».

Изрядно протерев штаны на скамейке весь свой первый год, проведенный в качестве студента, Бёрд отличился в сезоне 1976/77 года. Набирая в среднем по 32,8 очка и 13,3 отскока за игру, он привел «Сикамор» к рекордному результату за всю их историю – 25:3. Его юниорский сезон прошел в том же духе, поскольку возглавляемые Бёрдом «Сикаморы» достигли четвертьфиналов НИТ, а Бёрд оказался вторым среди снайперов в среднем с 30,0 очками за игру. Тем не менее и команда Индианы и Ларри Бёрд пребывали в неизвестности, и об их достижениях знали лишь в той части света, что лежит на берегах Вобаша.

Сезон 1978/79 года полностью преобразил эту картину. В том году птичка Бёрд действительно парила высоко, закончив год вторым среди снайперов и четвертым по подборам и заслужив титул лучшего баскетболиста года среди студентов. И в этом же самом году он в одиночку вывел из неизвестности собственную команду на первую позицию в национальном рейтинге, которую она сохраняла весь год, до финальной игры чемпионата NCAA с возглавлявшейся Мэджилом Джонсоном командой штата Мичиган. Имена Бёрда и Мэджика впервые прозвучали вместе. В первый, но не в последний раз.

Со времени своего появления в НБА в 1979 году Ларри Бёрд и Мэджик Джонсон стали парой вечных соперников, и соперничество это было из тех, которые освещают собой весь спорт. Но если внимание всей прессы было обращено к одному из них, другой пребывал спокойным и невозмутимым перед лицом публики. Это случилось явным вечером 6 апреля 1979 года, когда большой парень из маленького индианского города, наделенного странным именем, впервые ступил ногой на почву большого города, где говорят со странным акцентом, – то есть Бостона.

Президент «Кельтов» Ред Ауэрбах вспоминает, что, лишь глянув на эту физиономию, очень гармонизировавшую с амбаром и вывеской, на которой краснокожий жует табак, он подумал: «Ну и деревенщина». Деревенщина или нет, но Ауэрбах понимал, что

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Ларри Бёрд представляет собой будущее команды, на счету которой было 29 побед при 53 поражениях. Отступить было некуда, и в тот вечер Бёрд подписал свой первый контракт с «Селтикс», а потом Ауэрбах повез молодого человека в «Бостон Гарден», чтобы представить его болельщикам, собравшимся, чтобы посмотреть на него, но не команде, которая вполне предсказуемым образом вновь проиграла. Журналисты пытались выудить что-либо из самого нового «Кельта», однако им пришлось ловить буквально каждое отпущенное им слово, поскольку молодой человек вещал чрезвычайно короткими фразами, рядом с которыми школьный пример из учебника грамматики показался бы многословным.

После игры утомленный вниманием Бёрд отправился прочь – на поиски местной флоры и фауны. Примерно в первом часу ночи помощники генерального менеджера Джеффу Когену позвонили домой затем, чтобы он немедленно явился и забрал самого нового члена команды, который умудрился отыскать водопой в одном из самых жестких соседних районов Бостона. Отправившись курьерским поездом в указанное место, Коген обнаружил там к собственному удивлению «Бёрда возле стойки, рядом с этими парнями, в своем комбинезоне, кепке, веселого и на своем месте. Он удивительным образом соответствовал обстановке. У него уже появились болельщики».

Игрок, называвший себя «Гик из Френч-Лик», также превосходно вписался в свою новую команду, неким алхимическим образом преобразив «Кельтов» в команду-победительницу. В течение первого года, проведенного им в команде, «Селтикс» стал самой победоносной командой лиги, а Бёрд был удостоен НБА звания новичка года за ту роль, которую он сыграл в преобразении команды. На бис он привел «Кельтов» к титулу чемпионов НБА на следующий год. И начиная с этого мгновения игрок, которого пресса называла «Легендарным Ларри», продолжал переписывать эту легенду каждый год, да так, что к 1986 году, седьмому проведенному им в НБА, опрос далласской газетой шестидесяти ведущих специалистов в области баскетбола назвал Бёрда лучшим из нападающих, когда-либо игравших в эту игру.

Точное описание Ларри Бёрда невозможно составить, пользуясь одними словами. Однако стоит все же изобразить несколько сцен – выбранных среди многих и скорее выгравированных, чем нарисованных красками в памяти очевидцев.

Ксавье Макдэниэл, Икс из «Суперсоникс», вспоминает встречу между Сиэтлом и Бостоном, когда при ничейном счете был объявлен тайм-аут, и Бёрд крикнул ему: «Я сейчас вернусь на площадку и забью вот с этого места!», указав на точку на паркете очень далеко от кольца, а потом выполнил свое обещание после возобновления игры. Признавая, что «подобно гимнасту я выполняю суперсложные элементы», Бёрд выполнял броски обеими руками – он пишет и ест левой рукой – и иногда кричал противникам: «Бросаю левой!», выпуская мяч из руки и чаще всего с удовлетворением наблюдая, как снаряд опускается в корзину. Журналист Фред Кербер вспоминает одну из встреч «Олл Старз», когда Бёрд положил «свой» мяч броском с расстояния двадцать три фута девять дюймов, что сделало его, по словам «Спортс Иллюстрэйтед», «Королем трехочковых бросков». Интересно, что, бросая кирпич за кирпичом, бормоча что-то под нос, Бёрд оглянулся на крохотную кучку репортеров, стоявших около площадки, и сказал, что-то вроде того, что ему нужен стимул. Один из перепачканных чернилами бумагомарак, готовый услужить, предложил пари в 10 долларов на следующий бросок Бёрда. Бёрд обдумывал предложение меньше времени, чем нужно, чтобы прочитать это предложение, а потом развернулся и бросил, да так точно, что мяч чисто вошел в кольцо. А потом две горизонтальные щелочки, которыми он обычно пользовался вместо глаз, зажглись радостным огоньком, улыбка расплзлась по его лицу, и он сказал: «Вот так бы и всегда».

Пасы его были настолько точными, что астроном Карл Саган говаривал: «Ларри Бёрд отдает только математически выверенные передачи». Товарищ по команде Деннис Джонсон, считавший, что Бёрд и Мэдрик преобразили профессиональный баскетбол в командную игру, помнит, как «Кельты» переговаривались во время игры «передавая мяч друг другу со словами: если ты двигаешься, мы передаем мяч тебе, а Ларри тебя увидит». Журналист Стив Якобсон вспоминает о том, как Бёрд был пойман двумя защитниками у лицевой линии, спиной к корзине, лицом к правому углу, не имея пути для спасения. Товарищ по команде подбежал к Бёрду, ожидая передачи, но тот застрял в тупике, не имея возможности сделать передачу. Так, во всяком случае, казалось. Но Бёрд, манипулируя сразу руками и кроличьими ногами, просто выбил мяч из своей левой руки правым кулаком, пронзив окружавшую его чащу рук – прямо к своему товарищу по команде, который и переправил его в корзину.

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Кроме того, в его распоряжении была «КРАЖА!», деяние столь фундаментальное, что название его следовало бы впредь писать заглавными буквами в баскетбольной науке. Это случилось в играх плей-офф 1987 года: Бёрд с ловкостью карманника перехватил мяч, посланный Исайей Томасом, и отдал Деннису Джонсону острый пас, ставший решающим в победе Бостона над Детройтом в 5-й игре финалов Восточной конференции. Кража оставила Исайю голым – без мяча, без бумажника, даже без чести. Переполненный негодованием, раскрывая рот словно рыба на берегу, Томас выразил свое возмущение столь наглым поступком следующими словами: «Если бы Бёрд был чернокожим, то из этого карманника еще мог бы получиться баскетболист». Утверждение Томаса было настолько нелепым, что, по словам журналиста Джима Мюррея, заржали даже его собственные товарищи по команде, так как баскетболисты давно называли Бёрда между собой «Наш брат с другой планеты».

Подобное мнение не учитывало сущности Ларри Бёрда. Этот человек, пришедший в лигу одновременно с Мэджиком и оставивший ее по иронии судьбы одновременно с ним, представлял собой сочетание физических способностей, усердного труда, сливавшихся в цельного игрока. И приравнивать слова «атлетизм» и «природный талант» к усердной работе – значит оскорблять и слово и игроков.

Дело в том, что Ларри Бёрд был выше подобных ярлыков. И эта редкая птица – Бёрд – сумела опровергнуть привычное правило, гласящее, что белый сельский парень не сумеет овладеть городской игрой, и еще, что ты должен обладать определенными дарованиями, чтобы играть хорошо. Хотя скроен он был не так как другие, Ларри Бёрд перекроил и перешил свои способности, чтобы достичь успеха в этой всепоглощающей игре, которая сочетает касание и жесткость с инстинктом киллера. И, обладая этими качествами, человек, не умевший прыгать, достиг эпических высот.

ЭДДИ АРКАРО

(1916–1997)

Великие спортсмены бывают всякого размера, но экземпляры меньше Эдди Аркаро, чья тень простиралась по земле на пять футов два дюйма, попадают редко. Однако какую тень он отбрасывал вместе с находившимися в его власти 1200 фунтами конской плоти, которую он подгонял, торопил, подхлестывал и пинал в бока на пути к одной из 4779 побед, одержанных им за три десятилетия пребывания в седле.

Для большинства игроков тотализатора само присутствие Аркаро в седле было гарантией верной ставки, это было – как получить деньги из дома, не написав письма, так как жокей, которого они признательно – и по понятным причинам – именовали «Нос Бананом», финишировал при деньгах на более чем половине из двенадцати тысяч лошадей, на которых ему приходилось ездить. Следуя освященному временем завету лошадиного тренера Солнечного Джима Фицсиммонса, гласящему, что хороший жокей «не обременяет коня», Аркаро сливался с животным как хорошо подогнанное седло и управлял животным как пианист своим инструментом, что и принесло ему прозвище «Маэстро» среди братьев-жокеев.

Тем не менее на ранних стадиях своей карьеры Аркаро был похож на кого угодно, но только не на «маэстро». На деле он, скорее всего, тянул на звание мистера, и, если говорить откровенно, шансов у него не было почти никаких.

В возрасте тринадцати лет Эдди бросил школу в родном Цинциннати и нашел работу на расположенном неподалеку ипподроме «Латония». Он гонял лошадей – по 50 центов за прогулку, в основном в кредит. Проработав таким образом не один месяц – почти бесплатно и без всякой благодарности, если не считать таковой попреки тренеров, утверждавших, что наездник из него не получится, молодой человек отбыл в Калифорнию, где цыган-тренер Кларенс Дэвисон предоставил ему первый шанс.

Однако победа к нему не спешила. Более того, судя по рассказам, все удлинняющимся, как нос Буратино, – кстати, скромненький такой носишко, если сравнить его с отпущенным природой Аркаро, его первые 45 или 100 или 250 заездов были неудачными.

Свой первый круг победителя Аркаро совершил 14 января 1932 года на спине ничем не выдающегося коника по имени Птица Орел. Наделенный щедро отмеренным душевным

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru огнем и стилем, заставлявшим его трактовать правила на свой рыцарский манер, и боевитый как шершень, Аркаро сделался острым наездником.

Его скоро стали считать грубым и опасным соперником, так как он всегда ездил так, что несчастья можно было ожидать в любое мгновение. Один из чиновников «Вашингтон-парка» описывал его как «парня, который намеревается или добиться большого успеха или погибнуть».

Лучше всего иллюстрирует задиристую манеру Аркаро некий чрезвычайный военный совет, состоявшийся в «Арлингтон-парке». Перед самым финишем, оказавшись возле ограждения, Аркаро умело, но незаметно для судей выставил вбок ногу, помешав сопернику финишировать. Когда судьи спросили его, мешал ли он ехать своему конкуренту, Аркаро ответил: «Нет, раз вы это заметили». После чего его отправили с дорожки до конца соревнований.

В другой раз, в «Акведуке», горячий Аркаро, не сомневающийся в том, что соперник-жокей попытается помешать ему, решил оттолкнуть его к ограждению и выбросить из седла. Когда его призвали, чтобы выслушать объяснения подобного поступка, Аркаро, рыча и кривясь, сообщил арбитрам, что жалеет только о том, что не сумел выбросить своего мучителя в поле. Подобное высказывание стоило ему лицензии жокея на один год.

Тем не менее при всем этом Аркаро был победителем по природе, желавшим лишь того, чего он мог достичь. А достичь он мог многого, о чем свидетельствуют его 132 победы в 1933 году и продолжение серии на следующий год, привлечение внимания Уоррена Райта, собиравшего тогда свою конюшню на ферме Калумет. Райт купил контракт Аркаро, которому после этого пришлось перебраться с одров, достойных разве только того, чтобы их впрягали в телегу с молоком, на самых лучших чистокровных коней страны. Через два года, невзирая на то что в контракте значилось «заклучен до смерти», Аркаро вновь переехал, на сей раз из Калумет в престижную конюшню Гринтри, принадлежавшую миссис Пейн Уитни. И первая большая победа пришла именно в Гринтри. Поскольку конюшня Гринтри не участвовала в Кентуккийском Дерби 1938 года, Аркаро предложили выступить на Лорине, и предложение это сделал «Простой Бен» Джонс, тренер Лорина. Аркаро ухватился за этот шанс и не пожалел об этом. Джонс сообщил Аркаро, что, когда это потребуется, Лорин пробежит восьмую часть мили за одиннадцать секунд, но выбор момента оставался за Аркаро. Тот придерживал коня, не наказывая его три четверти мили. А затем, на миле, дал волю каблукам, подгоняя ногами животное к своей первой крупной победе. Получивший в качестве собственной доли 4705 долларов призовых, Аркаро в тот день достиг вершин своего дела.

Начиная с этого мгновения Аркаро ездил с огнем, но без ярости своих прежних дней, грубость и умение толкаться уступили место интеллекту и чувствительности. Преображение было настолько полным, что другой крупный специалист в области «конины», Вилли Шумейкер, сказал о нем: «Эдди Аркаро был самым величайшим наездником из всех, кого я видел. Он был способен сделать все. Он сидит на коне так, что кажется частью животного».

Тандем, составленный из Аркаро и коня, на котором он сидел, пришел первым к финишу в 554 скачках – в том числе одержав рекордные семнадцать побед на скачках «Тройной короны»[44 – Три главных соревнования сезона в США: скачки в Кентукки, Прикнессе и Белмонте. (Прим. перев.)] на завоевывавших этот приз конях Вирлэвее и Цитате, что сделало его «Королем наездников». Он был если не самым знаменитым всадником в истории скачек, то во всяком случае человеком, тень которого настолько выросла к концу его блистательной карьеры, что «Спортс Иллюстрэйтед» назвал его «самым прославленным из наездников после Пола Ревира»[45 – Национальный герой Америки времен войны за независимость, прославился тем, что в апреле 1775 года привез повстанцам известие о нападении англичан. (Прим. перев.)]».

ГЕНРИ АРМСТРОНГ

(1912–1988)

Физически Генри Армстронг представлял собой тощую акулу, бойца, исповавшего теорию генерала Клаузевица, гласящую, что побеждает тот генерал, который сумеет

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru навязать свою волю противнику. Армстронг навязывал своим противникам свою волю сто сорок пять раз, окутывая их роем ударов, сокрушая и уничтожая.

Однако этот вечный двигатель мог остаться всего лишь примечанием в истории бокса, скорее курьезом в ней, чем ее творцом, если бы в мозговом центре его тренерской группы не оказалось Эла Джолсона и если бы величайший год Армстронга – 1937-й – не оказался также годом Джо Луиса. До 1934 года Генри Армстронг выступал в весе пера, с переменным успехом сражаясь в Лос-Анджелесе и вокруг него с противниками, которые останутся столь же неизвестными, как тот солдат, что покоится на Национальном кладбище в Арлингтоне. Во время еженедельного матча по боксу Голливудского Легиона, перед полной звезд толпой, Армстронг отличился сенсационным нокаутом. Двое из присутствовавших звезд, Эл Джолсон и жена Руби Кеелера, ощутили симпатию к этому живому урагану и приобрели его контракт для своего друга Эдди Мида. Судьба Армстронга разом переменялась к лучшему – как и калибр его соперников.

В 1937 году ставить на Армстронга было надежнее, чем на «Маленькую Мисс Маркер» Ширли Темпла. В том году он одержал немыслимое количество побед – двадцать семь, и все они, кроме одной, были одержаны нокаутом. Армстронг и его менеджер не думали о весе противников и их потенциале. Они соглашались драться со всеми, вне зависимости от расы, религии и весовой категории. Армстронг боксировал с полупегковесами и легковесами и даже средневесами.

Но Джо Луис только что выиграл звание чемпиона в тяжелом весе, и, поскольку Армстронг никогда не разделял известности Луиса, его мозговой трест выбрал такой курс действий, который должен был принести им больше денег. А заодно и преобразить историю ринга.

Армстронг вспоминал о встрече, на которой кроме него самого присутствовали Мид, Джолсон и Джордж Рафт, также материально поддерживавший боксера: «Джо Луис намеревается отобрать всю популярность, и не только ее, у меня, у всех боксеров, потому что все копят деньги, чтобы посмотреть, как дерется Джо Луис». И тогда кто-то натолкнулся на идею, воистину равную тем, что широкой рекой текли в те золотые дни кино из голливудских «фабрик Грез», – столь же «колоссальную», «ошеломляющую» и «большую, чем сама жизнь». Идея эта заключалась в том, чтобы Армстронг выиграл три чемпионских титула. Одновременно.

Армстронг достал первую маслину из кувшина в октябре 1937 года: в весе пера победив Пити Саррона в шести раундах. Отложив на хранение чемпионский титул в весе до 57 кг, Армстронг занялся поиском более тяжелых противников и более прибыльных встреч. Последовало четырнадцать боев и еще четырнадцать побед, и Армстронг получил право встретиться в среднем весе с чемпионом Барни Россом. И вечный двигатель закружил Росса и унес у него корону, прекращая свои вихревые атаки лишь на мгновения, позволившие Россу продержаться последние пять раундов.

Располагая званием чемпиона в среднем весе, человек, пытавшийся собрать больше титулов, чем Карл Великий, сбросил лишнее и перешел в легковесы, чтобы отобрать чемпионскую корону у Лу Эмберса в жестоком бою, причем в течение последних шести раундов Армстронг глотал собственную кровь, боясь только одного – чтобы судьи не остановили бой.

Три чемпионских титула за девять с небольшим месяцев – с вашего позволения «хет-трик» воистину «ошеломляющий», «колоссальный» и «большой, чем сама жизнь».

Никто из тех, кто видел бойца по имени «Колотуха Хэнк», или «Хэнк-убийца», или «Хэнк-ураган», никогда не забудет его; не забудет эту безостановочно наносившую удары машину, действовавшую скорее ритмично, чем целеустремленно, тонкие ноги расставлены, руки скрещены перед лицом, каждый удар подгоняет часы и сопровождается возгласом. И каждый раунд которого достоин короны.

СЕБАСТЬЯН КОУ

(родился в 1956 г.)

Если начать вспоминать с античных времен, то имена пар, состоящих из отца и сына и добившихся большого успеха, можно записать на булавоочной головке, причем на

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru ней останется еще достаточно места для текста «Отче наш», Господней молитвы. О, конечно, к некоторым успехам приходил, к какому-нибудь сказочному крестьянскому сыну, сделавшемуся гордостью своего отца, но в основном парни эти подобно библейскому Авессалому[46 – Сын псалмопевца и царя Давида.] приносили своим родителям лишь бездну неприятностей.

Одним из тандемов, нашедших успех в объединении, а не в разделении являются Питер и Себастьян Коу. О них и будет наша повесть, рассказанная о величайшем средневеке всех времен.

Родившийся в Лондоне, где люди всем способам передвижения предпочитают езду, Себастьян – имя это сокращается в «Себ» – предпочитал бегать. Везде и всюду. «Я предпочитал бегать, наверно, с того дня, как научился ходить, – вспоминал он впоследствии. – Мне так было удобнее. Я регулярно пробегал две мили или что-то вроде того по поручениям матери и никогда не пользовался велосипедом, предпочитая удовольствие, полученное от бега. Кажется, я не ходил вообще, а только бегал».

Папа Питер, заметив, что сын его гоняет по городу как гончая за кроликом, инстинктивно попытался ввести эту природную способность в какие-то рамки. Обнаружив, что ему достался редкий ребенок, который будет охотно заниматься, тренер-самоучка стал поощрять сына к многочисленным упражнениям в спринте и бегу вверх по склонам, чтобы развить силу ног и дыхание, которые поднимут Себа на те высоты, которые впоследствии позволят ему глядеть свысока на остальных бегунов мира.

В возрасте двенадцати лет юный Себ поступил в клуб под названием «Халланшир Харриерс» и начал было со сплошных побед в самой непринужденной манере. Однако после нескольких успешных выступлений в юниорских соревнованиях Себ обнаружил, что не является непобедимым, и показанные им результаты уступают показанным другим, более многообещающим юниором Стивом Оветтом. Но папа Питер, ощущавший, что его сын наделен всем, что необходимо для занятия спортом, начал натаскивать сына на скорость. И, начиная с этого мгновения, компанию «Коу и Сын» интересовала только «скорость, скорость, скорость...»

К двадцати годам этот бегун, ростом в 178 сантиметров и наделенный сложением вешалки для пальто, но прочими атлетическими достоинствами не обладающий, считался имеющим вполне приличные перспективы, но тем не менее уступающим в классе Оветту. Однако в сезоне 1977 года он впервые победил в соревнованиях Эмсли Карр в беге на милю с результатом 3:57,67 секунды. Это была его первая важная победа и в соревнованиях, и над Оветтом. Затем он побил рекорд Соединенного Королевства в беге на 800 метров, показав 1:44,76.

Не стесняя себя обыкновенными рамками и границами, Себ опробовал целый диапазон дистанций, чтобы повисить свою скорость.

Скоростные тренировки с лихвой окупали себя в сезоне 1978 года, когда Себ выиграл 400-метровку с результатом ровно 48 секунд, пробежал этап эстафеты за 47,3 секунды и снизил рекорд Соединенного Королевства в беге на 800 м до 1:44,25 секунды, и достижение это менее чем на секунду уступало мировому рекорду Альберто Хуанторены.

Однако все это следовало считать только гарниром.

Настоящим украшением сезона являлся забег на милю на проходившем в Праге Европейском чемпионате и его поединок с Оветтом, к которому оба они бежали ноздря в ноздю или – если хотите – нога в ногу.

Выходя на старт, Себ явно не блистал здоровьем; скорее его следовало бы назвать порченным товаром. Мало того что весной того года он ступил в оставленную кем-то ямку и повредил сухожилия на лодыжке, теперь он еще страдал от жестокого желудочного расстройства. И без того не крепкий, Себ теперь сбросил вес до 51 килограмма и на стартовой линии забега на милю выглядел в лучшем случае хрупким.

Житейская мудрость требовала, чтобы ослабленный болезнью Коу держался позади и у самого финиша предпринял свой патентованный рывок. Однако житейская мудрость то и дело оказывается битой, а Коу был не из таких. Поэтому Себ сразу же рванулся вперед, взяв испепеляющую скорость – 49,3. Он лидировал до последней обратной

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru прямой и на повороте, однако огонь в его ногах начал угасать, сменившись тупой болью, навалилась усталость, а вместе с ней Оветт. А с ним и третий бегун, Олаф Бейер из команды Восточной Германии. Выйдя на последнюю прямую, Себ попытался сохранить и скорость, и лидерство, но сперва мимо него проскочил Оветт, а потом – сюрприз из сюрпризов – его примеру последовал и Бейер, показавший пятый результат во всей истории бега на милю, Оветт финишировал вторым, а Коу третьим.

Проиграв Оветту матч и рекорд Соединенного Королевства, Коу вступил в борьбу с Оветтом на дистанции 800 метров, на которой оба они до конца того года то и дело отнимали рекорды друг у друга.

Сделав перерыв для завершения учебы, Коу возвратился на дорожку в июле 1979 года, пробежав 800 метров на стадионе Бишлет в Осло. Себ пробежал 200 метров за 24,6 секунды, а потом, чтобы не сгореть, замедлил бег на следующей двухсотметровке до 26 секунд. Вырвавшись далеко вперед и ощущая удивительную свежесть, он миновал 600 метров за 1:15,4 секунды, быстрее, чем кто-либо. Подбадриваемый возгласами соперников, которым оставалось теперь думать лишь о дележе последующих мест между собой да изучать его пятки, Себ, теперь ощущая себя, как если бы он бежал на автопилоте, пересек финишную линию со временем 1:42,33 секунды, превзойдя мировой рекорд на 1,11 секунды.

Через двенадцать дней он возвратился в Осло, чтобы участвовать в «Золотой Дубайской Миле», которая привлекла всех ведущих бегунов на милю. И к нему пришла новая рекордная победа, одержанная в компании обладателя мирового рекорда Джона Уокера, обладателя мирового рекорда для закрытых помещений Эмона Коглана, европейского рекорда Томаса Вессингхаге, чемпиона Британского Содружества Наций Дейва Муркрофта и американца Стива Скотта. Себ победил со временем 3:48,95 в забеге, который получит имя «величайшего в истории бега на милю» – все первые десять бегунов показали лучшее в истории время на своих позициях.

Менее чем через месяц Коу установил еще один рекорд на дистанции 1500 м на знаменитых Цюрихских пригласительных соревнованиях «Вельтклассе», показанный им результат 3:32,03 стал его третьим мировым рекордом за сорок один день. Он стал первым в рейтинге на дистанциях 800 и 1500 метров, а журнал «Легкая атлетика» назвал его спортсменом 1979 года.

Готовясь к Московской Олимпиаде 1980 года, Коу задержался в Осло на достаточный срок, чтобы установить свой четвертый мировой рекорд, пробежав 1000 метров за 2:13,40. Но владение рекордом вещь преходящая, и заканчивается это обладание незаметно. Уже через час Оветт превысил рекорд Себа в беге на милю, показав 3:48,8, а потом за девять дней до Олимпиады-80 Оветт повторил рекорд Себа на 1500 метров.

Так случилось, что Мухаммед Али и Джо Фрезер бега на средние дистанции, т. е. Коу и Оветт, предпочитавшие сражаться с результатами друг друга, а не встречаться в личных поединках, впервые после 1978 года наконец сошлись на беговой дорожке на Олимпийских играх 1980 года.

Многие полагали, что Коу, пробежавший 800 метров быстрее всех в истории, победит на этой дистанции, а Оветт, одержавший кряду сорок одну победу на 1500 метрах и миле, выиграет звание олимпийского чемпиона на олимпийской метрической миле, 1500 метрах.

Обстоятельства сложились так, что дистанция 800 метров была первой, и, очевидно, разнервничавшийся Коу пробежал дистанцию в рассеянии, тратя напрасно время на внешней дорожке и обдумывая тактику на ходу. Оветт выиграл забег, а Коу финишным рывком завоевал серебро, что было бы неплохо для любого другого спортсмена, но для Себа было равнозначно поражению. На последовавшей пресс-конференции Себ, державшийся напряженно, признал: «Я выбрал именно этот день, чтобы пробежать самый худший забег в своей жизни. Наверно, сегодня я позволил себе больше смертных грехов на этой дистанции, чем во всех своих предыдущих выступлениях. И надо же было выбрать именно этот забег». Папа Питер снял со слов сына фиговый листок: «Ты бежал сегодня как идиот».

Шесть дней спустя им предстояло встретиться на полуторакилометровке, любимой дистанции Оветта. Но Коу, боевым кличем которого стали слова «я должен победить», преследуемый видениями собственного поражения на 800 метрах, бежал со свирепой решимостью. Испытывая желание избежать тактических ошибок, допущенных

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru на 800-метровке, он держался впереди стаи и на последнем вираже включил вторую передачу, чтобы вырваться вперед. За сотню метров до финиша он предпринял рывок и, пробежав эту сотню за 12,1 сек, выиграл золотую медаль. Сразу же за финишной линией Коу пал на колени и, коснувшись лбом земли, разрыдался.

В 1981 году Коу установил мировой рекорд на 800 метров в зале, свой шестой мировой рекорд – на дистанции 1000 метров, пробежав ее за 2:12,18, а потом, через два дня после того как Оветт установил мировой рекорд в беге на милю, побил его, поставив новое достижение – 3:47,33 секунды. Проведя сезон без поражений, он вновь был назван лучшим легкоатлетом года.

Следующие три года стали для Коу серией болезней, начавшихся с простой мозоли на ноге и закончившихся тяжелым glandулярным токсоплазмозом, потребовавшим удаления лимфатического узла. Карьера его казалась законченной.

Его списали со счетов, как национальный долг, однако Коу большинством в один собственный голос считал, что сможет успешно выступить на Играх 1984 года в Лос-Анджелесе. И ничего другого не потребовалось. Вновь обидным образом финишировав вторым на 800-метровке – и подтвердив тем самым подозрения прессы, полагавшей, что Коу выдохся, он вложил все свои силы в бег на 1500 метров, опередив соотечественника Стива Крэма, стал чемпионом, единственным, кто выиграл эту дистанцию на Олимпиадах два раза. Пересекая финишную линию с поднятыми руками, Коу крикнул не верящим и сомневающимся: «Ну, теперь поверили?!»

Этой последней деталью и заканчивается легенда – повесть о человеке, который стал величайшим бегуном на средние дистанции в истории мировой легкой атлетики.

ДЖЕК ДЕМПСИ

(1895–1983)

Любой из соперников Демпси, которому удавалось уйти собственными ногами после поединка с ним, мог считать свое выступление успешным. Примерно шестьдесят его противников – в том числе и те, с кем он встречался в выставочных боях, не сумели добраться до второго раунда, столь сильным был его удар.

На ринге Демпси представлял собой идеальный образец бойца. Приближаясь к противнику с оскаленными зубами, виляя корпусом и раскачиваясь, как метроном, пригибая черноволосую голову, чтобы в нее труднее было попасть, и сверкая черными глазами, Демпси казался врагу подступающим ангелом смерти.

Удивительная быстрота его рук и смертоносный крюк левой, вкупе с психологией необходимости, рожденной в шахтерском городке, где прошла его юность, превращали каждый его бой в войну, в которой уцелевших не оставалось. Ради победы он шел на всевозможные уловки – бил ниже пояса, после колокола, в затылок, бил по сопернику уже падающему и даже встающему. «Черт, – говаривал он, – это же просто привычка заботиться о собственной безопасности».

Однако самому Демпси не приходилось заниматься этим делом, в отличие от его противников. Потратив несколько лет на боксерские стычки с местными шерифами, Демпси явился с Запада с жуткой репутацией, прозвищем «Глушила из Манассы» и менеджером по имени Док Кернс. Обладая животным инстинктом, внутренней яростью и невиданной прежде жадной боя, Демпси проложил себе широкую дорогу в тяжелой весовой категории. Разделавшись в июле 1918 года за восемнадцать секунд с претендентом на звание чемпиона, Демпси доказал, что не является боксером одного боя, так как бой с новым претендентом – «Белой Надеждой», Карлом Моррисом, он закончил также нокаутом уже за четырнадцать секунд. Теперь от чемпионской короны «Глушину из Манассы» отделял только человек-гора по имени Джесс Виллард, двухметровый боец, победивший Джека Джонсона примерно за четыре года до этого. Однако после одного робкого то ли удара, то ли тычка Демпси раз двинул левой, и ошеломленный Виллард оказался на полу – при разбитой на семь кусков челюсти и полном отсутствии шансов сохранить свой титул.

Место Джека Демпси на спортивном ландшафте определяет не статистика. Скорее Демпси лучше, чем кто бы то ни было, сумел захватить воображение американской спортивной публики. Он стал родоначальником Золотого века спорта, сделавшись

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru первым из пяти великих спортивных героев 1920-х годов, к которым кроме него относятся Бейб Рат, Ред Грейндж, Бобби Джонс и Билл Тилден. И при этом он был величайшим аттракционом всех без исключения времен, лакомым кусочком для масс, плативших миллионы долларов Хардинга и Кулиджа [47 – 29-й и 30-й президенты США. (Прим. перев.)] за право видеть бои этого легендарного боксера.

ДЖЕРРИ УЭСТ

(родился в 1938 г.)

Многие из так называемых экспертов, знатоков спорта, когда их просят охарактеризовать великого спортсмена, начинают свое описание с одной части таланта, одной части рекордов, одной части результатов и одной части доминирования в своем виде. Потом к этому головокружительному составу добавляется последний ингредиент, неосязаемый фактор, известный под названием «уверенность в себе», которая в случае Бейба Рата представляла собой «меткость», Джо Намата – «гарантированность», а Мухаммеда Али – «предсказуемость».

Однако никакая из подобных формул величия не сумеет объяснить масштаб фигуры Джерри Алана Уэста. Дело в том, что Джерри Уэст не располагал самым важным из компонентов упомянутой выше комбинации – этой самой уверенностью в себе. Углубленный в себя и обремененный сомнениями в большей степени, чем любой из тех, кто находится по эту сторону приемной психиатра, Уэст внес в эту формулу свой собственный ингредиент: желание превосходить других.

Желание это возникло, когда Уэст был еще маленьким мальчиком в Западной Вирджинии, в Чельяне, однолошадном городке возле известного всем Кэбинскрика. Как вспоминал Уэст: «Делать там было нечего, кроме как заниматься спортом». И поэтому когда один из соседей прикреплял корзину на стене гаража, молодой человек естественным образом перемещался в сторону единственной игры в городке.

Сперва его участие ограничивалось «смотрением». Однако корзина притягивала к себе, и он вскоре уже начал принимать участие, правда с поправками: «Не имея возможности бросить мяч сверху, я бросал его снизу». Однако с терпением, которое так часто иссякает в молодости, он продолжал бросать, пока не научился поражать корзину всеми возможными и мыслимыми способами – в любой час утра, дня и вечера. «У меня было огромное желание играть. Летом и зимой, когда земля была покрыта снегом... я играл все время, непрерывно! Это было по-настоящему любимое занятие».

Однако взрослея, он совсем не рос, и даже при неутолимом «желании играть на каком-нибудь уровне» недостаток роста ставил под сомнение подобную перспективу. Не сумев из-за роста попасть в юниорскую команду своей школы в седьмом классе, он все-таки оказался в ней в девятом, хотя все-таки по собственному признанию: «Был не слишком хорош. Я был невысок ростом и рос не быстро». Потом была старшая школа, и его наконец приняли в университетскую сборную, хотя наш герой и оставался по-прежнему «очень невысоким». А потом, подобно Тому Хэнксу в фильме «Большой», однажды утром, где-то между старшим и младшим курсами, он испытал странное ощущение: «Я просто проснулся однажды... и вдруг оказалось, что я вырос – почти до 190 сантиметров».

По-прежнему юный и неловкий, Уэст продолжал тренироваться, давая себе нагрузки, которых не выдержал бы и паровоз. И на старшем курсе он уже отточил свое мастерство настолько, что не только играл и блистал в команде Истбэнкской средней школы, но и получил прозвище «Тарантула» за способность окружить паутиной сеть игрока, против которого играл. Его команда стала чемпионом штата.

Осажденный предложениями буквально от всех достойных внимания колледжей, Уэст предпочел остаться дома, в расположенном в Моргантауне университете штата. Там начиная с 1956 года до сезона 1959/60 года, Уэст привел Западную Вирджинию к трем победам в первенстве Южной конференции, набирая в среднем 24,8 очка за игру – в том числе на старшем курсе 29,3 очка, дважды попал в сборную Америки и в 1959 году вывел «Горцев» в финал первенства NCAA, где они проиграли всего одно очко, хотя он добился высокого показателя, набрав 28 очков, что сделало его обладателем звания самого лучшего игрока.

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Губернатор Западной Вирджинии признал успехи Уэста, пригласив молодого человека посетить правительственный особняк в Чарльстоне. Представляясь секретарю, Уэст негромким и музыкальным голосом горца сказал: «Я – Джерри Уэст. Губернатор вызвал меня к себе на прием». Оглянувшись по сторонам, секретарь ответил: «Вам незачем представляться. Вас знают лучше, чем губернатора».

В Западной Вирджинии так случалось всегда. Но на мировой арене, начиная с Римской Олимпиады 1960 года, где Уэст вместе с Оскаром Робертсоном был капитаном победоносной баскетбольной команды США, наш герой стал вторым по известности игроком 60-х годов после Робертсона. Так было почти всегда во время их четырнадцатилетней профессиональной карьеры. И по большей части на долю Уэста выпадало второе место.

Оба они перешли в профессионалы по драфту НБА 1960 года: Робертсон первым номером, а Уэст – вторым. Самокритичный Уэст сказал: «Я не считал себя достойным играть в НБА».

Робертсон набрал 30,5 очка за игру, показав третий результат в лиге при 11,4 передачах, и попал в первую пятерку сборной лиги. Показатели Уэста были скромнее, поскольку он набрал в играх за «Лейкерс» «всего» 1389 очков при среднем показателе 17,6. Уэст был не удовлетворен. «Я был неловок, мне не хватало уверенности», – говорил он. Он сумел обнаружить причину одной из своих профессиональных проблем: «Я не двигался влево, и поэтому защитники «надували» меня, заставляя делать шаг вправо». С решимостью, которая сделалась его фирменной маркой, от природы праворукий Уэст начал уходить влево. Кроме того, он отработывал бросок, и ко второму году сделался неотъемлемой частью нападения «Лос-Анджелес Лейкерс», а его броски, проходы с мячом и соревновательный пыл дали «Лейкерс» бесподобную пару в лице Уэста и несравненного Эджина Бейлора.

Обладавший жестким дриблингом, Уэст сделался одним из самых опасных специалистов лиги по броскам из прыжка, о чем свидетельствовали его 30,8 в среднем очка за игру, в точности столько же, сколько и у Робертсона. Вдвоем они попали в качестве двух защитников в сборную «Всех звезд» НБА.

В последующие годы его средняя результативность колебалась вокруг 30 очков за игру. Уэст сочетал свою убийственную меткость с быстротой и всеобъемлющим видением, которое позволяло ему, как говорил Джим Мюррей, замечать «не только собственные уши», но и всех открывшихся для передачи товарищей по команде.

Уэст принес с собой еще одно важное качество, называвшееся некоторыми обозревателями «упорством», а другими «упрямством». Дело в том, что Уэст, сбросивший шестьдесят пять фунтов и похожий на иссохший, свитый из жил хлыст, резко отличался от мясных туш, населяющих джунгли НБА. Он демонстрировал бесконечную способность терпеть боль, бросаясь туда, куда и ангелы не летают, или ныряя в воздух за шаловливым мячом, о чем свидетельствовал его кривой нос, сломанный девять раз – тоже кстати рекорд лиги. Но и сломанный, он играл лучше, чем многие целые и невредимые игроки.

Ред Ауэрбах, тренер «Бостон Селтикс», использовавший все меры, чтобы остановить Уэста, кроме разве что наемных убийц, сказал разочарованно: «Уэста нельзя остановить. Можно пробовать разные способы – играть близко к нему, можно играть далеко, можно не давать ему мяч. Но он всегда сумеет забросить свои двадцать пять – тридцать очков».

Однако Джерри Уэста часто терзала мысль о том, что он все-таки не самый лучший. «Мне приходилось сомневаться в себе, потому что мы проигрывали командам, которым не должны были проигрывать ни в коем случае. Это было тяжело. Сколько раз, когда мы выступали в плей-офф и были близки к победе, но не могли одержать ее, я говорил себе: "Нас сглазили? Или нам не хватает дыхания?"»

Наконец в 1972 году, после семикратного выступления в финалах в десяти предыдущих сезонах без окончательной победы, судьба повернулась лицом к Уэсту и «Лейкерс», выигравших подряд тридцать три игры и увенчавших сезон победой в пятиматчевой финальной серии.

Теперь у Джерри Уэста было все, включая уважение тех, кто играл против него. Как сказал Билл Рассел на вечере в честь Джерри Уэста: «Величайшая честь, которой может удостоиться человек, это уважение и дружба равных ему по положению». Далее

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru перед всеми, кто собрался в тот вечер в лос-анджелесском «Форуме», Рассел сказал Уэсту: «В тебе есть больше, чем в других известных мне людях. Я желаю тебе всегда оставаться счастливым».

КРИСТИ МЭТЬЮСОН

(1880–1925)

Америка начала 1900-х годов была уверена и самодовольна, она не сомневалась в отношении собственного места в истории, но искала себя. И находила собственную сущность в своих героях: Тедди Рузвельт – в политике, Джек Лондон – в литературе и Кристофер Мэтьюсон – в спорте.

Репутация Мэтьюсона основывалась на его прославленном «скрытом броске» – умении так бросить мяч, что кисть его прятала мяч от бэттера да еще подкручивала его, так что снаряд попадал в ноги игроку команды-соперницы, и на его немыслимом умении владеть собой. Элегантно орудуя мячом, Мэтти чередовал свой «ублюдочный питч» с мячами, пущенными по быстрой кривой, причем попадания его были точны, как движения парикмахера, выбривающего усатого клиента. Совершавший за игру в среднем полтора прохода, Мэтти заставил спортивного журналиста Ринга Ларднера вознести ему следующую хвалу: «Никто на свете не способен так точно направить мяч в любое нужное место». Умение Мэтти было столь велико, что ему до сих пор принадлежит рекорд по количеству иннингов без прогулки, равный 68 за тридцать дней и поставленный в 1913 году.

Однако основой славы Мэтьюсона являются не его мастерство и не бросок, а три победы над командой «Филадельфия Атлетикс», одержанные в мировой серии 1905 года, ставшие тремя холмами, с высоты которых он мог спокойно взирать на бейсбольный мир и на его рекорды, доколе существует эта игра.

Это выступление, как написал впоследствии один из биографов, «было столь же несравненным, как "Большой шлем" Бобби Джонса в гольфе». Стоя на питче в трех полных играх за шесть дней, Мэтьюсон превратил биты могучих «Атлетов» в тростинки, которыми они совершили всего четырнадцать ударов за три игры. Пробежку ему пришлось совершить лишь однажды, и встречи эти превратились в величайшую демонстрацию мастерства питчера во всей истории серии да и всего бейсбола. Менеджер «Атлетикс», бессмертный Конни Мак, впоследствии ворчливо признавал: «Мэтьюсон был величайшим питчером среди всех, кто выходил когда-либо на поле в этом качестве. Он обладал необходимыми знаниями, точным суждением, совершенным контролем и формой. Смотреть на его выступления было увлекательно – в тех случаях, когда он не играл против твоей команды».

В течение первых пятнадцати лет двадцатого столетия репутация Мэтьюсона росла и ширилась. Он не только добился 22 в среднем побед за сезон за семнадцать лет, но в том же самом году, когда «Атлеты» всухую проиграли ему в серии, Мэтти завоевал питчерский вариант «Тройной короны», возглавив список Национальной лиги по победам, ERA и ударам навывлет. Кроме того, он три года подряд имел по тридцать побед. Его точность и расчет были таковы, что смотреть на него было чистым удовольствием, даже когда ему противостояли в лучшем случае самые обыкновенные противники. Особенную слабость в отношении его испытывали две команды – «Кардиналы» и «Красные», подчинявшиеся натиску Мэтьюсона с мрачной покорностью судьбе и проигравшие ему 23 и 22 встречи подряд. Как сказал обозреватель Дамон Раньян: «Вчера Мэтьюсон питчировал против Цинциннати. Иначе говоря, команда Цинциннати проиграла бейсбольный матч. Первое заявление с неизбежностью следует из второго».

Великий спортсмен, блиставший в качестве раннера и дроп-кикера в Бакнелле, а потом выступавший в профессиональном футболе, Мэтти услышал зов сирен бейсбола и оставил школу в погоне за своей мечтой. Он никогда не оглядывался назад и тринадцать раз имел более 20 побед в сезоне, а всего на его счету 373 победы – до сих пор действующий рекорд Национальной лиги.

Одним из первых делегированный в Зал славы, этот герой-джентльмен в соответствии со словами Джона Макгроу был «величайшим питчером, среди всех когда-либо выступавших». Но не только. Он был больше, много больше. Кристи Мэтьюсон был также, как написал спортивный журналист В.О. Макджихан, «самым любимым публикой

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru среди всех игроков в мяч и самым популярным атлетом своего времени».

БОБ МАТИАС

(1930–2006)

Если спорт представляет собой, как предположил кто-то и когда-то, метафору метафоры, то год 1948-й стал годом, когда спортивная арена в большей степени чем когда-либо была полна устремлений – прошлых, нынешних и будущих, чем за всю свою долгую историю. С центральной площадки еще отказывались уходить несколько исполнителей, карьеру которым продлила Вторая мировая война, теперь скорее принадлежащие к поколению отцов спортсменов, а не самих спортсменов. К ним можно добавить несколько звезд, спортивная жизнь которых была прервана войной. Теперь они вернулись, чтобы дать свое последнее выступление. А рядом с ареной уже ждали своего времени несколько будущих звезд. И среди них был семнадцатилетний школьник из Туларе, Калифорния, по имени Боб Матиас.

Матиас, могучий молодой человек, ростом шесть футов два дюйма и весом под 80 килограммов, с лицом киногероя, проявил свои способности в баскетболе и футболе. Однако высот он достиг в мире легкой атлетики, поставив более двадцати рекордов в толкании ядра, метании диска, беге с барьерами и прыжках в высоту. Весной 1948 года тренер предложил разностороннему спортсмену заняться десятиборьем.

Как вспоминал Матиас, когда тренер подошел к нему «и предложил заниматься десятиборьем, я спросил, что это такое, но тренер смог только сказать, что этот вид объединяет десять других, но каких именно он назвать не смог».

Тогда его тренер выписал книгу о десятиборье. Уплатив 3,95 доллара за доставку, они отыскали под буквой «Д» следующую информацию: оказалось, что десятиборье включает в себя такие виды – прыжки с шестом, прыжки в длину, метание копья и бег на 400 и 1500 метров, которыми Матиас никогда не занимался.

Имея всего три недели на подготовку перед проводившимся ААЮ первенством Южно-Тихоокеанского региона, Матиас превратился в лабораторию, состоящую из одного человека, отдававшего каждое волокно своего существа преодолению десяти препятствий, отделявших его от величия. Естественным образом он оттачивал каждый вид, за приметным исключением прыжка с шестом, который казался будущему чемпиону непреодолимым, поскольку он вновь и вновь оказывался не в силах взять высоту в восемь футов, и технику его при этом можно было уподобить разве что «незастеленной постели». Не считая ситуацию безнадежной, Матиас продолжал тренировки в прыжках с шестом, пока и это умение не покорило его.

Не обремененный репутацией или ожиданиями, Матиас выиграл региональный чемпионат по десятиборью, что позволило ему принять участие в квалификационных предолимпийских соревнованиях, проводившихся в рамках Национального чемпионата ААЮ (Американской ассоциации университетов), состоявшегося через две недели. Во время своего всего лишь второго выступления в десятиборье Матиас победил трехкратного чемпиона страны Ирва Мондшейна из Нью-Йоркского университета и Флойда Симмонса. Сильный парень из Северной Каролины стал в возрасте семнадцати лет, восьми месяцев и трех недель самым молодым из участников американских легкоатлетических команд, добивавшихся права выступать на Олимпиадах, и национальной знаменитостью.

Лондонские Игры 1948 года, первые Олимпийские игры за прошедшие двенадцать лет, привлекли внимание всего мира. И ни один из атлетов не вызывал большего внимания, чем семнадцатилетний носитель американского олимпийского огня. Но сперва следовало доказать весомость своих претензий на славу, и молодому человеку пришлось встретиться с самым большим контингентом спортсменов в истории десятиборья – тридцатью пятью десятиборцами из двадцати стран мира, отрядом настолько большим, что его пришлось разделить на две группы. Матиас вытасил короткую соломинку и попал во вторую группу, что было невыгодно, так как соревнования в ней заканчивались последними – поздно вечером

Вечер 5 августа стал для Матиаса временем борьбы – одновременно с соперниками и проливным дождем. Результаты, показанные нашим героем в высокую воду, в общем, выдерживали не очень придирчивую инспекцию, но неопытность стоила ему ценных

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
очков и едва ли не шанса на золото.

Тем не менее к концу первого дня Матиас имел 3848 очков, позволявших ему находиться на третьей позиции позади француза Игнаца Эйнрика и аргентинца Энрике Кистенмахера.

Дождь поливал стадион «Уэмбли», превращая семьдесят тысяч зрителей и тридцать пять участников соревнований в подобия пятнистой форели. Соревнования второго дня начались в десять утра и продолжались до темноты в полном смятении.

Борьба со стихиями – дождь нельзя было назвать ласковым – началась с того, что Матиас засиделся на старте и пробежал барьерную дистанцию хуже, чем ожидалось. Далее был диск, коронный его вид. Матиас забросил снаряд примерно на 45 метров, но кто-то, как-то и каким-то образом сбил с места его флажок, и Матиас получил меньше очков, чем вытащил ему диск из той грязной лужи, в которую превратилось поле. Тем не менее официально зачтенные ему 44 и 45 сантиметров были достаточно хорошим результатом, для того чтобы вывести его на первое место. Метание копья проходило в особо сложных условиях, и судьям приходилось светить фонариками, чтобы Матиас мог видеть стартовую линию. И все же во второй попытке молодой человек превзошел противоборствовавшую природу, послав копье на 50 метров 85 сантиметров, и этого хватило для того, чтобы захлопнуть дверь. Теперь ему оставалось только пробежать с хорошим временем 1500 метров, чтобы удержать победу. Отнюдь не переутомляясь, Матиас рассекал грудь ветер и дождь и финишировал, имея 49 секунд в запасе.

Эти соревнования по десятиборью, длившиеся двенадцать часов и тридцать пять минут, стали в буквальном смысле слова соревнованиями на выживание. Однако в итоге самый молодой член американской легкоатлетической команды стал и самым молодым обладателем золотой медали, превзошедшим поставленный Джимом Торпом в 1912 году рекорд во всех видах, кроме бега на сто ярдов и 1500 метров. Эллисон Данциг писал в «Нью-Йорк Таймс»: «Под дождем, на залитой водой дорожке... под гаснущим светом и под прожекторами, это было выдающимся достижением». Когда репортер газеты спросил у парня, что он теперь намеревается делать, Матиас ответил: «Начать бриться».

Если его выступление на Олимпийских играх 1948 года было названо «удивительным достижением», то еще больших комплиментов заслуживала победа Матиаса в Хельсинки, одержанная через четыре года. Там Матиас, невзирая на боли в поврежденном бедре, стал первым двукратным олимпийским победителем. Еще он установил новый мировой рекорд, превысив старый с рекордным для олимпийской истории разрывом. Его героическая борьба с травмой и болью была настолько драматична, что Брутус Гамильтон, тренер легкоатлетической команды 1952 года, назвал его «не только величайшим атлетом мира, но и величайшим спортивным бойцом».

А потом Боб Матиас оставил спорт непобежденным, закрыв книгу с повестью об одной из самых удивительных судеб в истории легкой атлетики – да и всего спорта.

БОБ КОУСИ

(родился в 1928 г.)

Когда речь заходит о Бобе Коуси, всегда важно понять, чему ты веришь больше: рассказчикам или собственным глазам. Просто многие из его свершений на баскетбольной площадке попросту озадачивали зрителей: был ли это пас буквально сквозь игольное ушко, или дриблинг за спиной, проведенный в манере – видишь мячик, а вот его нет, или ловкость рук, от которой голова зрителей идет кругом.

Прозванный «Гудини паркета», Коуси представлял собой так сказать умеренно рослого человека: его 189 сантиметров были весьма невелики по баскетбольным меркам. Однако то, что он творил при своем росте, не укладывается ни в какие описания.

Человек, именовавшийся попросту «Кузом», играл в баскетбол так, словно имел дело с арфой в тысячу струн, производя на ней больше вариаций, чем сумел бы придумать даже сам Мусоргский. Какое-то мгновение вам казалось, что он сумел бы, ведя мяч

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru одной рукой, другой застегнуть пуговицу на своем жилете – если бы баскетболисты играли в жилетах. А потом он вдруг отдавал пас – из-за спины, из-за уха, невесть откуда, – неуклонно продвигаясь к корзине, а противники, глядя на все это, застывали словно персонажи музея восковых фигур мадам Тюссо. Коуси объяснял свой успех собственной одаренностью, состоявшей, по его мнению, из «скорости движения, быстроты мышления, периферийного зрения и т.п.».

Окончивший в 1946 году нью-йоркскую высшую школу Эндрю Джексона в качестве члена сборной города, Коуси, по его собственным словам, «получил целых два предложения от колледжей». Он выбрал школу Святого Креста, небольшое иезуитское учебное заведение в Уорчестере, Массачусетс, где следующие четыре года стройный молодой человек, обладавший совершенно внеземным периферийным зрением, занялся разработкой ловушек. Поняв механику игры, он изобрел ряд собственных ходов, в том числе дриблинг за спиной, обратный дриблинг и пас из-за спины. Входивший в число лучших игроков страны в 1948, 1949 и 1950 годах, Коуси оставил школу, в общем, не собираясь играть в первенстве только что образовавшейся Национальной баскетбольной ассоциации. «Я намеревался играть только в том случае, если меня задрафтует Бостон», вспоминал он свои сказанные кому-то в ту пору слова.

Но «Селтикс» – и несколько других команд – оставили звезду местного значения без своего внимания, и Коуси попал в команду «Три-сити». Но еще до того как Коуси успел спросить себя: «Где же, во имя Рэнда Макнэлли[48 – Так называется издательство, выпускающее географические карты (Прим. перев.)], находится «Три-сити»?», его начали передавать из команды в команду, словно доставленную не по адресу почтовую бандероль. Сперва «Три-сити Блэкхоукс» не глядя выменяли на него защитника «Чикагских Оленей» Фрэнки Брайена. А потом, в одной из тех очередных конвульсий, что постоянно поражают новые лиги, лицензия Чикаго была отозвана, и игроки «Оленей» были распределены между остальными командами. Три защитника – Макс Заслофски, Энди Филип и Коуси – были при этом разыграны между Нью-Йорком, Филадельфией и Бостоном.

Ред Ауэрбах, тогда как и теперь являвшийся главной шишкой компании «Селтикс», предпочитал Коуси обоих его конкурентов, которых считал более предпочтительными в профессиональном отношении. Однако когда «Никс», пользовавшиеся правом первого выбора среди свободного от налога товара, предпочли Заслофски, казавшегося самым сильным из всех троих, а «Воины» выбрали Филипа, великого плеймейкера, «Кельтам»[49 – «Кельты» и «Селтикс» – одна и та же команда, «Селтикс» – «Кельты» по-английски. (Прим. ред.)] достался Коуси.

Однако выиграл все-таки тянувший последним Ауэрбах. Дело в том, что Коуси не просто расцвел в бостонском саду пышным цветом, он сразу же превратил «Селтикс» в доходное предприятие.

Излучая в процессе игры энергию, достаточную, чтобы осветить Бостон с его пригородами, Коуси придавал дотоле статичной игре напряжение. Обладая инстинктивными способностями плеймейкера, мастерством импровизатора и способностью преодолеть любой кризис с помощью своих магических пасов и волшебного дриблинга, Коуси всеми возможными и невозможными способами одурачивал пытавшихся сдержать его простофилю.

Коуси начал приносить дивиденды своим неповоротливым работодателям уже в самый первый год выступлений. Он не только набирал в среднем по 15,6 очка за игру – в сравнении с 14,1 у Заслофски и 11,2 – у Филипа, он добавил к ним 4,9 результативных передач за игру. Но что еще более важно, «Кельты», до появления Коуси не имевшие ни одного выигранного сезона, сразу же сделали командой-победительницей.

Ко второму году выступлений Коуси начал творить такие подвиги, что каждая игра становилась спектаклем.

В одной из игр против команды Нью-Йорка, когда «Никс» вышли вперед на 4 очка за тридцать секунд до конца встречи, Коуси обобрал соперников до нитки, оставив им разве что кошельки, и, перехватив мяч, перевел игру в овертайм, а потом записал на свой счет 12 из 20 набранных «Кельтами» в дополнительное время победных очков. В другой раз он предпочел иную форму разбоя и водил мяч целых двадцать три секунды кряду на последней минуте игры, принеся этим «Селтиксу» еще одну победу. Джимми Кэннон потом писал: «Если бы Коуси ни разу не поразил корзину, он все равно остался бы самым уважаемым человеком в лиге».

Однако Коуси превосходно умел попадать в корзину, когда это было необходимо, доказательством чего стала игра в плей-офф 1953 года с командой Сиракуз. Во-первых, он перевел игру в овертайм на самых последних секундах, а потом в сумасшедших четырех периодах набрал 17 из 21 очка, закончив этот матч с личным счетом 50:20, плюс невероятные 30 из 32 штрафных бросков при общей победе 111:105.

В сезоне 1956/57 года обстоятельства сложились так, что «Кельты» были переполнены талантами – Билл Рассел, Билл Шарман, Томми Хейнсон, Фрэнк и Джим Лоскутофф действовали вместе с Коуси, которому было предоставлено право исполнять роль их квотербека. Являясь движущей силой «Селтикса», он привел свою команду к первому из многих чемпионств.

Еще пять раз Коуси пришлось исполнять роль квотербека, носителя кубка и разливателя шампанского в чемпионской команде «Кельтов». Однако самым существенным вкладом его стал тот факт, что, по словам Билла Рассела, «облик команды «Селтикс» определял собой Боб Коуси».

Когда после сезона 1962/63 года Коуси наконец ушел в отставку, на счету его имелся ряд рекордов, в том числе подряд восемь сезонов первенства по результативным передачам, рекорд всех времен по числу сыгранных минут и рекорд НБА по числу передач за все время выступлений, а также второе место по числу сыгранных матчей и четвертое по числу набранных очков.

И вот что сказал Ред Ауэрбах – тот самый, который когда-то не хотел брать Коуси в команду, по поводу его отставки: «Ну что можно сказать сейчас, когда вы знаете, что мы теряем величайшего игрока обороны из всех, кто когда-либо выступал на баскетбольной площадке? Никто и никогда не сумеет заменить его. Существует лишь один Коуси». Но чтобы по достоинству оценить этого игрока, надо было видеть его. А Джо Лапчик, состоявший при баскетболе, наверное, столько же времени, сколько существует сама игра, добавил: «Он умел в баскетболе все и бросал, пасовал, вел мяч лучше, чем кто-либо на моей памяти». Так оно и было. И мастерство Боба Коуси всегда остается с нами.

ВИЛЬМА РУДОЛЬФ

(1940–1994)

Если вы достаточно стары, чтобы помнить большой говорящий предмет, что стоял на полу в гостиной вашего дома, – для удобства юных читателей скажу, что назывался он радиоприемником, – значит, вы помните, как сидели на полу перед ним, тыкая острым карандашом в прикрывавшую динамики металлическую сетку и внимая программе под названием «Шоу Билла Стерна», доносившейся до вас через те же динамики по пятницам. Сперва звучали обязательные первые слова, маленькое и неброское вступление, гласившее: «Говорит Билл Стерн, компания крем для бритья "Колгейт"», а потом в течение пятнадцати минут вы слушали какую-нибудь невероятную историю об известном спортсмене или просто о человеке, на которого легла тяжелая рука судьбы, но он сумел вырваться из-под нее. Пусть большая часть этих рассказов была откровенно вымышленной, и все они были похожи на известный комментаторский шедевр: «...а теперь этот человек, у которого сегодня нет головы, нет рук и нет ног... находится на второй базе "Стадиона Янки"», все они были увлекательными и захватывающими.

Однако даже Билл Стерн и его наемные писатели не смогли бы придумать ничего подобного саге о Вильме Рудольф.

Дело в том, что повесть о Вильме Рудольф рассказывает о судьбе двадцатого по счету ребенка, родившегося в семье рабочего табачной фабрики в поселке Св. Вифлеем, находящемся неподалеку от расположенного в Теннесси города Кларксвилл, прожить в котором без осложнений было сложно уже само по себе. Однако без осложнений все же не обошлось, и Вильма переболела пневмонией и скарлатиной, оставившей парализованной ее левую ногу.

Однако чрезвычайные ситуации требуют и чрезвычайного лечения, в дозе которого любящие родные себя не ограничивали. Не допуская даже мысли о том, что дочери

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru нельзя помочь, мать Вильмы принялась искать помощь, и ей сказали, что вернуть жизнь в ставшую бесполезной ножку ребенка можно ежедневным терапевтическим массажем. Утлая лодка надежды способна поплыть и по столь мелким водам. Посему мама Рудольф и остальные члены семьи принялись по очереди массировать больную ногу четыре раза на день. И к шести годам Вильма снова ходила, правда со скобкой на ноге. Вскоре после этого скобка уступила место высокому ортопедическому ботинку, и девочка научилась прыгать по дому на одной ноге. Имея теперь возможность посещать школу, она занялась восстановлением двигательных способностей, для чего, придя из школы, бросала мяч в корзину из-под персиков, подвешенную ее братьями на заднем дворе дома. Однажды, когда девочке исполнилось одиннадцать, ее мать вернулась домой и увидела, что ее дочка играет в баскетбол босиком, а лечебные ботинки лежат рядом.

Более не стесненная в движении, Вильма вступила в баскетбольную команду средней школы «Барт» в Кларксвилле. Тренер Клинтон Грей посмотрел на тринадцатилетнюю мышку, носившуюся по площадке так, словно она старалась скомпенсировать себе то время, которое ушло на болезнь: «Ну и комар. Ты маленькая, быстрая и всегда попадаешься мне под ноги». Однако воинственный дух Вильмы нельзя было сбрасывать со счетов, и к пятнадцати годам юная леди, известная под прозвищем «Мышка», вошла в число лучших в штате, забросив 803 очка в двадцати пяти играх – в том числе рекордные 49 в одной игре. По предложению Эда Темпла, тренера женской легкоатлетической команды «Теннесси А&I», Грей учредил в школе «Барт» такую же команду, чтобы подчеркнуть способности Вильмы. Юная особа вполне оправдала возлагавшиеся на нее надежды, ноги ее летали, рекорды следовали за ними, и она не знала поражений на соревнованиях в течение более трех лет.

Еще более чудесным образом после года соревнований в средней школе, всего через пять лет после того, как она вновь научилась ходить без посторонней помощи, Вильма пробилась в Олимпийскую команду США. И хотя она выбыла из борьбы в первом же забеге на 200 метров в Мельбурне, шестнадцатилетняя спортсменка отметилась в истории, выиграв бронзовую медаль в эстафете 4x100 метров, где она бежала на третьем этапе за команду США.

В течение года Вильма, теперь похожая на 5-футовую газель, поступила в «Теннесси А&I», где она теперь постоянно выступала за «Прекрасных Тигриц» под внимательным и даже строгим присмотром Эда Темпла, создавшего лучшую женскую легкоатлетическую программу в стране, основанную на двух принципах: жесткой конкуренции и постоянных тренировках. Краткую суть его спортивной теории можно было бы просуммировать в одном правиле: всякое опоздание на тренировку карается бегом вокруг поля из расчета один круг на каждую минуту опоздания. Вильма однажды опоздала на занятия на тридцать минут, и ей пришлось бежать тридцать лишних кругов. Больше она на занятия не опаздывала. Что же касается соревновательной части программы, то Темпл доходчиво объяснял ее следующим образом: «Ее подруги по команде – это три самые быстрые девушки в стране. Рудольф бежит быстро потому, что она усердствует на тренировках. Без них она не была бы так хороша». Доказательство действенности программы Темпла было получено в 1960 году, когда вся женская эстафетная команда «Теннесси А&I» в беге на 400 метров была включена в олимпийскую команду США.

Но прежде чем поехать на Олимпийские игры 1960 года, Вильме пришлось встретиться с новой серией серьезных болезней и травм. В 1958 году на нее обрушилась болезнь, заставившая ее пропустить целый сезон; в 1959 году она потянула мышцу бедра; а в 1960 году ей пришлось иметь дело с осложнениями после операции на горле. Вильма, однако, не намеревалась пропускать Олимпиаду. Невзирая на то, что во время олимпийских отборочных соревнований она перенесла тяжелый грипп, Вильма понимала, что «если я не побегу, то не попаду в команду». И она побежала, и попала, и поставила мировой рекорд, показав 22,9 секунды на 200 метрах, выиграв 100 и 200 метров и став опорой победоносной команды Теннесси.

Прибыв в Рим, чтобы сменить австралийку Бетти Катберт в качестве самой быстрой женщины мира, Вильма заявила о своих намерениях в самом первом забеге на 100 метров, лидируя в нем с самого начала. Перед полуфиналами она задремала и, восстав ото сна, одержала победу с преимуществом в три ярда, повторив мировой рекорд в 11,3 секунды, при этом, как написал обозреватель «Нью-Йорк Таймс» Артур Дейли, «даже не надавив на педаль газа». Потом, в финале, легко перебирая длинными стройными ногами, она пролетела по беговой дорожке с мировым рекордом – 11,0 секунд. Впрочем, позже он был аннулирован, так как легкомысленный ветер позволил себе дуновение, на какую-то малость превышавшее допустимые пределы.

Потом были 200 метров, и Вильма вновь доминировала, поставив олимпийский рекорд в первом квалификационном забеге, а потом промчалась к своей второй золотой медали со временем 24,0 секунды, на сей раз против сильного ветра.

За ними следовала женская эстафета 4x100 метров. Вместе с Вильмой выступали три другие прекрасные тигрицы: Марта Хадсон, Лусинда Вильямс и Барбара Джонс. Вместе все четверо поставили в полуфинале мировой рекорд – 44,4 секунды, и намеревались продублировать его в финале. Однако за один круг до финиша им пришлось искать не мировой рекорд, а эстафетную палочку. Когда Вильма уже на бегу приготовилась принять палочку от Барбары Джонс, оторвавшейся на два ярда от немецкой команды, что-то не сложилось, и вместе с палочкой оказалось потерянным и лидерство. Однако каким-то образом, неизвестно как, Вильма ухитрилась удержать ее и помчалась вперед, словно подгоняемая какой-то внешней силой. Наконец она вышла вперед и стала увеличивать отрыв. Финишировала Рудольф, на три полных ярда опередив немок.

Когда она пересекала линию финиша своей третьей победы на Олимпиаде, кто-то спросил у французского фотографа, стоявшего совсем рядом: «Кто победил?» «Газель, естественно, – ответил он, – "Ла Чаттануга Чу-Чу"».

Она и была «Ла Чаттануга Чу-Чу», «Ла Газелла Нера» [50 – Черная газель (итал.)]. (Прим. перев.), «Джесси Оуэнс в юбке» и любимицей публики, симпатизировавшей этой высокой и изящной красавице, на лице которой была написана доброта и, как выразился один из английских журналистов, «истинно королевское достоинство». Отловив феноменальную спортсменку, Барбара Хейлман написала: «Она умеет выступать с грацией и величием герцогини, но в толпе она на одну часть Мошка, а на пять тысяч – народ. Молодые люди и младенцы окружают ее буквально за тридцать секунд».

Встречаясь за рубежом с болельщиками и сановниками, она была послом доброй воли, как писал Дик Шапп, «не имея портфеля и не имея равных себе».

Повесть о Вильме Рудольф также не имеет себе равных. Кроме нее, нет в спорте героя, преодолевшего подобные трудности. Как говаривали тогда по радио: «Билл Стерн, вышли экземплярчик!»

МОРИС РИШАР

(1921–2000)

Глаза... Их видели в первую очередь, когда Морис Ришар ракетой вылетал на лед. Эти глаза, плававшие сразу расчетом и божественным огнем, и зловещий оскал улыбки сразу превращали Ришара в подобие ночного страшилища, что может примерещиться за окном вашего дома.

Одним из вратарей, которому подобное видение докучало и после того, как он ушел в отставку, был Гленн Халл. «Чем мне запомнился "Ракета", так это своими глазами, – вспоминал Халл, – когда он налетал на меня с шайбой на клюшке, глаза его пылали, горели и светились как лампочки на игральном автомате. Чистая жуть». Другой вратарь, Дон Симмонс, утверждал: «Глаза его светились как фары большого грузовика».

Прочие вратари, равным образом смущенные присутствием на поле самого свирепого из хоккеистов, после игр не могли уснуть, терзаемые наезжавшим на них видением шайки, состоявшей из одного человека, наделенного угольно-черными глазами и волосами вполне под пару бившим из его глаз лучам света.

Ришара боялись не только перекушавшие шайб вратари, трепетала вся защита соперников и вообще все, кто попадался на его пути, когда, грохоча и извергая молнии, он катил вдоль по площадке. Ибо Морис Ришар, игрок в той же мере талантливый, как и вспыльчивый, являлся, наверное, самым взрывным игроком из всех выходящих на лед.

Если бы в начале карьеры Ришара кто-нибудь прикинул его шансы стать самым зажигательным из всех хоккеистов, то он решил бы, что на это потребуется срок,

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru сопоставимый с промежутком между двумя последовательными пребываниями «Нью-Йорк Рейнджерс» в обладателях Кубка Стэнли. Дело в том, что в третьем периоде его самой первой игры в младшей квебекской лиге, Ришар попал на силовой прием, упал и сломал лодыжку, что вывело его из строя на весь остаток сезона. На следующий год, катаясь с безоглядной решимостью и стремлением к голу, он врзался в борт и сломал левое запястье, пропустив большую часть и этого сезона. В какой-то момент Ришар даже начал спрашивать у себя: «А стоит ли все это испытанной боли и разочарований?»

Тем не менее он выглядел настолько хорошо в тренировочной кампании 1942/43 года, что клуб «Монреаль Канадиенс» предложил ему контракт. Однако после всего пятнадцати игр, во встрече с «Бостон Брюинз», он был встречен силовым приемом в исполнении Джека Кроуфорда. Кончик конька Ришара попал в трещинку на льду, и он неловко упал, сломав правую лодыжку.

Руководство «Канадиенс», посчитав, что обнаруженная Ришаром «хрупкость» помешает ему проявить себя в этой «мужской игре», забыло о таланте игрока и посоветовало ему оставить спорт. Но Ришар уговорил тренера Томми Германа предоставить ему последний шанс. Герман пожалел бедолагу и пригласил его на сезон 1943/44 года.

Ощущая над собой дамоклов меч, Ришар вышел на лед в первую игру. И тут вмешалась мадам фортуна, превратившая молодого человека из губителя собственных конечностей в губителя рекордов.

Во встрече с «Бостон Брюинз» Ришар задел защитника Дита Клэппера, своего визави, беспечно взлохматив волосы на его голове своей клюшкой. Не просто рассерженный, разгневанный подобной наглостью со стороны новичка, Клэппер решил дожидаться удачного мгновения и отомстить. Долго ждать не пришлось: считанные секунды спустя Ришар вылетел ракетой на территорию «Брюинз», и Клэппер встретил его сокрушительным приемом и перебросил через борт на дополнительные сиденья. «Выше голову, парень, – рывкнул Клэппер, глядя на поверженную фигуру, – иначе я уложу тебя еще раз». И конечно же не успела большая стрелка часов совершить полный круг, Ришар вновь оказался на льду и ринулся за шайбой, как раз отправившейся в его сторону. Но Клэппер вновь поймал его и размазал по льду, превратив в грудку жидкой субстанции, прикрытую красно-серой форменкой. Прокатив над уничтоженным соперником, Клэппер выкрикнул: «Выше голову, говорю тебе!» Слова эти попали в цель, и, начиная с того мгновения, Ришар смотрел только вперед – на ворота, а не на шайбу – огорчая тем самым остальных игроков лиги.

Теперь, когда в груди его вспыхнул огонь под стать тому, что пылал в глазах, Ришар сделался неотъемлемой частью той линии нападения Монреаля, которую собирал тренер Дик Ирвин. Она включала центрфорварда Элмера Лэча, говорившего только по-английски; левого крайнего Тоу Блейка, бойко владевшего и французским языком, и английским; и молодого Ришара, любимца франко-канадских болельщиков. Называвшаяся «ударной», эта тройка забросила 82 шайбы, причем 32 из них оказались на счету пламенного Ришара. «Канадиенс» же тем временем катили к поставленной цели, которой и добились, выиграв чемпионат при всего пяти поражениях и оторвавшись на 25 очков от занявшего второе место «Детройта».

Столь долго собиравшаяся гроза наконец разразилась в первом круге плей-офф Кубка Стэнли 1944 года. Игра была плотной, защитник Торонто Боб Дэвидсон следовал за каждым движением Ришара, и «Мейпл Ливз» [51 – Мейпл Ливз – Maple Leaves – «Кленовые листья». (Прим. ред.)] выстояли на нулях первый период матча с «Летающими французами». Но во втором Ришар оторвался от опекуна, разыграв небольшую одноактную пьесу. За первые две минуты и пять секунд он забил два гола и добавил к ним попозже еще один, совершив «хет-трик» в одном периоде, невзирая на то, что его дважды отправляли на пару минут поразмыслить на скамье штрафников. Хотя игра уже была сделана, Ришар еще не был удовлетворен. До конца встречи его фамилия появилась на табло еще два раза, и в итоге его поединок с вратарем «Листьев» Полом Бибо закончился со счетом: Ришар – 5, Торонто – 1.

А потом, как принято на стадионе Монреаля, были названы три звезды матча. Обыкновенно оглашение их имен производится в порядке возрастания заслуг, и каждое последующее имя встречается все более громким одобрительным ревом. Но в эту сказочную ночь было трижды повторено имя одного человека, Мориса Ришара. И болельщики сопровождали своей громогласной осанной имя одного игрока, которому они дали прозвище «Ракета».

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Теперь, оказавшись Прометеем освобожденным, Ришар продолжил свой собственный натиск на книгу рекордов в следующем году, добившись невероятного показателя – гол за игру. Сияя очами и разя клюшкой, Ришар бил, лупил, колотил по шайбе, вбив ее в сетку пятьдесят раз за сезон в пятидесяти играх. На одном игровом отрезке он забрасывал пятнадцать шайб в девяти играх, кроме того, он десять раз в сезоне забросил больше двух шайб в одной игре. Сегодня результат в пятьдесят шайб считается обыкновенным, однако нынешние Ришары делают это за восемьдесят игр и попросту копируют предшественников, но истинное право на это достижение принадлежит Ришару.

Другой составной частью дарования Ришара являлся его жуткий темперамент, вещь настолько пламенная, что удержать его в повиновении могли, по слухам, лишь семь жандармов. Ришар не боялся ссор, каким бы ничтожным ни являлся повод для них. В равной мере искусно владея клюшкой и кулаками, он наносил сопернику ущерб обоими способами. Три его драки удостоились большего количества чернил, чем найдется воды в Великих Озерах. Интересно, что все они произошли во встречах с «Детройт Ред Вингз», архисоперником «Канадиенс» в борьбе за власть в НХЛ в сороковых и пятидесятых годах. В одной из них Ришар столкнулся со своим соперником в борьбе за звание лучшего правого крайнего двух десятилетий, Горди Хоу. В тот вечер Ришар пытался поймать быстрого Хоу, но нарвался на Сиде Абеля. Так и не дорвавшись до Хоу, Ришар отомстил Абелью, сломав ему нос одним ударом. В другой раз он помог Монреалю выиграть Кубок Стэнли, уложив детройтца Теда Линдсея прямым правым в челюсть.

Однако наиболее прославленная драка произошла в последние дни сезона 1954/55 года, который заканчивался при легком преимуществе Монреала над Детройтом, причем Ришар также лидировал с небольшим преимуществом в борьбе за свой первый титул лучшего снайпера. В последнее воскресенье сезона, в проходившей в Бостоне встрече с «Брюинз», Ришар игриво ткнул клюшкой игрока соперников Хэла Лейкоу, и в завязавшейся битве нанес удар или два лайнсмену Клиффу Томпсону. Президент лиги Кларенс Кэмпбелл, разгневанный поведением Ришара, выставил буйную звезду с поля на три игры регулярного сезона и всю серию плей-офф.

«Ракета»–Ришар перенес свое наказание сидя, однако болельщики были возмущены. И когда Кэмпбелл появился в «форуме» – местечке, слишком просторном для сумасшедшего дома, но чересчур маленьком для того, чтобы вместить в себя нацию, – на встрече «Туземцев» с «Красными Крыльями», его приветствовали жуткой сценой в традициях французской революции. Болельщики, изнывая от патриотизма, пустили в ход оскорбления, программки, каштаны, попкорн, слезоточивый газ и, наконец, кулаки. Вскоре мятеж выкатился на главную артерию Монреала, улицу Св. Екатерины, где разгневанная толпа била окна и грабила магазины. Только выступление Ришара по радио, во время которого он на французском языке сказал: «Я отбуду свое наказание и на следующий год вернусь, чтобы помочь клубу и его молодым игрокам победить в Кубке Стэнли», наконец успокоило разбушевавшуюся толпу.

Ришар продолжал бушевать на хоккейной арене еще пять лет – как и его болельщики во имя своего кумира, накладывая новые и новые мазки на творимую им картину. Наконец, после сезона 1959/60 года, с рекордным для того времени результатом 544 гола, «Ракета» ушел в отставку. Буйство было ему прощено, и по прошествии всего девяти месяцев, при положенных для обычного человека пяти годах ожидания, он был введен в Зал хоккейной славы.

ЖАН-КЛОД КИЛЛИ

(родился в 1943 г.)

Для многих лыжи представляют собой предельный случай борьбы человека с природой. И почти для всех величайшее имя в этом виде спорта делилось черточкой посередине Жан-Клод Килли.

Килли, имя которого разделяла пополам гордая черточка, имел, похоже, черточку и в фамилии, по крайней мере с точки зрения произношения, ибо в галльском варианте его фамилия звучит как «Кии-ЛИИ». Темноволосый и симпатичный, кумир вечеринок во всем, вплоть до шрама на левой щеке, он был настоящим героем своей страны, словно какой-нибудь полководец. Один острослов так охарактеризовал его

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
популярность: «Когда у Килли болит гортань, вся Франция полощет свое горло и булькает».

В соответствии со словами отца, подарившего маленькому Жан-Клоду первую пару лыж в его жизни, молодой человек был «рожден для лыж». Мальчик, «любивший лыжи, как некоторые малыши любят своих плюшевых мишек», часами пропадал на склонах холмов, окружавших маленькую деревушку Валь д'Изер, расположенную во французских Альпах.

В шесть лет он уже победил в прыжках на лыжах. В восемь он катался быстрее и лучше своих инструкторов. А в шестнадцать ему пришлось оставить школу ради французской сборной, отдав себя целиком своей всепоглощающей страсти.

Но, приобретая себе имя среди лыжников, Килли приобретал и репутацию другого рода. Дело в том, что он атаковал жизнь в том же самом отчаянном стиле, что и горный склон, – всегда во имя того, что французы называют «добрым препровождением времени».

В течение нескольких лет Килли мог составить долгий перечень болезней и лекарств, достойный страдальца, только что оставившего клинику, – начиная в том числе с обычных при прыжках травм и серьезных повреждений, таких, как переломы ног и лодыжек, плюс несколько не вполне обычных, таких как легочная инфекция и даже амебный паразитоз – сувенир, прихваченный им из Алжира на память о службе во французских войсках.

Однако пройдя все это, Килли сохранил уверенность в себе. «Я никогда не знал физического страха, – говорил он. – Во мне нет смятения. Если с кем-нибудь рядом случается несчастье, я говорю себе: но это же произошло не со мной. А когда травму получаю я сам, то принимаюсь в первую очередь искать собственную ошибку».

К двадцати одному году, только что расставшийся с армией, Килли обладал всем необходимым опытом, чтобы попасть в команду Франции на Олимпийских играх 1964 года. Однако в Инсбруке, Австрия, он занял всего лишь пятое место в гигантском слаломе, в то время как золотая медаль досталась его соотечественнику Франсуа Бонлье, и сошел с дистанции в скоростном спуске и в специальном слаломе.

Однако личный компас Жан-Клода Килли показывал правильный курс, и скоро он сделался королем горных лыж – в буквальном и переносном смысле. В 1965 году Килли выиграл чемпионат Европы, в 1966-м – два титула чемпиона мира, в сезоне 1966/67 года – двенадцать из шестнадцати этапов Кубка мира, а потом, после короткой паузы (которую мог позволить себе лишь не сомневающийся в собственных возможностях человек), потраченной в 1967-м на участие в спортивной автогонке на Сицилии (где Килли пришел, увидел и победил), вновь одержал победу в 1968 году на Кубке мира.

Килли сделался национальным сокровищем, гордостью Франции. И когда в 1968 году Франция принимала у себя зимние Олимпийские игры в Гренобле, человек, которого соотечественники теперь называли *le superman*, должен был прославить флаг страны в альпийском троеборье – на что надеялись все французы.

Хотя каждый из трех видов представляет собой самоцвет в отдельной оправе, первый из них, скоростной спуск, является наиболее сложным и требует от спортсмена всего, на что тот способен, и потому победа в нем наиболее почетна. Пользуясь словами товарища Килли по команде, Гая Перийя: «Скоростной спуск не оставляет места компромиссу. Ты или победишь, или погибнешь». Сказавший это Перийя первым спустился по трассе, имевшей протяженность две мили, и пересек финишную линию со временем 1:59,93, ставшим ориентиром для последующих спортсменов

Заняв свое место у стартовой калитки, после того как дюжине конкурентов не удалось выйти из двух минут, Килли, выступавший четырнадцатым, был готов поставить на колени непокорную трассу и опередить Перийя. По сигналу он вылетел со старта, лыжи его с шипением неслись по белому покрову вниз под горку, да так быстро, что на его спортивном костюме отскочила лямка. Сопровождаемый приветственным ревом своих соотечественников, выкрикивавших его имя, «Ки-ли, Ки-ли» и его прозвище «Casse-cou» (или «сорвиголова»), он прокатил по склону до финиша, который пересек со временем 1:59,85, опередив Перийя на восемь сотых секунды – на носок лыжи.

Вторым этапом путешествия Килли за золотом альпийского троеборья стал гигантский

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru слалом, проводящийся между двумя рядами синих и красных двойных шестов с флажками, расставляемых явно каким-нибудь специалистом в области американского футбола. Крутясь, вертясь и выписывая пируэты между шестами при надлежащем числе миль в час, не ехавший, а летевший по снегу Килли показал лучшее время в первой попытке. На следующий день он продолжил серию своих побед во второй попытке, завоевав свою вторую золотую медаль с комфортным отрывом от конкурентов в две с лишним секунды.

Теперь от желанной тройной победы Килли отделяла лишь трасса специального слалома, представляющего собой укороченный вариант гигантского, где любой хороший вираж стоил следующего за ним. Однако насколько хорошо проходили их спортсмены, в известном смысле растворилось в тумане, так как на склоны Гренобльских гор перед соревнованиями выполз ледяной туман. И спуск этот, начавшийся в настолько густом тумане, что спортсмены просили судей перенести его, закончился в столь же густом тумане противоречий – одном из наиболее плотных в олимпийской истории. После того как официальные лица в своей коллективной премудрости отмахнулись от пожеланий лыжников, руководствуясь тем, что туман, конечно, помеха, но мешает всем в равной степени, соревнования начались, хотя и спортсмены, и судьи едва видели друг друга даже на небольшом расстоянии. Тем не менее солнце в тот день чудесным образом пробилось все-таки сквозь облака, осветив дорогу Килли, который воспользовался коротким просветом и промчался, крутя и виляя, сквозь шестьдесят девять ворот, выехав в итоге на первое место в первой попытке.

Стоя над склоном, затянутом столь плотным туманом, что его вполне можно было бы использовать в качестве декорации для сцены в аэропорту в фильме «Касабланка», начинавший вторую попытку Килли высился как гранитный утес над каньоном. А потом умные лыжи понесли его от ворот к воротам, он просачивался в них, как та самая нитка в игольное ушко, закончив обе попытки с общим временем 99,73 секунды. И теперь ему оставалось только волноваться и ждать вместе со всеми болельщиками завершения соревнований.

Первым на его время нацелился норвежец Хаакон Мойен, показавший в двух попытках лучшее время, но дисквалифицированный за пропуск двух ворот. Настала очередь австрийца Карла Шранца, самого опасного соперника Килли в борьбе за «тройную корону». Шранц, бывший третьим после первой попытки, остановился перед десятками воротами, появившийся на трассе таинственный неизвестный заставил его прекратить спуск. Имея при себе троих свидетелей, Шранц поднялся вновь на вершину и попросил судей разрешить ему повторный старт. Разрешение было получено, и на сей раз Шранц вновь ринулся вниз по склону, совершенно идеальным образом финишировав с общим временем 99,22 секунды – на полную половину секунды быстрее Килли.

Поклонники, только что восторженно приветствовавшие своего кумира, встретили это гробовым молчанием. Какие-то секунды казалось, что третья золотая медаль «улыбнулась» Килли.

Однако судьба смилостивилась над ним. Или, говоря языком более точным и прозаическим, судьи изменили свое решение. Пока Шранц выступал на пресс-конференции в качестве неофициального победителя, судьи собрались на чрезвычайное совещание, чтобы рассмотреть заявление о том, что австриец пропустил ворота до того, как ему помешали на воротах номер 10. Наконец после двухчасового обсуждения судьи выпустили бюллетень, утверждавший, что, поскольку Шранц нарушил правила прохождения ворот, он подлежит дисквалификации. В итоге золотая медаль была вручена Килли, что сопровождалось бурными народными волнениями, равных которым не было после штурма Бастилии.

Располагая тремя вершинами, с высоты которых можно было пренебрежительно взирать на спортивный мир, Килли рассудил, что «атлет должен уйти из спорта на пике своей карьеры», и ушел в отставку, чтобы попользоваться плодами победы. Тем не менее через пять лет он оставил свое уединение и выиграл звание чемпиона среди профессионалов, заявив: «Мои клиенты предпочитают видеть меня на вершине горы, а не в расположенном в Детройте магазине». Еще раз Жан-Клод Килли вернулся в спорт в 1988 году, в качестве сопрезидента организационного комитета Олимпийских игр в Альбервилле, когда исполнилась его мечта, и право на проведение XVI Зимней Олимпиады было предоставлено Франции благодаря его собственным заслугам.

И это справедливо по отношению к человеку, превратившему спортивный мир в болельщиков, увлекающихся горными лыжами. Быть может, лучше всех сказал о нем

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Дэн Дженкинс: «Пройдут годы, спорт делается более понятным и популярным, но рекорд Килли будут вспоминать со столь же затуманенными глазами, как и летнюю пору Бейба Рата».

КРИС ЭВЕРТ

(родилась в 1954 г.)

Некоторые из тех, кто видел, как Крис Эверт играет в теннис, относились к своим впечатлениям с тем же чувством, что и к образованию годичных колец у деревьев, процессу неизбежному и мало кого волнующему. Прочие, особенно почитатели ее стиля и облика румяной соседской девицы, любили ее от всего сердца и наслаждались игрой. Такое разделение во мнениях лучше всего охарактеризовала «Нью-Йорк Таймс», писавшая по поводу финала Открытого первенства США 1975 года между Эверт и Ивонн Гулагонг, что после матча, который, по мнению газеты, «временами можно было уподобить пресному пирожку», обозреватель ее стал свидетелем разговора между двумя посетителями Форест-Хиллз, исповедовавшими противоположные взгляды на присущий Эверт стиль игры. «Как по-твоему, это увлекательно или скучно?» – спросил молодой человек у своей приятельницы. «Великолепно! – ответила та. – Просто великолепно». «А по-моему, тихая жуть», – возразил тот. Но как бы вы ни относились к стилю игры Крис Эверт, несомненно одно – она была из породы победителей.

В той же мере, как и ее стиль, Крис Эверт характеризуют ее победы. Она играла на выживание, что предъявляло особые требования как к ней самой, так и к ее сопернице. Обосновавшись на задней линии – словно бы она оплатила свое пребывание на ней и теперь решила полностью оправдать собственные расходы – и редко, если таковое вообще случалось с ней, выходя к сетке, Эверт отражала все направленные в ее сторону мячи, словно живая стена. Ее соперницы пытались выдержать этот режим обмена ударами, но в конце концов их утомлял этот безостановочный процесс посылания мяча в стенку по имени «Эверт», и они приходили в то бесчувственное состояние, которое одна из них назвала «теннисным нокаутом».

Лучше прочих знала, как надо уклоняться от расставленных Эверт ловушек, Билли Джин Кинг, понимавшая, что подобное занятие можно уподобить выковыриванию сыра из расставленной мышеловки. «Я побеждала ее, – вспоминает Кинг, – когда мне удавалось надавить на Крис, не совершая при этом ошибок. Следовало заставить ее двигаться, не позволяя войти в ритм на задней линии».

В отличие от Билли Джин более агрессивные соперницы Эверт были повергнуты на колени ее беспощадной игрой на задней линии, чему она научилась у отца, преподавателя тенниса и профессионала, занимавшегося с ней в «Холидей-Парк», что в Форт-Лодердейл, Флорида. Являвшийся игроком национального класса в пору, предшествовавшую деяниям Джека Крамера, популяризовавшего игру в послевоенное время, папаша Джимми водил крохотную пятилетнюю дочку на грунтовые корты «Холидей-Парк» и учил там той игре, которую знал лучше всего: игре, заключающейся в перехватывании каждого мяча, в отражении любого удара. Никаких феноменальных подач, никакого риска, просто удар за ударом с задней линии, удар за ударом, удар за ударом, пока не сточится ракетка.

Малышка Крисси, которой еще не хватало роста, чтобы рассмотреть стежки наверху сетки, и слишком маленькая, чтобы держать ракетку в одной руке, заучила этот урок назубок! Кроме того, отец научил ее еще двум важным наукам: производимому двумя руками бэкхенду, наследию дней Панчо Сегуры, который сперва просто позволял ей удержать ракетку, а по прошествии лет обрел весьма красноречиво говорившую о себе силу; и – самому важному компоненту ее дарования – бесконечному терпению.

Это терпение проявлялось в ледяной невозмутимости, подразумевавшей спокойную, но сознательную сдержанность, позволявшую ей отключиться от всего вокруг и сконцентрироваться лишь на том, что было по-настоящему необходимо в настоящее время: на игре. Неудивительно, что ее стали называть «Ледяной принцессой корта», а в Англии – «Ледяной Лолли», что по-британски означает «эскимо на палочке».

Одна из соперниц, Жюли Хелдман, считала, что холодность Эверт была напускной.

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
«Она сама придумала большую часть своего имиджа», – сказала Хелдман, пытаясь объяснить холодную натуру соперницы. Эверт признала, что иногда проявляет бесстрастность, достойную разве что персонажей, выставленных в музее восковых фигур мадам Тюссо, но объясняла это иначе: «Я не проявляю эмоций, но поверьте мне, они остаются на своем месте. Если я буду смеяться и улыбаться, то потеряю концентрацию».

Хотя в процессе роста она начала обнаруживать обыкновенные для взрослого эмоции – показывать норов, швырять ракетки и, с редкой невозмутимостью, даже ругаться, ко времени своего дебюта в 1971 году на Открытом первенстве США в Форест-Хиллз Эверт переросла эти эмоциональные выходки и надела маску невозмутимости. Именно в этом году Америка признала своей любимицей эту дерзкую и невозмутимую, с конским хвостиком, шестнадцатилетку, наделенную юным лицом и уверенностью красавицы. Журналистка Грейс Лихтенштейн, отмечая появление новой теннисной любимицы, писала: «Мужчины находили ее восхитительной, маленькие девочки обожали, мамы средних лет после игры подходили к ней и говорили, что она восстановила их веру в молодость. Она была «Мисс американский пирожок».

Она умела играть в теннис, став за три месяца и десять дней до семнадцатого дня рождения самой молодой полуфиналисткой в истории женских первенств страны. В 1972 году она победила в чемпионате США на грунтовых кортах; в 1973 году выиграла одиннадцать турниров и дошла до финалов Уимблдона и первенства Франции; в 1974 году в возрасте девятнадцати лет она наконец одержала победы в рекордных тогда 55 матчах подряд, выиграв звания чемпионки Уимблдона, Франции и Италии.

Сперва считалось, что основной конкуренткой Эверт в борьбе за звание теннисной королевы будет горячая австралийка Ивонн Гулагонг, с которой шестнадцатилетняя Крисси впервые встретилась в Уимблдоне в 1971 году. В том первом поединке похожая на балерину Гулагонг победила игравшую как заводной механизм Эверт. Но в 1975 году они поменялись ролями, и Эверт не просто выиграла открытое первенство США, но и сделала это в характерном для себя стиле.

Отставая после технического перерыва на два очка в последнем, третьем, сете на подаче Гулагонг, Эверт, не испытывавшая ни малейшего желания быть второй, взяла дело в собственные руки и перешла в нападение, ее длинные удары с задней линии точили силы Гулагонг столь же медленно и верно, как точит камень вода. Сперва Гулагонг утратила сосредоточенность, потом потеряла нить игры, так как стиль Эверт удущал ее. Эверт выиграла последние пять геймов. Потом Гулагонг признавалась: «Она держалась слишком далеко сзади, и мне не хватало терпения на долгие розыгрыши мяча... Играть все время сзади не в моей манере».

«Играть все время сзади» было не в манере многих теннисисток, почти все они неизбежно утрачивали концентрацию перед лицом подавляющего превосходства Эверт. Даже победы сделались для нее обыкновением – победа в финале Открытого первенства США стала восемьдесят четвертой, одержанной ею кряду на грунте за более чем два с половиной года, что заставило одного из обозревателей после ее матча с Гулагонг, состоявшегося в Форест-Хиллз, съехидничать: «Какой сюрприз! Крис Эверт победила».

Когда Гулагонг оставила теннис, реальной соперницей Эверт стала недавно появившаяся и в первенстве и в стране Мартина Навратилова. Их соперничество стало одним из основных украшений современного тенниса. Сперва «суровый» менталитет Крис обеспечивал ей превосходство, и она победила в четырнадцати из первых шестнадцати личных встреч. Однако Мартина наконец избавилась от нервозности и начала одолевать. Тем не менее Крис сумела навязать свою волю Мартине на открытых первенствах Франции 1985 и 1986 годов. Оба матча Эверт относила к высшим достижениям в своей карьере: «В обеих встречах мне приходилось действовать со второй позиции, многие считали Мартину находящейся в хорошей форме, не говоря уже о том, что она считалась первым номером, а я вторым. И победа над Мартиной на нисходящем участке моей карьеры, когда Навратилова еще восходила к славе, была чрезвычайно важна для меня».

К тому времени, когда она решила наконец повесить на гвоздь свою ракетку после Открытого первенства США 1989 года, вполне уместным образом выбрав для этого то же самое место, где она сделала первые шаги к славе девятнадцать лет назад, Крис Эверт могла гордиться карьерой, ставшей доказательством того, что терпение – больше чем добродетель и само несет в себе собственную награду. Ибо в течение этих девятнадцати лет она первой выиграла тысячу одиночных матчей, в том числе

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru одержав 125 побед подряд на родном ей грунте, а это выдающееся достижение, и первой из женщин заработала миллион долларов призовых денег. Все это свидетельствует о том, что теннис принес Крис Эверт много счастья.

ДЖО ЛУИС

(1914–1981)

Подвиги Джо Луиса не удостоились особого места в книге рекордов бокса. Его шестьдесят шесть боев втиснуты как раз между рекордами Джеймса Дж. Брэддока, которого он сменил на посту чемпиона мира в тяжелом весе, и Иззарда Чарлза, бойца, пришедшего на смену ему самому.

И Брэддок, и Чарлз провели на профессиональном ринге больше боев, чем Луис, так же как и Джек Джонсон, Джек Демпси, Джин Тинни, Макс Шмелинг, Примо Карнера, Макс Байер и Джерси Джо Уолкотт. Среди чемпионов в тяжелом весе были боксеры, имевшие на своем счету больше побед нокаутом, – Карнера и Чарлз; большой процент нокаутов – Марчиано и Джордж Формен; были среди них и бойцы, выступавшие дольше – Боб Фицсиммонс, Чарльз Уолкотт и Мухаммед Али. Томми Бернс и Ларри Холмс совершили больше нокаутов, защищая свой титул, чем Луис.

Однако ни один из боксеров-тяжеловесов, а возможно и ни один спортсмен вообще, не занимал в такой степени воображение публики, любителей бокса и просто любопытствующих, как этот обтекаемый боец, обладавший смертоносным ударом и на пике своей карьеры являвший воплощение боксерской эффективности. И ни один человек не удостоивался такого восхищения, как этот сын алабамского издольщика, носивший свою корону с гордостью и достоинством, не роняя ни себя, ни надежды миллионов.

Однако нельзя снять мерку с этого простого человека, которого звали «Смуглым Бомбардировщиком», ограничиваясь одним рингом. Ибо там, где выдают нимбы, Джо Луис был удостоен особого ореола.

Луис пользовался словами столь же взвешенно, как и ударами. Самым похвальным образом экономя силы, он умудрялся сказать очень многое, ограничиваясь несколькими словами. Вот как он определил шансы своей страны в глобальном столкновении с державами «Оси» [52 – фашистскими Германией, Италией и Японией и их союзниками. (Прим. перев.)]: «Мы победим, потому что Бог на нашей стороне». Сказано с достоинством. А вот как оценил он шансы Билли Конна в их втором бою: «Он умеет бегать, но спрятаться ему будет нигде». Честное высказывание.

Тем не менее место Джо Луиса в спортивном пантеоне определяется не его умением пользоваться словами, а мастерством владения телом и кулаками – ну, и умением разобраться с соперниками. Он вогнал Макса Байера в помост, словно прямой гвоздь. Первый же удар, который он нанес претенденту Эдди Симмсу, оказался столь тяжелым, что буквально через несколько секунд после начала боя ошеломленный Симмс направился к рефери и попросил у того разрешения «немного прогуляться по крыше». Одним-единственным ударом он пробил предположительно непроницаемую стену из рук и локтей, защищавшую лицо Паулино Узкудуна, выбив тому передние зубы и послав «Баскского Лесоруба» в первый в его жизни нокаут. Он сокрушил Примо Карнеру, в первом раунде превратив его лицо в пудинг, сбив с него широченную улыбку и сделав подобием жалкой морды побитой собаки. Он завалил живую тушу мясника Тони Галенто левым хуком во втором раунде их поединка за звание чемпиона, причем, по свидетельству журналиста Багса Бейера, нокаут «был таким тяжелым, что душа его явно отделилась от тела». Кроме того, он отправил в «боксерский дом для умалишенных» целый ряд соперников, которые, доверяя растущей легенде, выходили на ринг словно быки на скотобойню.

Репортеры видели в Джо Луисе наиболее надежную спортивную тему. Публика также считала его надежным, а точнее непобедимым. Однако Макс Шмелинг, извлеченный из забвения, чтобы послужить еще одним жертвенным агнцем, перевернул походный фургон Луиса, нанеся ему правой рукой над бездействовавшей левой никак не менее пятидесяти четырех ударов и наконец уложив миф наповал в двенадцатом раунде.

Для большинства бойцов подобное поражение имело бы сокрушительные последствия, ибо уверенность в себе составляет значительную долю успеха. Но Джо Луис вернулся

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru на ринг через два месяца, чтобы победить нокаутом другого экс-чемпиона, Джека Шарки, а потом, почти через год после поражения от Шмелинга, он вернул себе звание чемпиона мира в тяжелом весе, отобрав его у Джима Брэддока.

Луис отомстил за поражение Шмелингу, победив его за 124 секунды, повергнув в восторг миллионы американцев, и потом затеял благотворительную кампанию под названием «Бум месяца», предоставив каждому возможность бросить вызов чемпиону в тяжелом весе.

Он казался воплощением настойчивости и атаковал свою добычу с властным выражением лица, с неодолимым терпением дожидаясь своего шанса. А потом пускал в ход две самые быстрые руки в истории тяжелой весовой категории, ударявшие как бы по собственной воле. Наконец зацепив своего противника, Луис, величайший финишер в истории бокса, никогда не отпускал его с крючка – спросите у Билли Конна, промучившего нашего героя двенадцать раундов, о том, что случилось с ним в тринадцатом.

Луис ушел в отставку непобежденным чемпионом мира в тяжелом весе за неимением достойных соперников, а потом вернулся обратно. Но теперь он боксировал только ради IRS и своих болельщиков, многие из которых вечером 26 октября 1951 года покидали «Мэдисон Сквер Гарден» со слезами на глазах, ибо их герой потерпел поражение от восходящей звезды и будущего чемпиона Рокки Марчиано.

Тем не менее Джо Луис светил в галактике бокса дольше многих, опалая своим ярким светом одних соперников и освещая путь другим.

БОБ ФЕЛЛЕР

(родился в 1918 г.)

Кто это сказал: «Утраченного времени не вернуть»? Бен Франклин? Или все-таки Боб Феллер, пропустивший почти четыре полных сезона в пору своего расцвета из-за Второй мировой войны? И в результате этого, вместо того чтобы стать, возможно, величайшим питчером всех времен, приобрел известность как самый знаменитый питчер периода между 1936 и 1952 годом. Ну и как юный бейсбольный феномен тридцатых годов?!

24 октября 1929 года с оглушительным треском рухнул фондовый рынок. Лихорадочные двадцатые годы лопнули в этом взрыве, чтобы смениться тревожными тридцатыми. И слово «безработица», прежде употреблявшееся, скажем, нечасто, приобрело чрезвычайную популярность, поскольку работу потерял каждый четвертый, и «американская мечта» превратилась в американский же кошмар. Очереди за хлебом и пособиями сменили атмосферу бума и быстрых перемен, характерную для двадцатых годов. Люди, которым нечем было наполнить живот, искали героев, способных наполнить их души надеждой.

В подобном эмоциональном вакууме процветал лишь один вид из всей индустрии развлечений – кинопромышленность, каждую неделю обеспечивавшая миллионам граждан бегство от реальности. Но если кино процветало, родственная ему отрасль, бейсбол, дышала на ладан. Посещаемость матчей старшей лиги, достигшая в 1930 году более чем десяти миллионов, к середине тридцатых сократилась до шести миллионов. Несколько команд находилось на грани банкротства, некогда гордые клубы Цинциннати и Бруклина перешли в собственность банков, а некоторые до предела обнищавшие владельцы, такие как Конни Мак, были вынуждены распродавать своих звезд, чтобы свести концы с концами.

Словом, будущее среднего класса в 1936 году выглядело отнюдь не привлекательным. Однако именно в этом году бейсбол внезапно натолкнулся на волшебную формулу, уже обкатанную Голливудом, обнаружив собственную молодость в лице семнадцатилетнего феномена по имени Боб Феллер.

Событие это было столь же судьбоносным, как и обнаружение Ланы Тернер[53 – Известная киноактриса, по легенде, торговавшая в Голливуде прохладительными напитками, до того как ее пригласили сниматься. (Прим. перев.)] возле киоска с содовой водой. Как повествует проверенный временем рассказ, где-то в самом сердце Америки, носящем название Айовы, обитал пятнадцатилетний молодец,

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru обладавший теми качествами, которые и у более опытного и взрослого питчера отыщешь не всегда. Он метал мяч в сторону площадки с такой силой, что противостоявшие ему бейтсмены никак не могли ознакомиться с этим спортивным снарядом поближе. Но по воле бейсбольной фортуны одним из скаутов, обслуживавших район Айовы, был Сай Слэпничка из команды «Кливлендских Индейцев», много лет назад бывший питчером «Щенков» и «Пиратов» и происходивший из Кедровых Перекатов, что в Айове. Слэпничка заранее вскопал почву, оставив в Айове сеть осведомителей, которые должны были известить его о всяком молодом «феномене», каковым именем назывались тогда молодые люди, обладавшие соответствующим потенциалом. Среди этих осведомителей числились и местные арбитры из американского легиона, которые подобно астрономам, обнаружившим новую звезду на тверди небесной, бросились писать Слэпничке как представителю «Индейцев», что такое явление нужно увидеть собственными глазами.

Где-то в 1935 году обстоятельства сложились так, что Слэпничка сумел выбраться в разведывательную поездку в Де-Мойн. В те трудные дни на никелевый пятак можно было позволить себе многое, и Слэпничка обнаружил, что может позволить себе свернуть с прямого пути и заглянуть в соседний сельский городок Ван-Метер, чтобы увидеть рекламируемый товар. И он увидел его, даже рассмотрел досыта. Глазам его предстал мальчишка, посылавший убийственные прямые мячи, рассыпавшие в полете искры. Ошеломленный увиденным, Слэпничка поторопился вернуться назад в Кливленд, чтобы сообщить всем и всякому: «Джентльмены, я обнаружил величайшего питчера в истории бейсбола». Ну или что-нибудь в этом роде.

Шанс заключить контракт с игроком, способным добиться звания «величайшего», обычно исчезает быстрее, чем обед в китайском ресторане. И посему «Индейцы» – со всей возможной в таком случае скоростью – предложили юному Бобби Феллеру контракт – 75 долларов в месяц, плюс доллар подъемных и бейсбольный мяч с автографами.

Вместо того чтобы отправить молокососа на бейсбольный Остров Эллиса [54 – Остров, расположенный неподалеку от Нью-Йорка, на котором располагался основной центр по приему иммигрантов. (Прим. перев.)], в младшую лигу, «Индейцы» приписали его к родительскому клубу в качестве не внесенного в списки игрока, что позволяло ему путешествовать и работать с клубом ежедневно – особенно с менеджером Стивом О'Нейлом, бывшим кетчером старшей лиги. И пребывая в сей уникальной форме бейсбольной службы, еще отработывая свои прямые и закрученные броски против товарищей по команде, лидировавших в том сезоне и имевших на бите 0,304, Феллер сделал свой первый платеж в счет предполагавшегося величия.

Дело в том, что, как велели удача и случай, в 1936 году во время перерыва на матче «Всех Звезд» «Индейцы» назначили выставочный матч с «Кардиналами» из Сент-Луиса – той самой «Шайки Газовиков», в которой выступали такие типы, как Фрэнки Фриш, Пеппер Мартин, Джо Медуик, Лео Дюроше и Диззи Дин. Ставки в игре были невелики, и Слэпничка отправился к менеджеру О'Нейлу – просить за своего юного и перспективного питчера. О'Нейл посмотрел на Слэпничку как на распространителя жуткой болезни, имя которой «оптимизм», сказал только: «Дело это сложное». Однако Слэпничка, уверенный в том, что молодой человек, бросавший мяч с такой силой, что он мог вот-вот развалиться на части в полете, более чем оправдывает свое участие в игре, продолжая грести своим веслом в самой нахальной манере, ответил тренеру: «Во всяком случае, не для него».

В итоге О'Нейл сдался и отдал мяч Феллеру. Так случилось, что юнец вышел на поле против грозной девятки «Газовиков». Не думая ни о чьей репутации, Феллер напряг тяжелые мышцы, выставил вперед гранитную челюсть и за три иннинга вывел из игры восемь «Красных Птичек». Одним из тех, кто с ужасом и священным трепетом наблюдал за выступлением Феллера, был победивший в том году в 20 играх Диззи Дин, который, когда после игры фотограф спросил его, не согласится ли он сняться вместе с молодым человеком, по слухам, расхохотался и ответил: «Это его надо спрашивать, согласится ли он сняться со мной».

Через месяц состоялся дебют Феллера в официальных соревнованиях старшей американской лиги. На сей раз ему противостояла другая команда из Сент-Луиса – «Браунз», но результат его выступления оказался еще более внушительным. Быстрый мяч его выписывал точные прямые и кривые, и несовершеннолетний молодой человек вывел из игры пятнадцать «Браунз», недобрав тем самым одного до рекорда современной американской лиги в одной игре, и двух до принадлежавшего Диззи Дину рекорда старшей лиги.

Качество игры, продемонстрированной в тот день сырым новичком, недотягивавшим четырех лет до предоставления права голоса, произвело чрезвычайное впечатление не только на «Браунз», но и на ветерана судейского корпуса Реда Ормсби. После игры Ормсби поведал, что, на его взгляд Феллер, показался ему более быстрым, чем все виденные им питчеры, в том числе Уолтер Джонсон и Лефти Гроув.

Однако все это было лишь предвестником будущих подвигов. На следующий год он выбил в одной игре 17 человек, повторив рекорд Дина, а потом, в 1938 году, превысил его, выведя с поля 18 «Детройтских Тигров» в своем тридцать девятом и последнем в том году выступлении, доведя суммарный результат в лиге до 240 за сезон. В том же году Феллер впервые возглавил список американской лиги по ударам навывлет, что ему предстояло сделать еще семь раз.

К 1940 году Феллер твердо заручился правами на титул лучшего питчера в бейсболе. Он начал сезон с сухого матча, единственного в истории матчей открытия. Один из тех, кто противостоял в тот день Феллеру на поле, аутфилдер «Чикагских Белых Носков» Майк Кривич, сформулировал тезис о тщетности попыток достать битой пущенный Феллером мяч, когда он обернулся к арбитру с протестом. Когда судья спросил у Кривича, чем тот недоволен, он ответил: «Мяч просвистел слишком высоко для меня».

Прочие, подобно Бакки Гаррису, менеджеру удрученных проигрышем «Вашингтонских Сенаторов», на глазах которого Феллер дочиста обобрал его подопечных, могли только говорить своим подопечным: «Выходите на поле и бейте по тем мячам, которые видите. Если не увидите, возвращайтесь сюда».

Не кто иной, как Сэчел («Ранец») Пейдж, игравший питчером против Феллера в завершавшей сезон выставочной игре, говорил о доступной его противнику нечеловеческой скорости полета мяча: «Если кто-нибудь был в состоянии бросить мяч быстрее Быстрого Роберта, то человеческий глаз не был бы в состоянии уследить за снарядом».

Но не только безупречная огневая мощь сделала Феллера тем игроком, которым он был. Кроме того, он мастерски владел крученым броском, о котором один из игроков говорил как о «жутко закрученном. Было просто слышно, как швы на мяче рассекают воздух». Джо Ди Маггио, ушедший одновременно с Феллером, вспоминал: «Он был невероятно быстр. Но более закрученных мячей, чем у него, я не видел вообще».

Феллер выиграл 27 игр в 1940 году и еще 25 – в 1941-м. А потом, спустя считанные дни после разгрома в Перл-Харбор, одним из первых игроков старшей лиги поступил на военную службу в Морской флот Соединенных Штатов и провел следующие четыре года на Тихоокеанском театре военных действий на борту боевого корабля «Алабама». В 1946 году Феллер возобновил свои игры и первый полный послевоенный сезон принес ему рекордные 348 ударов навывлет и еще 26 побед.

По оценкам, если бы не вынужденный перерыв во время самого расцвета, Феллер мог бы добиться еще 93 побед, еще 989 ударов навывлет и еще 1232 иннингов, что поставило бы его на второе место среди современных питчеров по этим характеристикам.

Ну а так Боб Феллер с его 3 сухими матчами, 12 матчами с одним ударом и 1764 ударами навывлет все же получил достаточно веские рекомендации, чтобы вступить в Куперстаун [55 – Родина бейсбола, место нахождения Зала бейсбольной славы. (Прим. перев.)] уже в 1962 году, – сразу же, как только получил право на это. Молодость и в самом деле хорошо послужила ему, всегда служившему ей.

БРОНКО НАГУРСКИ

(1908–1990)

Деймон Раньян некогда написал: «Примерно 95 процентов всей спортивной традиции является чистым вымыслом. Враньем, если угодно. Однако безвредным враньем. Кого, к черту, интересует, насколько исказился спортивный факт по прошествии многих лет?»

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Но эти «выдумки», «вранье» или просто старые добрые мифы имеют хождение в стране и предоставляют материал для рассказчиков. И нет спортсмена, жизнь которого предоставила бы писателям более широкое поле, чем Бронко Нагурски. В соответствии с одной из историй тренер команды Университета Миннесоты спросил его о том, на какой позиции он играет. И получил ответ: «На всех». Так было и на самом деле, он блистал у конца поля, в задержке и полной защите, вполне уместным образом став единственным игроком, попавшим в список лучших игроков Америки в одном году одновременно на двух различных позициях: задерживающего и фулбека.

О том, как он попал в Университет Миннесоты, повествует другая история, которую часто рассказывают на банкетах и подобных им мероприятиях. История эта гласит, что тренер Миннесоты Док Спирс, находившийся в селекционной поездке, решил справиться о дороге у ходившего за плугом молодого человека. Пока Спирс рассматривал мускулатуру парня – само собой Нагурски, – тот вынул из земли свою соху и указал ею в нужную сторону. (В последующие годы сам Нагурски внес в текст красивую правку, когда, услышав весь рассказ, спросил: «Надеюсь, я был в поле без лошадей?»)

Так или иначе, очевидно одно: Бронко Нагурски был фигурой мифологического плана. И потому все, что рассказывают о нем, может быть правдой лишь наполовину. Единственный вопрос заключается в другом: на какую именно?

Вот что можно сказать точно: Нагурски был внушительного роста – шесть футов и два дюйма и весил 226 фунтов. В соответствии с описанием, оставленным нам Джорджем Халасом: «И все его тело – все – было мышцей, кожей и костью. На нем не было и унции жира. Я видел многих людей, но подобного сложения не было ни у кого».

Являясь воплощением мощи, Нагурски бегал с живостью сельского работника – ноги расставлены, на лице написано «посторонним вход воспрещен», а руки скорее способны разорвать мяч, чем уступить его соперникам.

Но как бы ни бегал Нагурски, истинную славу ему принесла блокировка. В те годы откровенно драчливого футбола, когда три ярда и толпа тел были нормальным явлением, Нагурски умел пробить себе дорогу в этом первобытном лесу. Один из неудачливых соперников, лишившийся сознания после столкновения с Нагурски, очнулся и увидел над собой тренера, спрашивавшего, все ли с ним в порядке. «Все в порядке», – ответил игрок. А потом, посмотрев на трибуны стадиона Миннесоты, он спросил: «Но как все эти люди успели подняться обратно на трибуны?»

Проблистав в Миннесоте три года, в 1930 году Нагурски перешел к «Чикагским Медведям» за королевские деньги – 5000 долларов в год, считая бумажками Гувера. Появление в рядах команды лучшего силового раннера лиги сказалось на «Медведях» почти немедленно – и на их противниках тоже. Один из них, Эрнест Неверс, описал впечатления человека, попытавшегося остановить Нагурски: «Останавливать его было все равно что пытаться остановить грузовой поезд, катящийся под горку». Еще один из соперников, Бенни Фридман, вспоминал: «Я оказался на его пути, когда он прорвался сквозь линию защиты, но теперь от гола отделял его только я сам. Словом, это было, как если стрелочник попытался остановить паровоз голыми руками». Еще один, Стив Оуэн, сказал: «Для Нагурски сдерживающие его – все равно что мухи на лошадином крупе – шкуру свербит, но не более того».

Во встрече с «Портсмутскими Спартанцами», состоявшейся в 1933 году, Нагурски принял мяч на питчауте за считанные секунды до конца игры. Прогromыхав к концу поля, Нагурски разбросал таклеров Портсмута, словно соломинки. Пробиваясь к боковой линии, он стряхнул с себя нескольких сдерживавших, повисших на нем, словно пиявки. К тому мгновению, когда он добрался до голевой линии, Нагурски набрал такую инерцию, что, проскочив линию, врезался в кирпичную стенку. Она-то и остановила его. Утверждают, что, очнувшись, он сказал: «А этот последний парень крепко врезал мне».

В 1934 году он сделался блокирующим защитником и возглавил защиту, обеспечивавшую рывки крохотного Битти Фезерса, первым из защитников НФЛ пробежавшего тысячу ярдов, – «причем около девяти сотен из них под боком у Нагурски», вспоминал комментатор Джек Брикхауз. В том же самом году Дик Ричардс, владелец «Детройтских Львов», лично видевший в том сезоне, как Нагурски дважды растоптал его команду, подвернувшуюся под лапы «Медведей» с идеальным счетом 13:0, обедая за одним столом с Бронко, сказал: «Нагурски, я готов дать вам

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
десять тысяч долларов только за то, чтобы вы убрались из лиги. Понимаете? Я не намереваюсь перекупать ваш контракт. Я просто не хочу, чтобы вы губили моих футболистов».

В 1937 году он успешно сочетал игру в футбол с карьерой борца. Однажды за три недели он провел восемь борцовских поединков на пути из Ванкувера в Филадельфию, одновременно сыграв пять игр за «Медведей». В 1938 году, потребовав дополнительные 1000 долларов у Халаса и не получив их, он прекратил выступления и занялся борьбой, но вернулся в 1943 году и привел «Медведей» к новой победе в чемпионате НФЛ, блистая в качестве задерживающего, линейного защитника и полного защитника.

Грантленд Райс, отмечая, что многие называют Нагурски величайшим футболистом всех времен, писал: «Он был звездой на краю поля, блестящим сдерживающим и сокрушающим своей мощью защитником, умеющим пасовать. На мой взгляд, одиннадцать Нагурски были способны победить одиннадцать Грейнджей или одиннадцать Торпов». Но это утверждение невозможно проверить.

БОБ ГИБСОН

(родился в 1935 г.)

В длинной истории бейсбола насчитывается не более горстки питчеров, в чьей душе пылало неукротимое пламя, надменных и угрюмых, делавших свое дело под лозунгом «пленных не берем». К их числу относятся такие титаны и борцы, как Карл Мейз, Берли Граймз, Ред Раффинг, Лефти Гроув, Сэл Мэгли и Эрли Винн.

Но на любом снимке этой группы все перечисленные бойцы непременно подвинулись бы, чтобы пропустить в свои ряды более современного деятеля – Боба Гибсона Вперед и в центр.

Ибо если Эрли Винн, уже подвинувшийся на два шага, уступая место Гибсону на снимке, однажды признал, что ударил бы собственную матушку, если бы она подвернулась ему под горячую руку на площадке с битой в руках, инстинкт подсказывает мне, что крутой норовом Гибсон ткнул бы в ребра и свою мамашу, и своего папашу, и всех сродников сразу, если бы это могло помочь делу.

Сказать, что Гибсон был крут как яйцо после трехдневной варки, значит ничего не сказать о нем. Высокий и жесткий, как гравюра на стали, наделенный лицом, к которому улыбка, похоже, не прикасалась вовсе, и к тому же холодным, как два брикета мороженого сразу, Гибсон представлял собой внушительную персону, умевшую поднять искусство устрашения на новый уровень.

Во время своей семнадцатилетней карьеры Гибсон поддерживал с бэттерами такие отношения, что можно было не сомневаться уж эти люди не станут обмениваться поздравительными открытками на Рождество. С его точки зрения, бэттеры являлись главными врагами общества.

Он рос медленнее и был более хрупким, чем соседские ребята, однако был достаточно крепким, чтобы заниматься спортом в средней школе, где блистал в бейсболе, баскетболе и прыжках в высоту. «В футбол я не играл, – вспоминал Гибсон. – Я был слишком невысок для этого».

Тем не менее к тому времени, когда этот уже 180-фунтовый крепыш ростом шесть футов и один дюйм окончил школу, его таланты укрупнились настолько, что их трудно было не заметить, что и сделали обитавшие неподалеку от его родного города «Сент-Луисские Кардиналы» в бейсболе и соседний же Крейтоновский университет в баскетболе. Сам Гибсон, скорее всего, склонялся к обучению баскетболу в университете Индианы, однако Индиана уже набрала всю квоту чернокожих баскетболистов, и выбор был сделан в пользу Крейтона.

Там Гибсон блистал в баскетболе, набирая более 20 очков за игру, ставя самые разнообразные рекорды школы, а еще играл питчером и аутфилдером в бейсбольной команде. Один из источников утверждает, что рекорд его в питче равнялся 62, но сам Гибсон утверждал, что «имел лучший результат». Однако в отношении его результата в бэттинге сомнений нет: Гибсон имел на бите на старшем курсе 0,340 и

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru возглавлял список конференции.

Поиграв летом в полупрофессиональных командах, Гибсон определил, что ему «будет проще попасть в старшую лигу в качестве питчера. Аутфилдеры ценятся в грош за дюжину, если только ты не Вилли Мейз» Но Гибсон не являлся Вилли Мейзом, он был, как выяснилось позднее, уникальным Бобом Гибсоном. И этого оказалось более чем достаточно для Омахи, фармклуба «Кардиналов», который и подписал с ним контракт.

В тот первый сезон Гибсон выступал питчером сразу за Омаху и Колумбус, Джорджия. Однако, сказать по правде, выступления его являлись разве что сносными, хотя он выиграл все шесть проведенных им игр. «Я располагал тогда, – вспоминал Гибсон, – лишь скользким быстрым броском. Ни крученых, ни власти над мячом у меня не было». В следующем, 1958 году Гибсон вновь поделил свои силы между Омахой и Рочестером, Нью-Йорк. Но его результаты вдруг приобрели респектабельный облик. Потом, на третий год, он вновь занялся совместительством, на сей раз разделяя свои обязанности между Омахой и ее родительским клубом, «Сент-Луисскими Кардиналами».

Тут он попал под крылышко босса отдела кадров команды, менеджера Солли Хемуса. Располагая согласием большей части своего персонала, Хемус впервые предоставил шанс Гибсону. 30 июля, и тот отплатил за доверие сухой игрой, первой из 56 в его карьере. Однако остаток года оказался менее ярким. В ту зиму Гибсон разделял свое время между двумя видами спорта, выступая также за «Гарлем Глобтроттерс».

В начале сезона 1960-го Гибсон вновь оказался в младшей лиге. В середине сезона, когда «Кардиналы» бросили вызов Питтсбургу и Милуоки в борьбе за первенство лиги, Хемус велел свистать вверх всех, кто был способен помочь команде, в том числе и Гибсона. Однако Гибсон проиграл в важной встрече со «Щенками», и Хемус стал обращаться к его услугам все реже и реже, причем за сезон наш герой вышел на поле всего шесть раз.

Убежденный теперь в том, что Хемус «не любит его», Гибсон был вне себя от радости, когда после первой половины сезона 1961 года «Кардиналы» уволили Хемуса, взяв на его место знакомого Гибсону менеджера, мягкого Джонни Кина из команды Омахи. Кин немедленно посоветовал Гибсону «не дуться» и вручил ему мяч в первый же день своего пребывания на посту тренера: «На питче ты». И Гибсон стоял на питче, заработав пробежку на базу и победу над «Доджерс». Чередуясь с Реєм Садецки, Ларри Джексоном, Эрни Броглио и Куртом Симмонсом, Гибсон имел 211 иннингов и победы в 13 играх, вывел из игры 166 бэттеров, показав пятый результат в лиге, и достиг ERA, равного 3,24, что также являлось пятым результатом.

За следующие пять лет Гибсон одержал больше побед, чем в предыдущий год. Но самой важной из них стала его девятнадцатая победа в 1964 году, когда в последний день сезона, с четырьмя надежными иннингами он завоевал вымпел чемпиона Национальной лиги в самой жаркой схватке во всей ее истории, победив и «Красных» и «Филадельфийцев», которые возглавляли турнирную таблицу лиги еще за две недели до завершения первенства.

В последовавшей мировой серии Гибсон отличился, выбив пятерых из семи первых «Янки», порученных его вниманию. К несчастью, и сам он оставил игру после восьмого иннинга, утратив восемь попаданий и четыре пробежки. Однако через четыре дня он вернулся на поле, вывел из игры 13 «Янки» и выиграл пятую игру шестью попаданиями. Три дня спустя он начал седьмую игру, высадив с поля еще девять «Янки», что дало ему 31 удар навывлет, больше, чем имел в одной серии любой другой бейсболист, – больше, чем Коуфакс, Мэтьюсон, Джонсон, Дин, Грув, больше, чем все прочие игроки.

Три следующих сезона Гибсон продолжал свои сокрушительные броски, теперь включающие быстрый мяч, натуральный «сухой лист» и жестокий прямой мяч, заставлявший бэттеров выглядеть случайно забредшими на это место учителями воскресной школы, все время опасавшимися получить мячом в лоб. Хмурясь и кривясь, Гибсон собирался, а потом подступал к бэттеру с невесомым мячом в руке, раскручивая его так, что угадать, куда он полетит, не представлялось возможным.

Сезон 1967 года начался для Гибсона, как и все остальные. И даже более того. В своем первом старте он повторил рекорд старшей лиги по ударам навывлет в начале игры, высадив последовательно с поля пятерых первых представших перед ним

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru «Гигантов». По прошествии 140 ударов навывлет, имея дело с «Питтсбургскими Пиратами» и Клементе, Гибсон пустил сокрушительный мяч, Клементе отбил его в сторону питчерской горки, и снаряд попал в ногу нашего героя, оставив ушиб и перелом. Гибсон отправился домой срывать кости, выбив на пятьдесят шесть игр сезона, но «Кардиналы», не скудные на таланты, все же выиграли вымпел с отрывом в десять с половиной игр и встретились с «Невозможной Мечтой», командой «Красных Носков» в мировой серии.

А потом настал 1968 год, и его микроскопический ERA в 1,12 стал самым маленьким в так называемую эру живого мяча, начавшуюся в 1920 году, а его 13 сухих игр в сезоне стали самым высоким показателем с тех пор, как Гровер Кливленд Александер имел 16 в 1916 году. А потом была мировая серия. И новые рекорды.

В первой игре Гибсон имел подавляющее преимущество, выбив пятерых из первых шести «Тигров», а потом парными ударами навывлет, и прямыми как луч света флешами довел в девятой игре счет до рекордных 17. Когда на табло появилось сообщение о том, что он только что побил рекордное для мировой серии достижение Сэнди Коуфакса, своим шестнадцатым броском выведя из игры Норма Кэша в девятом иннинге, кетчер «Кардиналов» Тим Макгарвер встал и указал на табло. Гибсон, отрезавшийся от всего, что окружало его, рыкнул, что, по всей видимости, означало: «Дай сюда этот поганый мяч!» И только потом обернулся, чтобы посмотреть все-таки в ту сторону, куда указывал Макгарвер. И тут на лицо его вползла крохотная улыбка. А потом он снова взялся за свое дело, достав сквозь игольное ушко быстрым мячом Вилли Хортон и тем самым доведя свой результат до семнадцати.

Четвертая игра складывалась подобным же образом, и Гибсон продолжал терроризировать соперников своими бросками и десятью ударами навывлет. Начинать уже казаться, что у Гибсона есть гарантия против поражений в играх мировой серии. Перед седьмой игрой в раздевалке «Тигров» царили подобные настроения, и Норм Кэш в шутку сказал: «Уж и не знаю, может быть, он на самом деле переодетый супермен». Три иннинга так и казалось, и он отправил на отдых девять «Тигров»; причем девятым был Микки Лолих, ставший тридцать второй жертвой Гибсона в серии, что превысило прежний рекорд, установленный – угадайте кем? Шесть иннингов Гибсон и Лолих уравнивали друг друга, обмениваясь бросками, только броски Гибсона были точнее: он пропустил только одно попадание. Потом, в седьмом иннинге, фортуна ткнула своим капризным пальчиком в центрфилдера Курта Флуда, который проиграл мяч, посланный Джимом Нортрапом. «Тигры» выиграли игру, а с ней и серию, но только после того, как Гибсон продемонстрировал свои чудеса.

Боб Гибсон «писал свою легенду» еще семь лет, играя с тлеющим в душе огнем. А потом он повесил свои шиповки на гвоздь и занял свое место в Зале бейсбольной славы и на групповом портрете некоторых бейсболистов, самых упрямых бойцов.

ОТТО ГРЭХЭМ

(1921–2003)

Если верить словам бессмертного тренера Винса Ломбарда, сказавшего, что «хотя победа еще не все, но победа – это все-таки кое-что», то умение спортсмена побеждать – одна из характеристик его личности. А в истории командных видов спорта не было победителя большего, чем Отто Грэхэм.

Тренировавший Грэхэма десять лет Пол Браун именно об этом и думал, когда высказал следующую мысль: «Место квартирбека там, где финишировала его команда. Отто Грэхэм был лучшим в истории футбола».

Пол Браун и Отто Грэхэм составляли то, что один из обозревателей того времени Уолтер Уинчелл назвал «программой», парочкой, изрядно способствовавшей созданию кливлендских «Браунз». Поскольку когда «Кливлендские Бараны», они же «Тараны», победители первенства НФЛ 1945 года, восстали ото сна и, следуя совету Хораса Грили, перебрались на запад в Лос-Анджелес, покинув Кливленд, Всеамериканская футбольная конференция начала бросать более чем алчные взоры на Город-у-Озера. Дело было не только в том, что футбол, как и природа, не терпит вакуума; вопрос заключался в установлении прав собственности на один из потенциально наиболее доходных рынков в спорте. Однако этого можно было достичь лишь с помощью

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru команды, способной завоевать сердца местных болельщиков в той же мере, как это сделали безвременно усопшие «Бараны».

Организовать новую команду с нуля – дело чертовски серьезное. И Браун подошел к нему подобающим образом. Методичный тренер решил не собирать по городам и весям свободную рабочую силу, а подобрать молодца, способного привести новорожденную команду к победе. Причем немедленно. И выбор его пал на молодого четвертьбека из Северо-Западного университета по имени Отто Грэхэм.

Грэхэм впервые привлек к себе внимание Брауна в 1941 году, когда отдал два паса на занос в победной для команды Северо-Запада встрече с Огайо, когда Браун потерпел свое единственное поражение на первом году пребывания на посту тренера «Оленьих Глаз» со счетом 7:14. На следующий год он привлек к себе внимание всей страны серией из трех пасов. В том году, невзирая на рекордно неудачное выступление команды Северо-Западного университета (1:9), Грэхэм всего только поставил рекорд «Большой Десятки» по псам, возглавил ее список по псам и нападению и был назван самым ценным игроком конференции.

Однако Отто Грэхэм был грозен не только на футбольном поле. Он в той же мере преуспевал в баскетболе и бейсболе. Более того, на старшем году обучения он попал во всеамериканскую сборную по баскетболу, став наряду с Бенни Оостербааном и Уэсом Феслером третьим игроком, попадавшим в сборные года по футболу и баскетболу.

В лице Грэхэма Браун получил разыгрывающего, обладавшего невероятным чувством мгновения и периферическим зрением и способного стать осью того отлично притертого друг к другу механизма, который он надеялся создать на поле, команды, соответствующей некогда изреченному Э.Э. Каммингсом утверждению: «Точность создает движение». К тому же – разве Грэхэм не побеждал его команды в двух встречах из трех?

И, следуя правилу, раз-ты-не-можешь-побить-его-привлеку-на-свою-сторону, Браун отправился подписывать контракт с Грэхэмом, а потом записался в Колгейте на программу подготовки пилотов для флота. Грэхэм, задрафтованный «Детройтскими Львами» из благополучно существовавшей НФЛ, но так и не дождавшийся от них даже весточки, соблазнился на посулы Брауна, двухгодичный контракт, подъемные и 250 долларов в месяц на все время войны.

Понимая, что, даже купив скрипку работы Страдивари, Айзеком Стерном[56 – Первый всемирно знаменитый американский скрипач. (Прим. перев.)] не станешь, Браун приступил к оркестровке своего собственного шедевра. Когда война закончилась и Джонни, Данте и Мак отправились по домам, Браун договорился с такими будущими звездами, как Данте Лавелли, Мак Спида, Мэрион Мотли, Джонсом «Срочная Доставка», Лу Гроза, и прочими заходными войной экс-солдатами, которым предстояло оттенить выступление его главного исполнителя Отто Грэхэма.

Начиная с самой первой игры первого сезона новой команды, сезона 1946 года, закончившейся полным разгромом «Морских Орлов» из Майами со счетом 44:0, команда, получившая название «Браунз» – не в честь Пола Брауна, как обычно считают, а другого чемпиона своего времени, Джо Луиса, имевшего прозвище «Коричневый (Браун) Бомбардировщик», стала созвездием в процессе его созидания. Однако, по правде говоря, Грэхэм не выходил тогда в стартовом составе: он опоздал в тренировочный лагерь, сделав небольшой заезд в Рочестер, чтобы сыграть в профессиональный баскетбол за тамошних «Ройялс» и помочь им выиграть чемпионский титул Национальной баскетбольной лиги в 1945–1946 годах.

В третьей игре сезона Грэхэм оказался на поле в качестве четвертьбека в Т-образном построении и немедленно начал оправдывать возлагавшиеся на него надежды. В тот год «Браунз» выиграла двенадцать игр регулярного сезона и звание чемпионов лиги, а Грэхэм – получивший теперь имя «Отто-автомат» из-за невероятной точности – возглавил список лиги по псам.

Тем не менее «Браунз», как и вся новая лига, по-прежнему оставалась за рамками внимания футбольных болельщиков и хозяев футбола. Когда кто-либо упоминал о лиге ААФС комиссару известной всем НФЛ Элмеру Лаудену, тот просто фыркал: «Пусть сперва научатся играть в футбол». Однако футбольные мячи и все прочие необходимые для игры причиндалы обходились обеим лигам много дороже, чем они могли себе это позволить. И вот в 1950 году дороговизна финансовой войны

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru заставила лиги объединиться, причем три команды ААФС были допущены в уважаемую НФЛ, и среди них были и «Браунз» вместе с Отто Грэхэмом.

Ну, теперь-то «Браунз» получают по заслугам, так во всяком случае можно было рассудить, поскольку первая игра их в большом профессиональном футболе должна была состояться в Филадельфии против правящих чемпионов НФЛ. Однако к ужасу и восхищению публики «Браунз» устроили «Орлам» показательную порку со счетом 35:10, причем счет еще не отражал истинного соотношения сил. И вновь Грэхэм был впереди, совершив 21 пас на внушительную общую сумму в 346 ярдов и три заноса при пробежке для еще одного.

К концу первого года, проведенного им в НФЛ, «Браунз» выиграли десять из двенадцати игр регулярного сезона, победив при этом лос-анджелесских, то есть бывших кливлендских «Баранов» во встрече за звание чемпиона. На следующий год Кливленд вновь вышел в чемпионы конференции, однако проиграл «Баранам» во встрече за звание чемпиона. Сезоны 1952 и 1953 годов стали повторением пройденного, так как оба эти года «Браунз» становились чемпионами конференции и оба года проигрывали финальную игру, на сей раз дважды «Львам» из Детройта. Но в 1954 году «Браунз» опять завоевали свой чемпионский титул и сокрушили «Львов» в финале со счетом 56:10, причем Грэхэм отдал в этой игре, предположительно являвшейся для него последней, прямой, как стрела, пас для заноса и совершил пробежки еще для трех. Однако Браун уговорил Грэхэма вернуться на последний победный круг; и круг действительно оказался победным, так как Грэхэм в своем прощальном матче привел «Браунз» к званию чемпионов во вполне удовлетворительной победе со счетом 38:10 над «Баранами», отдал два паса, завершившиеся заносами, и сделал пробежки еще для двух.

Такой финал вполне подошел самому победоносному игроку в истории профессионального командного спорта, исполнителю, более чем славно проявившему себя на футбольном поле и на баскетбольной площадке. За десятилетнюю профессиональную карьеру Отто Грэхэм каждый год выступал по меньшей мере в одной финальной игре. Его команды победили в двенадцати из этих пятнадцати чемпионских игр. Немногие атлеты добиваются подобных успехов в одном виде спорта; и никто, кроме Отто Грэхэма, не восходил на такие высоты, выступая сразу за две команды.

ПИТ РОУЗ

(родился в 1941 г.)

Легенда о Пите Роузе началась во время весенних тренировок 1963 года. Обычно весенние тренировки представляют собой оплаченные каникулы. Большинство игроков просто отбывают номер, но двадцатидвухлетний новобранец взбаламутил ряды «Цинциннати Редс». Его неустанное движение заставило подняться не одну бровь. Зазвучали голоса.

Один из них принадлежал Микки Мантлу, который, сидя на скамье во время весенней тренировочной встречи между «Янки» и «Редс», наблюдал за одним из капризов природы, буквально выпрыгивавшим из формы, чтобы оказаться первым в пробежке. С легкомысленной невозмутимостью он повернулся к товарищу по команде Уайти Форду и заметил: «Погляди на этого Чарли Торопыгу».

Это замечание, предположительно уничижительное, можно считать классическим преуменьшением. Потому что Роуз, воспринявший это замечание как большую медаль за отвагу, продолжал спешить и пробился сперва в запас, а потом и в основной состав «Редс», а затем, начиная со своей первой игры в старшей лиге – в которой он заработал «хет-трик», совершив третий на собственном животе, до звания «Новобранец Национальной лиги» того года.

Умея создавать фурор на дорожках вдоль базы, скорострельный Роуз мог стать на площадку и дать каждому болельщику понять, что один только «Чарли Торопыга» вполне оправдывает деньги, потраченные на билет. Становясь на место бэттера, вливаясь глазами в противника, Роуз проделывал своеобразный ритуал: он постукивал по своим доспехам битой, сдвигал энергичным движением шлем на затылок, а потом пригибался. Завершая свое первое десятилетие в старшей лиге, Роуз не дотягивал до 2000 всего 78 ударов. Теперь человек, о котором журналист Ларр Мерчент сказал: «Он зарабатывает удары в настоящем и живет в прошлом»,

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru начал обходить некоторых величайших бейсболистов.

Роуз, в возрасте 36 лет ощущавший себя, по его собственным словам, «как в 21», сделался тринадцатым счастливым, который сумел превзойти отметку 3000, и событие это произошло 5 мая 1978 года. В сезоне 1978 года он не только поставил рекорд Национальной лиги, сыграв вничью 44 игры подряд, но и довел свой суммарный показатель до 3164, обойдя при этом Кэпа Энсона и Пола Уорнера. К концу 1979 года всего 819 ударов отделяло Роуз от лидировавшего по ударам во все времена Тая Кобба.

Так продолжалось еще пять сезонов, Роуз продолжал играть как человек, которому покорился секрет вечного движения. Вот он бороздит воздух в столь присущем ему далеком нырке, вот мчится вдоль базы, как мальчишка, наконец услышавший зовущую его к обеду мамашу, и во всяком его движении ощущается непокорная гордость, так присущая молодости.

В возрасте сорока четырех лет, когда всем уважающим себя игрокам в мяч следует сидеть дома и не показываться на спортивной площадке, Пит Роуз еще был полон боевого духа. И отставал от рекордных 4191 удара Тая Кобба всего на 127. Перебравшись из Цинциннати в Филадельфию с годичной остановкой в Монреале, он вернулся домой в Цинциннати в качестве играющего тренера.

Пит Роуз был энтузиастом, вполне достойным прозвища Чарли Торопыги. Ну а битва сделала его самым результативным бэтсменом всех времен.

Однако достоинства, сделавшие его одним из величайших бейсболистов всех времен, имели и темную сторону. Человек, стремившийся стать вторым Таем Коббом, вместо этого превратился во второго «босоногого» Джо Джексона. Его финансовые шалости привели к более чем годовому пребыванию в федеральной тюрьме за уклонение от уплаты налогов, а аферы при заключении пари привели к изгнанию из бейсбольных чертогов. В том числе и из Зала бейсбольной славы.

ДОК БЛАНШАР

(родился в 1924 г.)

и ГЛЕНН ДЭВИС

(1924–2005)

Есть такие пары, которые неразделимы: в Библии это Каин и Авель, в мифологии Орест и Пилад, в музыке Гилберт и Салливан[57 – композиторы, ставшие создателями английской оперетты. (Прим. перев.)]; в финансах Доу и Джонс[58 – Чарльз Доу и Эдвард Джонс, экономисты, издатели журнала для финансистов, публиковавшего биржевые котировки. (Прим. перев.)], в Голливуде Лорел и Харди[59 – Один из популярнейших голливудских кинодуэтов 20–30-х гг. (Прим. перев.)], а в политике Франклин и Рузвельт[60 – Имеется в виду 32-й президент США. (Прим. перев.)]. Футбол не представляет собой исключения из этого правила, и самой прославленной его парой являются Док Бланшар и Гленн Дэвис, мистеры Инсайд и Аутсайд колледжского футбола. После исторической дружбы зайца и черепахи более непохожей пары не наблюдалось. Оба закончили Вест-Пойнт[61 – Военная академия сухопутных войск. (Прим. перев.)] в 1947 году, но на этом сходство кончалось.

Дэвис первоначально обучался в выпуске 1946-го года и в свой первый сезон 1943 года, в качестве трехфункционального фулбека, совершил восемь заносов и стал седьмым в национальном списке по набранным ярдам.

Происходивший из Бониты, штат Калифорния, Дэвис успел отличиться в бейсболе, футболе, баскетболе и легкой атлетике и в старшем классе набрал 236 очков при более чем трех заносах в среднем за игру. За что и был удостоен «Трофея фонда Хелмса» как лучший спортсмен-школьник региона. Получивший рекомендацию к армейскому тренеру Реду Блейку от дартмутского профессора литературы, Дэвис решил доказать, что оправдывает связанные с ним ожидания, как только ступит на плац Вест-Пойнта. Проходя положенные вновь поступающему кадету спортивные испытания, Дэвис набрал 962 1/2 очка из 1000 возможных, побив существовавший рекорд на 61 очко.

Дэвис обладал столь совершенной координацией, что, впервые взяв шест в руки, прыгнул с ним в высоту на десять футов. На последнем году обучения Дэвиса, попросили пробежать за академию во встрече со сборной флота в тот же самый день, когда команде его предстояло сыграть со своим основным соперником на бейсбольном поле. Отправленный на матч в штабной машине, Дэвис появился на линии старта буквально за считанные секунды до начала забега на 100 ярдов и пришел к финишу с рекордом Вест-Пойнта, пробежав дистанцию за 9,7 секунды. Чуть позже он бежал 220 ярдов и опять завершил ее с рекордным результатом – на сей раз 20,9 секунды.

На бейсбольном поле он также чувствовал себя как дома, где бы он ни располагался, но предпочитал играть в центре. На бите он имел около 0,400. В одной из выставочных игр против «Монреаль Ройялс» он нанес удар, а потом украл вторую, третью базу. Брэнч Рикки, в том году уже подписавший контракт еще с одним многообещающим новичком по имени Джекки Робинсон, после последней игры его за Вест-Пойнт в 1946 году предложил Дэвису незаполненный бланк со следующими словами: «Вот мое предложение. Приноси завтра и впиши сам ту сумму, которая покажется тебе справедливой».

Всесторонне развитый атлет блестяще показал себя и на футбольном поле. Этот живой вихрь, носившийся по полю с мальчишеским пылом, проламывался сквозь линию защитников и пускался бежать к концевой зоне. Не единожды, попав в самую гущу защитников, едва заметными движениями он раскидывал соперников по сторонам и продолжал свой путь, так и не позволив им притронуться к себе.

Вторая составляющая дуэта, Феликс или «Док» Бланшар, явился в спорт из Бишопвилла, Южная Каролина. Он заслужил свои рыцарские шпоры в университете Северной Каролины, где 190-сантиметрового и 210-фунтового новичка немедленно оценили местные тренеры, со вкусом качавшие головами и многозначительно вещавшие: «Это парень затмит всех». Однако над страной уже дули военные ветры, и помимо всякого Тома и Дика призыву подлежали также и Феликсы. Сперва Бланшар попытался попасть на флот, однако этот номер у него не прошел, потому что его вес оказался на пять фунтов больше, чем положено. Его тренер, Джим Тейтум, попытался согнать его лишний вес, но это ему не удалось. Как пояснял Тейтум: «Он состоял только из мышц, и я сумел избавить его только от двух фунтов».

И тогда этот идеальный образчик человеческой породы, отправивший ядро на 16 метров в год своего знакомства с этим снарядом и бежавший 100 ярдов ровно за десять секунд, прибыл в Вест-Пойнт, где ему вместе с Дэвисом предстояло составить величайший дуэт в истории футбола.

Оба они идеальным образом дополняли друг друга, и гром Бланшара раздавался следом за молнией Дэвиса. За три года – 1944-й, 1945-й и 1946-й – номера 35 (Бланшар) и 41 (Дэвис) спелись как следует, и «Черные Рыцари Гудзона» побеждали с пугающим разнообразием и с кошмарным постоянством. Разрывавшие в клочья любого соперника, эта парочка за три года принесла армии рекордные 27 побед при одной ничьей. Они прокатывались по спортивной площадке как шквал артиллерийского огня, оставляя за собой выжженную землю, и армейская команда закатала своим противникам 1179 очков при всего 161 пропущенном, что дает средний счет 42:6 в ее пользу.

Уже в первом проведенном совместно на поле году оба спортсмена показали себя с лучшей стороны, и армейцы уложили шестерых первых соперников с общим счетом 395:21, причем в четырех этих играх Дэвис совершил три заноса. А потом была встреча с «Нотр Дам», в которой «Ирландцы» претерпели худшую порку в своей истории, 59:0. После игры тренер «Нотр Дам» Эд Маккивер отстучал домой телеграмму: «Только что видел Супермена во плоти. Он носит свитер под номером 35 и отзывается на фамилию Бланшар».

Последнюю игру года армия проводила со своим традиционным противником, командой Военно-морского флота, также нагруженным талантами по самую ватерлинию. Однако компания «Бланшар и Дэвис» в такие подробности не вникала, и флотских они стерли со счетом 23:7. Потом тренер Йеля Герман Хикмен сказал о Бланшаре: «Помешать ему может только он сам». Но Дэвис все-таки уже «потопил» команду моряков.

Год складывался исключительно в его пользу. Номер 41 стал самым результативным игроком в стране, на счету его было 20 заносов, а число ярдов за пробежку достигло немислимых 12,4. Он завоевал «Клубный трофей Максвелла», «Лагерный приз

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru Уолтера», «Приз Фонда Хелмса» – в качестве лучшего игрока студенческого футбола. Цифры Бланшара тоже впечатляли – 9 заносов и 7,1 ярда на пробежку.

Сезон 1945 года начался в том же духе, и парочка «Бланшар и Дэвис» привели «армейцев» к сокрушительным победам над командами «Дюка», Мичигана, Пенсильвании, Уэйк Форест, «ВМФ» и «Нотр Дам». В первой половине игры с «Нотр Дам» Бланшар забил два гола, а Дэвис три, на чем соревновательная фаза игры закончилась, и тренер Блайк бесчувственным образом отправил гениальный дуэт на скамейку. «Эй, полковник, – запротестовал Дэвис, в негодовании срывая шлем с головы, – я хочу играть в футбол, а вы не предоставляете мне подобной возможности».

Но, невзирая на подвиги Дэвиса, 1945 год стал годом Бланшара, по крайней мере в том, что касается признания и наград. Этот 208-фунтовый таран, обрушивавшийся на оборонительные порядки противника словно на ворота осажденного города, был непревзойденным блокировщиком и задерживающим своего времени, а заодно являлся выдающимся беком оборонительного плана. Добавим к этому его роль специалиста по штрафным ударам, частенько добивавшим мяч до концевой зоны. И, конечно, 19 заносов, совершенных им в течение сезона. И за все это Феликс «Док» Бланшар был награжден призами «Хисмана», «Максвелла» и «Уолтера» в качестве выдающегося футболиста года, а также первым среди всех футболистов завоевал «Приз Салливана», присуждающийся лучшему спортсмену-любителю Америки.

В 1946-м команде Бланшара и Дэвиса наконец бросили вызов. Сперва это сделал Мичиган в игре, в которой успех метался в обе стороны, как никому не нужная посылка, и которую армия в итоге выиграла со счетом 20:13, а Дэвис набрал 105 ярдов, и семь его точных пасов принесли еще 168 ярдов. Потом примеру Мичигана последовал «Нотр Дам», добившийся сухого счета 0:0, довершили дело моряки в сражении, завершившемся со счетом 21:18. Судьба все же обратила свое внимание на Дэвиса и, пожалуй, в порядке погашения долгов осыпала его всеми футбольными почестями, в том числе и «Призом Хисмана».

Таким и был вполне подобающий конец трех великолепных лет, проведенных двумя великолепными атлетами, совершившими на двоих 89 заносов и имевшими в среднем на двоих 8,3 ярда на пробежку. Вместе они проложили свою собственную тропу по футбольному полю – и в истории этого вида спорта.

БРЮС ДЖЕННЕР

(родился в 1949 г.)

Хотя десятиборцев принято считать самыми уравновешенными, самыми сбалансированными спортсменами среди всех легкоатлетов, старый прыгун Дуайт Стоунз однажды задумчиво молвил: «Не следует уж очень-то рассчитывать на эту самую уравновешенность. Десять видов decatлона требуют колоссальной дисциплины. Они проводят все свое время в одиночестве, на тренировках, а выступают всего раза четыре в год. И как в таком случае можно остаться уравновешенным?»

В 1969 году не было абсолютно никаких причин предполагать, что двадцатилетний Брюс Дженнер однажды обретет право на звание «величайшего атлета мира». Он как раз поступил в крошечный колледж Грейсленда, чтобы заниматься футболом и специализироваться отчасти на прыжках с шестом, и вообще на прыжках. Там-то он и встретился с тренером Л.Д. Уэлдоном, много лет тренировавшим десятиборцев.

За первый год обучения Уэлдон успел вышколить Дженнера настолько, что его оказалось возможным выставить на соревнования «Дрейк Рилейз» 1970. Несмотря на то, что Дженнер финишировал шестым, он «настолько влюбился в дело», что сконцентрировал все свое внимание на единственном теперь важном для него занятии, на десятиборье.

Два года спустя по-прежнему ничем не примечательный Дженнер попал на отборочные соревнования перед Олимпиадой 1972 года. Когда закончился седьмой вид, он занимал всего лишь десятое место среди двадцати одного соревнующегося, и можно сказать, оставался полностью незамеченным. Оставалось всего три вида: прыжки с шестом, метание копья и его конек, бег на 1500 метров.

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Уверенно выступив в прыжках и метании, Дженнер перебрался на пятое место, и от поездки в Мюнхен его теперь отделяли только двое конкурентов. Теперь оставался его козырь, бег на 1500 метров.

Заставив себя успокоиться, Дженнер прикинул свои шансы и вычислил, что для успеха ему нужно пробежать 1500 метров на восемнадцать секунд быстрее Стива Гоу, занимавшего тогда третье место. Умевший целиком выкладываться и опередив на восемь секунд свое рекордное достижение, он прошел квалификационный отбор также с личным рекордом, набрав 7846 очков.

Здесь история делает некоторую паузу, так как в Мюнхене Дженнер финишировал десятым, набрав 7722 очка – на 732 меньше, чем Николай Авиллов, установивший мировой рекорд с 8454 очками.

Теперь, оставив свою визитную карточку, Дженнер поставил себе целью набрать в 1976 году 8600 очков. «Я повесил на стене лозунг, – говорил он. – Восемь пятьсот в 75-м; восемь шестьсот в 76-м».

За три прошедших между Олимпиадами года Дженнер выиграл двенадцать из тех тринадцати соревнований, в которых принимал участие. Единственная неудача постигла его в 1975 на Национальном первенстве ААУ. Лидировавший перед прыжками с шестом, Дженнер вдруг начал испытывать проблемы с приближением к яме для прыжков. Не сумев оторваться от земли, он сперва посмотрел на шест с таким видом, будто вина за это лежала на неповинном снаряде, а потом пробежал по матам, ругаясь во всю глотку, зашвырнул шест подальше и вновь побежал. «Я подобрал шест, выбежал со стадиона, пересек поляну, уселся под деревьями и заплакался», – вспоминал он впоследствии.

Месяц спустя, на матче по десятиборью между командами США, СССР и Польши Дженнер установил новый мировой рекорд, набрав 8524 очка, в то время как прежний его обладатель, Николай Авиллов, сумел финишировать только третьим с 8211 очками. Так Дженнер исполнил первую часть собственного обета.

Вторая половина воплотилась в жизнь на Олимпийских играх 1976 года в Монреале. Вступив на дорожку стадиона, Дженнер ощутил, что «в известном смысле обязан победить». И к концу первого дня двухдневных соревнований, надеясь отставать от лидеров очков на 200, он обнаружил, что отстает от лидера всего на 35 очков и на 17 от шедшего на втором месте Авиллова. Земля Обетованная была теперь совсем рядом, оставалось только протянуть руку и коснуться ее.

Дженнер знал, что теперь ему для победы нужно было «только показать свои лучшие результаты во всех оставшихся пяти видах». И после первых трех видов последнего дня он уже не сомневался в победе. А осознав ее близость, этот человек, которого звали «Доблестным и Мускулистым Принцем», зарыдал.

Перед последним видом, бегом на 1500 метров, Дженнер успел набрать 7904 из обещанных самому себе 8600 очков. Выходя на последнюю прямую, он уже знал, что недалек от заветного числа. «Я не мог замедлить хода. Я гнал и гнал себя вперед». Пересекая линию финиша, он поглядел на часы. Личный рекорд в беге на 1500 метров принес ему мировой рекорд. А с ним и 8618 очков.

Так Брюс Дженнер доказал всему миру и себе самому, что и в самом деле является величайшим атлетом мира.

СЭМ СНИД

(1912–2002)

«Сладостный» свинг Снида являлся движением ритмическим и текучим. Он исполнялся одними запястьями, отчего разлакомившийся на подобных деликатесах ведущий спортивный журналист того времени Грантленд Райс писал: «В одном-единственном движении тяжелой лапы тигра изящества и экономии больше, чем у всех у нас. И истинно животная грация Сэма Снида, наносящего убийственный удар Бейба Рата, разворачивающегося на пятках, ну и конечно же Джека Демпси, уничтожающего противника, являются для меня воплощением тигриных рефлексов в человеческом облике».

Свинг этот осенил Снида не сам по себе. Некоторые утверждают, что он рожден был колыханием древесных ветвей на холмах графства Бат, что находится в западной Вирджинии возле гор Аллегени. Другие предполагают, что причиной всему послужил заработанный в средней школе во время игры в футбол перелом левой руки, заставивший Снида взяться за клюшку для гольфа – чтобы рука не немела. Как бы то ни было, к двадцати одному году игра его достигла столь высокого совершенства, что он сумел найти себе работу в местном отеле, где чистил клюшки для гольфа и ботинки за царские деньги – 20 долларов в месяц, в денежных единицах времен Депрессии. На следующий год зарплату его урезали ровно на 20 долларов, однако хозяева отеля позволили Сниду водить постояльцев «на лужок» – попрактиковаться в гольфе.

В профессиональный тур он вступал уже в 1936 году, дерзким и беспечным 24-летним юнцом, обладателем самого сочного, то есть «сладкого» свинга, который когда-либо видели представители спортивной прессы. Однако журналисты заметили кое-что другое. И потому, привыкнув иметь дело с личностями, годящимися для музея восковых фигур мадам Тюссо, немедленно занялись парнем, физиономия которого лучилась блаженством, а ступни явным образом не обнаруживали привычки к ботинкам. Отличавшийся тягучим, словно теплый сироп, говорком, Снид быстро был окрещен «деревенщиной». Однако сам он не возражал и даже посмеивался вместе с журналистами, не забывая перемежать деревенский юмор широкой ухмылкой.

Когда он выиграл свой первый турнир, открытое первенство в Окленде в 1937 году, кто-то подарил ему экземпляр «Нью-Йорк Таймс» с описанием его победы и фотоснимком. Утверждают, что Снид сказал: «И как же это к ним попала моя фотография? В Нью-Йорке-то я не бывал». В другой раз, после того как Снид впервые победил в чемпионате PGA, репортер спросил, чем для него примечателен этот турнир. Наш герой в соответствии с одной из самых знаменитых баек гольфа ответил с южным акцентом и всем прочим: «Я никогда не ем в день проведения турнира». В газетах же получилось: «Я никогда не ем в день Искупления (в английском языке эти слова можно произнести схожим образом)», что заставило многих любителей гольфа решить, что Снид принадлежит к иудейскому вероисповеданию.

Никто не знал, от ума ли исходит юмор Снида, или же от природы. Однако словечки его пользовались успехом. К тому же он продолжал выигрывать турниры, а значит, росла и его легенда, пересыпанная почтительными анекдотами.

Снид трижды выиграл первенство PGA, трижды «Мастерс» и один раз открытое первенство Британии. Он выиграл восемьдесят четыре турнира – больше, чем любой другой гольфист в истории этого вида спорта.

Однако характерной чертой его карьеры было не множество побед, а скорее неспособность выиграть самый главный турнир, который он называл «Большим Дядей», – Открытое первенство США. Являясь фаворитом первого из таких турниров – в 1937 году в Окленд-Хиллз, – он был «близок к победе, но, увы», Снид финишировал со вторым результатом в истории Открытых первенств, проиграв лишь Ральфу Гулдолу, опередившему его всего на два удара при рекордном 281 очке.

Два года спустя находившемуся перед финальной лункой вновь в качестве фаворита Сниду нужно было для победы только отправить мяч в восемнадцатую лунку. Однако табло рядом не было, и Снид не знал этого. Но на сей раз удар получился не классическим, а катастрофическим. Он проиграл два удара.

В 1947 году Снид вновь претендовал на звание чемпиона Открытого первенства США. Уступая перед последней лункой всего один удар Лью Уоршему, Снид сумел отыграть этот удар и перейти в плей-офф на восемнадцати лунках. После семнадцатой лунки по-прежнему сохранялась ничья. Потом на восемнадцатой лунке Уоршем недотянул двух с половиной футов. Получив шанс на победу, Снид также не сумел добить мяч до лунки. Когда он начал примеряться ко второму удару, Судьба положила на его плечо свою тяжелую руку, прибегнув для этого к услугам Уоршема, усомнившегося в том, что Снид имеет такое право. Расстояния замерили, и мяч Снида оказался чуть дальше – в 30 1/2 дюймах, против 29 1/2 у Уоршема. Расстроенный и раздосадованный промахом, Снид промазал, а Уоршем аккуратно положил свой мяч в лунку. И звание чемпиона США опять ушло от Снида.

Хотя в 1949 году он был соперником Гэри Мидлкоффа, а в 1953 Бена Хогана, Снид

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru никогда более не был настолько близок к победе в Открытом первенстве США, хотя принимал участие в тридцати чемпионатах и в двадцати семи из них завершил семьдесят две лунки, что до сих пор остается рекордом открытых первенств. Оглядываясь назад, Сид вспоминал: «Вот если бы я попал в шестьдесят девятую на последнем круге, то выиграл бы девять».

Прошло много лет, но «серийный» Сэмми по-прежнему оставался в деле. В 1979 году, покрыв веснушчатую лысину широкополой шляпой, уже старческими движениями, едва ли не в стиле крокета, Сид ошеломил мир гольфа, набрав 67 очков (в точности число своих лет), а через два дня последовали 66 очков на открытом первенстве четырех городов [62 – Общее название городской конгломерации, в которую входят Рок-Айленд, Молин, Ист-Молин и Дейвенпорт. (Прим. перев.)].

Тем не менее он останется в нашей памяти, как величайший гольфист, правда, никогда не побеждавший на Открытом первенстве США.

БИЛЛИ ДЖИН КИНГ

(родилась в 1943 г.)

В юности Билли Джин Моффитт блистала во многих видах спорта, в особенности в бейсболе. Однако один бейсболист в ее семье уже был – старший брат Рэнди, которому предстояло двенадцать лет выступать на уровне старшей лиги – и юная Билли Джин обратила все свое внимание и энергию на теннис.

Почти с самого начала своей карьеры Билли Джин обнаружила, что самой судьбой ей предназначено оспорить традиции тенниса. В юности, не имея средств на теннисную юбочку, она выходила на корт в шортах. Поэтому некие самонадеянные хранители теннисного огня исключили ее из группового снимка участников турнира, чтобы подобная вольность не подорвала имидж загородного клуба. Этой обиды она так и не забыла. И начиная с этого мгновения Билли Джин вступила в войну с «проклятой идеей теннисных загородных клубов», и с отношением к женскому теннису как к занятию второго сорта.

Не веря, что в мире рассчитывать не на что, Билли Джин попыталась исправить ситуацию и засучив рукава взялась за дело, считая, что необходимо быть, коротко говоря, – самой лучшей. Свой потенциал она продемонстрировала в Уимблдоне в 1963 году, победив одну из сильнейших теннисисток того времени Маргарет Смит с помощью сильных подач и ударов с лету, совершенно не свойственных в ту пору женскому теннису. В 1966-м она возглавила мировой женский теннис, впервые победив в Уимблдоне. А потом титулы и турниры пошли один за другим.

Но все это было прелюдией к ее профессиональной карьере, начавшейся в 1968 году. Вскоре после того, в соответствии со вздорными политическими традициями тенниса, между Билли Джин и Джеком Крамером разгорелся спор.

Поводом для этой полемики, которой суждено было навсегда преобразить весь облик профессионального тенниса, стал чемпионат Тихоокеанского Юго-Западного региона, состоявшийся в 1970 году. Возмущенная проведенным Крамером распределением призовых денег – на долю женщин выделялось менее одной восьмой той суммы, которая отводилась мужчинам, Билли Джин пригрозила бойкотировать соревнования до тех пор, пока Крамер не согласится на более равное распределение доходов. Когда тот отказался, Билли Джин и еще семь профессиональных теннисисток заключили символические контракты на 1 доллар с Глэдис Хелдман, издававшей в Хьюстоне журнал «Мировой Теннис». Так начался самостоятельный профессиональный женский тур, названный в честь новых сигарет фирмы «Филип Моррис» – «Вирджиния Слимз».

Оставалось сделать всего один шаг до стычки между Билли Джин Кинг и энергичным Бобби Риггсом.

Риггс не один год трудился на деловой стороне улицы, распахивая всех и каждого. В возрасте двадцати одного года этот сын проповедника выиграл Уимблдон, поставив на себя самого и заработав при этом 108000 долларов. Вершин впереди оставалось не много, и этот в сущности еще мальчишка, принялся шустрить и шустрить в масштабах всего мира.

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Учитывая популярность женского тенниса – и в том числе количество призовых денег, которые начали приносить турниры «Вирджиния Слимз», Риггс придумал интересную схему. Объявив себя «Джейн Л. Салливан женского тенниса», пятидесятипятилетний Риггс заменил лозунг «Я могу побить любого мужика в этом доме» в более современный вызов: «В этом доме я побую всякого».

Начал он с залпа оскорблений: «Женский теннис? Какая гадость. Гоняют мячик вперед и назад, ударчики хорошенькие выходят, и ножками симпатичными перебирают. Но рядом с мужским теннисом это все равно что ночь в сравнении с днем». А потом добавил: «Самая лучшая теннисистка не сумеет победить даже такого старика, как я!» И, сделав подобное заявление, сей доблестный джентльмен отослал вызов пяти лучшим игрокам «Слимз». Ответила ему только одна: Маргарет Смит Корт.

Почти с того самого момента, когда мисс Корт приняла вызов Риггса, по ее мнению «потехи ради», матч этот разделил мужчин и женщин на два соперничающих лагеря. Этот матч стал в век рекламы, так сказать, «спортотрясением».

Игра состоялась в воскресенье, 13 мая 1973 года, в День Матери. И Риггс вышел в центр корта с подарком в руках, с красными розами, праздничным подношением Маргарет Корт. Это был первый психологический выпад. Взволнованная мисс Корт стала ждать следующего. Долго ждать ей не пришлось. За пятьдесят семь минут Риггс одарил ее целой кучей праздничных подарков – ударами прямыми, короткими, длинными, резаными и так далее и выиграл встречу: 6:2, 6:1.

На Риггса посыпалась теперь куча предложений всякого рода, начиная от боксеров и кончая гольфистами. Одно из них прислала Билли Джин Кинг, сказав: «Маргарет дверь открыла, а я намереваюсь ее захлопнуть», она предложила Риггсу сыграть за 100000 долларов, при условии, что все достается победителю. Риггс ответил согласием: «Я хочу сыграть с Билли Джин Кинг. Именно ее я и имел в виду!»

Билли Джин, публично заявлявшая: «Я не могу играть только за деньги; я хочу играть за дело», теперь получила и то и другое. Дело ее было делом феминисток, обиженных наглостью Риггса, утверждавшего, что его цель «вернуть женщин домой, на кухню, к детям, где им и положено быть». Ее доля была такой же, как у Риггса, 50000 долларов, что отражало ее веру в то, что раз женщины «предоставляют такое же качественное развлечение, как и мужчины», то и платить им следует соответствующим образом – поровну.

В вечер матча в хьюстонском «Астродоме» был настоящий карнавал. Толпа – 30472 человека – потекла на трибуны с программками, в теннисках, с повязками на головах, украшенных биологической символикой мужского и женского полов и разными теннисными цацками, – многие из важных гостей, занимавших 100-долларовые места, уже были на приеме в честь «Вирджиния Слимз». Здесь, в городе, где женский тур был организован три года назад, все пили здоровье Билли Джин. Многие из занимавших места за 50 и 20 долларов были при значках и знаменах, символизировавших их симпатии и пол. Несколько мужчин явились в шляпах со свинными пяточками и надписью «Мы свиньи и шовинисты за Риггса». Повсюду виднелись тенниски с надписями «Всю власть женщинам», а также сокращенным названием «WORMS» («Мировая организация борьбы против мужского превосходства»). Одно из многих знамен, вывешенных на ограждении, горделиво вещало: «Восток-Запад-Север-Юг, мисс Кинг, заткни рот Бобби». Другие, может и не столь красноречивые, требовали: «Побей его, Билли Джин» или: «В спальню ее, Бобби, в спальню!»

В назначенный час университет Хьюстона сыграл что-то из «Клеопатры», и шестеро обнаженных по пояс мужчин, одетых в стиле нубийских невольников, спустились по красному помосту с носилками, в которых восседала Билли Джин Кинг. Потом на другой стороне площадки появились шесть девиц, в красных теннисках с надписями «Сердечные подружки Бобби», толкавших тележку рикши. Внутри с огромным «Пряничным Дедушкой» в руках находился другой дедушка, Бобби Риггс. Выпрыгнув, он вручил Билли Джин свою конфету. В свою очередь она поднесла сопернику крохотного поросенка по имени «Лоример Торопыга», явно удостоенного этого имени в честь Роберта Лоримера Риггса.

После обмена приветствиями и обязательного телеинтервью соперники отправились бросать жребий, чтобы определить, кому подавать первым. Билли Джин превратилась в само воплощение деловитости, она поглядывала из-за своих очков с самым серьезным видом, словно говоря:

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru «не-морочь-мне-голову-Джек-не-на-таковскую-напал». У нее колени не тряслись, хотя Риггс вел себя развязно.

Билли Джин выиграла жребий. И первую подачу. Она выиграла первый гейм ослепительным бэкхендом. Риггс проиграл второй гейм из-за двойной ошибки. Трудно было поверить глазам, спесь явно сходила с него! Сняв жилет, Риггс отправился в кресло сбоку площадки, чтобы ему помассировали ноги. Омолодившись таким образом, он выиграл подачу Билли Джин в третьем гейме. Но эта удача стала для него не только первой, но и последней, поскольку Билли Джин отвечала на его мягкие, коварные удары, то посылая мячи в угол, то чередуя их могучими ударами, всякий раз заставлявшими его врасплох. Билли Джин успешно довела первый сет до победы, 6:4. Вторым оказался примерно таким же, и Кинг победила, 6:3. А потом был третий, поскольку матч продолжался до трех побед. Риггс допустил двойную ошибку на подаче, а потом ответил слабым бэкхендом, послав мяч в сетку. И все закончилось! Билли Джин запустила ракетку под своды арены, и явно уставший старик с трудом, не с первой попытки, перепрыгнул через сетку, чтобы поздравить ее.

Билли Джин Кинг также кое-что перепрыгнула, ею был совершен прыжок через два мира, спорта и привычки. Эта спортсменка по воле Судьбы вывела женский теннис на центральный корт. И этим занесла свое имя в анналы истории.

ГЛЕНН КАННИНГЭМ

(1909–1988)

Когда терзавшая двадцатые годы лихорадка завершилась крахом, начавшим тревожные тридцатые, «американская мечта» превратилась в кошмар, приунывшие люди принялись искать героев, способных пробудить в них надежду. И самым невероятным героем этих блеклых лет, известных нам как депрессия, стал обыкновенный человек, которого мог идентифицировать с собой всякий простой американец, человек, который преодолел все невзгоды и добился высоких результатов в своей сфере деятельности: Гленн Каннингэм.

Человек, получивший в духе того времени жутковатое прозвище «Галопирующий Гленн», был любим спортивными болельщиками за яркость и отвагу, делавшие его среди бегунов подобием Бейба Рата.

Каннингэму пришлось обретать свою отвагу достаточно сложно: в юности он получил тяжелые ожоги ног во время пожара, приключившегося в его канзасской школе. Не став тратить время на вылеживание под толстым одеялом – а также на мысли о грозившей ему ампутации, молодой Гленн вместо этого обратил свои надежды к бегу. С жестокой настойчивостью и утомительным усердием он укреплял ноги и восстанавливал в них кровообращение – хотя проблемы с сосудами будут досаждать ему до конца дней. И когда он ворвался на национальную спортивную арену, победив в первенстве ААЮ 1932 года на дистанции 1500 метров, стало ясным, что его старания увенчались успехом.

Став всего лишь четвертым в беге на 1500 метров на Олимпийских играх 1932 года, Каннингэм вернулся к победам в 1933 году, победив сразу на дистанциях 1500 и 800 метров на первенстве ААЮ, кстати, впервые сделав подобный дубль после 1919 года.

В 1934-м мир спорта находился в тисках депрессии, посещаемость соревнований падала, и герои обнаруживались нечасто. Но в легкой атлетике герой как раз был – Гленн Каннингэм. Организаторы легкоатлетических соревнований стояли в очереди, чтобы пригласить его на свою дорожку. Одним из них был учредитель «Мэдисон Сквер Гарден», Бакстер Майл, сведший Каннингэма с «гордостью Принстона» Биллом Бонтроном в забеге, который пресса окрестила «Милей столетия». Соревнование между ними было настолько разрекламировано, что февральским вечером вокруг зала собралась такая толпа, что нью-йоркской конной полиции пришлось основательно потрудиться, удерживая рвавшихся внутрь болельщиков.

Когда Каннингэм появился из раздевалки для разминки – ему нужно было для нее дополнительное время, чтобы как следует разогреть ноги, – собравшаяся публика повскакала с мест в таком возбуждении, что начало соревнований пришлось задержать. Публика успокоилась только после того, как пистолет стартера дал

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru сигнал к началу забега, но тут же вновь взорвалась криками. И Каннингэм и Бонтрон держались позади на первых шести кругах из одиннадцати, позволив другим задавать темп. Свой ход они сделали на седьмом круге, когда Каннингэм решительными широкими шагами переместился вперед. Продолжая лидировать, он первым выбежал на последний круг и попытался нейтрализовать финишный рывок Бонтрона, однако тот догнал его на последнем вираже и финишировал, обойдя Каннингэма на несколько сантиметров, причем оба закончили дистанцию со временем 4:14,0.

Той же весной короли американского бега встретились еще раз – в чемпионате ААЮ в крытых помещениях, на сей раз в беге на метрическую милю, на 109 метров более короткую, чем американская. На сей раз Каннингэм предпочел стартовать не из стайерской, а из спринтерской стойки и, получая несомненное удовольствие от бега, перешел с бега скоростного к бегу на выносливость, опередив Бонтрона на финише опять-таки на самую малость: оба показали время 3:52,2.

На Принстонском пригласительном турнире того года Каннингэм установил рекорд мира и Америки в беге на милю – 4:06,7.

Однако суперзвездой – за десятилетие до того как было придумано само это слово – Каннингэма сделал не его официальный рекорд, а «неофициальный». На состоявшихся под открытым небом легкоатлетических соревнованиях в Чикаго Каннингэм пробежал милю за 3:58. Тем не менее судьи решили, что секундомер спешил и что, кроме того, бегуну помог на дистанции порыв ветра, и потому в чести преодоления четырехминутного барьера в беге на милю Каннингэму было отказано. Легенда утверждает, что тренер велел ему даже не заикаться о том, что он преодолел милю менее чем за четыре минуты, потому что «этому никто не поверит». Однако люди поверили – просто потому, что речь шла о Гленне Каннингэме.

А потом Гленн Каннингэм продолжал выигрывать почти все забеги, в которых участвовал, все забеги и почести, доступные тогда бегунам, и однажды одержал более шестидесяти побед кряду. Он закончил свою карьеру с лучшим результатом на 1500 метров – 3:48,0. Таким был Гленн Каннингэм, человек, преодолевший боль, чтобы стать величайшим среди бегунов Америки – в частности на миле и в общем – во все времена.

НОЛАН РАЙЕН

(родился в 1947 г.)

Нолан Райен являлся бейсбольным аналогом Миссисипи. Двадцать семь лет он тек мимо нас, смывая рекорды.

До Райена стандартными мячами были: нафталиновые шарики и шары, елочные и бильярдные. Теперь к ним присоединился четвертый: мяч, посланный Ноланом Райеном. Каждый раз, когда, откинувшись назад, Райен метал этот снаряд, казалось, что на манер нового Колумба он отправляется в новый мир. Только представьте себе: 7 игр без ударов, 12 с одним ударом, 770 стартов и т.д.

А потом добавьте к ним его удары навывлет, целую грудую: 5700 за карьеру; четырежды 19 раз за игру; двадцать шесть раз по 15; и целую грудую по 10 и больше, сделавшуюся настолько внушительной, что спортивные обозреватели даже перестали считать это деяние подвигом.

Среди тех, кто не мог завязать даже короткое знакомство с посланным Райеном мячом – 100 миль в час, кстати результат из Книги рекордов Гиннесса, – числятся вполне естественные в таком случае подозреваемые: Клоделл Вашингтон, имевший тридцать девять ударов в играх против Райена, и Сесил Купер, нанесящий шесть рекордных для лиги ударов в игре с Райеном. И некоторые не вполне обычные – двадцать один обитатель Зала славы, сорок четыре самых ценных игрока, двенадцать пар выступавших против него братьев, и – благодаря долголетию Райена – семь пар из отца и сына, чьи биты испепелил посланный им огонь.

Никто из тех, кто видел этого восемнадцатилетнего водохлаба в том, 1965-м, году не рискнул бы предсказать, что он станет одним из величайших в бейсболе. Выросший на скотоводческом ранчо отца, расположенном возле Элвина, Техас, юный

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Линн Нолан Райен отработывал свой бросок, швыряя мяч в стенки сараев. Он привлек к себе внимание бейсбольных специалистов в средней школе. Тем не менее некоторые вопросы все-таки оставались: не из-за скорости броска, а из-за его нескладного телосложения. Команда «Нью-Йорк Метц» отправила одного из своих скаутов, Реда Мерфа, поглядеть на эту звезду местного значения. Бросок парня на Мерфа произвел впечатление, чего нельзя сказать о телосложении потенциального кандидата в игроки. Но, как впоследствии вспоминал скаут: «Я спросил у папаши Нолана, каким был он сам в этом возрасте. Он ответил, что таким же, как Нолан. И это меня удовлетворило. Вес родителя молодого человека теперь составлял более двухсот фунтов». В итоге команда «Метц» взяла молодого Нолана в восьмом круге драфта 1965 года.

Проведя два сезона в младшей лиге – в том числе сезон в фармклубе «Метца», базировавшемся в Гринвилле, Южная Каролина, где он возглавлял список лиги по победам и проценту питчинга с рекордом 17:2 и 272 ударами навывлет – занимавшая девятое место родительская команда внесла его в конце сезона в свой расширенный список для просмотра. Казалось бы, и что с того? Но в тех трех иннингах, когда он находился на питче, девятнадцатилетний Нолан вывел из игры своим быстрым мячом шестерых бэттеров, и первой жертвой его в высшей лиге пал Пат Джарвис из «Атланта Брейвз».

После 1968 года, когда двадцатиоднолетний Райен занял место в стартовом составе «Метца» вместе с такими молодыми игроками, как Том Сивер и Джерри Кусман, число таких жертв будет расти. Хронические проблемы с мозолями и месяц, проведенный на больничном, – первый из тех пятнадцати раз в его карьере, когда Нолан Райен прибегнет к услугам врачей, – мешали ему выступать. Однако такой старомодный способ лечения мозолей, как использование мазей и солевых ванночек для пальцев («они укрепили мою кожу, однако от пальцев моих отчаянно разило»), помог ему вернуться и высадить 133 бэттера в 134 иннингах его первого сезона.

Однако в 1969 году постоянного места для Райена в богатом на питчеров «Чудо-Метце» не нашлось, и менеджер Джил Ходжес выпускал его то в стартовом составе, то на замену. После завершения регулярного сезона Райен, выходя на замену, добыл победу в решающей игре плей-офф Национальной лиги против «Атланта Брейвз», а потом спас третью игру мировой серии против «Ореолов» из Балтимора, для чего ему потребовалось три удара навывлет в двух иннингах.

Невзирая на старт с одним хиттером в 1970 году и на потрясающе быстрый бросок, окрещенный слишком впечатлительными репортерами «Райеновским Экспрессом», видевыми фильм под подобным названием, Райен испытывал известные игровые проблемы, с которыми и боролся весь остаток сезона и начало следующего. Не добившись места в ряду питчеров и так и не привыкнув к атмосфере большого города, каковым, вне сомнения, следует считать Нью-Йорк, Райен потребовал, чтобы его продали. «Метц» согласился, и его отправили к «Ангелам» из Калифорнии вместе с еще тремя игроками, чьи имена благополучно канули в бездну забвения в обмен на третьего бейсмена Джима Фрегоси.

Эта торговая операция, бесспорно, оказалась худшей во всей истории «Нью-Йоркских Горожан», но для Райена ничего лучше быть не могло. Под пристальным оком тренера питчеров Тома Моргана и ветерана-кетчера «Ангелов» Джеффа Торборга, Райен сумел усовершенствовать свой быстрый бросок.

Это усовершенствование принесло Райену дивиденды, ибо, получая мяч каждый четвертый день, он отреагировал на это 19 победами и 329 ударами навывлет, став первым со времен Боба Феллера правшой, выставившим с поля 300 бэттеров за сезон.

В 1973 году райеновский экспресс наконец набрал скорость. Для начала он совершил деяние, отмеченное до него в истории бейсбола только четыре раза: набросал два ноухиттера за один сезон. И в девятом иннинге Норм Кэш из команды «Детройтских Тигров», уже имевший на своем счету трех из семнадцати бэттеров, которых почитит своими стараниями Райен, вышел на битву, держа в руках отпиленную ножку стола и размышляя: «С этим парнем мне сегодня не справиться».

И Кэш был недалек от истины. Ибо перед тридцать девятым и последним стартом сезона 1973 года Райен уже не позволил прикоснуться к мячу 367 бэттерам, что всего на 15 душ уступало рекордному результату Сэнди Коуфакса. Выступая в тридцать девятом матче против «Миннесота Твинз», Райен чередовал быстрые мячи с закрученными и к восьмому иннингу отстрелял еще пятнадцать бэттеров, высадив

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Стива Бри и поравнявшись таким образом с Коуфаксом. Однако при этом он надорвал сухожилие на ноге. Не имея возможности сойти с горки и воспользоваться силой ног, Райен питчировал так, словно выбить бэттера можно одной силой воли. Послав последовательно три быстрых мяча мимо Рича Ризи, он набрал таким образом рекордные 383 удара навывлет.

Теперь Райен сделался не только самым быстрым игроком лиги, он стал и самым грозным. Дик Шарон из Детройта подытожил свои впечатления следующим образом: «Он какой-то бейсбольный экзорцист. Он отправляет меня в самое пекло!» Теперь Райен добавил к своему арсеналу еще одно оружие: устрашение. Сэнди Коуфакс, питчер, с которым Райена чаще всего сравнивали, сказал однажды: «Питчирование есть искусство вселения страха в противника. Но если ты уверен в себе, и если мысль о пропущенном ударе заранее сидит в уме бэттера, ты далеко пойдешь». Регги Джексон добавил: «Страх в меня вселяет один только Райен. И не потому, что он может вывести меня из игры. А потому что он может убить меня».

Вооруженный своим быстрым мячом и этим страхом, Райен продолжал записывать на свой счет выведенных из игры бэттеров. И имена их пролетали мимо, как километровые столбы на автостраде. Сол Бендо, номер 1000; Сэнди Аломар, номер 1500, Рон Лефлер, номер 2000; Бадд Белл, номер 2500. Однако, устанавливая свои права на сезон и карьере, он также застолбил свой участок и в области ноухиттеров. Однако для того чтобы Райен побил рекорды по числу ударов навывлет за всю карьеру или ноухиттерам требовалась перемена сцены.

И таковая произошла в 1980 году, после того как в предшествовавший год Райен показал всего 16:14, и генеральный менеджер «Ангелов» Баззи Баваси решил, что с Райеном можно расстаться, и сказал себе: «Пойду возьму двух питчеров, имеющих по 8:7». Райен вновь решил сменить место деятельности и перебрался в Хьюстон, с которым заключил первый в истории бейсбола контракт на миллион долларов.

Теперь десница Райена вместе с его рекордами, которые он продолжал переписывать, числилась за «Астрос». На первом году выступлений за эту команду он записал на свой счет жертву номер 3000, Сезара Джеронимо. На втором году в пятый рекордный раз питчировал всухую. В следующем, 1983-м, году он не только довел число выбитых питчеров до 3500 (пострадал Андре Доусон), но и довел их количество до 3509, побив поставленный Уолтером Джонсоном рекорд всех времен. В 1987 году сорокалетний молодец продолжал спорить с календарем, выставив с поля 270 питчеров в 212 иннингах, добавив к своему списку номер 4500 Майка Алдрета и также став первым питчером, имевшим по 2000 ударов навывлет в каждой лиге.

А потом, когда для него уже вроде бы не оставалось непокоренных миров, сорокадвухлетний Райен, находившийся в возрасте, когда пора обратиться мыслями к посещению собеса и мазать поясницу и суставы абсорбином, подписал контракт с «Техасскими Рейнджерами». В первом, 1989-м, году выступлений за новую команду он поставил рекорд американской лиги, выбив 301 бэттера, в шестой раз превысив число 300 в сезоне. А потом, словно стремясь доказать, что порох в его пороховнице еще есть, в 1990-м и 1991-м годах добавил немислимые шестой и седьмой сухой матч, побив при этом рекорд, поставленный никем иным, как самим Ноланом Райеном.

Наконец в 1993 году Нолан Райен решил завершить свою карьеру питчера, самую долгую в истории старшей лиги. Его прощальное турне ничем не напоминало прощальное турне Бейба Рата, состоявшееся более чем столетия назад, когда Рата выпускали на поле только напоказ, в торжественных случаях, словно королевские драгоценности. Тур Райена был рабочим, и «Райеновский Экспресс» трудился в каждом городе, который посещал.

В нынешнее время, когда герои и рекордсмены приходят и растворяются в небытии, не оставив по себе даже клочка дыма, имя Nolana Райена написано на закладке, вложенной между страниц книги рекордов.

УОЛТЕР ХАГЕН

(1892–1969)

Хаген впервые появился на лужайке для гольфа в возрасте двадцати одного года на

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru открытом первенстве страны 1913 года – том самом, который остался в памяти стариков и историков гольфа знаменитым победой Френсиса Оуиме над британскими звездами Гарри Вардоном и Тедом Реем. Ворвавшись в раздевалку Бруклинского загородного клуба, он провозгласил: «Я приехал сюда из Рочестера, чтобы помочь вам, ребята, остановить Вардона и Рея!» Эти слова Хагена не были пустой бравадой, поскольку он финишировал четвертым, позади упомянутого уже трио. И если драматическая победа Оуиме прибавила популярности гольфу, то Хаген, начиная с этого мгновения, начал привносить в игру и человеческий интерес и блеск.

В 1914 году двадцатидвухлетний «ветеран» лидировал с самого начала открытого первенства США, обойдя Чика Эванса на один удар. Это была первая маслина из горшочка, доставшаяся Хагену, выигравшему всего семьдесят пять турниров, в том числе дважды Открытое первенство США, четырежды Открытое первенство Британии, и пять раз ПГА, причем последний турнир он выиграл беспрецедентное число раз подряд, а также одержавшему победы в двадцати пяти последовательных матчах с величайшими гольфистами мира. Кроме того, он завоевал одиннадцать национальных и международных «корон», что тогда уступало лишь результату, показанному Бобби Джонсом.

Хаген и Джонс встречались на лужайке только однажды. Это произошло во время флоридского земельного бума в 1926 году, и Хаген уговорил своего бизнес-менеджера устроить ему матч с Джонсом, имевшим тогда репутацию величайшего гольфиста мира. Условия матча требовали, чтобы он проводился до семидесяти двух лунок, причем половина их должна находиться на курсе, выбранном Хагеном, и половина на курсе, выбранном Джонсом. Примерно в середине матча Джонс испытал потрясение, когда мяч, ошибочно посланный Хагеном, исчез среди пальмовых листьев и через какие-то мгновения приземлился в непосредственной близости от вешки. «Я просто не мог заставить себя играть», – жаловался потом чудо-мальчик из Атланты. Матч закончился со счетом 12:11 в пользу Хагена и принес ему 7600 долларов, самый крупный куш в тогдашней истории гольфа. Неудержимый Хейг тут же отправился в город и потратил 800 долларов на приобретение платиновых с алмазами запонок, которые поднес в подарок побежденному Джонсу.

Дело в том, что величие Хагена определялось не одними победами, одержанными им на площадке для гольфа, но и тем, как он добывал их. Он демонстрировал волнующий гольф, и нередко, выбравшись из недр одного несчастья, тут же попадал на грань другого. Но всегда в крайней ситуации второй удар его являлся исправлением первого. Однажды Хаген признался в том, что рассчитывает совершить «по меньшей мере семь ошибок в каждом круге. «Поэтому, когда я сделал плохой удар, то не волнуюсь из-за него». И сделав очередную «ошибку», Хейг просто уверенно подходил к мячу и ударял по нему, совершая очередное из своих «чудесных» спасений, зачастую представляя их более трудными, чем они были на самом деле. Томми Армор, удивляясь коварным ударам Хагена, сумел только сказать: «Движения Уолтера точны, как аптекарские весы».

В игре, полной хитростей и уловок, Хаген был совершенным исполнителем и мастером. Это была игра, которую обыкновенные смертные понять не могли, и многие испытывали шок, оказавшись перед лицом его психологической атаки, начинавшейся с непринужденной и задиристой фразы: «Ну, кто будет вторым?», прозвонившейся в ту самую минуту, в которую он входил в клуб. В финале ПГА 1926 года, во встрече с Лео Дигелем, Хаген, положив мяч в лунку с расстояния шесть и восемь футов, отказался забивать мяч Дигеля с двадцати дюймов на восемнадцатой. Дигель, не сомневаясь в том, что Хаген заметил нечто незамеченное им, начал исследовать окрестности лунки в поисках скрытых дефектов. По правде говоря, таковых не было вовсе. Но Дигель был полностью убежден в том, что какая-то ловушка здесь имеется, но он не заметил ее. Он ударил очень осторожно, но промахнулся. И проиграл весь матч, уступив победу – вы уже догадались – Хагену.

Другой случай, получивший широкую огласку, произошел перед Открытым первенством США 1919 года, и один из доброжелателей, оказавшись на одном «водопое» с Хагеном, посоветовал ему оставить ночные развлечения, осторожным тоном заметив: «А ваш противник уже давно в постели». «Знаю, – ответил уверенно Хаген, – но он не спит». Так и было, когда Хаген был рядом, никто из его соперников не мог уснуть. Легенда о Хагене стоила ему двух-трех ударов в каждом круге, так как противники считали его непобедимым.

Однако при всех его достижениях величайшим вкладом Хейга в игру стала его борьба за достоинство гольфистов, а заодно и всех спортсменов. В те годы, когда к

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru профессиональным спортсменам относились как к прокаженным и создавали им соответствующие условия, сэр Уолтер повернулся ко всем прочим «сэрам» и бросил вызов священным правам установившегося обычая, завоевав права граждан первого сорта для профессиональных гольфистов.

Но главный момент, о котором рассказывают снова и снова вокруг лагерных костров гольфистов, настал, когда Хаген отправился в Англию, чтобы впервые принять участие в открытом первенстве этой страны, происходившем в королевском и старинном клубе «Сент-Эндрюс». Непринужденно шагавшего к входной двери клуба Хагена встретил на пороге один из лакеев. И преградив ему дорогу, указанный джентльмен надменно молвил: «Простите, сэр, но профессионалам в клуб вход воспрещен. Если вы будете так любезны, я проведу вас к вашей раздевалке». После чего, сверкая начищенными медными пуговицами на ливрее, он направился к отведенному для профессионалов помещению, где показал Хагену его «шкафчик», представлявший собой вбитый в стену колышек. Кровь бросилась в лицо Хагена. Не говоря ни слова, он повернулся и прошествовал к ожидавшему его лимузину. «Подвезите меня к входной двери клуба», – приказал Хаген шоферу.

Оказавшись возле входной двери, он обратился к надменному лакею, только что, какие-то секунды назад, помешавшему ему войти в клуб: «Я переоденусь в своем автомобиле», – произнес он столь же высокомерным тоном. И так он и поступил, переодеваясь каждый день в автомобиле за опущенными шторами из смокинга в спортивный костюм. Вскоре после этого возведенные обычаем стены рухнули, и профессионалам разрешили доступ в клуб.

Как сказал Арнольд Палмер в 1967 году на торжественном обеде в честь Хагена: «Если бы не вы, этот обед происходил бы в помещении для профессионалов, а не в бальном зале».

Таким был Уолтер Хаген, человек, всегда понимавший гольф – и жизнь – самым интересным образом. Человек, который, по словам давнего его друга Фреда Коркорана «нарушил одиннадцать из Десяти Заповедей». Человек, первым из гольфистов заработавший миллион долларов и потративший два, и при этом стилем, блеском и содержанием своей игры сделавший для профессионального гольфа то, что Бейб Рат сделал для профессионального бейсбола. И сделал это по-своему, так, как написал он в плакате, повешенном над его рабочим столом:

«Не спешите. Не тревожьтесь. Ты здесь на короткое время, поэтому не забудь понюхать цветы».

И он не забывал об этом, не сомневайтесь.

ДОН БАДЖ

(1915–2000)

Дон Бадж учился играть в теннис на общественных кортах Калифорнии, что было далеко не заочным обучением. Он был одним из тех тысяч молодых людей, которые вырвали теннис из рук их благородий, числивших за собой это занятие с незапамятных времен. Хотя он появился на теннисной арене лишь в восемнадцать лет, взрослым и сформировавшимся спортсменом, он обладал подавляющим и сокрушительным стилем, бэкхендом, а также тем, что в игровых видах спорта называется «потенциалом чемпиона мира».

Журналисты, впервые увидевшие молодого человека и описывавшие этот феномен, называли его «застенчивым, жилистым и удивительно проворным парнем». Однако те, кто видел его впервые, обычно отмечали его внешнее сходство с Энди Харди при более высоком росте, рыжие волосы, послужившие основанием для присвоения прозвища «морковка», однако на деле имевшие цвет красного кирпича, и веснушки, сосчитать которые просто не представлялось возможным.

Однако в наибольшей степени внимание привлекал его бэкхенд – тяжелый, плавный, элегантный и совершенный, более чем закрученный. Этот удар стал одним из самых знаменитых в истории тенниса, и один из ветеранов теннисной журналистики – Эллисон Данциг – называл его «самым мощным бэкхендом в истории всего мира».

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Пользуясь этим бэкхендом в 1935 году, Бадж поднялся на 6-е место в мировой классификации. И заслужил место в команде США на Кубке Дэвиса. Кубок этот, являющийся символом ведущей роли в мировом теннисе и во время правления Билла Тилдена отождествлявшийся с Соединенными Штатами, превратился к тому времени в личное дело двух стран, переходя от Франции к Великобритании, оставивших США не у дел с 1926 года. И год 1935-й не предвещал новых успехов, невзирая на появление в команде двадцатилетнего калифорнийца, проявившего свою неопытность двумя поражениями в одиночных встречах в матче с лучшим составом команды Великобритании.

Однако этот мальчишка успел попасть в историю во время этого матча. Впервые ступив на корт Уимблдона, Бадж, вместо того чтобы отвесить поклон в сторону королевы Марии, как требовали того правила вежливости, приветствовал королеву приветливым помахиванием ракетки и столь же радостной улыбкой, преобразившей его лицо, как если бы искусство улыбаться изобрел он сам. И королевская ложа и публика ответили ему столь же искренней симпатией, немедленно избрав его своим новым фаворитом.

В 1936 году Бадж, сочетая теплое дружелюбие с жестким бэкхендом и сокрушительной подачей, стал номером 3 в мировой классификации и номером 1 в сердцах большинства теннисных болельщиков. Получивший прозвище «Калифорнийская Комета» – по названию родного штата и природным способностям, Бадж довел Фреда Перри в финале открытого первенства США до пятого сета, обыграл и уступил его со счетом 10:8, потом он победил в пяти сетах австралийца Джека Кроуфорда, тогда номера 6 мировой классификации, в межзональном финале Кубка Дэвиса, причем последний сет превратился в двухчасовое испытание при 41-градусной жаре. К несчастью, и не по вине Баджа, поход американской команды за Святым Граалем вновь окончился неудачей, и Кубок Дэвиса четвертый раз подряд остался у британской команды.

Однако все изложенное только подводит нас к году 1937-му. Право именоваться лучшими теннисистами мира в 1937 году принадлежало Баджу и немецкому спортсмену барону Готфриду фон Крамму; других просили не беспокоиться. Фон Крамм, который финишировал вторым следом за Перри на Уимблдонских турнирах, находился на самом пороге славы. Единственным препятствием был мягкий с виду, но столь же неуступчивый на площадке Бадж. И право быть лучшим они разыгрывали между собой. Первое столкновение произошло в финале Открытого первенства США, где Бадж победил своего немецкого соперника в пяти сетах, прошедших в упорной борьбе. И теперь им предстояла новая встреча, на сей раз полная истинно героической борьбы.

В этой исторической схватке, завязавшейся в решающем матче межзонального финала Кубка Дэвиса 1937 года в Уимблдоне, сила столкнулась с силой, надежда – с надеждой, великий игрок – с великим игроком. Однако здесь действовал еще один фактор: Адольф Гитлер лично звонил фон Крамму, требуя, чтобы тот выиграл этот матч ради блага фатерланда и в качестве доказательства превосходства арийской расы. Подобное предложение Гитлер выдвигал и на Олимпийских играх 1936-го и был готов повторить снова перед матчем-реваншем 1938 года между Максом Шмелингом и Джо Луисом.

Фон Крамм вышел на корт с тусклым и свинцовым выражением на лице, свидетельствующим о том, что он превосходно понимает свой долг и ощущает всю тяжесть, возложенную на его плечи. Играя словно одержимый, фон Крамм выиграл два первых сета. Однако дело еще не было закончено, и Бадж возвратил ему долг, взяв третий и четвертый сет и сведя матч к финальному, последнему сету.

Пятый и финальный сет начался в половине восьмого вечера, когда вокруг Уимблдона начинали уже вспыхивать огоньки в окнах. Обе воюющие стороны – точное в данной ситуации слово – продолжили сражение. Винтовке Баджа противостояла «Большая Берта» фон Крамма, и оба они обрушивали друг на друга весь доступный им арсенал ударов и подач. После пяти игр, сточивших ракетки наполовину, фон Крамм, повинувшись духу патриотизма, вел со счетом 4:1.

В этот самый момент проигрывавший Бадж присел, чтобы попить воды; подвинувшись к капитану американской команды, он прошептал: «Не волнуйся, кэп. Все будет в порядке». И Бадж сделал это, сведя финальный сет к ничьей 5:5. Вскоре счет самого упорного матча в истории тенниса стал уже 6:6. Потом Бадж сохранил свою подачу в двенадцатой игре и взял подачу фон Крамма в розыгрыше тринадцатого очка.

В четырнадцатом гейме матчбол приходил, уходил и снова возвращался не менее шести раз. И каждый раз победа не приходила к Баджу, так как фон Крамм, находясь в одном ударе от поражения, отыгрывался чудесным образом, словно ему помогала некая высшая моральная сила. «Публика вела себя настолько тихо, – вспоминал впоследствии Бадж, – что, по-моему, на трибунах было слышно, как мы дышим». На седьмом матчболе Бадж произвел свою фирменную подачу, но фон Крамм, к удивлению, ответил ударом в полную силу. В последовавшей схватке фон Крамм вложил весь свой вес в форхенд, послав мяч мимо Баджа и за его спину слева. Совершая удар, который будет назван ударом столетия, Бадж отчаянно потянулся, изогнул тело и нанес бэкхенд. «Я ощутил, что мяч хорошо лег на ракетку. Поглядев на соперника, я увидел, что фон Крамм пытается ответить ударом справа и промахивается мимо мяча». Матч столетия завершился. Одна из лондонских газет написала о нем: «Это было не столько испытание, сколько спектакль».

Потом Бадж победит Банни Остина и Чарлза Хиэ в одиночных встречах, выиграет парную игру вместе с Джином Мако, и команда Соединенных Штатов впервые со времен Билла Тилдена победит Великобританию в финале Кубка Дэвиса, покончив тем самым с золотым веком европейского тенниса.

Год 1938-й принадлежал Баджу, и он продолжал править кортом и соперниками, оставаясь неподверженным поражениям и став первым игроком в истории тенниса, выигравшим «Большой шлем» – звания чемпионов Австралии, Франции, Англии и Соединенных Штатов. А потом, выиграв все, что только можно было выиграть, Бадж перешел в профессионалы и доминировал на поле профессионального тенниса в той же мере, как и на любительской сцене.

Древние годами и достопочтенные романтики, полагавшие в ту пору, что Билл Тилден в одиночестве правит всем теннисным пантеоном, вынуждены были подвинуть своего кумира, отведя место второму великану – Дону Баджу. Ибо, как говорил Сидни Вуд, у Баджа «не было слабостей. Когда он был в расцвете сил, его не мог бы одолеть ни один игрок среди всех, кто был до него и играл в его время».

СОНЯ ХЕНИ

(1912–1969)

Зимние Олимпийские игры, рожденные Международным Олимпийским комитетом, чтобы предоставить возможность населению малых обиженных климатом стран отличиться и добиться славы на льду и снегу, впервые были проведены в 1924 году в Шамони, Франция. Одной из звезд первых зимних Олимпийских игр стала крохотная малолетняя светловолосая куколка из Норвегии с чертами викинга, которой предстояло вскоре изменить лицо фигурного катания.

В виде спорта, известном тогда своим механическим совершенством и стремлением к скрупулезности и простоте, одиннадцатилетняя Соня Хени, не обремененная ни репутацией, ни надеждами, казалась на льду маленькой школьницей, вышедшей на прогулку. В белых, как снег, ботиночках и отороченной мехом юбочке – настолько короткой, насколько могли позволить мода и скромность, 34-килограммовое дитя, едва переросшее поставленную на хвост треску, заставило всех обратить на себя самое пристальное внимание. И хотя она финишировала восьмой – и последней среди восьми участниц – один из судей проставил ей наивысшую оценку в произвольном катании.

Пресса также насторожила уши, глядя на одаренную девочку, а один из журналистов воспользовался такими словами: «Будущим соискателям мировой короны придется считаться с норвежкой Соней Хени, уже сейчас являющейся великой исполнительницей, наделенной всеми возможными дарами: личностью, формой, силой, скоростью и нервами».

Юная Соня вернулась в родное Осло, чтобы посвятить себя воплощению в жизнь таких перспектив. Непрестанно трудясь над совершенствованием собственного стиля, она обретала новое мастерство и лирические движения, наконец стало казаться, что она движется по льду мурлыкая, словно пантера. К числу стилистических доработок относился переход к новой тогда для публики короткой юбке, кружившей выше ее колен, захватывая своими цветами глаза болельщиков и судей, когда она исполняла

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
свои головокружительные вращения.

Усердие принесло плоды на первенстве мира 1926 года, где Соня, играя карими глазами, светлыми волосами и юбкой, пронеслась по льду, финишировав второй. И юная фигуристка дала себе клятву: никогда более не занимать других мест, кроме первого. Это обещание она выполнит.

Перед первенством мира 1927 года впечатлительная Соня увидела танец бессмертной Анны Павловой. Назвав это представление «величайшим влиянием, оказанным на нее в жизни», Соня включила в фигурное катание движения балерины и хореографический рисунок. Воспользовавшись музыкой из «Лебединого озера», танцуя на льду и отрицая гравитацию своими вращениями, Соня выиграла первый из десяти завоеванных ею титулов чемпионки мира.

Когда состоялись вторые зимние Олимпийские игры в Сент-Морице, уже пятнадцатилетняя Соня сделалась любимицей публики. Девичье очарование и обилие технических приемов, среди которых был и сложный двойной аксель, плавное скольжение, блестящие вращения, пируэты и целых девятнадцать прыжков, повергли публику в восторг. Ее артистизм на льду покорила и судей: шестеро из семи поставили ее на первое место, и Соня выиграла первую из своих золотых олимпийских медалей.

Звезда Сони Хени приобрела воистину космическую яркость, когда в 1932 году Олимпийские игры переехали за океан, в Лейк-Плэсид, и граждане, корчившихся в муках Депрессии Соединенных Штатов, считали своим долгом выложить 50 с таким трудом заработанных рузвельтовских долларов, чтобы увидеть ее победоносную улыбку. Миниатюрная красotka (159 см, 49 кг) покорила и репортеров, немедленно окрестивших ее «Павловой на льду». Очарованные внешностью девушки и ее золотыми волосами, они сочиняли о ней историю за историей. И хотя Соня с трудом преодолевала языковой барьер, она все-таки сумела поведать миру о том, что «побеждает почти всегда».

И она победила снова голосами всех семи судей, единодушно присудивших ей вторую золотую медаль.

Молодая особа, проведшая на льду восемнадцать лет и питавшая весьма честолюбивые планы, включавшие «победу на трех Олимпиадах и десяти первенствах мира... а потом кино», отложила свои планы в отношении ухода из спорта по крайней мере до зимних Олимпийских игр и первенства мира 1936 года.

Прибыв в крохотный баварский курорт Гармиш-Партенкирхен, чтобы в последний раз защитить свою золотую медаль, Соня ощущала давление изнутри и снаружи, так как приходилось вызывать полицию, чтобы сдержать толпу, стремившуюся увидеть суперзвезду. Те, кто попадал на ее тренировки, с удивлением видели перед собой на льду вращающегося дервиша, совершавшего до восьмидесяти оборотов.

Ее потрепанные нервы едва выдерживали атмосферу соревнований. После обязательных фигур первого дня Соня всего на 3,6 очка опережала свою очевидную наследницу, пятнадцатилетнюю Сесилию Колледж из Великобритании, и тогда случилось событие, неведомое «фарфоровому миру» фигурного катания: она сорвалась. Соня сорвала с доски обидную для себя записку и порвала ее в клочья.

Но девушка, которую называли «железной бабочкой», проявила стальную волю и заставила себя не только успокоиться, но и победить. Наградой ей было третье олимпийское золото.

Через неделю она выиграла как бы заодно свою десятую подряд золотую медаль чемпионки мира, повесила на гвоздь свои коньки – по крайней мере в любительском спорте, чтобы стать киноактрисой. Но до этого она стала трехкратной олимпийской чемпионкой, десятикратной чемпионкой мира, а также завоевала 1473 разных медалей, кубков и призов, изменив при этом облик своего вида спорта.

ДЖОРДЖ МАЙКЕН

(1924–2005)

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Археологи от спорта могут назвать время самого низкого падения профессионального баскетбола и время его рождения в качестве значительного вида спорта. Это начало сезона 1947–1948 годов.

Именно в 1947 году некий журналист, сидя возле другого в Арсенале 69-го полка в Нью-Йорке, наблюдал за встречей двух профессиональных команд, называвшихся «Никкербоккерами из Нью-Йорка» и «Стирроллерами из Провиденса», повернулся к своему собрату по перу и спросил: «Как по-твоему, доживет ли этот спорт до создания своей высшей лиги?» У него были все основания для подобного вопроса. За два предыдущих десятилетия игроки баскетбольных клубов, являвшихся членами двух профессиональных лиг, стали носить столько надписей на своих спортивных формах, что баскетбольные площадки приобрели вид справочника – «Желтых страниц» в спортивном исполнении. На игровых площадках подвизались команды под такими немыслимыми названиями, как «Упаковщики Теста из Андерсона», «Чикагские Шестерни», «Буксовщики из Акрон-Фирстоуна» и «Золлнеровские Поршни из Форт-Уэйна». К началу сезона 1947 года обе лиги стали напоминать, скорее, список рабочих специальностей, чем баскетбольную организацию, а расписание игр сделалось похожим на расписание поездов на центральном вокзале.

Однако именно так начинался профессиональный баскетбол, его старшая лига, и в эту пору зажглась первая баскетбольная суперзвезда, гигант ростом 210 см и весом 111 кг, крепыш в очках, скорее напоминавший джентльмена, которого встретил Джек, поднявшись наверх по соломинке: Джордж Майкен.

Майкен посещал университет Де Пола [63 – частное учебное заведение, Чикаго, шт. Иллинойс. (Прим. перев.)], где старший тренер Рей Мейер взял его в свои руки и научил понимать, что «его рост есть повод для восхищения, а не стыда, что это средство достижения величия». И Майкен действительно был великим. Он доминировал в студенческом баскетболе как ни один игрок до него, три года подряд он завоевывал все общеамериканские призы. И дважды был назван лучшим игроком года.

Окончив Де Пол, Майкен поступил в команду «Чикагские Шестерни» с рекордным для того времени жалованьем – 12000 долларов. Ну а после того как «Шестерни» канули туда, куда отправлялась большая часть баскетбольных команд той поры, Майкен забрал с собой свой мяч и перебрался в «Миннеаполис Лейкерс».

Стиль Майкена практически стилем не являлся; он более всего напоминал борьбу за сохранение собственной жизни. Расположившись справа от корзины, Майкен, привлекавший к себе обычно двоих, а иногда и троих соперников, проводил большую часть игрового времени отбиваясь от локтей соперников. Рост позволял ему, расставив руки, исполнять роль железнодорожного шлагбаума, и Майкен честно отвечал противникам теми же ударами локтей. Наконец, выпутавшись из расставленной под корзиной сети, он делал финт влево, уходил вправо и вколачивал мяч в корзину своим патентованным крюком.

За время своей баскетбольной карьеры Майкен воистину заслужил черный пояс, а с ним и переломы – левой ноги, правой ноги, правой ступни, подъема левой ступни, правого запястья, носа, большого пальца, еще трех пальцев. Однажды, когда соперник обвинил его в грубой игре, Майкен задрал майку, обнажил торс, покрытый синяками, и рявкнул: «А это, по-твоему, у меня откуда? От рождения, что ли?»

Однако Майкен ничуть не был похож на боксерскую грушу. Он был куда больше. Выступая первый год за команду, он привел «Лейкерс» к званию чемпионов Национальной баскетбольной ассоциации, набирая в среднем по 21,3 очка за игру и заслужив приз самого ценного игрока лиги. С 1947 по 1956 год его команда завоевала пять чемпионских титулов из шести, а сам он трижды возглавлял список лиги по результативности и шесть раз был назван лучшим профессиональным игроком.

Кроме того, он являлся самым привлекательным аттракционом лиги. Уже во время одного из первых его посещений Нью-Йорка репутация его была настолько велика, что на изогнутом транспаранте над входом в старый «Мэдисон Сквер Гарден» написали: «Среда. Баскетбол. Дж. Майкен против "Никса"». Такова была его величина!

Он был настолько велик, что лига даже увеличила ширину зоны свободного броска с шести футов до двенадцати – для того лишь, чтобы снизить эффективность его действий под корзиной, где Майкен стоял как каменный монумент.

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Однако подобные новшества не смущали Майкена, продолжавшего отправлять своим крюком в корзину мяч за мячом. В сумме на его счету значится 11364 очка – на 5000 больше, чем у всех лучших игроков его времени.

Он ушел в отставку после сезона 1953/54 года «на пике карьеры, пока Джордж Майкен еще оставался Джорджем Майкеном». Но лишь после того как поставил ориентир для будущих поколений и сделал профессиональный баскетбол спортом уровня старшей лиги.

ДЖОННИ ВЕЙСМЮЛЛЕР

(1904–1984)

Джордж Карлин, комедиант и общественный моралист, однажды сказал о плавании: «Это не спорт, это просто способ не утонуть». Очевидно, Карлин никогда не слышал о Джонни Вейсмюллере, Тарзане от плавания.

Явление Вейсмюллера в мир плавания состоялось в возрасте восьми лет, когда мама отвела молодого человека на фуллертоновский пляж возле Чикаго, на берег озера Мичиган. В воде он сразу же почувствовал себя как рыба и уже скоро бросил вызов «Скалам», коварному перекаату, омывавшемуся непредсказуемыми озерными волнами. «Умение плавать пришло ко мне естественным путем, – вспоминал Вейсмюллер годы спустя, – и подобно любому мальчишке, я рвался к приключениям. Плавать между скал было опасно, но впечатление было незабываемым».

Однако приключениям в воде на берегу сопутствовала жесткая проза жизни. Вскоре после знакомства с плаванием умер отец Вейсмюллера, и юному Джонни пришлось пойти работать, чтобы поддержать свою семью, сперва в качестве посыльного, потом коридорным и лифтером. И в этот миг своей жизни он натолкнулся на приятеля детских лет, который познакомил его с тренером пловцов Иллинойсского атлетического клуба, «Большим Биллом» Бахрахом.

Бахрах, 350-фунтовый реализатор чужих мечтаний, глянув на рослого – шесть футов три дюйма – молодца, наделенного крепким телом и широкой грудной клеткой, отметил, что при всех физических данных, свидетельствовавших об огромном потенциале, парню потребуется хорошая школа. Затянувшись дымком чадившей в его зубах сигары, Большой Билл сделал молодому Вейсмюллеру предложение, которое он мог бы и не принять, но не сделал этого: «Поработай со мной годик, исполняй все, что я тебе буду говорить, исполняй в точности, не задавай вопросов, и я вытащу тебя. Ты будешь рабом и возненавидишь меня. Но потом ты побьешь все существующие рекорды».

И Вейсмюллер взялся за дело с усердием жонглера, тренирующегося час за часом, день за днем, пребывая под пристальным оком своего тренера и инструктора по строевой подготовке, требовавшего от своего солдата повиновения каждому приказу, даже если он потребует шагнуть из окна и повернуть налево. Казалось, что над бассейном незримо парил транспарант со словами Генри Джеймса: «Жизнь представляет собой усилие, причем усердно повторяемое». Однако не станем приукрашивать тот факт, что после года непрерывных занятий Вейсмюллер превратился в великолепно отлаженную машину.

Теперь Бахрах, полностью удовлетворенный тем, как его молодой подопечный впитал все тонкости плавательной науки, стал выставлять его против других пловцов. И Вейсмюллер переходил от победы к победе.

Впоследствии, вспоминая о своих достижениях, Вейсмюллер говорил: «Я выступал лучше, чем Марк Спитц. Я ни разу не проиграл заплыв». И добавил: «Никогда!»

Как бы то ни было, репутация его приобрела такие размеры, что, когда Бахрах повез Вейсмюллера на Гавайи для встреч в бассейне с лидирующим двукратным олимпийским чемпионом Дюком Паоа Каханамоку, тот вдруг обнаружил, что имеет более интересные дела, чем поединки с предположительным молодым наследником, и уклонился от участия в соревнованиях.

Чемпионам, нынешнему и будущему, суждено было встретиться. Но перед этим историческим поединком Вейсмюллер еще более укрепил свои позиции среди великих,
Страница 162

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru став первым спортсменом, проплывшим 100 метров быстрее 1 минуты и вскоре исправившим свой мировой рекорд с 58,6 до 57,4 секунды. И рекорд Вейсмюллера продержался десять лет – в таком виде спорта, где рекорды сменяют друг друга незаметно.

В 1924 году в Париж прибыло огромное количество спортсменов, участников Олимпийских игр: бегуны, боксеры, спринтеры, а также метатели и пловцы. Однако внимание публики привлекали двое: Вейсмюллер и Каханамоку.

Двадцатилетний Вейсмюллер стоял, ожидая выстрела стартового пистолета перед финальным заплывом на 100 метров, между тридцатичетырехлетним еще лидирующим чемпионом Каханамоку и его младшим братом Сэмом. Опасавшийся того, что оба гавайца выступят командой против него, Вейсмюллер с облегчением услышал, слова Дюка: «Джонни, удачи тебе. Самое важное в этом заплыве, чтобы американской флаг поднялся после него на трех флагштоках. Давай добьемся этого!»

Так они и сделали. После выстрела Вейсмюллер резко пошел вперед. Энергично работая ногами и руками, он оторвался от соперников к отметке семьдесят пять метров и победил в заплыве с олимпийским рекордом – 59 секунд ровно. Дюк финишировал вторым, а его брат Сэм – третьим. После его победы семь тысяч зрителей, присутствовавших в олимпийском бассейне, приветствовали его в течение трех минут, и ликование их утихло только после того, как объявили о том, что он еще раз появится на бортике бассейна днем.

И он не только появился, но и победил, завоевав еще одну золотую медаль в составе американской эстафетной команды на дистанции 800 метров вольным стилем, поставившей олимпийский рекорд – 9:53,4, а потом прибавил к ним бронзовую медаль в водном поло. Завоевав победу на дистанции 400 метров – тоже вольным стилем и вновь с олимпийским рекордом, Вейсмюллер отправился домой с тремя золотыми и одной бронзовой медалями.

Через четыре года Вейсмюллер дал в Амстердаме еще одно «золотое» представление. Пронеся звездно-полосатое знамя на церемонии открытия, он прибавил к своим запасам золота еще одну медаль на дистанции 100 метров. Но по дороге к ней едва не пережил катастрофу – свое первое поражение. Совершая поворот в середине заплыва, Вейсмюллер хватанул носом воду и чуть не задохнулся. Восстанавливая дыхание, он потерял два ярда. Однако он не потерял самообладания. «Я знал, что кашлянуть нельзя. Если ты не кашляешь, воду можно проглотить». Сохранив присутствие духа, он выиграл четвертую из пяти своих олимпийских золотых медалей – и вновь с рекордным временем. Теперь его олимпийский рекорд стал равным 58,6 секунды. Последнее свое золото он опять добыл вместе с эстафетной командой на дистанции 800 метров – и опять с олимпийским рекордом – 9:36,2.

В 1932 году обстоятельства сложились так, что вместо участия в лос-анджелесских Олимпийских играх Вейсмюллер подрядился за 500 долларов в неделю рекламировать плавательные костюмы, чтобы не утонуть в коварных финансовых водах. Один из рекламных снимков Вейсмюллера в его плавательном костюме привлек внимание голливудского агента, пригласившего пловца попробовать себя в роли Тарзана в готовившемся тогда фильме «Тарзан – человек-обезьяна». Вейсмюллер получил роль и, сменив плавательный костюм на набедренную повязку, снялся в двенадцати фильмах про Тарзана за последовавшие шестнадцать лет.

В наши дни Джонни Вейсмюллера помнят, скорее всего, не как великого пловца, поставившего шестьдесят семь мировых рекордов, владевшего мировыми рекордами на всех дистанциях от пятидесяти ярдов до полумили и ни разу не испытывшего поражения, но как Тарзана. И в этой славе утонуло его мастерство, сделавшее его одним из величайших атлетов всех времен.

ЭЛ ОРТЕР

(родился в 1936 г.)

Олимпийские игры подразумевают многое. Это и олимпийский флаг с его пятью переплетенными кольцами, обозначающими соревнующиеся континенты. Это и олимпийский девиз: «Citius! Altius! Fortius!», призывающий всех атлетов быть быстрее и быстрее, взмывать выше и выше и быть сильнее и сильнее в каждом

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru происходящем раз в четыре года состязании. Это и олимпийская деревня, где спортсмены стран всего мира объединяются в единое сообщество, полное дружбы и понимания. Это и церемония вручения олимпийских наград под звуки национальных гимнов, под флагами победивших сегодня стран. И весь олимпийский блеск и зрелищность, начиная от зажжения олимпийского огня на открытии Игр до гашения его на церемонии закрытия. Но для многих это еще и один из самых больших долгожителей в истории Олимпиад: Эл Ортер.

Эл Ортер впервые появился на олимпийской арене в 1956 году в Мельбурне. Двадцатилетний юниор из команды университета Канзаса и обладатель национального студенческого рекорда, он прошел предолимпийские отборочные соревнования. В американской команде метателей диска, посланной соревноваться на противоположный край света, Ортер появился совершенно внезапно и, признаться, столь же незаметно. Многие считали тогда фаворитами предстоявших соревнований его товарища по команде, обладателя мирового рекорда Форчена Гордиена и итальянца Адольфо Консолини.

И когда в квалификационных соревнованиях, предшествовавших финальным, Гордиен послал двухкилограммовый (точнее весивший 4 фунта 6,55 унции) снаряд почти на четыре фута дальше собственного мирового рекорда, Ортер негромко заметил, обращаясь к себе самому: «Ого-го, ну и мужик. Никто не сумеет отобрать у него олимпийское золото».

Метавший диск после обоих фаворитов Ортер следил за первыми их бросками в финале, внешне не обнаруживая никакого обязательного для новичка волнения, однако в душе он, по сделанному впоследствии признанию, ощущал «смертельный испуг». Настал и его черед совершать попытку. «Заведенный» и «вдохновленный», этот 103-килограммовый здоровяк, наделенный плечами, проходившими не во всякую дверь, и лапищами деревенского кузнеца, занял свое место в секторе для метания. Начав вращение с левой ноги, Ортер раскрутился словно старинная патефонная пластинка и послал снаряд на 184 фута 11 дюймов (56 м 36 см) – дальше, чем когда-либо в жизни, на четыре фута превысив существовавший олимпийский рекорд. Когда Ортер осознал, что сделал, как он потом признавался, «руки мои напряглись, а нервы едва не разорвались в клочки». Тем не менее в тот день никто не смог приблизиться к показанному им результату ближе, чем на пять футов.

Стоя на пьедестале почета, Ортер вдруг ощутил все значение собственной победы и «разлетелся вдребезги», ноги его подгибались. Однако он успел овладеть собой, чтобы принять свою первую золотую медаль. Ортер еще получит несколько возможностей принять правильную стойку победителя на верхней ступени пьедестала почета.

Потом, в 1957 году, ему пришлось пережить едва не оказавшуюся для него фатальной автокатастрофу и поражение на отборочных соревнованиях в США перед Олимпийскими играми 1960 года, где он уступил первое место гиганту Ринку Бабке. И на Римской Олимпиаде Ортер вновь не считался фаворитом, которым был на сей раз Бабка, совладелец мирового рекорда.

Огромное напряжение позволило Ортеру в квалификационном раунде забросить диск за отметку мирового рекорда. Он вышел в финал с рекордным результатом игр – 191 фут 8 дюймов (58 м 42 см). Однако в день финала Ортер, после того как Бабка вырвался в лидеры с результатом 190 футов 4 дюйма (58 м 02 см), ощутил такое напряжение, что «едва мог бросать» и не мог приблизиться к Бабке ближе, чем позволял результат 189 футов 1 дюйм (57 м 63 см). Следующие три броска не позволили ему приблизиться к лидеру. Шансов оставалось не больше, чем у Икара уцелеть при падении, и Ортер стал готовиться к пятой и последней попытке. И пока он это делал, Бабка подошел к нему и сказал, что левая рука Ортера «двигается как-то не так».

Ортер поблагодарил Бабку и начал концентрировать свое внимание на броске. Наконец, полностью понимая, что нужно сделать для победы, Ортер занял свое место в круге, полностью готовым к броску. Раскрутившись, Ортер выпустил диск, вложив в бросок все, что у него было. И, наверное, даже больше. К тому времени, когда невесомый снаряд закончил полет и соприкоснулся с землей, он преодолел 194 фута и 2 дюйма (59 м 18 см) – личный и олимпийский рекорд. Ну а пятый бросок Бабки оказался неудачным, и ему пришлось удовольствоваться серебряной медалью. Так Ортер заработал свою вторую золотую медаль.

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru чтобы подняться на пьедестал в третий раз, на Олимпиаде 1964 года в Токио, Ортеру пришлось преодолеть несколько препятствий. Во-первых, в метании диска собралась чрезвычайно сильная компания, в том числе такие киты, как чехословацкий спортсмен Людвик Данек, победивший в сорока пяти соревнованиях подряд, и Владимир Трусенев из России, двадцать семь дней владевший мировым рекордом, пока Ортер не вернул его себе. Во-вторых, Ортер страдал от хронического повреждения диска шейного позвонка, что заставляло его носить ортопедический воротник. Ну а в дополнение ко всем прочим бедам он порвал грудное сухожилие на тренировке за неделю до официального открытия Олимпийских игр 1964 года. Врачи сообщили, что на излечение потребуется месяц – в том случае, если он откажется от участия в соревнованиях.

Казалось бы, судьба не оставила ему никаких надежд, однако в последний момент она передумала и милостиво улыбнулась закутанному в повязки и ледяные компрессы Ортеру. Травмированный и несчастный Ортер, которому утешение могли даровать только лекарства, тем не менее решил защищать свой чемпионский титул. И невзирая на то, что выступать пришлось в стеснявшем движения корсете, Ортер первым же броском в предварительном круге соревнований поставил новый олимпийский рекорд – 198 футов 8 дюймов.

Перед финалом Ортер сказал другому спортсмену: «Если я не добьюсь победы первым броском, на успех рассчитывать не придется». Однако после его первого броска диск улетел всего на 189 футов и 1 дюйм (57 м 63 см), поставив его на третье место после четырех попыток. И перед пятой и последней Ортер коротко сказал себе: «Это же Олимпийские игры, парень. Забудь обо всем и вложись в бросок». И он вложил в этот бросок все силы и мастерство, хотя после немедленно перегнулся пополам от боли. С трудом отыскавшие диск на зеленом поле судьи обнаружили, что снаряд пролетел 200 футов и 1 дюйм (около 61 м ровно), даруя Ортеру его третий олимпийский рекорд и третью золотую медаль Олимпиады. И победу, завоеванную вопреки боли и травме.

Ко времени Олимпийских игр 1968 года в Мехико-Сити Ортер набрал и вес – 162 кг, и возраст – 31 год. И шансов у него, казалось, не было вообще, особенно если учитывать то, что рекордсмен мира Джей Сильвестр в одной из квалификационных попыток отправил диск на 207 футов 10 дюймов (около 64 м 01 см), на несколько дюймов дальше, чем это приходилось когда-либо делать Ортеру.

Но в финале блистал Ортер, который впоследствии вспоминал: «Смотреть было не на кого, кроме меня самого». В третьей попытке, находясь на четвертом месте, Ортер исполнил бросок на 212 футов 6 дюймов (около 64 м 78 см) – на пять футов дальше своего лучшего результата. А потом предоставил Сильвестру и всем остальным возможность догнать его. Однако деморализованные соперники не сумели даже приблизиться к новому олимпийскому рекорду Ортера. «Железный человек» Олимпийских игр еще раз повторил свой успех, сделавшись заодно первым спортсменом, сумевшим завоевать четыре золотые медали в одном и том же виде соревнований.

Человек, чьи достижения были много ярче, чем его спокойная натура, потом вспоминал: «Наверное, я очень ревнив. Мне просто не хочется отдавать свой титул кому бы то ни было».

После этого Ортер расстался со спортом, совершив до этого примерно тридцать тысяч бросков диска. Но пропустив Мюнхен и Монреаль в 1972 и 1976 годах, он утратил покой и, не желая сидеть дома, начал старательно тренироваться перед Московскими Олимпийскими играми 1980 года. На соревнованиях ААУ в Вестфилде, Нью-Джерси, он метнул диск на 219 футов 10 дюймов (около 67 м 70 см), на семь футов дальше своего личного рекорда. Теперь он полагал, что способен бросить вызов Вольфгангу Шмидту, мировому рекордсмену из Восточной Германии, и американцу Маку Уилкинсу, невзирая на свой возраст – сорок три года. Но едва он пробился в сборную команду США, судьба разделалась со всеми его надеждами, так как Соединенные Штаты решили бойкотировать игры по политическим соображениям.

Однако Эл Ортер не сдался. Пока не сдался. Подумывая о новом возвращении, он начал усиленно готовиться к играм 1984 года в Лос-Анджелесе. Однако если Ортер в свои сорок семь еще не насытился, «папаше времени» было уже довольно. И на фантастическую карьеру Эла Ортера опустился прочальный занавес. Но до этого сей современный Геркулес поднялся на олимпийские вершины с четырьмя золотыми медалями на груди, и теперь он может снисходительно смотреть сверху вниз на весь

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
спортивный мир.

«РАНЕЦ» ПЕЙДЖ

(1906? – 1982)

К четырем рекомендациям – топить старым деревом, пить старое вино, доверять старым друзьям и читать старые книги – следует добавить и пятую: помнить о не имеющем возраста Лерое Роберте «Ранце» Пейдже.

Дело в том, что Пейдж возраста не имел в буквальном смысле слова: во всяком случае точно его никто не знал. Один из источников утверждал, что он родился в 1906-м. Другой, в данном вопросе более авторитетный, а именно собственная матушка Пейджа говорила, что первым годом его жизни был 1903-й. Ну а Тед «Два Дела» Рэдклифф, также уроженец Мобила, придерживался мнения, что «он родился в 1900-м».

Однако если дата его рождения затерялась в истории, вся прочая повесть его жизни растворилась в легендах, и каждый из рассказчиков перекраивает и перешивает их по собственному фасону.

Говорят, что одна легенда стоит тысячи фактов, и это более чем справедливо в отношении «Ранца» Пейджа, о котором за отсутствием документов известно немного, в том числе и происхождение уникального прозвища.

Нескладный шестифутовый парень, молодой Лерой уроки прогуливал исправно, а в бейсбол играл много реже, и в результате собственной лени – а также нескольких коллективных уличных драк и острых приступов kleptomании в магазинах – был приписан к Промышленной школе Алабамы для негритянских детей. Подобно Бейбу Рату, он рос под надзором властей штата, оттачивая мастерство питчера бросанием камней в окна, закрытые и открытые. Окончив школу примерно в возрасте шестнадцати лет, хотите верьте, хотите проверяйте, он поступил работать носильщиком на вокзал, где сумел с помощью шеста и веревки соорудить некое приспособление в духе Рюба Голдберга [64 – карикатурист и скульптор, известен карикатурами, на которых придуманное им сложное оборудование исполняет нелепые операции. (Прим. перев.)], позволявшее ему одновременно переносить десять–двадцать мест багажа. Сооружение это вдохновило одного из его сотрудников на реплику: «Вот идет Лерой, прямо вешалка с ранцами».

В этот самый момент проводник пульмановского вагона из Чаттануги увидел Пейджа, выступавшего за «Тигров» из Мобила, укомплектованную чернокожими полупрофессиональную команду, и рекомендовал его Алексу Герману, владельцу «Черных Дозорных» из Чаттануги, южная негритянская лига. Герман нанял Пейджа за 50 долларов в месяц, причем деньги отсылались домой. Два года спустя он продал контракт Пейджа бирмингемским «Черным Баронам» из негритянской Национальной лиги, где он уже потянул на 275 долларов в месяц.

Великий питчер Вебстер Макдональд вспоминает о своей первой встрече с худощавым и упругим Пейджем. Менеджер питчеров Билл Гейтвуд подвел Пейджа к Макдональду и сказал: «Мак, этот парень умеет сильно бросать, только не знает, куда именно зашвырнет мяч. И еще он неподвижный, не сумеет никого удержать на первой базе. Я велел ему понаблюдать за твоими движениями, чтобы поучился». Макдональд ознакомился с манерой взволнованного Пейджа и подвел итог: «Во-первых, незачем выходить на поле таким заведенным. Надо следить за целью. И если ты хочешь бросить в дом, нужно просто бросить на первую». Пейдж посмотрел и сказал: «У себя мы играли иначе». Гейтвуд осадил юное дарование: «Слушай, что тебе говорят, "Ранец"!» – «Мы делали это иначе», – повторил упрямый Пейдж. Как говаривал Макдональд: «Он всегда поступал так, как хотел».

А хотел он, то есть Пейдж, просто откинуться назад, брыкнуть в воздухе левой ногой и швырнуть мяч с прометеевым пылом в душе. Бросок этот имел несколько вариаций, каждая из которых со своим названием. Самым знаменитым был «питч нерешительный». Бросок этот посылал мяч вбок и слева от бэттера, а левая нога, «колебавшаяся» в воздухе, опускалась на землю как бы запаздывая, почти в самый последний момент помогая руке. (Президент американской лиги Уилл Харридж впоследствии запретил такой бросок как «обманный».) Другие носили имена:

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru «двугорбый ляп», «маленький Том», бросок умеренной скорости, «длинный Том», по-настоящему быстрый мяч; были среди них «петля», «мяч без мяча», «летучая мышь», «поспеши-мяч», а также «бедовый мяч» и «жужжащий мяч».

Звезда негритянской лиги Краш Холлоуэй вспоминал: «Ранец» Пейдж был самым опасным питчером среди всех, с кем мне приходилось иметь дело. Он владел только быстрым броском, однако исполнял его мастерски. Когда Пейдж выпускал свой снаряд из руки, он несся прямо в тебя. Мяч казался похожим в полете на таблетку аспирина. Ты заранее знал, что будешь иметь дело только с быстрым броском, однако все равно не успевал попасть по мячу. В поисках успеха я пробовал всякого рода биты, большие, короткие, легкие, однако все равно ничего не мог с ним поделаться. Ты еще только замахивался, а мяч уже был здесь». Второй бейзмен Ньют Элиен добавил к этому: «Нам с трудом удавалось просто зацепить посланный «Ранцем» мяч, не говоря уже о том, чтобы ударить по нему. К трем часам дня он обычно выбивал восемнадцать или девятнадцать человек».

За два десятилетия выступлений, когда рекорды негритянской лиги не заносились в «книги белых рекордов», непринужденно державшийся на площадке Пейдж, по прикидкам, проводил до 125 игр в году, выступая от пяти до семи раз за неделю, что в сумме дает примерно 2500 выступлений. Он питчировал в негритянской лиге за такие клубы, как «Нэшвилльские Отборные Гиганты», «Кливлендские Щенки», «Питтсбургские Кроуфорды», «Монархи из Канзас-Сити», «Нью-Йоркские Черные Янки», «Филадельфийские Звезды» и «Балтиморские Черные Носки», и предположительно имел около 2000 побед и от 50 до 100 ноухиттеров.

Однако невзирая на то, что Пейдж являлся, если воспользоваться словами одного из товарищей нашего героя по команде, «Бейбом Ратом негритянской лиги», магнитом, привлекавшим болельщиков, истинная основа его славы зиждилась на таком чисто американском явлении, как «амбарная гастроль».

Амбарные гастроли, как таковые, были порождены двадцатыми и тридцатыми годами и позаимствовали облик и форму от представлений первых пилотов, разъезжавших по стране, предлагая каждому впервые увидеть свою новорожденную «летающую машину» и прокатиться на ней – всего за «пять долларов за каждые пять минут полета». И название свое они получили от взаимной договоренности, когда пилот в свободный от полетов день приземлялся на пастбище какого-нибудь фермера и предлагал тому прокатиться в обмен на право поставить на день свой самолет в его амбар. Вскоре метод и термин были заимствованы и прочими отраслями индустрии развлечений, бейсболисты также включили фразу в свой словарь терминов, путешествуя из города в город и «вытряхивая деньги из деревенщины».

Но никто не облегчал деревенщину от денег с таким успехом, как «Ранец» Пейдж, зарабатывавший более 40000 в год во время Депрессии, путешествуя по задворкам Америки со «Всеми Звездами» «Ранца» Пейджа.

Называвший себя «Величайшим Питчером Мира, гарантированно выбивающим первых девять игроков», «Ранец» возил своих «Всех Звезд» по заштатным городам Америки, истосковавшимся по бейсболу, где они встречались с другими звездными командами, составленными из черных и белых игроков, например со «Звездами» Диззи Дина или Боба Феллера.

Сперва Пейдж подогревал толпу, бросая мяч с горки, стоя на коленях, или проводил предигровую разминку, в ходе которой попадал мячом в крохотное отверстие в заборе десять раз из десяти. А потом занимал свое место на горке и повергал болельщиков в восторг, действительно высаживая первых же девять соперников, иногда орудуя с самоуверенностью, граничившей с наглостью. Он даже бывало, отправив на прогулку троих игроков, усаживал на скамейку своих инфилдеров и аутфилдеров, чтобы не воспользоваться несправедливым преимуществом.

Подвиги «Ранца» в амбарных гастролях имели резонанс, поскольку ему случалось высаживать по три раза за игру таких великих деятелей бейсбола, как Чарли Герингера и Джимми Фокса, а величайшего праворукого хиттера в истории бейсбола Роджерса Хорнсби Пейдж уделал пять раз. Хэк Уилсон так и не сумел ознакомиться с мячами, которые разбрасывал «Ранец», ссылаясь на то, что «мяч казался не больше фасолины». А Диззи Дин, уступивший «Ранцу» со счетом 1:0 в 17 иннингах после сезона, в котором имел 30:7, сказал о своем сопернике в той цветистой и, увы, вышедшей из моды манере прежних лет: «Я знаю, кто является лучшим питчером из всех, кого я видел: это старина «Ранец» Пейдж, рослый, высокий и долговязый

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
цветной парень».

И в самом деле, почтение к его достижениям было настолько велико, что «Нью-Йоркские Янки», подписав контракт с юным феноменом по имени Джо Ди Маггио и желая опробовать свое новое приобретение, оплатили игру, в которой он встретился с Пейджем. При поддержке разношерстной команды Пейдж играл против команды «Всех Звезд» высшей лиги так, как если бы ничего не знал об их репутации. Он вывел из игры пятнадцать игроков, допустив всего два удара за первые девять иннингов. Потом, в десятом, Ди Маггио, дважды выбитый из игры и однажды удаленный за фол, вышел к бите с потенциально выигрышной пробежкой и сумел зацепиться за знаменитый «нерешительный питч» Пейджа. Пришедшие в экстаз скауты немедленно отстучали в штаб-квартиру «Янки» телеграмму следующего содержания: ДИ МАГГИО ИМЕННО ТО НА ЧТО МЫ НАДЕЯЛИСЬ. ОН ПОПАЛ В РАНЦА ОДИН РАЗ ПРОТИВ ЧЕТЫРЕХ.

Однако многочисленные таланты «Ранца» Пейджа оказались невостребованными. Хотя он мог выставить с поля любого, на свете была одна парочка, с которой он ничего не мог поделать: мистеры Плесси и Фергюсон, чьи имена связаны с принятием в 1896 году решения Верховного суда, благодаря которому в бейсболе укоренилось разделение на цветных и белых, удержавшее вне бейсбола человека, который мог бы стать величайшим питчером в истории этой игры.

Тем не менее и это изменилось 7 июля 1948 года, когда владелец «Кливлендских Индейцев», известный шоумен Биллом Виикк предложил Пейджу контракт с «Индейцами». Некоторые из критиков Виикка, а их было множество, предполагали, что подобный контракт с человеком, фигура которого приобрела уже далеко не спортивный профиль, и тем более в качестве первого чернокожего питчера в американской лиге, представляет собой очередной рекламный трюк. Однако Виикк, словно алхимик, пытался извлечь золото из других элементов и знал, что в жилах «Ранца» еще найдется довольно сырья. И Пейдж с лихвой оплатил доверие, проведя двадцать одну игру, выиграв шесть, причем две шатаутами, и добившись рекордного результата 6:1 при ERA, равном 2,48, что помогло «Индейцам» выиграть первый за двадцать восемь лет вымпел американской лиги.

В следующем сезоне Пейдж питчеровал в тридцать одной игре, но исчез в следующем сезоне – исчез вместе с Виикком, который продал «Индейцев». Однако оба вынырнули на поверхность в 1951-м в собранных с бору по сосенке «Сент-Луис Браунз», где Виикк с присущим ему чувством абсурда выставил «Ранца» возле скамейки команды в кресле-качалке, что соответствовало и его возрасту, и заслугам. Сидя там, старина Пейдж рассыпал короткие проповеди, сочетая их с ироничными и колкими афоризмами, как, например, «суета в обществе не способствует отдохновению души» и «не оглядывайся: возможно, тебя как раз догоняют» и чередуя с немногими золотыми выступлениями своих зрелых, золотых лет. В 1952 году «Ранец» возглавил список игроков американской лиги по победам на замене, «Браунз» заняли седьмое место, а сам он законным образом попал в число «Всех Звезд» американской лиги.

Пейдж оставался в строю еще один, 1953, год, а потом вернулся в 1965-м в возрасте то ли пятидесяти девяти, то ли шестидесяти пяти лет и закончил три иннинга шатаутами, позволив дубль только Карлу Ястземски, чтобы стать старейшим питчером в истории старшей лиги, вне зависимости от того, каким на самом деле был его возраст.

Но хотя точный возраст «Ранца» Пейджа так и остался неопределенным, этого нельзя сказать о его мастерстве. Пока бейсбол и бейсболисты еще не изгладятся из памяти людей, этот питчер, почти ровесник прошлого века, будет соседом других великих, и деяния его не будут знать возраста.

ФАННИ БЛАНКЕРС-КОЭН

(1918–2004)

Легенда утверждает, что в прежние, сказочные для нас дни все военные конфликты между «драчливыми» городами-государствами прекращались во время проведения Олимпийских игр. В наши нынешние времена Олимпийским играм пришлось ждать, пока люди натешатся своей милой и любимой игрой под названием «война». Так случилось, что Олимпийскому огню трижды приходилось дожидаться своего времени, так как в 1916 году, а потом и в 1940-м, и 1944-м пламенем полыхал весь мир.

Оба последних случая на совести Адольфа Гитлера. По иронии судьбы именно он правил в стране, в последний раз приютившей Олимпийские игры перед долгим, вызванным им же самим перерывом. Героем тех Олимпийских игр стал Джесси Оуэнс. Среди участников Берлинских Олимпийских игр 1936 года была восемнадцатилетняя прыгунья в высоту и участница голландской женской эстафетной команды по имени Франсина Коэн. Она заняла шестое место в прыжках в высоту и пятое место в составе своей эстафетной команды. Словом, основным итогом Олимпийских игр для себя Фанни Коэн могла считать полученный автограф Джесси Оуэнса. Однако мир не знал, что роспись, перешедшая от Оуэнса к Коэн, являлась на самом деле своего рода эстафетной палочкой, переданной «Величайшим атлетом мира» молодой голландской девушке.

По прошествии двенадцати лет и одной войны олимпийский огонь зажегся вновь. Фанни теперь было тридцать, замужняя женщина, мать двоих детей. Поэтому она считалась слишком старой для того, чтобы соревноваться с девицами, по молодости лет еще не имеющими права голоса. Однако Фанни Бланкерс-Коэн сумела на Лондонских Олимпийских играх 1948 года расправиться со всякими сомнениями.

Выросшая в Голландии, Фанни Коэн считалась легкоатлетическим вундеркиндом и преуспевала почти во всех видах соревнований, известных человечеству вообще и женскому спорту в частности. Посчитав, что в Голландии и без того хватает выдающихся пловцов, она обратилась к легкой атлетике. Хотя впоследствии она утверждала, что в детстве «никогда не ходила, а только бегала», Фанни не получила систематического спортивного воспитания. А потом, в 1935-м, тренер по легкой атлетике Йан Бланкерс – неслучайным образом впоследствии ставший ее мужем, увидел, как она бежит и побеждает в своем первом крупном забеге на 800 метров. Понимая, что, невзирая на победу девушки на средней дистанции, она является природным спринтером, он занялся ее тренировками, которые позволили ей пройти отбор на Олимпийские игры 1936 года.

Фанни Коэн покинула Игры 1936 года с намерением стать олимпийской чемпионкой. За два года она стала лучшей бегуньей Голландии и в 1938-м победила на всех проводившихся в стране соревнованиях по спринту. К 1948 году ей принадлежали четыре мировых рекорда и сорок титулов чемпионки страны. Хотя она лелеяла мечты о золотой медали, большинство спортивных обозревателей полагало, что шансов у нее на это мало.

Дело в том, что в 1928 году Международный Олимпийский комитет включил женские виды в программу Олимпийских игр. Однако, очевидно, в связи с острой недостаточностью арифметических знаний, они ограничили женщин тремя личными видами. В 1948-м их число было увеличено до девяти. Так случилось, что, владея мировыми рекордами в прыжках в высоту и длину, Фанни Бланкерс-Коэн решила принять участие в беге на 100 и 200 метров, а также на 80 метров с барьерами и в составе голландской команды в эстафете на 4x100 метров – итого в четырех из девяти женских видах.

Фанни начала с бега на 100 метров, показав рекордное время в первом круге соревнований, а потом, в финале, выйдя на раскисшую дорожку, победила, оторвавшись от преследовательниц на три ярда. Следующим был бег на 80 метров с барьерами. Здесь Фанни пришлось потрудиться, ей противостояли фаворитка – Морин Гарднер из Великобритании и морозящий дождь. Засидевшись на старте, она буквально поплыла по дорожке и догнала Гарднер на пятом барьере, однако задела его и буквально повалилась на финишную линию.

Разрыв между конкурентками был невелик, и пока участницы и зрители стоя дожидались решения судей, оркестр начал играть «Боже, храни короля». Однако это не был знак победы Гарднер, просто на стадионе появилось королевское семейство. Наконец по истечении как будто бы вечности на табло зажглись результаты: победила Бланкерс-Коэн, Голландия, с олимпийским рекордом 11,2 секунды.

Третья возможность вкусить запах роз победы представилась ей на дистанции 200 метров. Заняв место на старте, она выиграла квалификационный забег с олимпийским рекордом, пробежав дистанцию за 24,3 секунды. На следующий день на раскисшей от дождя дорожке она победила в финальном забеге с еще не виданным преимуществом в семь ярдов.

Теперь женщина, получившая прозвище «Удивительная Мамаша», оказалась в самом

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru центре событий, став первой трехкратной чемпионкой в олимпийской истории. Однако самый великий момент был еще впереди – ее этап в эстафете 4x100 метров. Голландская команда не числилась среди фаворитов, и когда эстафетная палочка оказалась в руках Фанни, ее команда находилась на четвертом месте, в общей группе. Однако дюжиной шагов она ликвидировала разрыв, устремляясь за лидером, австралийкой Джойс Кинг. Потом Фанни обошла бегуний из Великобритании и Канады, и теперь оставался один только вопрос: хватит ли ей времени и расстояния, чтобы обойти и лидера? Она сумела это сделать и выиграла свое четвертое золото.

На этом повесть о Фанни Бланкерс-Козен могла бы и завершиться, однако в 1952 году в Хельсинки она вновь пустилась в погоню за олимпийской золотой медалью. Однако комбинация заражения крови, расстройства желудка и нарыва на ноге заставила ее отказаться от участия в трех видах, и Фанни приняла участие только в беге на 80 метров с барьерами, но споткнулась уже на втором и была вынуждена проводить соперниц взглядом.

Однако на Олимпийских играх 1948 года Фанни Бланкерс-Козен доказала, что пламя ее непобедимого духа нельзя погасить, и горевший в ее душе огонь подарил ей четыре золотые олимпийские медали в легкой атлетике.

БИКИЛА

(1932–1973)

Некоторых людей судьба коварным образом наделяет славой, а потом берет за шкуру и вышвыривает за борт. К такой породе людей принадлежал и Абебе Бикила. Ирония судьбы здесь заключается в том, что Бикила всего лишь повторил трагическую судьбу Фидиппида, которому принадлежит, так сказать, право «творческой собственности» на марафонский бег.

Повесть о Бикиле и Марафоне началась в 490 году до н. э. Согласно древним повествователям, по правде говоря, умевшим приврать, первый марафонский бег состоялся после битвы при Марафоне.

Отбив нападение персидских войск царя Дария и проводив взглядом удаляющиеся паруса кораблей врага, афинский полководец Мильтиад испугался, что персы могут направить свой путь к Афинам, а жители города, не зная о понесенном захватчиками поражении, могут открыть перед ними ворота. Чтобы избежать этого, Мильтиад отправил в Афины гонца Фидиппида, самого быстрого бегуна среди своих воинов, который только что сбегал с новостями в Спарту и обратно. С известием о победе афинян гонец отправился в город с равнины Марафона, ему предстояло совершить путешествие примерно в двадцать пять миль. Прибежав в город, измученный Фидиппид выкрикнул: «Радуйтесь, мы победили!», пошатнулся и пал бездыханным.

Отсюда, мой дорогой читатель, мы перенесемся в 1896 год, дату возобновления Олимпийских игр после пятисотлетнего перерыва. Человек, которому мы обязаны восстановлением этой древней традиции, французский барон Пьер де Кубертен, решил, что на первых играх, которые должны были состояться в Афинах, следует провести забег от Марафонского моста до восстановленного Панафинейского стадиона в Афинах – в честь трагического вестника Фидиппида. И случилось так, что марафонский бег, в котором вполне уместным образом победил греческий пастух по имени Спиридон Луис, сделался одним из самых популярных соревнований в программе Олимпийских игр.

На первых трех Олимпийских играх спортсмены бежали дистанцию длиной двадцать шесть миль. Потом, в 1908 году, на Олимпийских играх в Лондоне маршрут, проложенный от Виндзорского замка до стадиона в Шефердс-Буш, был продлен на 385 ярдов, на круг по дорожке стадиона, так, чтобы финишная линия располагалась как раз перед королевской ложей. И эта случайно выбранная дистанция сделалась с той поры стандартной для марафонских забегов.

Последующие пятьдесят два года, т. е. во время девяти Олимпийских игр, марафонский бег за малым числом исключений представлял собой больший интерес, чем его участники, среди которых попадались и титулованные спортсмены, но чаще всего были мало известными широкой публике. Марафонский бег сделался видом, завершающим легкоатлетическую программу, одним из наиболее ожидаемых событий

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Игр. и не более того.

Однако подобное положение дел прекратилось в Риме, на Олимпийских играх 1960 года, усилиями вежливого и изящного, худощавого дворцового охранника эфиопской армии, бегавшего босиком и носившего имя Абебе Бикила, ничуть не смущавшегося тем, что в олимпийской программе он был записан наоборот – Бикила Абебе.

Происходивший из крестьянской семьи, Бикила бегал с детства, отлавливая фазанов для семейного стола. Подобные дальние забеги на высокогорье развили легкие юноши и укрепили выносливость, что особенно важно в марафонских забегах. И теперь никто не обращал внимания на него, занимавшего место на старте забега, всего третьего марафонского забега в его жизни и первого за пределами родной Эфиопии. Но в отношении того, что случилось потом, лучше всего написано в сонете А. Линкольна на тему, как «одурачить всех людей» и т. д.

Трасса забега, впервые проводившегося ночью, начиналась и кончалась возле олимпийского стадиона, она проходила от площади Кампидольо (спроектированной Микеланджело), огибала Колизей и Термы Каракаллы, шла по двухтысячелетней Аппиевой дороге и завершалась у Арки Константина. Кстати говоря, менее чем в миле от линии финиша стоял обелиск, за четверть века до Игр украденный в Аксуме итальянскими фашистами, вторгшимися в Эфиопию и захватившими с собой в Рим этот трофей.

Бикила, бегавший в те поры босиком, взялся за дело с восемнадцати километров, держась вровень с фаворитом, марокканцем Рхади бен Абдесселемом. Остальные участники забега тянулись за ними словно обитатели Гаммельна за крысоловом – ну, в данном случае двумя крысоловами. Милю за милей пробегали они рядом друг с другом, не обмениваясь ни взглядом, ни словом.

Потом, неподалеку от украденного обелиска, примерно в тысяче метров от финиша, Бикила ускорился на небольшом подъеме и вышел вперед, закончив на этом самом месте соревновательную стадию забега.

Рвавшийся к финишу Бикила увеличил отрыв почти до двух сотен ярдов возле Арки Константина и опередил олимпийский рекорд Эмиля Затопека, показав время – 2 часа 15 минут 16 секунд.

Четыре года спустя – через сорок дней после операции по поводу аппендицита – Бикила совершил подвиг, не удававшийся еще никому в истории Олимпийских игр: он победил в марафоне второй раз. На сей раз обутый Бикила защитил свой титул с рекордным временем 2 часа 12 минут и 11 секунд. Когда он приближался к финишной линии на Токийском олимпийском стадионе, болельщики, увидевшие легконогого эфиопа, взорвались восторженными воплями, подобными грохоту тысячи грузовиков по деревянному мосту. Разорвав финишную ленточку, Бикила выбежал на поле стадиона и проделал несколько гимнастических упражнений, которые успел закончить еще до того, как занявший второе место спортсмен пересек финишную линию. Пользуясь словами австралийского марафонца Рона Кларка, это было «величайшее представление всех времен в легкой атлетике».

Бикила попытался добиться третьего успеха в 1968 году, однако был вынужден сойти после семнадцати километров из-за трещины в ноге. Возвратившись домой, спортсмен продолжил службу в дворцовой охране, теперь уже в лейтенантском чине, пожалованном ему императором Хайле Селассие.

Однако на следующий год с ним случилась трагедия. Подаренный ему правительством после второй олимпийской победы «Фольксваген», за рулем которого находился спортсмен, перевернулся, и Бикила получил серьезные травмы. Перелом позвоночника приковал его к инвалидной коляске. Однако не имея более возможности пользоваться ногами, он сохранил свои руки, которые наделили его новой надеждой, поскольку он начал тренироваться в стрельбе из лука и преуспел в этом деле настолько, что принял участие в Олимпийских играх для инвалидов. Увы, самому выносливому бегуну в истории не хватило выносливости сносить тяжесть жизни парализованного человека, и Бикила скончался 25 октября 1973 года. Смерть его была столь же легкой, как некогда бег.

(Д.К. Самин)

МИХАИЛ МОИСЕЕВИЧ БОТВИННИК

(1911–1995)

Михаил Моисеевич Ботвинник был чемпионом мира по шахматам с 1948 по 1963 год (с перерывами). Он стал основателем советской шахматной школы. Великий кудесник шахмат Михаил Таль сказал: «Мы все, нравится это кому-то или нет, вышли из Ботвинника».

Михаил Моисеевич Ботвинник родился 17 августа 1911 года в дачном поселке Репино под Ленинградом. С шахматами познакомился лишь в двенадцать лет, и такое «опоздание» часто потом давало о себе знать. В раннем детстве, например, быстро развивается комбинаторное зрение. Если же упустить это благоприятное время, то никогда не удастся полностью избежать огорчительных случаев шахматной слепоты.

Первые свои шахматные уроки Ботвинник получил в клубе совторгслужащих, где занятия вел П. Романовский. Но в основном шахматную мудрость постигал сам. Так, кстати, продолжалось потом всю жизнь. Были у Ботвинника друзья, тренеры и секунданты, но он, используя их помощь, всегда оставлял за собой последнее слово.

Уже со второго выступления новичок стал занимать в турнирах первые места, каждый раз опережая противников более высокой квалификации. В четырнадцать лет, дебютируя в полуфинале первенства Ленинграда, он добился феноменального результата – 11,5 очка из 12! Полгода спустя – успешная проба сил за рубежом в матче с шахматистами Стокгольма.

Закончив небывало рано (за 2 месяца до шестнадцатилетия) среднюю школу, Ботвинник тут же, как бы на одном дыхании, вписывает в летопись чемпионатов страны до этого невиданный факт участия в них столь юного шахматиста. И не просто участия, а достижения отличного результата (9 побед при 4 поражениях и 7 ничьих). Тяжелый барьер поступления в политехнический институт он преодолевает год спустя, так как возраст не позволяет даже подать заявление.

Учась в институте, Михаил не имел каких-либо скидок на свою шахматную известность, а порой даже сталкивался с нарочито придирчивым отношением. Это продолжалось даже тогда, когда Ботвинник стал аспирантом. Его отлучку на матч с Флором профессор, руководивший аспирантами, прокомментировал так: «Все было благополучно, все аспиранты успешно выполнили свои планы, кроме двоих: один был болен, а другой отозван для... общественной забавы!»

Тем примечательнее спортивные успехи Ботвинника. После своей первой победы на чемпионате СССР в 1931 году, в четырех последующих средний показатель набранных им очков достиг почти 80 процентов. Три турнира Михаил провел без единого поражения.

На чемпионат СССР в 1933 году в Ленинград собрались все лучшие шахматные силы страны. Несмотря на неудачную игру на финише, Михаилу удалось добиться победы.

Теперь оставалось добиться международного признания. Ключевым стал матч 1933 года с чемпионом Чехословакии С. Флором, который в те годы был шахматной надеждой Запада. Итог соревнования – ничья.

В 1935 году в Москве состоялся международный турнир. Двенадцать туров Ботвинник провел очень сильно. Затем сказалась усталость, и его настиг Флор. Одна из партий Ботвинника с Чеховером произвела такое впечатление, что даже нашлись «специалисты», утверждавшие, что она была заранее составлена!

Народный комиссар тяжелой промышленности наградил Михаила легковой машиной. Ботвиннику было присвоено звание гроссмейстера СССР.

Еще одним знаменательным событием отмечена биография Михаила тех лет. Он соединил свою судьбу с Гаянэ Давидовной Анановой, артисткой балета

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Ленинградского театра оперы и балета им. Кирова, человеком редких душевных качеств. Во время московских турниров, и особенно за границей, ее дружеское участие, забота и внимание стали еще одним слагаемым успехов лидера советских шахматистов.

В 1936 году в Ноттингеме прошел очень сильный турнир. Чемпион мира Эйве, три экс-чемпиона – Ласкер, Капабланка, Алехин и, как потом выяснилось, будущий чемпион мира – Ботвинник. Предсказаний было много, но лишь одно оказалось верным. На А.Ф. Ильина-Женевского такое впечатление произвела борьба Ботвинника с Капабланкой на недавнем турнире в Москве, что он выразил уверенность в неизбежности дележа между ними двух первых призов в Ноттингеме. Так оно и случилось.

Здесь, в Англии, Ботвинник окончательно завоевал международное признание. После турнира Алехин заявил: «Я лично считаю, что он имеет все шансы стать чемпионом мира в ближайшие годы. Помимо огромного таланта он обладает всеми спортивными качествами, которые имеют решающее значение для успеха, – бесстрашием, выдержкой, точным чутьем для оценки положения и, наконец, молодостью».

В 1938 году Ботвинник участвовал в Амстердаме в «АВРО»-турнире – одном из наиболее выдающихся соревнований в истории шахмат. Восемь в ту пору несомненно сильнейших шахматистов мира встретились в двухкруговом турнире.

Ботвинник одержал очень важную победу над Алехиным. «Если бы не эта партия, – признался позднее Михаил Моисеевич, – я бы не осмелился после турнира начать с чемпионом мира переговоры о матче». Дело в том, что, сыграв уже с предыдущими чемпионами тринадцать партий, он выиграл лишь одну – у Ласкера. Теперь же благодаря победам в микроматчах над Алехиным и Капабланкой появилась уверенность в своих силах, которой прежде так не доставало.

Здесь же Ботвинник сыграл партию с Капабланкой, которую Алехин назвал красивейшей в турнире. О ней творческий противник нашего шахматиста Г. Левенфиш высказался следующим образом: «Особенно следует остановиться на партии Ботвинник – Капабланка, которой был бы обеспечен первый приз за красоту в любом международном турнире. Это художественное произведение высшего ранга, которое войдет на десятки лет в шахматные учебники. Эта партия замечательна особенно тем, что Капабланка превосходно защищался, и Ботвиннику на протяжении многих ходов приходилось находить единственные ходы. Малейшая неточность могла привести к поражению. Глубокий стратегический план был увенчан далеко рассчитанными задачными комбинациями. Такая партия, на мой взгляд, стоит двух первых призов...»

Можно сказать, что после «АВРО»-турнира Ботвинник де-факто стал чемпионом мира. Ведь за последующие тринадцать лет в его послужном списке появилась лишь одно неудачное выступление на чемпионате СССР 1940 года.

В 1941–1948 годах Ботвинник завоевал восемь первых мест подряд в турнирах высочайшего ранга. Всего 11 поражений в 137 партиях, 76 процентов набранных очков, отрывы от вторых призеров на 2,5 и даже 3 очка. Такое исключительное превосходство было продемонстрировано не только на XIV первенстве страны 1945 года, но и в кульминационном соревновании всей его жизни – в матч-турнире 1948 года, где победа и звание чемпиона мира были завоеваны за 3 тура до финиша!

Однако судьба распорядилась так, что, полностью готовый к штурму шахматного Олимпа уже в 1938 году, Ботвинник вынужден был ожидать осуществления своих надежд долгих десять лет. Алехин дал принципиальное согласие играть в Москве. В январе 1939 года советское правительство разрешило организацию и финансирование матча на первенство мира. Но все планы разрушила Вторая мировая война.

Матч Алехин – Ботвинник должен был состояться в августе 1946 года в Ноттингеме, но 24 марта 1946 года великий русский шахматист ушел из жизни. Звание чемпиона мира определялось в матч-турнире, и здесь преимущество Ботвинника не вызывало ни у кого сомнений. Он намного превзошел всех сильнейших современных гроссмейстеров. Достаточно сказать, что выиграл обе партии у самого опасного соперника – бывшего уже чемпионом мира – Эйве.

Завоевав звание сильнейшего шахматиста планеты, Ботвинник на три года переключился на электротехнику и в 1951 году защитил докторскую диссертацию. Неудивительно, что защита шахматного престола от притязаний Давида Бронштейна

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru оказалась сопряженной со значительными трудностями, и ничейный исход матча точно отразил сложившееся в тот момент соотношение сил.

Несмотря на наступление на его позиции целого ряда талантливейших шахматистов – Е. Геллера, Т. Петросяна, М. Таля, Б. Спасского, долгие пятнадцать лет, лишь с двумя небольшими перерывами, Михаил Моисеевич оставался чемпионом мира. Изредка хромала спортивная форма – то ли из-за скомканной подготовки к выступлению, то ли под влиянием каких-то внешних факторов, значение которых с возрастом становится все более ощутимым (шум, жара, духота, плохое освещение, теснота). Возможно, порой решающую роль играла и другая причина, о которой Ботвинник упоминает в статье, посвященной итогам матча 1963 года с Петросяном: «Да, с шахматным мастером так иногда случается. Казалось бы, он много трудится для победы, но сам не знает заранее, очень и по-настоящему ли он ее хочет».

Когда такое случалось, Ботвинник проигрывал матчи на первенство мира или опускался в турнирных таблицах на третью, четвертую или даже пятую строчку. Но гораздо чаще его настроение бывало боевым. Поэтому Ботвинник завоевывал звания сильнейшего на планете и третий, четвертый и пятый раз, не говоря уже о бесчисленных победах на других, самых престижных соревнованиях.

Согласно методологии Ботвинника, мощь шахматиста следует определять по четырем признакам: наличие шахматного таланта, спортивного характера (за доской, во время соревнования и вообще в жизни), здоровья (выносливости) и специальной подготовки.

За талант у Ботвинника – пятерка. Простейшее доказательство – двухлетний путь от новичка до одного из сильнейших первокатегорников Ленинграда.

За характер Ботвиннику можно смело дать абсолютно высший балл. Перед ним даже никогда не стояло проблемы: «раз хочешь – надо». Его жизненный принцип можно по аналогии сформулировать так: «Раз надо – значит, хочешь».

Что касается здоровья. В детстве Ботвинник в общем-то был довольно слабым мальчиком, но на протяжении всего своего спортивного пути здоровье его серьезно не подводило. Это, конечно, результат постоянной и сознательной дружбы с физической культурой, соблюдения режима.

И, наконец, также бесспорно ведущее место принадлежит Ботвиннику в области специальной подготовки. Вообще аналитический ум чемпиона позволил ему почти в начале пути определить слагаемые успеха и разработать для себя методику подготовки к соревнованиям. И он не делал из этого никакого секрета. Уже в книге 1934 года «Матч Флор – Ботвинник» автор рассказал о том, как и над чем он работал перед соревнованием, а затем в сборнике 1939 года «Одиннадцатое всесоюзное первенство» появилась статья «О моих методах подготовки к состязаниям».

После матча с Петросяном в 1963 году Ботвинник прекратил участвовать в официальных соревнованиях на первенство мира, но за ближайшие семь лет (1963–1970 годы) он сыграл еще более двухсот партий, завоевав четыре первых приза и немало других высоких отличий. Как всегда, с поразительной энергией и настойчивостью боролся в командных соревнованиях. Так, например, за скупыми строчками участия в первенствах страны скрыты победы над Кересом, Штейном, Петросяном, Смысловым и Спасским. После партии с последним в «коллекции» Ботвинника оказались выигрыши у всех (кроме Штейнца) чемпионов мира. У этой «сборной команды» он выиграл «матч» со счетом 104:100!

В 1970 году после «матча века», в котором Ботвинник принес команде СССР столь необходимое очко, он объявил, что последний раз примет участие в лейденском матч-турнире.

На турнире Ботвинник разделил лишь третье-четвертое место с Б. Ларсеном. Однако победитель турнира Спасский воскликнул: «Совсем я не представляю, как мог бы я лет в пятьдесят играть с такой энергией и силой, с какой играет Ботвинник в свои пятьдесят девять».

Остается предоставить слово Ботвиннику, чтобы узнать причины его прощания с выступлениями в соревнованиях. «Во-первых, – сказал он, – я отдал шахматам, по-моему, все, что было возможно. Сейчас есть много молодых талантов со свежими

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru идеями. Во-вторых, у меня просто нет времени готовиться к крупным турнирам. Когда я был занят одной электротехникой, работу удавалось сочетать с шахматами. Но... уже несколько лет я работаю еще и над проблемой игры в шахматы на вычислительной машине и так погрузился в эту проблему, что сочетать все три занятия стало невозможно».

Ботвинник скромно не упомянул, что еще ведет занятия в шахматной школе. Среди воспитанников профсоюзной детско-юношеской школы Ботвинника: Ю. Балашов, Ю. Разуваев, Н. Рашковский, С. Долматов, А. Юсупов, Л. Псахис, А. Харитонов, Я. Эльвест, А. Соколов, А. Ахшарумова, Е. Ахмыловская, Л. Зайцева, Н. Иоселиани. Но главная гордость Ботвинника – два ученика – два чемпиона мира – Анатолий Карпов и Гарри Каспаров.

До самой смерти в 1995 году Михаил Моисеевич не расставался с шахматами.

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ КУЦ

(1927–1975)

Куц был символом неустранимости и дерзания. Именем нашего бегуна даже назвали Олимпиаду 1956 года, там он победил на обеих стайерских дистанциях. Такой очевидной и громкой славы не было, вероятно, ни у одного спортсмена.

Владимир Петрович Куц родился 7 февраля 1927 года в селе Алексино в рабочей семье. Уже в те годы Володя отличался упорным характером, за что ребяташки нередко обзывали его упрямым ослом. Он поставил перед собой задачу – научиться ходить на лыжах. И добился своего. На лыжах ему было сподручнее добираться до школы в селе Белка, находившемся в пяти километрах от Алексино.

Когда началась война, Владимир должен был перейти в восьмой класс. Но стало не до учебы – уже в октябре в село вошли немцы. В 1943 году Алексино освободили. За следующие два года Куц успел повоевать на фронте связным в штабе, поработать грузчиком в Обояни и трактористом в родном селе, окончить курсы снайперов.

Весной 1945 года выпускники школы снайперов получили направления во фронтовые части. Но воевать им уже не пришлось. А осенью того же победного года Владимира отправили на Балтийский флот.

Казалось, какая уж тут легкая атлетика – ведь служба Владимира проходила преимущественно в частях береговой обороны, расположенных на островах и побережье Финского залива. Но судьбу его решил случай. В мае 1948 года старшина второй статьи Куц победил в гарнизонных соревнованиях по кроссу. Затем он выиграл гарнизонные соревнования по легкой атлетике, показав лучший результат на дистанции 5000 метров.

Эта победа позволила Куцу поехать в Таллин на первенство флота. Здесь он занял третье место. Успех очевидный, но ведь ему уже двадцать два года. Возраст, когда многие спортсмены устанавливают рекорды. К тому же у Владимира не было настоящего тренера.

Однако весной 1951 года произошло еще одно событие, сыгравшее важную роль в судьбе Куца. Его заметил один из лучших тренеров страны – Леонид Сергеевич Хоменков. Именно он помог Куцу войти в большой спорт, хотя и тренировал его совсем недолго.

«Помню, меня поразила его любознательность. Расспрашивал он буквально обо всем: и сколько раз в неделю нужно тренироваться, и в каком темпе бегать, и какие упражнения выполнять на разминке. Я посоветовал ему присмотреться к занятиям и технике бега ведущих стайеров страны. Здесь на сборе были такие известные бегуны, как Владимир Казанцев, Иван Пожидаев, Феодосий Ванин, Никифор Попов, Иван Семенов.

В течение двух недель Куц тренировался, выполняя мои задания. Провели мы в конце сбора и прикидку. Уже тогда я понял, что Владимир наделен незаурядными способностями и при разумно поставленной тренировке может показать выдающиеся результаты в беге».

Первые значительные успехи Куца в стайерском беге нужно отнести к 1952 году, когда его тренировкой начал руководить Александр Чикин. Весной еще второразрядник, осенью он стал мастером спорта.

Зимой 1952/53 года Куца перевели в Ленинград. Здесь в манеже состоялось знакомство Владимира с человеком, ставшим его наставником и другом на долгие годы, – одним из тренеров сборной страны Григорием Исаевичем Никифоровым.

В июле 1953 года Куц участвовал в первых международных соревнованиях. На фестивале молодежи и студентов в Бухаресте он сразился с известными зарубежными бегунами: венгром Йожефом Ковачем, австралийцем Дейвом Стивенсом, героем XV Олимпийских игр в Хельсинки, чехом Эмилем Затопеком. Лишь на финише Затопек вырвался вперед, сумев опередить в забеге на 5000 метров советского бегуна-дебютанта.

В 1954 году Куц попал на чемпионат Европы. Немногие из присутствовавших на стадионе в Берне верили в то, что советский бегун может стать чемпионом Европы.

С самого начала Куц ведет бег. Пожалуй, критическим оказался третий километр. Здесь особенно трудно было поддерживать высокий темп бега, заставить себя бежать широким и вместе с тем легким шагом. За километр до финиша Затопек отстает на 70–80 метров. И как ни старался олимпийский чемпион, он не смог помешать впечатляющей победе Куца с новым мировым рекордом – 13:56,6!

К тому времени Куц перебрался в Москву, где у него появился и собственный дом – квартира на Щербаковской улице. С некоторых пор, возвращаясь из поездок по стране или из-за рубежа, Володя ожидал встречи не только с братом Николаем, но и со своей новой знакомой – Раей. Окончив факультет журналистики МГУ, Раиса Полякова стала литературным сотрудником газеты «Советский флот». Поручение редакции – взять интервью у морского офицера, чемпиона Европы по легкой атлетике Владимира Куца – растянулось на многие годы. Его результатом была новая молодая семья, книга – литературная запись воспоминаний Куца, многочисленные статьи в газетах и журналах. Одна из них, опубликованная во французском журнале, так и называлась – «Мой муж».

Этот брак принесет Куцу много радости, поможет приобщиться к литературе, искусству, расширит его кругозор, заставит по-иному взглянуть на окружающий мир. Правда, в конце концов, он принесет ему и много горя.

Приближалась Олимпиада в Австралии. После успеха на чемпионате Европы Куц потерпел несколько обидных поражений, когда соперники англичане Чатауэй и Пири опережали его на самом финише.

Куц учится варьировать скорость бега. И добивается в этом превосходных результатов, легко переходит от бега трусцой или равномерного бега в среднем темпе к длинным ускорениям, изматывающим противника рывкам. Незадолго до Олимпиады Владимир устанавливает мировой рекорд на 10 тысяч метров.

И вот Мельбурн. Центральным событием первого дня соревнований был бег на 10 тысяч метров. Предоставим слово тренеру Гавриилу Коробкову, который с трибуны внимательно следил за борьбой, развернувшейся на беговой дорожке:

«На седьмом круге Куц отходит вправо и бежит по второй дорожке, предлагая тем самым Пири выйти вперед и повести бег... К концу одиннадцатого круга Пири еще прочно удерживается за Куцем. Оба они далеко отрываются от остальных бегунов. Где-то сзади Петр Болотников и Иван Чернявский. Кажется, что роли в этой игре распределились. Пири – охотник, Куц – его жертва.

Владимир резко уходит вправо на третью дорожку, открывая дорогу Пири. Однако англичанин верен себе. Он ни за что не хочет идти вперед. Его задача – удержаться за Куцем до последних метров, а затем, используя свое превосходство в скорости, уйти от него...»

Но Куц готов к любому темпу, любым рывкам и не намерен вести Пири к финишу. Между тем многим зрителям кажется, что Пири уже победил. Еще несколько ускорений, и наконец Куц решает дать своему противнику последний бой. Девятнадцатый круг. Этот спектакль настолько необычен, что большинство зрителей

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
привстают со своих мест.

«На полной скорости я перехожу с первой дорожки на вторую, – вспоминал Куц. – Пири следует за мной. Со второй на третью, Пири следует за мной. С третьей на четвертую – Пири опять за мной. С четвертой назад на первую – Пири по-прежнему за мной. Он согласен на все, даже на зигзаги, только не на лидирование... И тогда я решаю остановиться. Не будет же и он прекращать бег... Я отхожу вправо, легонько переминаюсь с ноги на ногу, а затем почти совсем останавливаюсь и жестом предлагаю ему возглавить бег...

А на трибунах уже никто не сомневается, что спор между нами окончен, что я вот-вот сойду с дорожки... И наконец свершилось: Пири стал лидером. Мы бежим теперь рядом, и впервые за весь этот бег я вижу его поникшую фигуру... Я еще раз всматриваюсь в его лицо. Гордон Пири настолько измотан, настолько устал, что ему, видимо, уже ничто не страшно, даже поражение.

Пири лидировал всего метров сто. Я снова развил большую скорость и оторвался от англичанина. Бежал и не верил себе: тень Пири не тянулась за моей, не слышалось за спиной ни тяжелого отрывистого дыхания, ни ударов шипов. Мне казалось, что с меня свалились цепи. Я был свободен, свободен в выборе любого темпа бега, любой скорости. Чертовски хорошо быть свободным! Пири отставал все больше и больше. Один за другим его обходили Ковач, Кшишковяк, Лоуренс, Чернявский, Пауэр.

..И вот двадцать пятый, последний круг. Стадион бушует. Букеты цветов, шляпы, платки летят в воздух. Оглушительное "Хурей! хурей!" ("ура! ура!") едва выдерживают перепонки. Когда, по своей давней привычке, подняв правую руку, я разорвал финишную ленту, мне показалось, что само небо лишилось олимпийского спокойствия. Замедлив бег, я прошел еще один, двадцать шестой круг. Это был круг почета».

На этот раз Пири был честен и сказал журналистам: «Он убил меня своей быстротой и сменой темпа. Он слишком хорош для меня. Куц – безусловно величайший бегун, и я никогда не смог бы победить его. Мне не надо было бежать 10000 метров...»

Но сумеет ли Куц так же блестяще пробежать 5 тысяч метров? Казалось, что сделать это ему будет невероятно трудно во-первых, англичане образовали «противокуцевскую коалицию», в которую вошли отдохавшие в день бега на 10 тысяч метров Чатауэй, Ибботсон, а также и Пири. Была разработана специальная тактика, направленная против рваного бега русского. Готовилась к этому бегу и венгерская тройка: Ихарош, Сабо и Табори.

Бег Куца на пять тысяч метров показал, что его тактика разнообразна и нешаблонна. После поражения в первый день соревнований англичане готовились к тактике «рваного» бега, но Куц теперь бежал на отрыв в том предельном темпе, на который только был способен. Вспоминает один из участников забега английский стайер Дерек Ибботсон:

«Куц, как мы и ожидали, через полкруга был впереди. Пири следовал по пятам. Я был глубоко уверен в способностях Пири и решил держаться за ним. Так я и бежал третьим. Первые несколько кругов все бегуны держались вместе, но скоро яростный темп Куца стал выматывать преследователей, и к половине пути группа разорвалась на части. Пири был вторым, я – третьим, Чатауэй – четвертым. Примерно через 40 ярдов за нами венгр Табори вел другую группу.

Я сознавал, что дать Куцу оторваться – гибельно для нас, только это и вынуждало сохранять принятый им яростный темп. После двух миль Чатауэй вышел на второе место. Я не мог понять, почему он это сделал. После мы узнали, что он почувствовал боль в области желудка и двинулся вперед, надеясь сбить ее. Но после 20 ярдов бега Пири и я стали свидетелями страшного зрелища – удалявшегося Куца...

Чатауэй не смог удержаться за ним, а Пири в продолжение трех роковых секунд был в растерянности. Когда он решил следовать за русским, было уже слишком поздно. Куц оказался недосягаем. Я был очень расстроен, что не смог почувствовать опасности раньше и принять меры. Я слепо доверился Пири. Позже Пири упрекал Чатауэя за потерю контакта, но я с этим не согласен...»

Да, Куц построил свой бег иначе, чем прежде. Англичане приготовились к рывкам,
Страница 177

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru но их не будет. Применим равномерный бег в непосильном для противников темпе. Он был так высок, что два сильных стайера – югослав Мугоша и американец Делингер вообще сошли с дистанции. Новый олимпийский рекорд (13:39,6) на 27 секунд превысил рекорд Затопека!

Так Куц «завоевал» Австралию и стал подлинным героем Мельбурна. Ему было доверено нести знамя советской делегации на параде закрытия Олимпийских игр. Газеты не скупилась на такие заголовки, как: «Триумф Владимира Куца!», «Русский моряк – кумир мельбурнцев!» Роджер Баннистер вынужден был изменить свое мнение и после Игр в статье «Куц – кошка, Пири – мышь» писал: «Но Куц не машина. Его ум такой же сильный, как и его тело, и он владеет тактическим искусством. Зрители из всех стран поднялись, чтобы приветствовать Куца при его приближении к финишу. Бегуны, как он, рождаются, а не готовятся по рецепту. Куц остается, как и был до Олимпийских игр, величайшим бегуном в мире...»

В 1957 году Куцу было присвоено звание лучшего спортсмена мира. Казалось, все складывалось удачно. Но вместо выступлений на соревнованиях Куц попал в санаторий. Беспокоил желудок, сильно болели ноги. Врачи предупредили: «Хотите жить – бросьте бег».

Но Владимир хотел, чтобы все рекорды на длинных дистанциях принадлежали ему. И, несмотря на болезнь, на международных соревнованиях в Риме 13 октября 1957 года на стадионе «Форо-Италико» на финише Куц остановил секундомеры судей на 13 минутах 35 секундах! Этот новый мировой рекорд продержится в таблице мировых рекордов восемь лет, а в таблице всесоюзных – десять!

Но в дальнейшем ему уже не могли помочь ни воля, ни основательная подготовка. Произошло то, о чем предупреждали врачи: ноги перестали слушаться и нестерпимо болели. Лечение в госпитале помогло ему весной 1959 года выиграть кросс Ленинградского военного округа. Но то было последнее выступление великого бегуна.

Оставив беговую дорожку, Куц становится тренером в ЦСКА. Ему удалось подготовить немало известных бегунов, побеждавших на всесоюзной и международной арене. К сожалению, семейная жизнь у него не заладилась, и в последние годы он жил один в однокомнатной квартире. А в 1973 году Куц попал в автомобильную катастрофу.

Травма оказалась серьезной. Врачи сомневались, выживет ли. Куц пролежал около месяца, потом его перевели в военный госпиталь имени Бурденко. Вышел с палочкой. Демобилизовался. Устроился на работу тренером в школу высшего спортивного мастерства, но не выдержал. Вернулся в родной ЦСКА, получив назначение на должность начальника детской спортивной школы.

А 16 августа 1975 года Владимира Петровича не стало.

ЛЕВ ИВАНОВИЧ ЯШИН

(1929–1990)

Выдающийся футболист бразилец Пеле как-то сказал: «Я глубоко ценю искусство этого великолепного мастера, которого считаю одним из лучших голкиперов нашего времени. Яшин вошел в историю мирового футбола не только как великолепный исполнитель, но и как неутомимый творец, как человек, создавший много нового в сложном вратарском искусстве».

Яшин был не просто великим вратарем. Сколько раз в зарубежных поездках можно было стать свидетелем стремления различных людей просто подойти, посмотреть на нашего вратаря. И глядя на то, как тянется к Льву Ивановичу худенькая ручонка маленького негритенка с листочком бумажки, обалдевшего от счастья и шепчущего: «Яшин, Яшин», «Ячин, Ячин», – нетрудно было понять, какую пользу для взаимопонимания народов всего мира приносят дружеские контакты и встречи советских футболистов во главе с Яшиным.

Лев Иванович Яшин родился 22 октября 1929 года в рабочей семье.

Как и многие мальчишки, Лева начал играть в футбол в раннем возрасте. В суровом

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
военном 1943 году он поступил работать на один из подмосковных заводов в Тушино. Здесь Лева выучился, стал хорошим слесарем.

После смены с ватагой ребят Яшин спешил на стадион. Он хотел играть центральным нападающим, но первый его тренер – Н. Лариончиков был неумолим: «Будешь вратарем!» Но, в общем-то, тогда он особенного вратарского дарования не проявил.

Однажды, уже после службы в армии, Яшина заметил тренер Аркадий Иванович Чернышев, тогда тренировавший и хоккеистов, и футболистов «Динамо». Когда в марте 1950 года команда мастеров «Динамо» отправилась на учебно-тренировочный сбор в Гагру, в ее состав был включен в качестве третьего вратаря, дублера Алексея Хомича и Вальтера Саная, и Яшин.

Дебютировал Яшин своеобразно. В товарищеском матче динамовского дубля со сталинградским «Трактором» он пропустил гол от чужого вратаря, столкнувшись с одним из своих защитников.

Не был триумфальным и первый матч на первенство страны со «Спартаком». Заменяв Хомича на последних минутах, Яшин пропустил несложный мяч. Его упрятали в дубль всерьез и надолго. Спасал Яшина хоккей. Вот что он говорил:

«По настоящему Аркадия Ивановича и с его помощью я играл в хоккей до 1953 года. Да и заметные достижения пришли здесь ко мне куда раньше, чем в футболе. Я и мастером спорта сначала стал в хоккее, и медали мои за призовые места в чемпионатах страны – серебряная и бронзовая – хоккейные, и первый раз в жизни Кубок СССР выиграл в составе хоккейной, а не футбольной команды.

В 1954 году нашим мастерам шайбы предстояло впервые выступить в чемпионате мира. Началась тщательная подготовка к этому событию. Всесоюзная федерация обнародовала список кандидатов в главную команду страны. В нем значилась и моя фамилия. Не знаю, как сложилась бы моя хоккейная судьба дальше, но весной в Гагре после серии контрольных матчей начальник и старший тренер футбольной команды Михаил Васильевич Семичастный сказал:

– Ну, Лева, ты мне теперь нравишься. Будешь выступать за основной.

Надо было делать решительный выбор. Раз и навсегда. Я выбрал футбол».

За шесть лет, с 1954 по 1959 год, столичное «Динамо» четырежды становилось первой командой страны. В пяти чемпионатах вратарь московского «Динамо» Яшин (иногда его замещал Владимир Беляев) пропустил наименьшее количество мячей.

Всего Лев Яшин сыграл за свою клубную команду 326 матчей в чемпионатах СССР. В его наградной коллекции пять золотых медалей чемпионата страны, столько же раз он становился серебряным призером, один раз – бронзовым. Трижды делал круг почета с Кубком Советского Союза. Тринадцать раз Федерация футбола страны включала Яшина в списки 33 лучших футболистов по итогам сезонов.

В том же году Яшин впервые сыграл в главной команде страны. На этот раз дебют удался на славу. 8 октября 1954 года в Москве на динамовском стадионе была разгромлена сборная Швеции – 7:0.

Так Яшин прочно занял пост номер один на долгие тринадцать лет.

На Олимпийских играх 1956 года советские футболисты провели несколько матчей. И каждый из них был не из легких. И везде хорошо играл наш вратарь. Но в финале с югославами Яшин превзошел себя.

Погода основательно постаралась, чтобы усложнить и без того сложное положение советского вратаря – скользкое поле и скользкий мяч никогда не были союзниками голкипера. Но Яшин сыграл безупречно. Он достал несколько «неберущихся» мячей, но самое большое разочарование соперникам принесли его спокойствие, четкие выходы на перехваты мяча по всей штрафной площадке, умение оказаться всегда в нужном месте. Нападающие и полузащитники сборной Югославии не один раз в отчаянии хватались за голову, когда на их пути в очередной раз оказывался наш чудо-вратарь.

После триумфа на Олимпийских играх в Мельбурне советскую сборную ждали

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
отборочные игры чемпионата мира. Успешно пройдя их, наши спортсмены отправились на первый свой мировой чемпионат. И здесь Яшин вновь заявил о себе как о вратаре высочайшего международного класса. В который раз он словно гипнотизировал сильнейших английских нападающих, отразил пенальти, выполненный лидером атак австрийской сборной Хансом Буцеком, и даже в проигранном матче с командой Бразилии он заслужил лестную оценку Пеле:

«Нужно сказать, что защитники советской команды несколько растерялись, действуя против таких "неуловимых", как Гарринча, Диди, Загало. В линии обороны то там, то здесь появлялись бреши. Но их в буквальном смысле этого слова закрывал своим телом наш вратарь. Он все время был в движении, выскакивая на перехваты идущих то слева, то справа, то поверху, то понизу мячей. Он взмывал за ними в небо и доставал своими длинными, цепкими руками. Он, случалось, нырял за ними в густой частокол ног. Иными словами, от угла к углу штрафной площадки, от ограничивающей ее линии до лицевой и обратно, действовал своеобразный "чистильщик", срывающий все наши попытки создать напряженность в зоне ворот...»

В составе главной команды страны Лев Яшин принимал участие в двух розыгрышах Кубка Европы, который позже был преобразован в чемпионат континента.

В июле 1960 года советская сборная сначала в Марселе со счетом 3:0 обыграла сильную чехословацкую команду, а затем в Париже в финальном поединке в дополнительное время буквально вырвала победу у сборной Югославии.

Лондонский журнал «Уоркер спорт» писал: «Победа русской команды, значительная сама по себе, во многом определена выдающимся искусством и железной стойкостью ее вратаря».

После первого турне нашей сборной по странам Южной Америки в конце 1961 года одна из аргентинских газет дала свою оценку мастерству наших футболистов «М. Месхи – пятьдесят миллионов песо. С. Метревели – пятьдесят миллионов песо. Л. Яшин – без цены».

Через год, после чемпионата мира в Чили, когда некомпетентными людьми Яшин был объявлен едва ли не единственным виновником поражения на чемпионате, вратарь, которому предстояло блистать еще девять лет, едва не простился с футболом.

Максималист по своей натуре, Яшин спустя год после инспирированного в тотум недоверия вышел на газон лондонского стадиона «Уэмбли» в составе сборной мира, да не просто вышел, чтобы присутствовать среди звезд мирового футбола в очередном «банкетном» матче, а показал игру, покоровшую публику и специалистов.

После этой встречи журналисты, прорвавшиеся в перерыве в раздевалку англичан, писали о том, как обычно сдержанный и самоуверенный центрфорвард Джимми Гривс сбросил с себя футбольные доспехи, плюнул и в сердцах сказал тренеру: «Это наваждение, это какой-то дьявол в воротах, ему невозможно забить мяч!»

Яшин проводит блестящий сезон в составе московского «Динамо» в 1963 году – в 27 играх он пропустил всего шесть мячей! В тот год его «Динамо» вновь стало чемпионом.

Завершил счастливый 1963 год «Золотой мяч», ежегодно вручаемый лучшему футболисту Европы французским журналом «франс футбол». Его главный редактор М. Юрбини писал: «Много я перевидал вратарей на своем веку, и Свифта, и Рамальетса, и Земана, и Грошича, и Жильмара, и Коста Перейру, и даже нашего Бернара. Но Лев Яшин превзошел всех их и продолжает их превосходить. Из этого вовсе не следует, будто я сжигаю то, чему поклонялся, ибо Яшин – это одновременно и Шейригес (которым еще восхищался мой дедушка), и Комби (фаворит моего отца), и Заморра, Планичка, Хиден, Дарьи, Виньал и многие, многие другие. Яшин – свехвратарь, появившийся на свет, чтобы сыграть в нем исключительную роль как страж ворот. Яшин – это легендарная фигура. Это волшебная рука, одетая в перчатку. Это четвертый защитник. Это стратег во всех измерениях. Яшин – это, наконец, человек, чье присутствие обескураживает врагов и вдохновляет друзей».

Когда Яшину перевели слова французского журналиста, он засмеялся и сказал с иронией: «Не пойму, почему у меня только одна "волшебная рука", а где же вторая?.. – и вдруг замолчал, а после некоторого раздумья заметил: – Какое уж тут волшебство! Я просто стремлюсь хорошо делать свое дело...»

В 1964 году советская сборная стала второй на Кубке Европы. Еще через два года Яшин блистал на чемпионате мира в Англии. В Сандерленде, Ливерпуле и Лондоне (на знаменитом «Уэмбли») Яшин пропустил пять мячей. И ни в одном из них не был виноват. На чемпионате в Англии не определяли лучшего вратаря. Но на турнире присутствовали представители следующего, мексиканского, первенства. Они-то и установили приз лучшему голкиперу. Награда по праву досталась нашему соотечественнику.

Всего Лев Иванович защищал ворота главной команды страны в играх против национальных сборных 75 раз.

Вратарские приемы Яшина изучают по сей день. Он был настоящим новатором. Вначале «вышел из ворот», потом «покинул» вратарскую площадку, затем тесной для него стала площадка штрафная. Он стал руководить линией обороны, словно «либеро» – задний центральный защитник. Пожалуй, одним из первых Яшин начал вводить мяч на поле рукой. Высокая надежность Яшина объясняется полным отсутствием характерной для вратарей рисовки, стремлением отбить мяч или же поймать его максимально простым способом.

27 мая 1972 года в Лужниках состоялся прощальный матч Яшина в составе московского «Динамо» против сборной мира. И даже в этот день, когда Льву Ивановичу могли простить любую ошибку, он остался Яшиным, не позволив себе послаблений. И как ни старался лучший бомбардир мексиканского чемпионата Г. Мюллер поразить ворота «Динамо», ничего у него не вышло. «Неужели Лев Яшин расстанется с футболом? Нет, это невозможно, мне не верится, он просто великолепен!» – сказал после матча западногерманский форвард.

Яшин из футбола не ушел. Работал начальником родного «Динамо», в спорткомитете. 27 июля 1985 года президент Международного Олимпийского комитета Х.А. Самаранч вручил Льву Яшину награду МОК – серебряный знак Олимпийского ордена.

До последних дней Яшин стремился вести активный образ жизни. Как говорит его жена, он был обычным человеком, веселым и общительным, любил посидеть в мужской компании, восхищался красивыми женщинами, но всегда оставался верен семье.

Была у Льва Ивановича еще и другая страсть, кроме футбола, – рыбалка. В его комнате на стене висела целая коллекция снастей.

Однако после инсульта о рыбалке пришлось забыть, стало ухудшаться зрение, что мешало больше всего. Из-за начинавшегося склероза и развившейся гангрены Яшину осенью 1984 года ампутировали ногу. Но даже болезни не могли сломить его дух. Он хотел знать все, что происходит в жизни, особенно в спорте, и при любой возможности выступал перед зрителями. Умер Лев Иванович Яшин 20 марта 1990 года.

ЛАРИСА СЕМЕНОВНА ЛАТЫНИНА

(родилась в 1934 г.)

Латынина – самая титулованная спортсменка планеты! Она завоевала 18 олимпийских наград, из которых 9 золотых, 5 серебряных, 4 бронзовые. Она двукратная абсолютная чемпионка Олимпиады, мира, Европы и СССР.

Латынина признавалась, что не любит тренироваться. Говорила, что не любит всего того, что лишь предшествует гимнастике, но само по себе гимнастикой не является. Она любила выступать. Наверное, многие известные спортсмены думают так же. Но лишь Латынина признавалась в этом, говорила во всеуслышание. У нее такой трудный характер – думать и говорить, не кривя душой. И это в конце концов всегда помогало ей утвердиться в безошибочности выбора, творчески анализировать каждый свой шаг на пути к намеченной цели.

Лариса Семеновна Латынина родилась 27 декабря 1934 года. Она росла в послевоенном Херсоне без отца. В то время ее звали Лариса Дирий. В раннем детстве Лариса занималась в хореографическом кружке. В гимнастику пришла в пятом классе. Ее первым тренером стал Михаил Афанасьевич Сотниченко. В 1950 году Дирий стала перворазрядницей и в составе сборной команды школьников Украины

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru отправилась на всесоюзное первенство в Казань. Однако в столице Татарии она выступила неудачно.

После той неудачи Лариса тренировалась по два раза в день. Осенью они с Сотниченко перешли к работе над программой для мастеров. Довольно скоро она стала первым мастером спорта в родном городе. Выступая уже по обновленной программе на взрослом первенстве республики в Харькове, Лариса заняла четвертое место. На все заманчивые предложения переехать в другой город Лариса отвечала отказом.

Школу она закончила с золотой медалью и в 1954 году поступила в Киевский политехнический институт. Однажды из-за поездки на соревнования сдала химию попозже. Пожилая преподавательница поинтересовалась: «Вы почему не явились на зачет вместе со всеми?» Услышав, что студентка выступала на гимнастическом турнире в Париже, возмутилась: «Девочка, это ордена Ленина политехнический институт! Здесь нужно денно и ночью учиться, а не кувыркаться по заграницам!»

В следующем году Лариса училась уже в Киевском инфизкульте. В июне того же года Дирий поехала в составе сборной СССР в Рим на очередной, тринадцатый чемпионат мира. Команда победила в трудной борьбе. Лариса не смогла ровно пройти все снаряды и осталась в многоборье далеко за чертой призеров. Другое дело вольные упражнения. Известный немецкий гимнаст Г. Дикхут писал: «То, что продемонстрировала нам юная Лариса Дирий, мы видим очень редко.. Это была чистейшая акробатическая работа, в которой проявилась и отменная балетная школа, и чудесное музыкальное чутье, что обеспечивает гармонию в сложных упражнениях. Это образцовая демонстрация мастерства международного класса». Так она впервые стала чемпионкой мира.

В Киеве Лариса тренировалась у Мишакова. Семеныч учил своих подопечных думать, самостоятельно решать возникающие проблемы на каждой тренировке. Впрочем, импровизацию он признавал в очень узких границах. «Ты сначала выучи, повтори, а потом уже жди искры божьей», – говорил он. На похвалу Мишаков был очень скуп. Он вглядывался, шурился и редко улыбался. В марте 1956 года Лариса выиграла в Киеве крупные международные соревнования и у Тамары Маниной, и у Сони Муратовой, и у Гали Шамрай. Позади были и Ева Босакова, и Агнеш Келети. Кроме многоборья Лариса победила и на трех снарядах. Но Семеныч остался недоволен: надо было выиграть у Босаковой вольные упражнения!

И вот наступило 3 декабря 1956 года – открытие соревнований по гимнастике в олимпийском Мельбурне. Из команды пятьдесят четвертого года осталось трое: Муратова, Манина и Латынина.

Перед днем отдыха сборная СССР вышла на первое место и выигрывала больше балла. В многоборье на первом месте шла румынка Елена Леуштяну, на втором месте Соня Муратова, на третьем Лариса. Лидеров разделяли тысячные доли балла. Лариса, как ни странно, не волновалась. А почему? «Третье место – это очень хорошо для тебя, – сказал ей тонкий психолог Мишаков, – но надо еще удержаться». И она думала, как удержаться.

В своей книге «Равновесие» Латынина писала:

«"Сделай все, как уже делала", – повторяла я себе перед прыжком. Не знаю, был ли это высокий автоматизм навыка, как мне говорили потом, или что-то другое, но из всего прыжка я помнила только приземление в доскок. То, что оценка была самой высокой за весь день, я узнала позже. Так же позже, когда отпрыгали уже все участницы, стало ясно, что у меня золотая, а у Тамары – серебряная олимпийская медаль. В Мельбурне мы последний раз оспаривали медали за упражнения одновременно с борьбой за звание абсолютного чемпиона.

И надо сказать, что при этой системе я не очень-то полно ощутила первую победу. Но вот прошли вольные, и у Агнеш Келети, и у меня наибольшие и равные суммы. Этой победе я радовалась тогда еще безотчетно, а потом уже осознавала ее как личное достижение, как преимущество стиля.

Видимо, в эти часы я поверила в себя, после перерыва на брусьях выступала легко, спокойно и получила высшую за все дни в Мельбурне оценку у женщин – 9,6. Это же дало мне в сумме второе место за Келети и серебряную медаль. Теперь во второй половине дня мы поменялись местами: Агнеш кончила выступать, а я вела

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru своеобразную гонку преследования. Впрочем, я должна совершенно откровенно сказать, что понятно мне это стало только перед последним снарядом. Мне достаточно было бы получить 9 баллов, и я становилась абсолютной чемпионкой Олимпийских игр. Соне для этого потребовалось бы 9,5, а Тамаре по мельбурнским меркам надо было получить совсем фантастическую оценку – 9,8. И так, реальнее всего было решить задачу мне. Но... разве не считала такой же нереальной свою задачу в Риме Келети? Я знала, что сейчас за нами следят венгерские гимнастки так же, как мы когда-то следили за прыжками Агнеш. Ждали ли они случайностей? Возможно, если бы не было случайностей, неожиданностей, спорт не был бы спортом, гимнастика не была бы гимнастикой.

Итак, равновесие на бревне. Вот это был тот момент XVI Олимпийских игр, когда спокойствие покинуло меня. Сначала я чувствовала себя на бревне закрепощенным манекеном, а потом, когда движения все же обрели легкость, думала: не сорваться, не сорваться. Это очень плохой рефрен. Под него забываешь обо всем другом. Ну может ли актер... зажечь зрителя, если во время монолога он повторяет про себя: "Не забыть, не забыть". Он-то не забудет, но его быстро забудут. После Мельбурна мне удалось от такого рефрена избавиться. Казалось, не полторы минуты, а полтора часа прошло, пока я не соскочила с бревна. Вот и оценка. Я не успеваю еще воспринять ее, но понимаю, колы меня целуют и обнимают и Лина и Лида и бегут ко мне все девочки, – победа!»

После Олимпиады на правительственном приеме в Кремле в присутствии Хрущева и Ворошилова Лариса всех шокировала, произнесла от имени чемпионов тост: «Знаете, почему мы так сражались на олимпийских аренах? Боялись, если проиграем, Никита Сергеевич все стадионы засеет кукурузой».

Очередным свидетельством высочайшего уровня мастерства Латыниной явился первый чемпионат Европы, собравший фактически всех сильнейших гимнасток. Лариса лидировала с первого же упражнения и добилась убедительной победы в многоборье и в отдельных упражнениях.

В декабре 1957 года Латынина проиграла первенство СССР Муратовой. Но не это беспокоило Ларису. Она ждала ребенка. В июле 1958 года беременная Латынина как ни в чем не бывало выступила на первенстве мира, будучи на пятом месяце. Да как! Она не только первенствовала в многоборье, но и взяла «золото» в опорном прыжке и на брусьях. Девочка, которую называли Татьяной, родилась в срок и здоровой. Спустя годы дочка, показывая медаль 1958 года, будет улыбаться: «Мы выиграли ее вместе с мамой».

После рождения ребенка многим казалось, что Лариса уже не сможет побеждать на гимнастической арене. А в новые лидеры советской гимнастики стали прочить Полину Астахову.

«Сейчас, когда я возвращаюсь к играм в Риме, я отчетливо понимаю, – вспоминала Латынина, – что рассказать о наших соревнованиях там и не рассказать о моем поединке с Линой просто невозможно...

Мы выступали вечером, и был еще целый день тревог. Команда сильнейшая, говорили про нас, что им беспокоиться. Действительно, у чешских гимнасток мы выигрывали больше четырех баллов.

И опять прыжки. На помост я выскочила мячиком. Думаете, разучилась соревноваться? Моя оценка 9,433, и я отыгрываю в одном виде у Лины почти все, что она накопила за первый день. Но следующий вид – брусья, где Полина была тогда, конечно, непревзойденной. Здесь она возвращает свою десятую. Затем бревно. Перед ним я вспоминала Рим, раскаленный шесть лет назад, и одно мгновение, что лишило Тамару Манину надежд на звание чемпионки мира, и ее недоуменное лицо. Да, все это было, было давно. А теперь – вперед. И, как всегда, не думать об оценке, не думать об опасности, не думать о соперницах. Думать о том, как лучше выступить, показав все, что ты умеешь, одухотворив умение чувством.

А вот после снаряда эмоции эмоциями, а борьба борьбой. Практический язык – 9,7. Я знала, что это высокая оценка. Соня получила вслед за мной 9,66. Если бы Полина получила оценку, равную моей, я не смогла бы догнать ее; если равную Сониной – перед последним видом она была бы впереди меня на одну десятую. Я верила, что смогу ее отыграть, – впереди вольные. Я говорю об этих двух оценках.

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Для большего нужно было идти на риск, как сделала утром Ева Босакова, получившая 9,766. Но Ева могла себе позволить риск; она не претендовала на абсолютное первенство, упражнения на бревне были единственным ее шансом на медаль. Лина же думала о другой медали, и, когда борьба обострилась, она, видимо, чуть дрогнула. Чуть-чуть. Это стоило ей многого. И у Полины не хватило равновесия. Она упала и выбыла с оценкой 8,733 из борьбы за первенство.

Полторы минуты музыки, так же как и девяносто секунд движений, наверное, мало для того, чтобы оставить очень глубокое впечатление. И все же, слитые вместе, они могут многое сказать. В эти мгновения все зависит от вас. Не думайте о том, как пройти диагональ и выйти в стойку, не тратьте последние минуты на то, чтобы повторить фляки. Думайте об одном – как лучше донести все, что вы хотите сказать своими движениями, чему служит каждое из них. Тогда, в Риме, я знала это. Мне очень хотелось, чтобы эти вольные стали событием не только для меня. Я начала и кончила их на одном дыхании. Пожалуй, впервые в жизни я придирчиво вслушивалась в шум аплодисментов. И еще до оценки судей – 9,9 – знала: я выполнила то, что задумала.

А вот и итоги абсолютного первенства: я – первая, Соня Муратова – вторая, Лина – третья, Рита Николаева – четвертая, Лида Иванова – седьмая. Нулевая оценка на бревне далеко отбросила Тамару Люхину, но и она получает золотую медаль за командную победу. Командой мы выиграли у чешских девушек почти девять баллов, и день финалов был нашим днем».

«Советские гимнастки, – писал Джанни Родари в «Паэзе сера», – дали по телевидению самое прекрасное представление об Олимпийских играх. Мы никогда не видели ничего прекраснее этого спектакля красоты, грации и гармонии...»

На Олимпиаду-64 сборная СССР поехала в сильно обновленном составе. Как считает Латынина, тренеры должны были сделать ставку на одну гимнастку: либо на нее, либо на Астахову. Тогда был реальный шанс завоевать медаль абсолютной чемпионки.

Еще в 1963 году Латыниной удалось выиграть у Чаславской предолимпийские состязания в рамках Открытого чемпионата Японии. Но... Лариса выступила ровно, почти так же, как в Риме: брусья – второе место, бревно – второе, прыжок – третье, вольные – первое. Успешно, ровно, но не хватило блеска, внешнего эффекта, того, чем всегда должен обладать настоящий чемпион.

Однако Латынина просто не имела права закончить олимпийский путь поражением. И как всегда блестяще она исполнила свои любимые вольные.

В Токио Латынина была последний раз капитаном советской гимнастической сборной – победительницы Олимпиады. Но она оставалась в команде еще несколько лет, выходила на помост рядом с новичками, проигрывала им, безропотно исполняя вторые роли в спектакле, где в течение стольких сезонов блистала солисткой, – учила девочек побеждать.

Закономерно, что Лариса Латынина стала старшим тренером женской сборной СССР, и была им в течение целых десяти лет. Под ее руководством наша команда трижды выигрывала в 1968, 1972, 1976 годах олимпийские медали золотой чеканки. Пять лет Латынина входила в Организационный комитет «Олимпиада-80», затем отвечала за развитие гимнастики в Спорткомитете Москвы.

Сегодня на своей даче – возле знаменитого памятника архитектуры XVIII века «Отрада» в Семеновском над рекой Лопасней – Лариса Семеновна развела целое фермерское хозяйство: кроликов, свиней, овец...

«С детства я очень любила домашних животных, – говорит Лариса Семеновна. – Но жизнь так сложилась, что я всегда была далека от них. А сейчас я пенсионерка, и когда появилась возможность завести это хозяйство, я с удовольствием воспользовалась случаем. А потом, это ведь не баловство...»

Всю жизнь, пока я выступала, тренировала, пока ездила на сборы и соревнования, своим домом, квартирой мне некогда было заниматься. И вот сейчас я с таким удовольствием исполняю свои чисто женские обязанности. Готовлю, жду с работы юру – это мой муж. Господь послал мне замечательного человека, с ним я испытываю настоящее женское счастье. Рядом со мной любимый и любящий человек, совсем недалеко от нас живет моя дочь с двумя внуками. Я с удовольствием помогаю им:

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru готовлю, убираю, глажу. Мне это нисколько не в тягость. Наоборот, от этого я испытываю какое-то наслаждение. Так что, как видите, жизнь на пенсии тоже может быть счастливой».

Дочь Таня гимнасткой не стала. Окончив школу при ансамбле Игоря Моисеева, поступила в знаменитую «Березку», с которой объездила весь мир. На гастролях в Венесуэле познакомилась с будущим мужем. Зять, имеющего русские корни, зовут Ростислав, неудивительно, что и сеть открытых им ресторанов зовут «Ростикс».

ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ ВЛАСОВ

(родился в 1935 г.)

Власов уникальный человек – военный инженер, чемпион и рекордсмен мира и Олимпийских игр по тяжелой атлетике, литератор и историк, политик – депутат Государственной думы, один из претендентов на пост президента России.

Он был одним из самых великих богатырей за всю историю планеты. Блестящую характеристику ему дал народный артист СССР Юрий Никулин: «Юрий Власов – чистый, без допинга. На мой взгляд, это эталон олимпийского чемпиона – спортсмена, интеллигента, гражданина».

Юрий Петрович Власов родился 5 декабря 1935 года в городе Макеевка Донецкой области. Мать, Мария Даниловна, происходила из старинного рода кубанских казаков. Об отце – Власове (Владимирове) Петре Парфеновиче, который в качестве дипломата достиг верхней ступени – ранга чрезвычайного и полномочного посла СССР, позже Юрий расскажет в своей книге «Особый район Китая». Благодаря отцу Юрий Петрович свободно владеет китайским языком.

С началом войны Власовы уезжают на Обь. В Москву они вернулись в 1943 году. В те годы Юрий увлекся чтением. Он мечтает, как и отец, стать дипломатом. Родители отдают мальчика учиться в Саратовское суворовское училище. Уже к пятнадцати годам вес Юрия подобрался к девяносто килограммам, и это были одни мускулы – ни грамма жира. Имя Власова появилось в списке рекордсменов училища. О его спортивных успехах заговорил город. Юрий отлично бегал на лыжах, на коньках. У него был второй мужской разряд по легкой атлетике. На чемпионате в Саратове по борьбе Власов занял первое место, на первенстве суворовских и нахимовских училищ страны был вторым в толкании ядра и первым в метании гранаты.

В 1953 году Юрий покидает Саратов, окончив училище с серебряной медалью, и поступает в Военно-воздушную инженерную академию имени Н.Е. Жуковского. Здесь Власов увлекся штангой.

Вскоре он начинает тренироваться в ЦСКА у Сурена Петросовича Багдасарова. Каждый день после занятий в академии, отказывая себе во многом, порой изменяя даже самым близким друзьям – книгам, Юрий приходил на тренировку, где под пристальным взглядом тренера начинались тяжелые уроки. Тяжелые в буквальном смысле.

В 1957 году Власов устанавливает свой первый всесоюзный рекорд – в толчке (185 кг), а затем в рывке (144,5 кг). В августе ему присваивают звание мастера спорта.

Этот год стал знаменательным для Власова и по другой причине. В тренировочный зал как-то пришла девушка с мольбертом – делать зарисовки. Так познакомились, а вскоре и поженились Юрий Власов и Наташа Модорова, студентка Суриковского художественного института.

Впрочем, тот 1957 год принес не только радости, но и огорчения: на соревнованиях во Львове Юрий пытался взять рекордный вес и не удержал штангу на руках – повреждены позвоночник, нога. Кто знает, чем бы закончился этот «великий перелом», как грустно шутил Юрий, если бы не внимание врачей, самоотверженность жены, преданность друзей – Багдасарова, Шаповалова, Стогова. Все вместе они победили болезнь, и Юрий снова вышел на помост. На этот раз его узнал весь мир.

Чемпионат мира и Европы 1959 года проходил в Варшаве. К тому времени Власов уже был дипломированным военным инженером и рекордсменом мира. Двенадцать лет

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru держали американцы самый тяжелый (по абсолютному весу) рекорд – в толчке. Власов нарушил эту монополию, подняв 197,5 килограмма. Чемпионат Юрий выиграл с блеском, достигнув заветного рубежа – 500 килограммов в троеборье.

Звездный час в спортивной биографии Юрия Власова пробил в Риме – на XVII Олимпийских играх. Эту Олимпиаду называют именем Власова.

Впервые Юрий предстал перед римлянами и гостями итальянской столицы 25 августа 1960 года – на «Стадио Олимпико» ему было доверено идти впереди нашей команды со знаменем в руках. И впервые в истории человек пронес развевающийся на ветру флаг своей страны в одной руке!

Накануне выступления супертяжеловесов руководитель американской команды Боб Гофман заявил представителям прессы: «Над нами всеми сегодня довлеют результаты Пауля Андерсона. Но чемпион XV Олимпиады в Хельсинки-52 Норберт Шеманский и Джим Брэдфорд готовы превзойти их. Я не сомневаюсь в успехе этого тандема ни на минуту. А советский Власов? Вы увидите, как он дрогнет, столкнувшись с американским дуэтом».

Тактику «запугивания» применили и сами американские штангисты, щедро раздавая интервью. Власов же молчал, не подпуская к себе журналистов, предпочитая оставаться загадкой для соперников и публики.

В жиме Власов смазал вторую попытку и завершил упражнение вровень с Брэдфордом – 180 килограммов. Шеманский отстал на десять килограммов.

В рывке советский штангист поднял 155 килограммов. Он стал единоличным лидером, опередив Брэдфорда на пять килограммов, а Шеманского – на пятнадцать.

Толчок – венец соревнований. Из трех основных соперников первым начинал движение Брэдфорд. Он осилил 182,5 килограмма, установив олимпийский рекорд и повторив официальный мировой рекорд в троеборье Пауля Андерсона – 512,5 килограмма. Чем ответит Власов?

Москвич начал движение с того веса, который главный соперник взять не сумел, – 185 килограммов. В зале нарастала буря. Если до этого в адрес атлета раздавались не слишком бурные аплодисменты, то теперь поднялась волна оваций. Симпатии всех присутствующих оказались на его стороне. После первой же попытки Власов установил мировой рекорд – 520 килограммов!

Власов продолжил борьбу в одиночестве, попросив установить 195 килограммов. Под сводами дворца пронесся изумленный гул. Такой отваги от совсем еще молодого атлета никто не ожидал.

– Поднимет ли? – спрашивали люди друг друга. Власов поднял вес идеально!

А на табло зажглись магические цифры – 202,5 килограмма!

Власов подошел к штанге. В его стройной, почти изящной фигуре, в его движениях виделась лишь красота, лишь неудержимая сила – и только! Вот он положил штангу на грудь. Гриф прогнулся от огромной тяжести дисков. Толчок! И колоссальный, еще никому и никогда в истории не поддававшийся вес оказался на его выпрямленных руках. Внешне все выглядело так, словно этот толчок не стоил ему никаких усилий. И – тишина, висящая в зале.

И вот в этой-то тишине с грохотом упали массивные очки интеллигента Власова. И только потом трибуны взорвались. Даже приученные к образцовой дисциплине музыканты гвардейского полка, бросив свои инструменты, зааплодировали, вскочили ногами на стулья и заорали во всю мощь своих натренированных легких: «Браво! Брависсимо!»

Зрители бросились к помосту. Они не находили слов, чтобы выразить охватившее их чувство.

Итог захватывающего поединка потряс всех. Власов установил четыре олимпийских рекорда – сумма 537,5 килограмма (жим – 180 кг, рывок – 155 кг, толчок – 202,5 кг). Результаты в троеборье и толчке – одновременно мировые рекорды. Брэдфорд в сумме отстал на 25 килограммов.

Потом Власов пошел в олимпийскую деревню. Пешком. А за ним, как за римским триумфатором, шла многотысячная, казавшаяся бесконечной толпа. И над древним городом неслось неудержимое: «Власов! Власов! Власов!»

Его медаль оказалась сорок третьей золотой медалью советской команды на Римской Олимпиаде. Вместе с ней Юрий увозил в Москву специальный приз «За наиболее фантастический результат» и титул лучшего спортсмена Игр. На торжественном закрытии XVII Олимпийских игр он снова нес спортивное знамя советской команды.

После римского триумфа советского штангиста шведская газета «Идроттсбладет» писала:

«Власов молод, гармонически сложен, чертовски силен и к тому же блестяще интеллектуален. Власов – это сенсация из сенсаций! Его выступление было настолько потрясающим, настолько сказочно-необыкновенным, что с ним не может сравниться ни одно событие в истории Олимпийских игр. В мировом спорте еще никто не был столь велик и недосыгаем. Он – эталон настоящего спортсмена и блестящий представитель своего народа».

О его популярности в те годы говорит такой факт: в 1961 году телевидение пригласило в студию первых космонавтов планеты – Юрия Гагарина, Германа Титова и суперчемпиона Юрия Власова. В гостиную, ожидая начала съемок, сидели Гагарин и Титов. Когда вошел капитан-инженер Юрий Власов, два майора моментально встали и вытянулись по стойке «Смирно!»

После Олимпиады в Риме в народе было и такое мнение: «Власову сейчас нужно уйти из спорта, чтобы остаться непобежденным и не разрушить легенду!»

Но Власов думал по-другому. В течение четырех лет он неизменно подтверждал репутацию самого сильного человека в мире. Он завоевал золотые медали чемпиона мира в Вене, Будапеште, Стокгольме, постоянно обновляя рекорды. Он один низверг за этот период всю мощную армию американских тяжеловесов: никому из них не удалось хотя бы приблизиться к его феерическим результатам. Потолок рекорда в сумме троеборья Власов за пять лет поднял на 70 килограммов – с 510 до 580.

На помост следующей Олимпиады в Токио Власов вышел, чтобы победить, и проиграл. Его перехитрил соотечественник Леонид Жаботинский. Власов не заметил, что спорт за четыре года изменился, теперь уже мало было побеждать только за счет силы. Нужно было помнить о тактике, о психологии...

Жаботинский прекрасно понимал, что Власов после Олимпийских игр в Токио собирается уйти с помоста. А как может уйти Власов? Только с триумфом – это было ясно. Только с тем условием, что все мировые рекорды будут принадлежать ему...

Перед последним движением – толчком – Власов опережал Жаботинского на пять килограммов. Алексей Медведев, тренер Леонида, повел тонкую тактическую игру. На второй подход первоначально были заказаны 212,5 килограмма. Заказ отменили. Этот вес ничего не давал. Попросили установить 217,5 килограмма. Жаботинский потянул штангу вверх, но не взял даже на грудь. Юрий тоже заказал этот вес. Власову гигантский вес не покорился.

«Я уходил с помоста, опустошенный борьбой, немного раздосадованный, но, в общем, довольный, – вспоминает Власов. – Навстречу поднимался Жаботинский. И потом случилось то, чего я не ожидал. Он взял вес, который сразу вывел его на первое место. Откуда эта перемена? Откуда этот взрыв силы? Ведь он сломлен, он не способен к борьбе, он практически выбыл из борьбы? Что случилось? Как это могло случиться? Как я проглядел эту перемену?! Как это стало вообще возможно?! Однако у меня уже не было подходов для ответа».

Власов покинул помост, установив 31-й мировой рекорд. Насыщенная спортивная жизнь не помешала ему, однако, находить время для литературных занятий. Первая книга Власова «Себя преодолеть» была встречена на «ура». Фактически то была первая исповедь спортсмена, представленная на суд читателей. С 1968 года Власов стал уже профессионально заниматься литературной деятельностью и на вопрос о своей профессии отвечал в анкетах – «литератор». Он стал автором многочисленных книг, и не только о спорте.

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Но и спорт из его жизни уходит не сразу. В 1987–1988 годах Власов был председателем Федерации атлетической гимнастики СССР и много сделал для развития этого вида спорта. Здоровье Юрия Петровича к тому времени резко ухудшилось: он перенес несколько операций на позвоночнике. И тем не менее он нашел в себе силы вернуться к активной деятельности, как творческой, так и общественной.

В 1989 году Власов был избран народным депутатом СССР. В Верховном Совете СССР он вошел в Межрегиональную депутатскую группу.

В августе 1991 года во время попытки государственного переворота ГКЧП Власов принял участие в защите Белого дома. А в марте 1992 года в газете «Куранты» потребовал ухода Бориса Ельцина в отставку с поста президента РФ. В 1993 году Юрий Петрович избирается депутатом Государственной думы от Северо-Западного избирательного округа Москвы.

Став известным и опытным политиком, Власов претендует на пост президента России. На президентских выборах 16 июня 1996 года он терпит поражение и, набрав менее одного процента голосов избирателей, выбывает в первом туре.

Юрий Петрович женат вторым браком, его первая жена умерла.

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ МЕДВЕДЬ

(родился в 1937 г.)

Единоборство закончилось. Это была финальная, последняя схватка. Для одного из атлетов победа в ней обернулась олимпийским «золотом». И мюнхенский зал «Мессегеленде» взорвался многоязыкими выкриками, аплодисментами. Воздев к небу могучие руки, растерянно улыбаясь, словно не веря своему триумфу, борец поклонился во все стороны. Потом случилось непонятное. Шатаясь словно пьяный, спортсмен побрел к середине ковра и там... рухнул на колени. Трибуны замерли в недоумении. А богатырь склонился и припал губами прямо к матовой поверхности ковра. Он прощался с борцовским ковром – бесстрастным свидетелем стольких взлетов и разочарований, стольких радостей и горестей, сколько уготовила их судьба спортсмену на пути длиною в полтора десятка лет.

Так впечатляюще поставил точку в своей спортивной биографии Александр Медведь, уникальный борец вольного стиля, трехкратный олимпийский чемпион, семикратный чемпион мира, трехкратный победитель первенств Европы, обладатель девяти золотых медалей чемпионатов и спартакиад Советского Союза.

Александр Васильевич Медведь родился 16 сентября 1937 года в украинском городке Белая Церковь. В юности Саша не отличался постоянством спортивных привязанностей. Делил досуг между футбольным полем и баскетбольной площадкой. Охотно бегал, прыгал, плавал, боролся со сверстниками.

После окончания школы пошел работать на завод. Выучился на слесаря-монтажника. Проработав два года, Медведь ушел служить в армию. Здесь и начал крепкий, рослый солдат в 1956 году заниматься борьбой.

Едва овладев несколькими приемами и познакомившись с азами тактики, Медведь уже через месяц выиграл первенство Белорусского военного округа.

Демобилизовавшись и обосновавшись в Белоруссии, где проходил службу, он поступил в Высшую школу тренеров, а окончив ее, подался в Минский институт физкультуры. Из всех видов борьбы Александр выбрал вольную. Ему помогали хорошие наставники: Павел Васильевич Григорьев и Болеслав Михайлович Рыбалко. И долгие годы этот триумvirат не знал поражений, хотя не всегда все было очень просто.

В марте 1961 года состоялось очередное личное первенство СССР по борьбе. Двадцать один претендент на золотую медаль боролся в тяжелом весе. Среди них такие мастера ковра, как тбилисцы Кикнадзе и Канделаки, призер Римской Олимпиады Дзарасов, москвич Иваницкий. После пятого тура лидером стал Александр Медведь. Совсем рядом был Дзарасов. Седьмой круг все ставит на свои места. Ничья приносит звание чемпиона страны минчанину. «Серебро» – у Дзарасова, «бронза» – у Иваницкого. Тренерский совет решает: Александр Медведь едет на чемпионат мира в

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Японию.

Чтобы со всесоюзного ковра ступить на ковер чемпионата мира, ему пришлось ждать своей очереди целых четыре года.

На его первом чемпионате мира в 1961 году в Японии настроение Саше испортил немец Дитрих. Набрал он в схватке с Сашей вроде немного – всего одно очко, а все обернулось ушедшим «золотом». После этого многие годы встречались они на разных турнирах, а на Олимпиаде довелось встретиться в Мехико-68. О той схватке речь еще впереди.

В начале шестидесятых в сборной СССР имелись два превосходных борца тяжелого веса – Медведь и Александр Иваницкий, один из которых должен был лишиться другого золотой медали. А достойного «полутяжа» не находилось!

– Что же, раз надо для команды – попробую похудеть, – сказал Медведь. – Я ведь чуть полегче Саши, мне меньше терять придется!

Награда за выдержку и мужество пришла в американском городке Толидо. Случилось так, что в заключительный день турнира Медведю предстояло провести четыре схватки. А он уже в первой из них повредил колено... Натянул наколенник – боль поутихла, зато соперникам стало очевидно, что дерзкий новичок уже не в лучшей боевой форме. Тем не менее он взял верх над турецким богатырем Агли, выиграл у американца Горанга. Ох как трудно дались эти победы! Но отступить было некуда, поскольку к финалу одновременно прорывался, повергая всех соперников, прославленный иранский полутяжеловес Тахти.

К заключительной схватке оба они подошли, имея всего по одному штрафному очку.

Нет, она не стала украшением турнира, эта встреча, в которой иранец, уже обладавший титулами чемпиона Мельбурнской Олимпиады и двух первенств мира, стремился к одному: во что бы то ни стало не проиграть. Медведь не интересовался, кто из них легче, – бойцовский характер звал его к победе. Но вот зафиксирована ничья. Однако Тахти не пришлось ликовать. Когда состоялось перевешивание, выяснилось, что Медведь в изнурительной встрече похудел почти на килограмм (стрелка весов остановилась возле отметки «95») и оказался легче своего соперника! Золотая медаль досталась советскому спортсмену.

Вернувшись домой, Александр позволил себе погрузнеть до 105 килограммов, что при росте 190 сантиметров конечно же отнюдь не было чрезмерным. На ковре он снова перешел в привычную тяжелую весовую категорию и принялся одного за другим укладывать на лопатки более массивных и сильных соперников.

Так он «кочевал» туда и обратно долгих пять лет, до той самой поры, когда в 1966 году Иваницкий оставил большой спорт и стало возможным навсегда перейти в тяжеловесы. Но за это время, безраздельно господствуя на мировом помосте в полутяжелом весе, Медведь лишил всякой надежды на успех сильнейших атлетов Турции, Ирана, США, Швеции, вынудив их либо совсем отказаться от борьбы, либо «искать спасения» в других весовых категориях. Его неистовая напористость, бескомпромиссность и неукротимая воля к победе, помноженные на могучую силу, породили в среде борцов шутку, отдававшую мрачным юмором: «Разве может обыкновенный человек тягаться с Медведем?»

А он и впрямь как бы оправдывал свою «грозную» фамилию. Кто хоть раз видел Александра Медведя «в деле», уже не спутает его ни с кем. Мягким, упругим шагом приблизившись к сопернику, он устремлялся в неудержимую атаку. Порой, обрушив на партнера каскад приемов, Александр настолько изматывал того, что сопротивление оказывалось сломленным уже через две-три минуты после начала поединка. Сам же он словно не знал усталости. Случалось, что по регламенту турнира приходилось выходить на ковер три-четыре раза в день. И заключительную схватку Медведь проводил так же свежо и энергично, как первую.

На своей первой Олимпиаде Александр едва не упустил золотую медаль. Он уверенно побеждал соперников – досрочно завершив схватки с румыном Балло, швейцарцем Ютцелером. Болгарина Мустафова Медведь положил на лопатки за 39 секунд. Лишь турку Айику удалось свести с ним поединок вничью. Его оглушительное превосходство над соперниками едва не сыграло с ним злую шутку. Еще до выхода на ковер он был уверен в своей победе над шведом Эриксоном, так как видел, что тот

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru не в лучшей форме. И как же проклинал себя Медведь, когда швед уже совсем «дожимал» его. В те секунды или чуть позже, когда Александра поздравляли с победой, он сказал себе: «Всегда уважай соперника...» И не изменял своей заповеди до самых последних поединков...

Суровое испытание выпало на его долю на XIX Олимпийских играх 1968 года. Высокогорный Мехико пугал многих. Действительно, разреженный воздух, недостаток кислорода давали себя знать. Однако не на всех эти объективные условия влияли одинаково, сказывались индивидуальные особенности организма каждого спортсмена.

О том, что Медведь серьезно болел в Мехико, знали немногие, только тесный круг посвященных. Между тем вопрос стоял ребром – надо снимать с состязаний. Александр сам настоял на том, чтобы остаться в строю. Нелегкую ему пришлось решать задачу.

Александр начал турнир, зная, что соперники боятся шквала его атак, его напора. И лишенный, быть может, своего главного оружия, он всем своим видом до схватки, после нее, на виду у противников демонстративно подчеркивал свой радужный настрой, уверенность в победе.

Большинство поединков Александра в Мехико носило скоротечный характер. Он досрочно, на первых минутах, «припечатывал» противников к коврику. Можно с известной долей истины сказать, что в тот знаменательный для него турнир его коллеги боялись одного его имени.

Однако в финальном поединке Александра ждал Вильфрид Дитрих, тяжеловес из ФРГ, старый опытный волк. Этого на испуг не возьмешь! Вильфрид не стал тратить время на «игру», пошел напролом. Секундная стрелка обожала лишь круг по циферблату, как случилось непредвиденное. В тишине громадного зала, которую усугубляли звуки падающих тел и резких трелей судейского свистка, вдруг раздался сильный и страшный хруст. Дитрих не понял, откуда взялся этот хруст, и начал осматривать всего себя – в пылу поединка можно не почувствовать боли от полученной травмы. Оба борца прекратили схватку, и судья, спохватившись, свистнул лишь тогда, когда Вильфрид увидел, что большой палец правой руки Медведя неестественно выгнут, торчит в сторону. Засуетились, перебирая перевязочные материалы, врачи. Но они опоздали. Саша похрустел суставом, и всем показалось даже, что услышали легкий щелчок. Палец оказался на прежнем месте, и Александр как ни в чем не бывало сделал знак арбитру: давай, мол, свисток, ничего особенного не случилось.

Поединок возобновился. Но Дитриха с этой секунды будто подменили. После атаки Александра в ноги он захромал, а затем... вообще отказался от поединка.

А чувствовал ли боль Медведь? Сам он об этом вспоминать не любит. Только однажды признался: «В тот момент у меня потемнело в глазах...» И тогда же он сказал, что его вторая заповедь – это не дать противнику повода думать, что ты слаб...

Все же чрезмерное напряжение, работа на пределе не миновали бесследно. У Медведя наступило нарушение сердечно-сосудистой деятельности, повысилось кровяное давление. Врачи поговаривали о том, что с борьбой придется расстаться. Но он не дрогнул. По приезде домой возобновил регулярные тренировки и за три года снова вошел в свою лучшую спортивную форму. На чемпионате мира 1971 года он вновь был отмечен золотой медалью.

Откуда же взялась такая несгибаемая мощь? Внешними данными Александр не изумлял. Высокий, жилистый, подвижный, он походил скорее на баскетболиста, чем на борца-богатыря. Во всяком случае, когда на XX Олимпийских играх в Мюнхене ему противостоял слоноподобный американец Крис Тейлор, чей вес приближался к двум центнерам, исход встречи казался заранее предрешенным. Рядом с тяжело отдувающимся великаном советский борец (его вес был около 114 кг) выглядел подростком. На ковре Александр долго кружил, маневрировал, выжидал своего часа. Судьи дали обоим противникам по два предупреждения. Наконец в третьем периоде, когда американец явно устал, Медведю удалось провести прием. Он подсек ноги Тейлора, опрокинул его на ковер и выиграл схватку с преимуществом в один балл.

Дорогой ценой досталась эта победа, капитан нашей команды травмировал плечо. И все остальные поединки проводил, преодолевая сильную боль. Особенно тяжело пришлось Медведю в финале, где он встретился с давним своим соперником – болгаринцем Османом Дуралиевым. По турнирному положению Медведя устраивала даже

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru ничья. Однако он остался верен себе: боролся наступательно и выиграл по баллам. Наградой за мужество стала третья золотая олимпийская медаль. Такого не удавалось добиться ни одному борцу!

Годами выработанная привычка разумно использовать каждую минуту позволяла ему жить полнокровной, насыщенной жизнью и после окончания спортивной карьеры. Железный режим отнюдь не превратил Александра Васильевича в «отшельника», в человека, одержимого идеей, которая заслонила для него все другие краски жизни. Проведя полтора десятка лет в большом спорте, Медведь в то же время успешно окончил институт. Затем поступил в заочную аспирантуру при институте физкультуры. Его увлечение – фотография, в свободное время он не прочь побродить по лесу с ружьем.

Вместе с женой Таней, инженером по профессии, он вырастил двух детей – дочь Лену и сына Алешу. Сын пошел по стопам отца и стал чемпионом мира по борьбе.

ЛИДИЯ ПАВЛОВНА СКОБЛИКОВА

(родилась в 1939 г.)

Какими только восторженными эпитетами не награждала зарубежная пресса уральскую спортсменку: «золотая девушка России», «царица медалей», «олимпийская сверхзвезда», «фантастическая королева коньков»...

И это неудивительно, ведь «русская молния» – единственная в мире шестикратная олимпийская чемпионка по скоростному бегу на коньках. Скобликова первая спортсменка в истории женского спорта, которая установила мировой рекорд на Олимпийских играх.

Лидия Павловна Скобликова родилась 8 марта 1939 года в уральском городе Златоуст в большой рабочей семье. У Павла Ивановича и Клавдии Николаевны Скобликовых было пятеро детей. Лида была третьей. В детстве девочка, будучи очень подвижной, любила прыгать, играть в волейбол, баскетбол. Но поначалу в местной детской спортшколе Лида занималась лыжами.

«Характер воспитывала улица, – вспоминает Скобликова. – К маме часто приходили жаловаться соседи, что я в очередной раз отлупила какого-то парня... А что было делать, если в семье одни девчонки? Кто-то их должен был защищать».

Она быстро стала местной спортивной звездой – чемпионкой Челябинской области среди девушек по лыжам и чемпионкой в беге на 800 и 400 метров среди взрослых. А вот в коньки, которые принесли ей всемирную славу, она пришла поздно, в 16 лет. Подруга Скобликовой, Лида Пепелева, чемпионка области по конькам, предложила вместе выступить за школу на городских соревнованиях. Время, показанное Скобликовой, оказалось лучше, чем у Пепелевой.

Ко времени поступления в Челябинский педагогический институт Скобликова уже прикипела к конькам. Институтский тренер Борис Кочкин, будущий тренер женской сборной страны, быстро понял, какой самородок откопал. Скобликовой надо было поставить технику, а в остальном она была готова к победам.

В январе 1957 года в Горьком Лидия побеждает на первенстве России среди девушек. После этого она стала тренироваться еще настойчивее. И новые успехи не заставили себя ждать. Скобликова бьет рекорды страны для девушек. Она становится призером взрослого первенства Советского Союза, чемпионкой профсоюзов.

В 1959 году Скобликова впервые едет за рубеж, где участвует в соревнованиях Швеция – РСФСР. Год спустя снова на том же шведском катке «Эстерсунд» Скобликова соревнуется уже на чемпионате мира. Несмотря на падение на дистанции 1000 метров, выиграв дистанцию в три раза длиннее, Лидия заняла общее третье место.

И вот первая Олимпиада в Скво-Вэлли. Лидия дебютировала на дистанции 1500 метров после досадного поражения наших конькобежек на «пятисотке».

Рассказывает сама Скобликова:

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
«Борьба на ней складывалась для нас еще тяжелее. Уже пробежали Клара Гусева и Валя Стенина, которая считалась сильнейшей в нашей команде на этой дистанции. Но лучший результат оставался у польской спортсменки Эльвиры Серочинской. Всего 0,2 секунды не достала она до мирового рекорда. Мне было ясно: надо идти ва-банк.

Стартовала в восьмой паре с Хеленой Пилейчик. Начала бег по малой дорожке в чисто спринтерском темпе. Знала, что сил у меня до конца дистанции хватит. График мы с тренером построили на лучший результат – выше мирового рекорда.

Лед был скользкий, накатистый. Помню, ужасно мешал ветер. Но ведь он мешал всем. По реакции зрителей чувствовала, что бегу неплохо. Трибуны ахнули, когда на последнем повороте у меня произошел небольшой сбой. Закончила дистанцию – и стадион взревел! Взглянула на табло – победа! Да еще с мировым рекордом! Ко мне бросились наши тренеры, которые стояли "на бирже", схватили меня и начали качать...

Награждение. Впервые стою на верхней ступеньке олимпийского пьедестала почета. Звучит Гимн Советского Союза. На флаштоке – наше алое полотнище. Как во сне... Трудно даже передать, что испытываешь в такие минуты. От волнения ком подкатывает к горлу. Представляешь, какая там, на Родине, реакция. Завтра в далекую Америку придут телеграммы... Челябинцы напишут: "К драгоценностям Урала добавилось твое олимпийское золото..."

А тогда, в Скво-Вэлли-60, принесла я в олимпийскую деревню свою первую золотую медаль, положила под подушку и почти всю ночь не могла заснуть. От счастья.

На следующий день все мы радовались победе Клары Гусевой на дистанции 1000 метров. Увы, я довольствовалась лишь четвертым местом».

На заключительной дистанции 3000 метров в последней паре Скобликова проходит всех быстрее – 5:14,3 – это всего на полсекунды хуже мирового рекорда Риммы Жуковой. Итак, Лидия Скобликова, лучший стайер Олимпиады, сделала «золотой дубль».

После первой победы Скобликовой на льду состоялась импровизированная пресс-конференция. Один из вопросов был неожиданным:

- Вы замужем?
- Пока еще нет.
- А вам не сделали здесь предложение?

Лидия не растерялась:

– Нет, наверное, не успели. Я только четверть часа как стала чемпионкой. – А после паузы добавила: – В американских женихах я не нуждаюсь. И дома найдутся.

Вскоре после Олимпиады она вышла замуж за однокурсника Александра Полозкова, тоже спортсмена – мастера спорта по спортивной ходьбе.

В 1963 году состоялся очередной чемпионат мира в Японии в Каруидзаве, где Скобликова выступила триумфально. Она победила на всех четырех дистанциях!

На «тысячаметровке» Скобликова стартовала вместе со шведкой Г. Якобсон. Они вышли на лед, когда советские конькобежки, закончив бег, занимали первые четыре места. Лучшей среди них была Инга Воронина – 1:35. Уральская конькобежка, казалось, не скользила по льду, а летела – так стремителен и красив был ее бег. Она финишировала через 1 минуту 31,8 секунды. Побит самый старый мировой рекорд!

Скобликова предприняла штурм мирового рекорда и на дистанции 3000 метров. Но чуть-чуть до него не достала, хотя и была вновь лучшей – 5:10,5. Это было поистине ослепительное превосходство челябинской спортсменки, тем более что на чемпионате мира она выступала простуженной!

До русской конькобежки лишь однажды – на чемпионате мира 1937 года норвежка Л. Шоу-Нильсен выиграла все четыре дистанции. Понятно, что к Олимпийским играм 1964 года в Инсбруке Скобликова подошла явной фавориткой. И эта тяжелая ноша

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
оказалась ей по плечу.

Скобликова вышла на лед в предпоследней паре, когда лучшим был результат нашей конькобежки Ирины Егоровой, превысившей олимпийский рекорд сразу на полсекунды, – 45,4.

Начала так же, как и подруги по команде: стометровка – 11,3. Но мастерство Скобликовой и проявилось в том, что она сумела найти резервы скорости там, где другие их не нашли. Прекрасно пройдя поворот по большой дорожке, она устремилась к финишу, каждым своим шагом как бы утверждая, что это финиширует новая олимпийская чемпионка. Оглянулась на табло. Цифры счетчика времени остановили свой бешеный бег: 45 секунд. Так еще никто не пробегал полкилометра на невысокогорных катках! Это – личное достижение «уральской молнии», которое отныне будет новым олимпийским рекордом, уступающим официальному мировому всего одну десятую долю секунды.

На дистанции 1500 метров Скобликова первенствует, показав результат 2:22,6. Новый олимпийский рекорд!

Затем Лидия берет и третью олимпийскую вершину кряду. На 1000 метров она побеждает также с новым олимпийским рекордом – 1:33,2.

«Оставалась четвертая дистанция – 3000 метров, – вспоминает Скобликова. – Моя коронная. Помню, Юрий Дмитриевич Машин, руководитель нашей делегации, подошел ко мне и сказал: "Лидочка, по три золотые медали уже выигрывали, а четыре на одной Олимпиаде не выигрывал никто". Было над чем задуматься...

На протяжении двух последних лет никто у меня тройку не выигрывал. Но ведь это Олимпийские игры! Каких только сюрпризов здесь не бывает!

...Второй день в Инсбруке дует "фён". Теплый южный ветер поедает на улицах остатки снега, превращая его в грязную кашу. Это еще полбеда, но, взяв в союзники солнце, он поедает и лед на катке. На искусственном льду стала появляться матовая пленка, мешавшая скольжению.

Выходим на разминку. Температура 7 градусов тепла, а морозильные установки на катке не работают.

В первой же паре на зеркальном от воды льду падает шведская конькобежка Гунилла Якобсон. В четвертой паре бежит Валентина Стенина и показывает лучший результат. Лед с каждым забегом становится мягче и мягче.

Опять стартую в седьмой паре. И снова с канадкой Дорин Раин. Лед – хуже не бывает. Одна прямая – вдоль трибуны – как мокрый сахар. Даже лезвия коньков проваливаются. Бежала дистанцию как легкоатлет – всю «тройку» с двумя руками. Так бегала много лет назад, когда еще и на коньках-то стоять толком не умела. А тут пришлось снять обе руки с начала дистанции. В голове одна мысль: только не упасть. Представляете, трехкратная олимпийская чемпионка завалилась бы в эту мокрую лужу! Как добегала, не помню. Финиширую, а в глазах темно...

Результат Вали Стениной улучшила на три с половиной секунды. Канадка отстала от меня на полукруг. Больше опасаться вроде бы было некого. Оставалось пробежать четверем последним парам.

Организаторы соревнований делали все, чтобы заработали холодильные установки, и добились-таки своего. Лед замерзал буквально на глазах. С каждой парой он становился все более твердым и накатистым, а результаты – все лучше и лучше. Было боязно даже на табло смотреть. Бежавшая в предпоследней паре Клара Нестерова показала третий результат. Многие решили, что, как и на пятисотке, все три медали "под занавес" достанутся советским спортсменкам.

В последнем забеге старт приняла 22-летняя Пил Хва Хан из Корейской Народно-Демократической Республики. Вот тут-то и произошла сенсация: по стадиону объявили, что кореянка на первой половине дистанции идет лучше графика моего бега. Ни в коем случае не собираюсь умалять достоинств Пил Хва Хан, однако никто не считал ее претенденткой на медаль, тем более на золотую. Когда участницы соревнований бегут в неравных условиях, это уже не спорт, а лотерея.

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Мой график бега все же оказался не по силам кореянке, хотя она и бежала по накатанному льду. А вот результат Стениной она повторила. Так что Вале пришлось потесниться на серебряной ступеньке пьедестала почета. А на золотую снова поднялась я.

Что я испытывала в тот момент – момент наивысшего для любого атлета триумфа? Пожалуй, опустошенность. И все. Счастье, радость нахлынут позже. Чтобы осознать цену олимпийского золота, требуется время...

Человеческая память несовершенна. Много из того, что происходило в те давние дни, уже позабылось. Дневник впечатлений тогда не вела и ничего не записывала. Жаль, конечно, но ничего не поделаешь.

Помню, вечерами на «Айсстадионе» в перерыве хоккейных матчей проводилось награждение. И вот в первый вечер после окончания конькобежных соревнований золотую медаль вручают Скобликовой, во второй – Скобликовой, в третий – Скобликовой... Когда президент Международного Олимпийского комитета американец Эвери Брендедж надел на меня четвертую золотую медаль, все зрители поднялись с мест и в такт тирольскому оркестру стали скандировать: "Фи-ир! Фи-ир! Четыре!" Это длилось до тех пор, пока организаторы соревнований не надели на меня все четыре золотые медали и не попросили в пятый раз взойти на олимпийский пьедестал. Поднялась я снова на высшую его ступеньку, расцеловала медали, показала их всем и по русскому обычаю отвесила на все четыре стороны низкий поклон. На трибунах творилось что-то невообразимое.

Позднее на пресс-конференции журналисты буквально выпытывали, как мне удалось вызвать на себя град из олимпийского золота? В чем тут секрет – в особом таланте, в необычных методах тренировки или в необыкновенном трудолюбии? Смеясь, отвечала:

– Секрет самый простой – не хочу, чтобы бегали быстрее меня!»

«Едва ли могли мы представить, что в цитадели альпийских видов спорта – в Инсбруке – с таким восторгом будут славить конькобежку. Своими невероятными достижениями Лидия Скобликова проложила в Австрии дорогу почти не известному до сих пор у нас скоростному бегу на коньках, открыла австрийцам глаза на его красоту», – так написал обозреватель газеты «Фольксштимме» Курт Частка.

Много воды утекло с тех пор. После своих олимпийских побед Скобликова работала тренером, защитила диссертацию и стала кандидатом исторических наук, воспитывала сына. Неожиданно оказалось, что вечное стремление побеждать в спорте мешает в личной жизни:

– Там, где надо уступить, вдруг лезешь на рожон. Волей-неволей получается, что и в личной жизни продолжается та же спортивная борьба. Иногда спохватишься: ты же дома сейчас, тебе просто надо улыбнуться и приготовить сыну с мужем завтрак. Нет, все равно вдруг срываешься. Ты настроена на борьбу все время, а ломать себя так трудно...

В восприятии жизни осталась Лидия Павловна прежней. «Всегда считала, считаю и буду считать, – убежденно говорит она, – что людей надо уважать не за их прежние заслуги, а за то, что они делают сегодня. Это особенно относится к олимпийским чемпионам. Ведь у них не бывает приставки "экс"».

В 1983 году президент Международного Олимпийского комитета Хуан Антонио Самаранч вручил «ледовой королеве» серебряный знак Олимпийского ордена «За вклад в популяризацию олимпийских идеалов и выдающиеся достижения в спорте».

ГАЛИНА АЛЕКСЕЕВНА КУЛАКОВА

(родилась в 1942 г.)

В 1984 году президент Олимпийского комитета Хуан Антонио Самаранч вручил Кулаковой серебряный Олимпийский орден за заслуги перед мировым спортом. А в 2000 году Галину Алексеевну на общероссийском бале олимпийцев выбрали в число пятнадцати легенд отечественного спорта, внесших наибольший вклад в его развитие

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
в уходящем столетии.

Галина Алексеевна Кулакова родилась 29 апреля 1942 года в деревне Степаново, в 30 километрах от города Воткинска. Ей не довелось увидеть отца – тот погиб на фронте. Кроме Гали, в семье было еще шесть сестер и два брата.

На лыжах Галя бегала с детства. «По наследству» от старших ей досталось нечто наподобие досок. На них она бегала зимой в школу. Три километра – туда, три – обратно...

Галя рано начала работать. Сначала помогала по дому. В пятнадцать лет уже была телятницей. В семнадцать стала дояркой. В пять утра ей нужно было уже доить восемнадцать коров.

Она занималась в лыжной секции совхоза «Воткинский». Иногда выступала в соревнованиях. Но без особого успеха. Так было до 1964 года. В начале года сестра Лида попросила Галю выступить вместо нее на районных соревнованиях. Заняв на соревнованиях второе место, Галина уехала в родное Степаново.

Но когда город выставлял команду на областные соревнования, Лиде пришлось признаться, что бежала не она, а ее сестра. Кулаковой еще раз повезло, что на нее обратил внимание тренер Петр Наймушин. Ему понравился далекий от совершенства, но мощный бег Галины. Наймушин поехал в Степаново и разыскал Кулакову. Год спустя в Смоленске она – никому не известная лыжница – на первенстве «Труда» выиграла гонки на 5 и 10 километров.

Кулакова могла стать олимпийской чемпионкой еще в Гренобле в феврале 1968 года. Откровенно говоря, невысокой, светловолосой шведке Тойни Густафссон там просто здорово повезло. Кулакова выигрывала пятикилометровую гонку. Она стремительно летела к финишу, опережая по времени шведку. Но за пятьсот метров до финиша упала на простом спуске.

Газеты писали: «Это случайное падение лишило Кулакову золотой олимпийской медали». Действительно, отлично она бежала в тот день пять километров. Будто и не было перед этим изнурительной и неудачной десятикилометровой гонки.

Через несколько дней Кулакова получила бронзу в эстафете 3x5 километров. Не у многих так проходит олимпийский дебют: Галина привезла из Гренобля две медали. И все-таки было ей не очень весело: так нелепо упустила ту гонку!

Галина понимала, что ей не хватило не только везения, подвела техника. Кулакова станет работать над устранением недостатков. Потом ее техника станет образцом, эталоном. Кинограммы ее движений будут публиковаться в журналах. Репидная съемка покажет с экрана всему миру, каков он, безукоризненный лыжный бег. И тогда уже Кулакова не будет падать нигде.

В следующую после Гренобля зиму Галина не проиграла ни одного старта – ни у нас в стране, ни за рубежом. Новый наставник женской сборной страны Виктор Александрович Иванов стал вводить в тренировку Кулаковой греблю, горные лыжи и другие «посторонние» виды спорта. Полным ходом шла работа над тем, что принято называть «общими двигательными навыками».

Казалось, на предстоявшем чемпионате мира 1970 года в Высоких Татрах проиграть она уже просто не сможет. Но... за полтора месяца до соревнований с ней случилось несчастье. Галину прямо с трассы гонок на Кубок СССР увезли в одну из свердловских клиник. Двенадцать бессонных ночей провела над ней врач Галина Ивановна Тарасова. Операция... Потеря сознания... А потом она вновь училась ходить. От стенки к стенке, от кровати к кровати.

Через несколько недель Кулакова встала на лыжи и начала потихоньку «вкатываться». И однажды почувствовала, что «может». В Высоких Татрах Кулакова выиграла гонку на пять километров и пробежала последний победный этап эстафеты.

На шестое февраля 1972 года на лыжном стадионе японского местечка Макоманаи был намечен старт женской десятикилометровой гонки. Соперницы у Кулаковой были сильные: финки Марьятта Кайосмаа и Хилка Кунтола, олимпийские чемпионки 1968 года в эстафете – норвежки Ингер Ауфлес и Верит Мердре-Ламмедаль, их юная соотечественница Аслаут Даль, гонщица из Чехословакии Хелена Шиколова,

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
спортсменка из ГДР Рената Фишер.

Но это ведь Кулаковой принадлежит фраза: «Не люблю я равнину – у меня от нее спина болит». Стихия Кулаковой – подъемы. В горах ей нет равных. А здесь на трассе после пятого километра начинались подъемы, и среди них два – очень серьезных. Все знали, если Галя вошла в подъемы лидером, то там она уже не уступит никому. Однако действительность превзошла ожидания – с отметки за два километра до финиша передали, что Кулакова выигрывает у Олюниной 30 секунд, а у Кайосмаа – 40! Стало ясно, что два подъема – на шестом и восьмом километрах – поставили Кулакову как претендентку на золотую олимпийскую медаль вне конкуренции.

В домике прессы сразу же после гонки состоялась пресс-конференция с победительницами. Один из иностранных журналистов все выспрашивал: «В чем причина успеха?..» – «Много готовилась», – ответила Кулакова... «Нет, в чем причина... в чем?» – добивался корреспондент... «Ну, бежала быстрее других...» «В чем все-таки причина?» – настаивал, видимо, неудовлетворенный корреспондент...

Галя сидела, улыбалась, пожимала плечами и наконец, повернувшись к своему тренеру Виктору Иванову, как бы оправдываясь, сказала:

– Как я могу ему объяснить?! Это же надо рассказать всю мою жизнь.

Галина, как большинство лыжниц, не слишком разговорчива и общительна. В долгих тренировках и в гонках она привыкла молчаливо переносить усталость. Она привыкла к тишине и одиночеству, к миру, невольно созданному вокруг нее спецификой лыжного спорта. Не каждому удастся проникнуть в этот мир. Но тому, кому удастся, открывается Кулакова – человек прямой, добрый и отзывчивый. Открываются грани ее души и характера.

Кулакова на трассе настоящий боец, азартный и мужественный. И у нее бывали минуты слабости, когда вдруг не хочется бежать. Кажется, что нет сил. И вообще, задаешь себе вопрос: а зачем все это нужно? Какая разница – будешь ты первой или десятой... Но в конце концов азарт борьбы берет свое...

Собственно, нечто подобное случилось и в Саппоро на дистанции пять километров. Вот рассказ об этой гонке самой Кулаковой:

«Я бежала не оглядываясь. Собственно, и оглядываться было некогда. Каждое мгновение ценится на «пятерке» в прямом смысле на вес золота...

"Что Кайосмаа? – вертелось на уме. – Хоть бы подсказал кто-нибудь". Но вдруг, что это? Уж не ослышалась ли? Да нет. Голос Каменского. Но почему же минус одна? Значит, Марьятта выигрывает на первых двух километрах одну секунду? Надо прибавить. А в глазах – круги. Да не круги, а радуга – зеленые, желтые, красные, голубые точки прыгают. И снова крик: "Минус одна!"

Это уже с третьего километра. "Теперь держись, – говорю сама себе. – Отступить некуда".

А гул висит за спиной, как набатный звон. По холмам и пригоркам он несется за мной вдогонку, и, кажется, нет никаких сил, чтобы убежать от него. "Еще шаг, еще... Как можно быстрее. Терпеть, терпеть. Отдохнешь потом, после гонки. Не жалея себя". Финиш рядом. Вот он уже и позади. Теперь взгляд на табло – 17 минут и 50 сотых секунды. А Кайосмаа? Неужели этого не хватит для победы? Кажется, нет. Вот она несется по стадиону, яростно размахивая палками. У нее в запасе всего лишь три секунды, а бежать ей надо метров пятьдесят. Значит, выиграла? Боже, я, наверное, ничего не соображаю. Еще секунда. Выиграла, выиграла! Целых пять секунд выиграла у Марьятты.

Ко мне подбегает Иванов. Он бледен, и у него стучат зубы.

– Ты понимаешь, что ты сделала? – заикаясь от волнения, говорит он. – Ты на последнем километре выиграла у нее шесть секунд.

Я не понимаю. Я не могу никак освободить руку из ремешка палки. И тут хлынули тренеры, журналисты... Крик, шум, гам... У меня в глазах слезы, а на губах – подобие улыбки. Какой-то швед протягивает мне огромный кусок кожи и почти умоляет

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
поставить на нем два автографа.

– Вот здесь, – лопочет он, – рядом со Схенком. Пожалуйста. Я и в третий раз приду к вам, хорошо?

– Конечно, конечно, – шепчу я и нетвердой рукой вывожу свою фамилию».

Скупые колонки цифр отразили неимоверный накал борьбы на дистанции пять километров: 1. Кулакова – 17.00.50. 2. Кайосмаа – 17.05.50. 3. Шиколова – 17.07.32. 4. Олюнина – 17.07.40...

Третье золото в Японии Кулакова завоевала в составе эстафеты 3x5 километров. Вместе с Олюниной и Мухачевой она опередила грозную финскую команду на 33 секунды.

В 1974 году Кулакова триумфально выступила на чемпионате мира в Фалуне. Она победила на обеих индивидуальных дистанциях и в эстафете.

Понятно, в 1976 году в Инсбрук Кулакова приехала первым номером. Однако внезапная болезнь выбила нашего лидера из строя. Несмотря на недомогание, Кулаковой удалось выиграть бронзу на 10 километров, а в эстафете наша команда не уступила никому. Тогда же прославленная лыжница оказалась в центре допингового скандала.

«Перед одним из стартов я простудилась, – вспоминает Кулакова, – и решила закапать в нос галазолин. Сказано – сделано. Пробежала я дистанцию, заняла третье место, получила бронзовую медаль и даже думать не могла, что вскоре ее отберут. Проба на допинг показала наличие в моем организме запрещенного препарата – эфедрина. Была создана медицинская комиссия из восемнадцати врачей из разных стран, которые рассмотрели мое дело и, несмотря на все доказательства о невиновности, уличили меня в принятии допинга. Хорошо, что им не удалось отлучить меня от спорта.

Кстати, перед той гонкой мне приснился сон, который являлся на протяжении всей карьеры предвестником неудач. Было замечено, что, когда перед стартом во сне ко мне является бык, – ничего хорошего не жди. Так получилось и на сей раз».

Через четыре года в Лейк-Плэсиде, как и на предыдущих Играх, специалисты и журналисты, оценивая результаты предолимпийского года, составляли собственные «гороскопы», пытаясь предугадать будущих победительниц. В них – в той или иной зависимости – возникали фамилии двух советских лыжниц – Кулаковой и Сметаниной. Да и как могло быть иначе, если в 1979 году Галина – в тридцать семь лет! – стала обладательницей Кубка мира по лыжному спорту. Это конечно же свидетельствовало о ее твердых намерениях сказать на Играх веское слово в распределении медалей, ибо, как известно, подготовка к Олимпиаде начинается не за год и не за два, а по меньшей мере за три. Так что шансы Кулаковой ценились высоко.

Увы, не получилось. В личных гонках Галина не поднялась выше пятого места. Да и в эстафете на этот раз сборная СССР проиграла команде ГДР.

В 1982 году Галина Алексеевна в сорок лет завершила карьеру лыжницы, завоевав четыре олимпийских золота, став девятикратной чемпионкой мира и тридцать девять раз чемпионкой страны.

Галина Алексеевна окончила в Прокопьевске техникум физической культуры, а позднее – Чайковский институт физкультуры. Предлагали ей в свое время переехать в Москву – отказалась. Сказала: «Я лыжница. Мне снег нужен».

Как-то Кулакову спросили: «Говорят, что великие советские спортсмены всегда были обласканы высшим руководством страны. Галина Кулакова в этом смысле не являлась исключением?»

«Обо всех сказать не могу, но то, что внимание власть предержащих ко мне было минимальным, – точно. Ни с Брежневым, ни с Горбачевым, ни с Ельциным я отдельно не встречалась. Да они и спорту-то внимания не много уделяли.

Раньше много говорили, что Кулаковой купили дом, машину. Все это неправда. Все

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
то, что вы видите вокруг, создано своими силами и исключительно на свои деньги. Теперь вот собираюсь организовать свой музей, где бы можно было принять людей, показать награды, кубки, реликвии.

Но я ничуть не жалею, что выбрала эту стезю. Спорт дал мне все – славу, уважение, финансовое благополучие и многое другое. Если бы можно было прожить жизнь заново, я в ней ничего бы не поменяла».

ИРИНА КОНСТАНТИНОВНА РОДНИНА

(родилась в 1949 г.)

Ирину Роднину по праву называют одной из лучших спортсменок двадцатого века. Она сумела сделать свой вид спорта – фигурное катание – одним из самых популярных и значительных. Но Роднина стала знаменитой еще и потому, что сумела проявить необычайную выдержку и волю к победе. Эти качества обнаружились у нее достаточно рано.

Ирина Роднина родилась 12 сентября 1949 года в Москве в семье кадрового военного. Первые свои коньки «снегурочки» надела в три-четыре года, а когда немного подросла, то родители определили ее в знаменитую школу фигурного катания, которая находилась в детском парке Дзержинского района Москвы. В ней начинали свой спортивный путь большинство советских мастеров фигурного катания пятидесятих годов. Затем из детской школы фигурного катания Ирина перешла в секцию фигуристов ЦСКА, выдержав серьезный конкурс.

В 1962 году по приглашению советского спорткомитета в клуб приехали чехословацкие тренеры – супруги Соня и Милан Валун. Роднина в паре с Олегом Власовым начала заниматься под их руководством, и в 1963 году их спортивная пара заняла третье место во всесоюзных юношеских соревнованиях. В тринадцать с половиной лет девочка получила первый спортивный разряд. Однако чехословацкие тренеры скоро уехали, и Ирина оказалась предоставленной самой себе. К счастью, ее заметил только что назначенный старшим тренером фигуристов ЦСКА Станислав Жук. Он взял ее к себе и подобрал первого взрослого партнера – Алексея Уланова. Это была красивая, запоминающаяся пара: небольшая, крепко сложенная Роднина и видный, высокий Уланов. Они впервые появились в 1967 году на показательных выступлениях. Станислав Жук постепенно приучал судей к их существованию, а уже через два года пришла первая победа.

В 1969 году Роднина и Уланов впервые стали чемпионами мира и Европы. Причем чемпионат Европы они выиграли без тренера! С того памятного года Роднина не пропускала ни одного чемпионата Европы и мира. И неизменно побеждала. До 1972 года с Улановым.

Определяющую роль в их победах играл спортивный характер Родниной, ее обаяние, ее умение бороться с превратностями судьбы. Возможно, что наиболее характерным был эпизод, который произошел сразу после победы на Олимпийских играх в Саппоро, когда Ирина вместе с Улановым отправилась на последний свой чемпионат мира.

Перед выступлением на чемпионате мира в 1972 году Алексей Уланов предупредил Роднину, что в следующем году он будет выступать с новой партнершей – ленинградской фигуристкой Людмилой Смирновой, которая каталась в паре с Андреем Сурайкиным. Уланов и Смирнова собирались пожениться и составить новую спортивную пару.

Позже Роднина вспоминала: «Никакой «женской» обиды у меня не было. Леша всегда был для меня только товарищем по спорту, партнером. Перед нами стояла высокая цель, и я почему-то была уверена, что вместе с Лешей мы ее достигнем, что наш спортивный союз нерушим. Оказалось, он думает совсем иначе. Так стоит ли продолжать?»

Роднина действительно тогда всерьез задумывалась о том, чтобы уйти из большого спорта, ходили также слухи, что она займется одиночным катанием. Однако какое-то время они еще продолжали выступать вместе с Улановым, добившись победы на Олимпийских играх в Саппоро, где Смирнова и Сурайкин завоевали серебро, и на чемпионате мира в Калгари, где Ирина и Алексей в последний раз выступили вместе.

Что делать? Оставить выступления? Заканчивать институт и переходить на тренерскую работу? Если выходить на лед, то с кем? В ком можно угадать надежного партнера?

Роднина неожиданно выбирает себе в партнеры не опытного фигуриста, а мало кому известного Александра Зайцева, имевшего за плечами лишь несколько стартов местного, так сказать, значения. Но Ирина и ее тренер отметили главное – у Зайцева есть характер.

Необыкновенными были лето и осень 1972 года – сплошные тренировки. Не уходили – уползали со льда. Именно после этих тренировок Зайцев скажет: «В принципе ничего страшного в таких огромных нагрузках не вижу. Боязнь и робость появляются у того, кто заранее не готовит себя к сложной работе. А в разгар зимы трудно освоить солидный объем тренировок на льду. По-моему, надо все время исподволь настраиваться на большую работу. Мы с Ириной знаем, что нас ждет завтра. А ясность цели дает многое».

Роднина стала для Зайцева и неутомимой партнершей, и заботливой сестрой одновременно. Она не давала передышек ни ему, ни себе. Перед Зайцевым был образец Великой Спортсменки. И они одолели все барьеры. Новая пара копнула глубже и извлекла перед изумленными зрителями новые сокровища фигурного катания.

С помощью Александра Зайцева Роднина одержала и другую, очень важную для себя победу – моральную. Их дуэт раз за разом завоевывал золото, тогда как Смирнова и Уланов чаще всего оказывались вторыми. Да и симпатии зрителей были неизменно на стороне Ирины и Александра. Особенно после того, как в 1973 году спортсмены сумели выдержать нелегкое испытание.

Вот что писали об их выступлении на чемпионате мира в Братиславе:

«Роднина и Зайцев превосходно начали исполнение своей очень сложной произвольной программы. Это было первое их совместное выступление на чемпионатах мира, и оба фигуриста, равно как и их тренер Станислав Жук, очень волновались перед стартом. Несмотря на это, каждое движение Ирины и Александра свидетельствовало об уверенности, об отличном знании предмета. И вот именно в тот момент, когда пара подходила к средней, чрезвычайно эмоциональной, насыщенной сложными элементами части программы, музыка вдруг исчезла (потом выяснилось, что в радиорубке произошло короткое замыкание). Мертвая тишина в зале способна оглушить любого. Тем более фигуриста, для которого музыка не просто часть его спортивной программы, она – часть его самого, часть его жизни на льду на глазах у многих тысяч людей. И вот музыки нет, и непонятно, что делать дальше...

Роднина и Зайцев не остановились ни на мгновение... Зрители вначале недоумевали. Затем начали аплодировать.

Аплодисменты переросли в овацию. И уже она заменила музыку. Под овацию проходят самые сложные каскады поддержек, стремительные шаги, прыжки, вращения. И когда спортсмены закончили свое выступление, секундомер ледового дворца показал, что Роднина и Зайцев точно уложились – даже без музыки – в отведенное им время. Оценки оказались чрезвычайно высокими».

Старший арбитр соревнований так отозвался тогда о чемпионах: «Эта яркая демонстрация воли к победе явилась примером для всех фигуристов...»

Роднина была самой близкой ученицей Жука. Когда-то она смотрела на мир его глазами. Повзрослев, порой боролась с ним – за него. За лучшее в нем против худшего. Он всегда был с ней откровенен – настолько, насколько вообще мог быть. И вот однажды он ей признался, что с Улановым ли, с Зайцевым ли она как ученица для него – этап пройденный...

Молодой тренер Татьяна Тарасова узнала, что Роднина и Зайцев уходят от Жука – и не к кому-нибудь, а хотят проситься к ней, – неожиданно. Ей позвонил отец, знаменитый хоккейный стратег, Анатолий Владимирович Тарасов. Он сказал: «Без риска жизни нет, но плохо тебе будет, если осрамишь фамилию».

Спортивная жизнь требовала новых доказательств правоты. И вместе с новым тренером Роднина и Зайцев нашли их, добавляя в новые и новые программы лиризм и

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
тонкость, усложняя их новыми прыжками, новыми красочными деталями. И снова было трудно. И снова были поиски.

«Ира меня, конечно, – вспоминает Зайцев, – настраивала на олимпийский лад. Она об Олимпиаде в Саппоро могла рассказывать часами. И все приговаривала: "Олимпиада – это тебе не первенство мира или Европы. Сам поймешь, когда в Инсбрук приедешь..." Опыт в Саппоро Ира приобретала нелегко. Совсем чистого катания там не было. И не случайно. Она потом, как бы это поточнее сказать, по полочкам все раскладывала. Что делала, что говорила, о чем думала? Где силы напрасно уходили, где теряла на том, что отвлекалась, расстраивалась понапрасну? Конечно, чужой опыт – это хорошо, но свой во сто крат нужнее. Я это сейчас с полной ответственностью говорю, после всех главных для нас олимпийских событий...

Когда мы прошли экватор нашей программы, то вдруг почувствовали, что дыхания не хватает. Инсбрук вообще поселок не высокогорный. Полкилометра над уровнем моря – потолок в обычных условиях совершенно незаметный. Но к этим пяти сотням метров над уровнем моря здесь надо добавить еще и олимпийский накал соревнований, который забирает так много кислорода. "Еще немножко, еще чуть-чуть". Слов нам не надо было. Достаточно взгляда. Я видел, что жене трудно. Наверное, и она замечала на моем лице усталость. Но мы верили друг в друга и знали, что каждый будет бороться до конца. Когда остановились, когда умолкла музыка, мы уже знали, что победили, но еще несколько секунд оставались на льду... Потом мы не смотрели, как выступали другие. Лишь отдаленный грохот зала время от времени доносился в закулисные лабиринты Дворца. И это был аккомпанемент к тем немногим словам, которые мы сказали друг другу, став олимпийскими чемпионами...»

Через два года они стали мужем и женой. В честь молодоженов оркестр на свадьбе играл «Калинку». Расшифровывать смысл этого символического подарка никому не требовалось. А вскоре Ирина родила сына.

После рождения Саши Ирине пришлось в третий раз все начинать заново, восстанавливать спортивную форму, синхронность движений, высокий темп и уникальный стиль. Последнее выступление Родниной состоялось в 1980 году, тогда она стала десятикратной чемпионкой мира и трехкратной олимпийской чемпионкой, установив своеобразный рекорд.

Репортеры беспощадно тиражировали и улыбку Родниной, ее лучистые глаза и слезы радости. Она всегда была внешне открытой, не могла и не хотела скрывать своих чувств; если что-то решала, то всегда шла до конца.

Оставив большой спорт, Роднина долго не могла найти себя. Она пробовала работать тренером, подтверждая свой диплом о высшем образовании, потом старшим преподавателем Института физкультуры. Но все эти годы у нее так и не возникло ощущения стабильности, все время чего-то не хватало.

Их сын не стал повторять путь своих родителей, Александр Зайцев-младший выбрал другую карьеру, стал заниматься хоккеем. Не очень удачно сложилась в дальнейшем и семейная жизнь Родниной. Она рассталась с мужем. Он уехал работать в Турцию.

В тридцать пять лет она влюбляется и решает создать новую семью. Как вспоминает сама Ирина, это был удивительно красивый и короткий период в ее жизни. Ей многое пришлось тогда изменять: и работу, и страну, и даже саму себя. Именно муж предложил Родниной попробовать поработать в другой стране, и она легко поддалась уговорам, потому что в глубине души всегда ощущала себя азартным человеком.

Роднина уехала в США и стала работать тренером. Конечно, пришлось нелегко: нужно было привыкать к новому укладу, налаживать связи, учить язык. Вскоре она снова осталась одна с двумя детьми, и ей довелось испытать судьбу матери-одиночки.

Основным местом работы Родниной стал Международный центр фигурного катания в Лейк-Эрроу, близ Лос-Анджелеса (США), куда приезжали дети со всего мира. Знаменитая спортсменка сумела выстоять, стала даже владелицей небольшого катка. Но тоска по родине не проходила.

Роднина не раз приезжала в Москву, но потом возвращалась обратно в США. Но в последние годы она все чаще задумывалась о том, чтобы вернуться на родину навсегда. Она мечтала организовать здесь школу Родниной. Поддержку известной спортсменке оказал мэр Москвы Ю. Лужков. По его инициативе на Дербеневской

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
набережной Москвы начали строить спортивный центр Ирины Родниной.

Родина для прославленной фигуристки оказалась не простым звуком. Будем надеяться, что и в роли тренера-организатора Роднина добьется таких же успехов, каких достигла, будучи фигуристкой.

ВЛАДИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ ТРЕТЬЯК

(родился в 1952 г.)

Прошло шесть лет после того, как Третьяк покинул ледовую площадку, и вот...

«В 1990-м мне позвонил знаменитый тренер Майк Кинэн: "Слава, у нас в „Чикаго“ 7 приличных вратарей, и мы никак не выберем, кого из них „натаскивать“ на основного. Прилетай, проконсультируй, помоги". С английским у меня тогда совсем плохо было, и я решил, что лучше не рассказывать, а просто показать ребятам из "Блэкхоукс", как надо стоять в воротах. Провел одно занятие, другое, и вдруг меня приглашает Кинэн: "Владислав, скажи, сколько тебе надо заплатить, чтобы ты сыграл за „Чикаго“"? В первый момент я даже растерялся: "Майк, это шутка? Ведь я уже 6 лет как не играю". А он в ответ: "Ну и что? Я вижу, чувствую – ты выиграешь нам Кубок Стэнли! Короче, сколько?"

Потом, в Москве, ребята говорили. "Владик, нужно было соглашаться. Взял бы у него миллион, сезон отстоял бы – и отдыхай всю оставшуюся жизнь". Но я так не мог. В НХЛ каждый молодой мечтал бы забить легендарному Третьяку. Хотя бы разочек, но забить. Я был бы для них – что красная тряпка для быка. И рано или поздно не выдержал бы такого напряжения, напропускал бы, имя потерял. А для меня имя потерять... Я столько лет его зарабатывал!»

В 2000 году Международная федерация хоккея и Федерация хоккея России официально провозгласили Третьяка лучшим игроком XX века.

Трехкратный олимпийский чемпион, десятикратный чемпион мира, лучший вратарь чемпионатов мира 1974, 1979, 1981, 1983 годов, Владислав Александрович Третьяк родился 25 апреля 1952 года. Сын военного летчика и учительницы физкультуры воспитывался почти в спартанской обстановке и был не по годам отважным, крепким, способным к озорству и неожиданному поступку.

Владик сам попросил мать отвести его в хоккейную секцию ЦСКА. Мальчик сумел выдержать непростой вступительный экзамен. Вскоре его новое увлечение подверглось серьезному испытанию. Пришлось жить у бабушки в Дмитрове и ездить на электричке до ЦСКА и обратно. На тренировки нужно было являться ежедневно, порядки в хоккейной школе строгие. Так же строг был и его отец Александр Дмитриевич: «Будут двойки, не пушу на тренировку!» Владик не подвел ни себя, ни отца, ни тренера.

С тренером ему повезло. Виталий Ерфилов разглядел в мальчишке талант. Его кредо можно сформулировать так: «Талантам надо не мешать». Он позволил развиваться молодому вратарю свободно. Вот, к примеру, как родилась фирменная стойка Третьяка. Ерфилов долго обучал Владика, как правильно делать «шпагат», но тот вдруг отказался от этого приема и стал просто класть щиток на лед: «Мне так удобнее». И тренер позволил отступить ему от классических правил.

По-своему стал держать Третьяк и ловушку. Вратари обычно держали ее у щитка, а Владик приподнял в среднее положение и доказал игрой, что так вратарь получает больше шансов завладеть шайбой. Потом появились последователи, безоговорочно принявшие такую стойку, затем освоившие и его стремительные выходы навстречу броску, а также методику его тренировок.

Прежде чем сказать свое новое слово, следует изучить весь предшествующий опыт. Третьяк всегда с уважением относился к старшим, к их опыту и советам. От каждого предшественника Третьяк сумел взять самое лучшее, необходимое, самое для него подходящее, преломив в игре по-своему. Постепенно он научился и анализировать ход событий на ледяной площадке, предугадывать действия соперников. Владислав внимательно изучал манеру нападения в каждой команде и соответственно строил свою оборонительную тактику.

Московского школьника заметил и включил в состав юношеской сборной знаменитый в прошлом вратарь Николай Пучков. Из финского города Тампере Владик вернулся с первой в своей жизни медалью, серебряной, но такой для него памятной, хотя и был на турнире дублером Владимира Полупанова. Затем коллекцию пополнил тремя золотыми медалями первенства молодежных команд континента, а на последнем из них впервые был назван и лучшим вратарем.

Летом 1967 года в команде ЦСКА было три вратаря – Толмачев, Толстиков и Полупанов. Старшему тренеру Анатолию Владимировичу Тарасову потребовался четвертый – для того чтобы плодотворнее проводить тренировки.

Тарасов поставил перед собой цель: сделать Третьяка лучшим вратарем в мире. Владислав вспоминает: «Нас, пацанов, Тарасов называл "полуфабрикатами". И гонял на тренировках беспощадно. Была у него такая присказка: "Если я на тебя сегодня ни разу не прикрикнул – считай, что ты уже покойник". То есть ты ему уже совсем неинтересен. А если наорал, расчихвостил в пух и прах – значит, он еще не потерял надежду сделать из тебя человека. Помню, как-то раз подходит он ко мне и говорит: "Что-то мне, Владик, твоя правая нога не нравится. Никудышная, слабая нога. Короче, завтра выходи на лед пораньше и приседай. Только на правой. Две тысячи раз". Наутро я приехал в ЦСКА, приседаю да приседаю и чувствую: вот-вот умру. Поднимаю голову, а за бортом стоит Тарасов: "Как себя чувствуешь?" "Хорошо", – отвечаю. Я жаловаться не любил и не люблю. "Ну ладно, полуфабрикат, раз ты сегодня выжил – значит, быть тебе великим хоккеистом. Запомни мое тарасовское слово"».

14 сентября 1969 года привыкшая к дерзким новинкам тренера Тарасова московская хоккейная публика была шокирована, когда увидела в воротах совсем еще мальчишку. Однако в матче с принципиальным соперником Владик отстоял хорошо и армейцы победили – 8:2.

«Первый свой автограф дал в 15 лет. После первого матча в составе ЦСКА отец, обычно скупой на похвалу, позвонил мне и сказал: "Ну, сын, я даже и не знал, что ты так здорово можешь играть!"»

В 1971 году Владислав во второй раз попадает на чемпионат мира – в Швейцарию. Приехав на предварительные игры чемпионата мира в Берн вторым номером, он уезжал из Женевы две недели спустя первым. Третьяк на долгие годы становится основным голкипером сборной СССР.

Через год на своем первом олимпийском турнире в Саппоро Третьяку удалось пропустить шайб меньше остальных вратарей.

Владислав появился в большом хоккее в интересный период: была разрешена силовая борьба по всему полю, при нем вошли в моду клюшки с загнутыми крюками, отчего броски стали гораздо хитрее и сильнее. Возросли скорости, хоккей стал динамичнее и острее. Больше борьбы стало завязываться на пяточке у ворот, агрессивнее стали форварды, идущие на добивание.

Потребовался вратарь с виртуозной техникой и молниеносной реакцией. Потребовался вратарь, умеющий «прочитать» любую комбинацию, безукоризненно выбрать позицию для защиты ворот и мгновенно принять решение в экстремальных условиях, наконец, способный противопоставить мастерству нападающих новые, соответствующие изменившейся динамике игры приемы в технике и тактике своего специфического ремесла. Такого вратаря ждали. Им стал Третьяк, своей игрой расширивший представления о красоте хоккея.

Владиславу выпала честь первым из наших вратарей лицом к лицу встретиться с зарубежными профессионалами, которые до тех пор находились в гордом одиночестве на недоступных вершинах. Что скрывать, волновались перед первой поездкой к канадским профессионалам наши хоккеисты, тренеры и миллионы болельщиков.

После первого матча в Монреале 2 сентября 1972 года, выигранного советскими хоккеистами 7:3, пришлось заокеанским болельщикам заучивать фамилии советских хоккеистов. Им пришлось признать бесспорное превосходство Третьяка над своими асами вратарского мастерства, преимуществами советской хоккейной школы, подготовившей «звезду» такой величины. Многоопытные игроки, тренеры, журналисты не скрывали восхищения тем, как быстро Владислав понял стиль профессиональных

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru форвардов и лишил их самых главных козырей. Канадские бомбардиры, как правило, при первой возможности сильно бросают по воротам и стремительно идут на добивание, тем более что в силовой борьбе на пяточке им равных нет. Третьяк не дал им возможности использовать этот козырь, принимая даже сильно пущенную шайбу точно в ловушку.

Через два года Третьяка встречали в Канаде восторженно. Вновь, теперь уже в составе ЦСКА, Владислав творил на льду привычные чудеса.

Счастливым оказался для Владислава 1974 год. На пятом для себя чемпионате мира в Хельсинки он получил четвертую золотую награду и был впервые назван лучшим вратарем первенства. Такой чести до него из советских вратарей удостоивался только Николай Пучков. Капитан нашей сборной Борис Михайлов сказал тогда: «Все хорошо играли, но лучшим из нас, безусловно, был Третьяк». Это мнение капитана чуть позже целиком и полностью поддержал опрос советских спортивных журналистов, назвавший Владислава – и тоже впервые – лучшим хоккеистом страны 1974 года.

Получив признание, Третьяк тренировался так же самозабвенно и неистово, как будто ему предстояло опять и опять завоевывать место в армейском клубе и сборной команде. Он продолжает много играть, иногда чересчур много, но иначе не может. Во-первых, считает себя обязанным быть нужным команде всегда, помня о неожиданностях даже в поединках с заведомо слабыми командами. Во-вторых, убежден, что высокую боевую форму вратарь должен всегда поддерживать, испытывая сопротивление среды и материала, а значит – в игре.

После очередной победы советской сборной на московском чемпионате мира в 1979 году знаменитый канадский тренер патер Дейв Бауэр воскликнул:

– Владислав Третьяк – это сверкающая вершина того недостижимого для других «пятнадцатитысячника», имя которому – советский хоккей!

В 1981 году наш вратарь вновь отличился, на этот раз на кубке Канады. На промежуточном этапе профессионалы сумели переиграть нашу сборную со счетом 7:3, и это в глазах публики еще выше подняло их шансы на победу в турнире.

Третьяк вспоминает: «Скажи нам кто-нибудь до начала матча, что мы победим в этот вечер со счетом 8:1, никто из нас в это бы не поверил. Канадцы были сильны. Действовал к тому же "фактор родных стен". Большинство болельщиков абсолютно не сомневались в их победе. А счет, между тем, 8:1 в нашу пользу. Накануне газеты писали: "Исход финала будет во многом зависеть от того, как сыграет Третьяк". Я выложился до конца. И все остальные наши ребята показали максимум того, на что они способны...

Уже дома, в Москве, меня встретила во дворе старушка-соседка.

– Ой, сынок, да ты ведь Третьяк?

– Да, бабуля.

– Дай я тебя поцелую. Я ведь когда вы играли с этими супостатами, телевизор крестила. А когда вы их одолели, даже заплакала. Это же надо, наш советский гимн где пели!»

Одна из канадских газет после разгрома горько пошутила: «Нельзя больше пускать Третьяка в Канаду. Он «украл» наш Кубок».

«Он ушел из хоккея неожиданно для всех, вскоре после победы на Олимпиаде-84, в самом расцвете сил и мастерства, – пишет С. Шачин. – Ушел, как это ни парадоксально, потому что был истинным профессионалом. А в нашей стране, где исстари делами заправляют дилетанты, профессионалов сроду не любили, больше того – относились к ним с опаской и потому старались их принизить, поприжать, подстричь под общую гребенку. Третьяк считал, что заслужил к себе другое отношение. Его не поняли. И он расстался с ЦСКА».

Отдав всю жизнь спорту, Третьяк остался верен ему и после ухода. Он стал бизнесменом, но опять-таки в спортивной области. Владислав представляет в России продукцию канадской фирмы, выпускающей снегоходы. Ежегодно его приглашают в Чикаго консультировать вратарей хоккея команды «Чикаго Блэкхоукс». Многие из

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru них, такие, например, как Эд Белфор, называют его своим главным тренером.

Но совсем уехать из Москвы Третьяк не может и не хочет: «Не могу подолгу жить за границей. Кроме того, я открыл в Москве Международную спортивную академию Владислава Третьяка и теперь провожу детские хоккейные турниры. Надо же возродить детский спорт!»

В серебряной медали, завоеванной хоккейной сборной России в олимпийском Нагано-98, есть частица и его труда – тренера, работавшего с вратарями главной команды страны.

Дети Третьяка такую безудержную любовь к спорту не переняли и не пошли по стопам отца. Несмотря на то что сын Дмитрий в свое время занимался и фигурным катанием, и баскетболом, и теннисом, профессиональным спортсменом он не стал, выбрав медицину. Он подарил родителям внука, на которого сейчас и возлагаются все надежды Дочь Третьяка Ирина работает юристом.

Татьяна, жена Владислава, считает его самым уникальным и замечательным мужем. Он способен блистать не только на спортивной арене, но и во всех домашних делах; к стати, Владислав прекрасно готовит пельмени. И все-таки дом – это не его поле деятельности. Благодаря жене, создавшей прочный тыл, он может полностью отдаваться работе. Ведь действительно в хоккей играют настоящие мужчины.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ КАРЕЛИН

(родился в 1967 г.)

Трехкратный олимпийский чемпион Александр Карелин официально признан Международной федерацией борьбы лучшим борцом греко-римского стиля XX века.

– Для меня имеет значение только одно место – первое, – сказал как-то Карелин. – А второе или десятое – это уже неважно. Это – поражение.

«Единственное, о чем я, признаюсь, жалел, – говорит тренер чемпиона Кузнецов, – что Карелин никогда на моей памяти не использовал в схватках всю свою мощь. Просил его бывало: "Саша, сделай для меня лично „обратный пояс“". Это его коронный и мой любимый прием: когда кидаешь соперника через спину на ковер с высоты собственного роста. А ему всегда было жалко тех, кто с ним борется. Бросок ведь – это всегда унижение для партнера».

Карелин родился 19 сентября 1967 года под Новосибирском. Отец работал водителем самосвала, мать – служащая. Оба крупной комплекции. Саша родился весом в пять килограммов! С детства, не по годам рослый, он охотился, лихо бегая на лыжах, занимался плаванием. А вот занялся борьбой только в тринадцать лет, когда был выше отца на голову. И еще не факт – стал бы Карелин борцом, если бы не тренер первый и единственный – Виктор Кузнецов. В пятнадцать лет на юношеских соревнованиях Саша получил перелом ноги. Но именно после этой тяжелой травмы он сделал окончательный выбор в пользу классической борьбы.

В 1986 году Карелин потерпел первое поражение, проиграв чемпиону мира Игорю Растороцкому – 0:1. До 2000 года оно оставалось единственным. Через год Александр становится чемпионом мира среди юношей и попадает в состав главной сборной страны.

«Я впервые увидел Карелина в Москве, на тренировочном сборе в Олимпийской деревне года за два до Игр в Сеуле, – вспоминает олимпийский чемпион Сеула Михаил Мамиашвили. – Мы с ребятами сидели в столовой, когда он вошел и остановился у дверей. Он выглядел большим, нескладным и совсем юным. И явно не знал, куда деть собственные руки. Но меня потрясло другое – карелинский взгляд. Это был взгляд человека, который абсолютно точно знает, чего он хочет. Тогда Карелин только подбирался к взрослой сборной. Но уже в олимпийском году мне было ясно, что он пришел в команду надолго».

Сторонников того, чтобы в супертяжелом весе на Играх в Сеуле выступал Карелин, было не так уж много. Тогда на главную в команде роль с полным правом претендовал двукратный чемпион мира Игорь Растороцкий. Но отборочный чемпионат

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
СССР Растороцкий проиграл. Однако ему оставили шанс: вопрос о том, кто именно поедет в Сеул, должен был решаться в специально организованном турнире.

Может быть, именно тогда сам Карелин понял и сформулировал для себя основную истину: «Жизнь дает шанс каждому. Важно, чтобы ты сам был готов к этому». Последнюю отборочную схватку с Растороцким Карелин выиграл.

И в Сеуле, когда в команде встал неизбежный вопрос о том, кто понесет на церемонии открытия Игр командное знамя, Мамияшвили предложил кандидатуру дебютанта. То было определенным риском. Издавна повелось доверять знамя тем, чья победа на Играх не вызывала ни малейшего сомнения у окружающих.

Мамияшвили, тогдашний капитан борцовской сборной, так объяснил, почему он назвал имя Карелина: «Когда Саша боролся с Растороцким – ту самую, решающую схватку, – немногие знали, что у него серьезно травмирована рука – треснула кость. Я видел, как он боролся. И понял, что, если для победы в Сеуле понадобится умереть на ковре, Карелин умрет, но не проиграет».

В Сеуле в финале Александр еще за тридцать секунд проигрывал поляку Грабовскому один балл, но в итоге победил.

Через четыре года в Барселоне Карелин снова был знаменосцем, сменив к тому же на посту капитана команды Мамияшвили. Правда, знамя было другим – белым – Объединенной команды. Однако парадоксально, более единой наша команда не была, пожалуй, никогда. Для себя они по-прежнему, пусть и в последний раз, были одной командой.

В четырех схватках из пяти Карелин победил досрочно: за полторы минуты отправил отдыхать канадца Эндрю Бородоу, за две с небольшим – кубинца Россела Меса. На румына Иона Григораша ушло 15 секунд. В финале же чемпион мира, двадцатикратный чемпион Швеции Томас Юханссон продержался не дольше канадского борца. И лишь финна Юху Ахокаса Карелин победил по баллам.

«Когда я стоял на пьедестале, – вспоминал Карелин, – то больше всего в жизни хотел бы услышать советский гимн. Мы на нем выросли. А на новых гимнах должно вырасти новое поколение».

Через год после Игр в Барселоне Карелин в пятый раз подряд стал чемпионом мира. И только по возвращении команды из Стокгольма в Москву стало известно, что на протяжении всего чемпионата он боролся со сломанным в первой же схватке ребром.

Тот чемпионат в какой-то мере стал историческим для журналистов. Давнему карелинскому визави Юханссону, официально заявившему накануне чемпионата о своем уходе, впервые удалось размочить сухой счет своих поединков с Карелиным: в предпоследней схватке, отчаянно стараясь схватить российского борца за ребра, швед отыграл балл, ставший на следующий день причиной появления целого фоторепортажа в стокгольмских газетах. «Вот он, этот момент!» Ниже стояло: «А вот то, что произошло чуть позже».

На остальные снимки шведам лучше было не смотреть.

Когда в Москве Карелина спросили, почему из-за травмы он не снялся с соревнований, ответом был непонимающий взгляд: «Сняться? Я же капитан!» В этой фразе было все. И ответственность за свою команду, впервые выступающую на мировом помосте под российским флагом, и гордость за уже завоеванные ею пять побед на чемпионате Европы в Стамбуле, и много чего еще, включая жалость к Юханссону, которому он, Карелин, испортил праздник. («Мне действительно его жалко. Ведь если разобраться, именно я последние пять лет хорошему мужику кровь порчу».)

Правда, шведу Карелин неудачу «компенсировал». Во время чемпионата в Финляндии Александр осчастливил здорового подтянутого мужчину, державшего за руку ребенка. Карелин расписался тому на протянутых майках и бейсболках, прощаясь, хлопнул мужчину по плечу. То был Юханссон!

28 марта 1996 года в Будапеште в полуфинале девятого для себя чемпионата Европы Карелин вновь был травмирован. В поединке с белорусским борцом Василием Дибелко у него оторвалась большая грудная мышца. Травму нельзя было даже обезболить –

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru мышца оторвалась прямо под плечевым суставом, и слишком велик был риск затронуть нервные окончания. Сняться с турнира Карелин отказался категорически.

Кроме обычных капитанских аргументов («Вышел на ковер – борись»), был и еще один: с трибуны за Карелиным наблюдала его жена Ольга. Потом он скажет: «Очень тяжело бороться, когда на тебя так смотрят». И только посадив Ольгу на самолет, Карелин поехал в госпиталь.

После операции, которая шла почти три часа (только из гематомы откачали полтора литра крови), ведущий хирург Венгрии Иштван Беркеш сказал, что полноценно тренироваться Карелин сможет через два месяца. До Игр в Атланте оставалось три с небольшим месяца.

Карелин очень долго взвешивал все «за» и «против» того, чтобы продолжать бороться. Он попросил, чтобы подробные данные об операции не публиковались хотя бы пару месяцев. И чтобы шрам был не слишком большой. Хирурги, оперировавшие Александра – Беркеш и Аттила Павлик, сдержали слово. А после Игр Карелину из Венгрии прислали поздравления от имени всех сотрудников больницы: мол, при таком масштабе разрыва никому и в голову не могло прийти, что он вообще будет участвовать.

Финальная схватка супертяжей на Олимпиаде-96 была страшной. Бесновался соперник Карелина – американец иранского происхождения Мэтт Гаффари. Бесновались трибуны: больше всего на свете они, собственно, и мечтали увидеть в финале американца. Бесновалась под сводами музыка – из знаменитого «Рокки-4». Абсолютно спокойным в зале был лишь один человек, который не имел права проиграть. В том числе и потому, что знамя российской команды в день открытия Игр нес все-таки он.

Когда схватка со счетом 1:0 закончилась, Карелин так и остался стоять на ковре. И на его лице не было и тени улыбки.

Когда-то он пришел в борьбу, отчаянно мечтая стать чемпионом мира. А в Атланте сказал: «Все чемпионаты мира, вместе взятые, не стоят Олимпийских игр».

После Игр в Атланте в каком-то из интервью выдающийся актер Юрий Никулин, говоря о Карелине, заметил: «Что мне особенно приятно как бывшему клоуну – у него грустные глаза».

На церемонии в Георгиевском зале Кремля, когда его награждали звездой Героя России, Карелин, увидев среди присутствовавших Никулина, попросил, чтобы их познакомили, – поблагодарил за теплые слова.

«В спорте столько не живут, – грустно пошутил как-то в свой адрес Сан Саныч. – Я почему мечтал выступить в Атланте? Мужики в команде достали: мол, в Белоруссии есть свой трехкратный олимпийский чемпион – Александр Медведь, а в России нет. Это же неправильно. Но вообще я считаю, что у человека, будь то спортсмен или тренер, должно быть право уйти. Выполнил контракт – и никому ничего не должен. Вот только не получается. Возьмите Мамашвили – он же страшный фанатик, вся команда на нем держится. Как я его брошу? А главное – мое место пока просто некому занять».

Карелин пошел на рекорд – его целью стала победа в Сиднее-2000. Последнюю проверку Александр провел на чемпионате Европы в Москве и как всегда победил. Чемпионат был интересен тем, что Карелин выступил в роли «играющего» депутата. В декабре 1999 года его избрали депутатом Государственной думы России. Александр Александрович стал членом комитета Госдумы по охране здоровья и спорту.

В команде Карелина зовут короче – Сан Саныч. Говорит Мамашвили:

– Даже не помню, когда именно Карелина стали называть именно так. Я сам лет шесть и в глаза, и за глаза зову его по имени-отчеству. А как по-другому мы можем подчеркнуть всю степень уважения к нему?

До финала своей четвертой Олимпиады Александр продвигался как всегда уверенно. Многие российские болельщики, спортсмены, официальные лица собрались 27 сентября в борцовском зале, предвкушая новый триумф русского богатыря. Увы, Карелин не выиграл. Судьбу решил один балл, присужденный судьями американскому борцу Гарднеру. По мнению многих, несправедливо. Карелин не стал искать оправданий в

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
плохом судействе: «Я не выиграл. Значит, проиграл. Ну, цеплял меня американец за ноги. Так что с того? Меня всю жизнь цепляли. Все эти разговоры – в пользу бедных. Мне было бы легче проиграть своему. Кому угодно, но не американцу. Потому что считаю себя представителем самой сильной борцовской страны мира».

В 2002 году Карелин защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора педагогических наук в Академии физической культуры им. Лесгафта (Санкт-Петербург) по теме «Спортивная подготовка борцов высокой квалификации».

Все так же Карелин живет в Новосибирске, являясь почетным жителем города. Вместе с женой Ольгой он воспитывает сыновей Дениса и Ивана и дочь Василису.

«Я стал меньше бывать дома, – говорит Карелин. – Перестал тренироваться два раза в день пять дней в неделю. Появилось больше возможностей для творчества. Однако и ответственность возросла.

Один молодой человек спросил меня недавно: "О чем мечтаешь?" – "О всеобщем благоденствии". "С тобой неинтересно", – резюмировал он. А я действительно мечтаю, чтобы люди вокруг были счастливы. И чем дальше, тем мечта актуальнее. Я понимаю ее особую востребованность и необходимость. Все должны иметь возможность работать и за свою работу получать адекватно. Адекватно по цивилизованному, а не по российским стандартам. Вот если уровень оплаты труда у нас станет таким, как в высокоразвитых странах, уровень преступности и всего прочего нехорошего окажется просто незначительным. Когда это случится – и наступит благоденствие».

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ПОПОВ

(родился в 1971 г.)

Александр Попов родился 16 ноября 1971 года в поселке Лесной под Екатеринбургом. Его родители работали на военном заводе. Они хорошо зарабатывали и Саше не отказывали в каких-либо игрушках или хорошей одежде. Сегодня Александр с радостью возвращает долги.

Первым тренером Саши был Г. Витман, а плавать он начинал на спине. Но результаты были неважными. До тех пор пока Сашу не пригласил в свою группу в Волгоград Геннадий Турецкий.

«Идея перевернуть меня со спины на кроль, – вспоминает Попов, – как я узнал позже, принадлежала ему. Причем вынашивал ее Геннадий Геннадьевич года два. Я плавал у Анатолия Жучкова и столько времени сидел в подающих надежды, что пошли разговоры заменить меня кем-нибудь другим. Поэтому когда тогдашний главный тренер сборной Глеб Петров предложил мне сменить специализацию и поплавать у Турецкого, я согласился.

Ужасно боялся, что может ничего не получиться. В моем представлении Турецкий был монстром. О его запредельных нагрузках ходили легенды. На первом сборе в Медео я долго собирался с мужеством. Потом подошел и чуть ли не по-военному говорю: "Геннадий Геннадьевич, я готов к работе". Он удивился: "Иди, – говорит, – покупайся. Завтра работать начнем". На следующий день вместо разминки предложил всей бригаде в водное поло поиграть – баскетбольным мячом, в то время как остальные пахали как проклятые. На третий день снова в удовольствие купались, на четвертый – в горы пошли. Я спросил тогда, когда мы работать начнем. И услышал: "А куда торопиться? Сезон длинный..." Думал даже: тот ли это Турецкий, которым меня так пугали?

На следующем сборе, несмотря на то что работа была действительно тяжелой, меня не покидало ощущение, что я попал в другой мир. Совершенно иной подход к тренировке, другие отношения в группе, все другое. И так до сих пор».

За один год Александр улучшил результат на ста метрах вольным стилем с 51,6 до 49,2 секунды! В 1991 году Попов на чемпионате Европы в Афинах выиграл три золотые медали. 23 августа он впервые победил на «стометровке» с результатом 49,18, а затем и в двух эстафетах: 4x100 вольным стилем и комбинированной 4x100 метров.

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Первой дистанцией Попова на Олимпиаде в Барселоне была «стометровка». Та самая дистанция, где на протяжении всей олимпийской истории властвовали американские пловцы. Но и Попов, начиная с чемпионата Европы, не проиграл ни одного официального старта на стометровой дистанции. Даже в тех случаях, когда плыл бок о бок с американцем Мэттом Бионди – олимпийским чемпионом Лос-Анджелеса и Сеула.

Турецкий не сомневался в успехе.

– Саша победит, – убеждал он. – Никаких «но», – решительно отрубал возражения.

Сколько же сил и эмоций вложено в короткие 49,02 секунды – таково победное время Попова. Он пришел к повороту после пятидесятиметрового отрезка лишь шестым. Он греб заметно реже соперников, эдак вальяжно – словно нехотя. И ничего не меняя, как-то незаметно, но неумолимо Попов стал сокращать расстояние, отделяющее его от соперников. Бразилец Боргес отстал в итоге от Попова на 0,38 секунды, а Бионди финишировал пятым.

Следующая дистанция 50 метров. На Попова уже шли. Как идут на знаменитых артистов. Еще бы! Попов – ниспровергатель авторитетов! На сей раз Александр оказался зажат в американских тисках. С правого бока – Джегер, с левого – Бионди. Попробуй уследить. Саша и не стал пытаться. Со старта включил высшую передачу. На финише едва не побил рекорд мира. Не хватило одной десятой – 21,91. Бионди показал 22,09.

И в комбинированной эстафете 4x100 метров болельщики надеялись на Попова. Однако на третьем этапе Павел Хныкин отстал не только от американцев, но и от канадцев. Последних Саша опередил, но штатовцы уплыли слишком далеко.

После победной Олимпиады Саша не успевал отвечать на вопросы журналистов.

– Каково настроение у вас было накануне вашей первой дистанции – «стометровки»?

– Когда два первых дня состязаний я сидел на трибуне, не мог понять: как так можно выиграть? Потом успокоился. Вечером перед «стометровкой» посмотрел по телевизору какое-то кино, потравили с ребятами анекдоты.

– На первый взгляд спринтерские дистанции – нехитрые. Но ведь наверняка здесь столько тактических и стратегических нюансов?

– Да. Моя тактика на «полтиннике» – уйти в отрыв на начальных 15–20 метрах, «стометровку» проплыть на пределе от начала до конца. Какие метры даются мне легче? Зависит от физической формы. Иной раз кажется, что последний отрезок не доплыву – умру.

– Чем вы объясняете свой успех – упорством, талантом от Бога или мастерством Турецкого?

– Думаю, всеми этими тремя причинами. Но особенно мне повезло с тренером. Геннадий Геннадьевич – тренер-демократ. Дает мне свободу творчества. Не удивляйтесь, плавание – творческий вид спорта.

После Олимпиады Попов продолжал побеждать: на чемпионатах Европы 1993 и 1995 годов, на чемпионате мира 1994 года. В 1994 году Александр побил мировой рекорд на стометровой дистанции – 48,21.

Конечно же никто не дарил медали нашему пловцу. Но иногда судьба «золота» решалась еще до старта. «На чемпионате Европы в Вене, – вспоминает Попов, – лучший результат в предварительном заплыве (на 50 метров) показал Марк Фостер из Англии. Я, понятно, разозлился. Перед финалом я говорю Марку: "Чтобы занять дорожку лидера, надо сначала у меня разрешения спросить". Фостер парирует: мол, он тоже вправе претендовать на золото. Тогда я бросаю новую реплику: "С тебя хватит той золотой цепи, что висит на твоей шее. А золотая медаль все равно достанется мне". Англичанин сразу сник. Он проиграл без борьбы».

Но конечно же все мысли Попова занимала Атланта. С 1993 года Александр жил и тренировался в Канберре – столице Австралии, куда переехал тренировать местных пловцов его тренер Турецкий. Первые два года Попов прожил в студенческом общежитии. Он платил за скромную комнатку, где не было даже телевизора, по сорок

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru долларов в сутки. Платил из своего кармана, поскольку контракт предложили не ему, а Турецкому. Позднее знаменитый пловец перебрался из общежития в дом, снятый на паях с друзьями.

Австралийцы внесли в контракт пункт, который запрещал Турецкому на Олимпиаде в Атланте работать с Поповым у бортика бассейна. Хорошо хоть разговаривать – вдали от бортика – не запретили. Турецкий предупредил, что соперники сделают все, чтобы вывести его из равновесия. Девятикратный олимпийский чемпион американец Марк Спитц заявил в прессе, что Попов проиграет обе спринтерские дистанции. И предсказал успех своим соотечественникам – Олссону и Холлу. Сам Холл перед финалом стометровки вел себя вызывающе. Он размахивал кулаками, демонстративно плевал в воду, что-то громко кричал. Но Попов по совету Турецкого ушел глубоко в себя и ничего этого не видел и не слышал.

После старта показалось, что Холл может исполнить обещанное. Первые пятьдесят метров он прошел чуть быстрее нашего пловца. Ревели трибуны, мелькали звездно-полосатые флаги. Но после поворота Попов поставил все на свои места. Его время 48,74, у американца – 48,81.

Потом была эстафета 4x100 метров вольным стилем. Здесь победили пловцы США, а Холл показал абсолютно лучшее время на этапе – 47,45. Попов показал 47,88.

Накануне финала на дистанции 50 метров Холл снова раздавал интервью: «Я сделаю все, чтобы стать первым и выиграть у Попова. Я побью этого русского, превращу его в посмешище». Он убедил в этом всех американцев, даже президента США Билла Клинтона. С женой и дочкой тот специально пришел в бассейн, чтобы увидеть триумф американского духа.

Волновался ли сам Александр? Да, конечно, волновался, ведь на кону стоял престиж страны, и тем не менее ни страха, ни неуверенности не было и в помине. Александр был прекрасно подготовлен и верил в себя! Он и на этот раз ничего не сказал пришедшему к финишу вторым Холлу, но в том взгляде, каким он окатил униженного на глазах своего президента и всей нации американца было все то, о чем умолчал его язык! Обескураженная пресса поутихла, а ставший уже двукратным олимпийским чемпионом Попов стал привлекать к себе еще большее внимание. И когда его спросили не устал ли он от плавания, Александр совершенно откровенно ответил: «Спортсмен, сумевший стать два раза олимпийским чемпионом и несколько раз чемпионом мира не может не устать... Но это вовсе не означает того, что я собираюсь уходить. И именно теперь, когда я повторил достижение великого Вейсмюллера, мне еще больше захотелось стать единственным в мире человеком, завоевавшим олимпийское золото три раза подряд! И это теперь мой единственный стимул...».

Ну а затем с Поповым случилось то, что и по сей день воспринимается как страшный сон! В конце лета 1996 года Попов с товарищами повздорил с торговцами арбузов, один из них всадил ему в спину на целых пятнадцать сантиметров нож, задевший легкое и почку, и от неминуемой смерти прославленного спортсмена спас оперировавший его Автандил Манвелидзе. Попов надолго попал в больницу, и там, как это и всегда бывает в подобных случаях, совершенно в ином свете взглянул на многое из того, что еще совсем недавно казалось ему простым и понятным. «Именно тогда, – сказал он позже, – я по-настоящему понял, что значат настоящая дружба и участие. И я был очень тронут, когда меня пришел навестить Саша Карелин, с которым я не был знаком! Да, что там говорить, многое я тогда переосмыслил...»

Случившимся с Поповым несчастьем поспешили воспользоваться чиновники от австралийского спорта и, полагая, что после всего случившегося Александра уже ничто не может удержать в России, предложили ему за очень большие деньги австралийский паспорт и... название его именем улицы в Олимпийской деревне. Но Попов и здесь повел себя самым достойным образом. «Я не продаюсь даже за миллион долларов, – пожал он плечами. – Моя родина – Россия, и на пьедестале я буду стоять только под флагом моей родины!» И он знал, что говорил! «В Канберре я тосковал так, – рассказывал он, – что впору было на стенку лезть! Конечно, у меня есть в Австралии и знакомые, и приятели, но все равно там все чужое...»

Правда, с 1996 года Саше гораздо легче переносить чужбину – прелестная русская девушка Даша стала его женой. Даша Шмелева тоже занималась плаванием, была серебряным призером первенства Европы. В октябре 1997 года в семье Поповых родился сын, названный Владимиром, а еще через три года – второй сын, Антон.

Итак, в личной жизни Александра все складывалось хорошо. Тем временем немногие верили, что после ранения и занявшего более восьми месяцев восстановительного периода Попов вернется на свой высокий уровень в плавании. На чемпионате Европы в Стамбуле на первое место вышел предполагаемый олимпийский герой – 21-летний спринтер из Голландии Питер ван ден Хугенбанд.

Первый ответный удар Попов нанес, впервые за последние четыре года выступив на чемпионате страны 2000 года – главном отборочном турнире к Олимпийским играм. Попросив организовать в бассейне спорткомплекса «Олимпийский» дополнительный заплыв, он установил на самой короткой в плавании дистанции мировой рекорд – 21,64!

Потом был чемпионат Европы-2000 в Хельсинки, где Попов дважды опережал Хугенбанда на дистанциях 100 и 50 метров. Александр вновь почувствовал скорость: «Если бы почувствовал, что не способен на Олимпиаде составить Хугенбанду, Майклу Климу и другим реальную конкуренцию, придумал бы какую-нибудь отговорку, чтобы вообще не стартовать – и не позориться».

Потеря сиднейского золота на 100-метровой дистанции стала для пловца сильнейшим ударом. Он держался из последних сил, чтобы не показать свое разочарование. Однако уже на следующий день Попов заметил: «Я должен радоваться своей серебряной медали. Ни одна из предыдущих золотых не давалась столь тяжело». На дистанции 50 метров Александр остался за чертой призеров. По окончании соревнований Попов сообщил журналистам, что намерен плавать еще как минимум два года.

Чемпионат Европы 2002 года в Германии принес Попову и радости и огорчения. Сначала на дистанции 100 метров Александр завоевал серебро, уступив лишь тому же Хугенбанду. А вот на дистанции вдвое короче, которую и планировал выиграть российский пловец, случилась неудача. Увлечшись борьбой между собой, Попов и Хугенбанд остались без медалей.

Но что его рано списывать со счетов, Попов доказал, выступая на последнем этапе комбинированной эстафеты. Благодаря фантастической скорости Александра Россия стала первой. Снова Попов удивил и болельщиков, и специалистов по плаванию.

Примечания

1

Лакросс – командная канадская игра индейского происхождения. Игроки команды, состоящей из 10 человек, должны поймать тяжелый резиновый мяч с помощью палки с сеткой на конце и забросить его в ворота противника (Прим. перев.)

2

Ежегодная встреча двух лучших университетских команд по американскому футболу, происходящая в канун Нового года. (Прим. перев.)

3

Ежегодная встреча двух приглашенных студенческих команд, проводящаяся в г. Майами. (Прим. перев.)

4

Мэри Маллон (1870–1938) – работавшая во многих американских семьях кухарка-ирландка, заразившая брюшным тифом более 50 человек, из которых трое

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
умерли. (Прим. перев.)

5

Ежегодный приз, вручаемый лучшему игроку университетского футбола

6

Питчер – подающий мяч

7

Национальный праздник США, ежегодно отмечаемый в четвертый четверг ноября и посвященный первому урожаю, собранному на новом месте пилигримами

8

Вождь, шаман и национальный герой племени сиу (1831–1890), возглавлял восстание против захвата белыми индейских земель

9

Решение об их возвращении было принято МОК лишь в 1982 году.

10

От Джим Кроу. Так в США презрительно называли негров. Джимкроуизм – политика дискриминации негров в США. (Прим. ред.)

11

Gridiron – в американском английском – футбольное поле. (Прим. ред.)

12

Пробежка бэттера по всем трем базам после того, как он выбил мяч очень далеко в поле. (Прим. ред.)

13

Член методистской протестантской церкви. (Прим. перев.)

14

1888–1989 гг., один из самых известных американских композиторов–песенников (Прим. перев.)

15

Монета в 5 центов. (Прим. ред.)

16

В истории отечественного спорта не менее великим игроком является Всеволод Михайлович Бобров, являвшийся чемпионом страны по футболу, русскому и канадскому хоккею. (Прим. перев.)

17

Легендарный герой американского фольклора, лесоруб, силач, обжора, человек изобретательный и неунывающий. (Прим. перев.)

18

Родина бейсбола, место нахождения музея этой игры и Зала бейсбольной славы.

19

Мур

20

Герой одноименного романа Синклера Льюиса, чье имя сделалось символом самодовольного и ограниченного бизнесмена средних лет, не видящего далее своего носа. (Прим. перев.)

21

Художник, основоположник поп-арта (Прим. перев.)

22

30-й президент Соединенных Штатов (1923–1929). (Прим. перев.)

23

Робертсон

24

«Четыреста», высшая аристократия Нью-Йорка (Прим. перев.)

25

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
Карл Сэндберг (1878–1967), поэт и биограф, продолжатель поэтической традиции
Уолта Уитмена. (Прим. перев.)

26

Валленда (1905–1978), цирковой артист канатоходец. (Прим. перев.)

27

Ранее существовавший в США национальный праздник, отмечавший перемирие между
странами Антанты и Германией в Первой мировой войне, теперь – День ветеранов.
(Прим. перев.)

28

В честь носившей такое прозвище Марты Джейн Канэри, героини пионерских времен,
знаменитой, в частности, умением метко стрелять.

29

Мусоргский Модест Петрович (1839–1881), великий русский композитор.

30

Знаменитый мюзикл А. Лорентса и Л. Бернстайна, повествующий о любви современных
Ромео и Джульетты из враждующих нью-йоркских молодежных банд. (Прим. перев.)

31

Персонаж популярных в 30–е годы прошлого века комиксов и мультфильмов,
пучеглазый морячок, превращавшийся в силача, съев банку шпината. (Прим. перев.)

32

Боксер-тяжеловес, чемпион мира с 1952 г., ушедший с ринга непобежденным.

33

Американский писатель итальянского происхождения, родился в 1920 г. (Прим.
перев.)

34

Бородач или ягнятник, вид грифа-падальщика. (Прим. перев.)

35

Гранитная скала в шт. Южная Дакота, на которой высечены из камня головы четырех
Страница 213

Берт Рэндолф Шугар 100 великих спортсменов buckshee.petimer.ru
президентов США. Вашингтона, Джефферсона, Линкольна и Т. Рузвельта. (Прим.
перев.)

36

Красными чернилами в бухгалтерских книгах отмечаются убытки (Прим. ред.)

37

Таклер – игрок, отбирающий мяч. (Прим. ред.)

38

Приз Хисмана – приз, ежегодно вручаемый лучшему игроку университетского футбола.
(Прим. перев.)

39

Злой гном, персонаж народных сказок. (Прим. перев.)

40

Витаминные таблетки. (Прим. перев.)

41

Герой романа Жюль Верна «Вокруг света за восемьдесят дней». (Прим. перев.)

42

Ассоциация с Евангелием: имеются в виду работники, которых Господь призвал
последними, в одиннадцатом часу вечера. (Прим. перев.)

43

Встреча чемпионов Американской и Национальной конференций, проводящаяся после
1967-го после окончания сезона. (Прим. перев.)

44

Три главных соревнования сезона в США: скачки в Кентукки, Прикнессе и Белмонте.
(Прим. перев.)

45

Национальный герой Америки времен войны за независимость, прославился тем, что в
апреле 1775 года привез повстанцам известие о нападении англичан. (Прим. перев.)

46

Сын псалмопевца и царя Давида.

47

29-й и 30-й президенты США. (Прим. перев.)

48

Так называется издательство, выпускающее географические карты (Прим. перев.)

49

«Кельты» и «Селтикс» – одна и та же команда, «Селтикс» – «Кельты» по-английски. (Прим. ред.)

50

Черная газель (итал.). (Прим. перев.)

51

Мейпл ливз – Maple Leaves – «Кленовые листья». (Прим. ред.)

52

Фашистскими Германией, Италией и Японией и их союзниками. (Прим. перев.)

53

Известная киноактриса, по легенде, торговавшая в Голливуде прохладительными напитками, до того как ее пригласили сниматься. (Прим. перев.)

54

Остров, расположенный неподалеку от Нью-Йорка, на котором располагался основной центр по приему иммигрантов. (Прим. перев.)

55

Родина бейсбола, место нахождения Зала бейсбольной славы. (Прим. перев.)

56

Первый всемирно знаменитый американский скрипач. (Прим. перев.)

57

Композиторы, ставшие создателями английской оперетты. (Прим. перев.)

58

Чарльз Доу и Эдвард Джонс, экономисты, издатели журнала для финансистов, публиковавшего биржевые котировки. (Прим. перев.)

59

Один из популярнейших голливудских кинодуэтов 20–30-х гг. (Прим. перев.)

60

Имеется в виду 32-й президент США. (Прим. перев.)

61

Военная академия сухопутных войск. (Прим. перев.)

62

Общее название городской конгломерации, в которую входят Рок-Айленд, Молин, Ист-Молин и Дейвенпорт. (Прим. перев.)

63

Частное учебное заведение, Чикаго, шт. Иллинойс. (Прим. перев.)

64

Карикатурист и скульптор, известен карикатурами, на которых придуманное им сложное оборудование исполняет нелепые операции. (Прим. перев.)

Спасибо, что читали книгу на форуме Бакши buckshee-Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни. Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/>

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, спортивное питание, косметика, сайт

Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных

сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!